

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственной университет

**СЛОВО – ФРАЗЕОЛОГИЗМ – ДИСКУРС:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

Сборник статей, посвящённый 85-летию со дня рождения
заслуженного работника высшей школы, доктора филологических наук,
профессора Костромского государственного университета
Алины Михайловны Мелерович

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Кострома
КГУ
2023

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 811.161.1'37(0.034)

ББК 81.411.2–36я434я04

C483

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т :

кафедра отечественной филологии
Ивановского государственного университета

C483 Слово – фразеологизм – дискурс: актуальные проблемы исследования в современном гуманитарном знании : сборник статей, посвящённый 85-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы, доктора филологических наук, профессора Костромского государственного университета Алины Михайловны Мелерович / сост. И. Ю. Третьякова, М. А. Фокина ; под ред. И. Ю. Третьяковой, М. А. Фокиной. – Кострома : Костромской государственный университет, 2023. – Электронные текстовые, граф. дан. (2,91 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2023. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1252-2

В сборнике представлены научные исследования по актуальным проблемам когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, социолингвистики и этнолингвистики, общей и славянской лексикологии, фразеологии, паремиологии и крылатологии.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, учителей русского языка и литературы, специалистов в области филологии, истории и культуры.

УДК 811.161.1'37(0.034)

ББК 81.411.2–36я434я04

16+

ISBN 978-5-8285-1252-2

© Костромской государственный университет,
2023, оформление

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

Заслуженный работник высшей школы, доктор филологических наук,
профессор Костромского государственного университета

Алина Михайловна Мелерович

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

УДК 811.161.1'374.2

Якимов Александр Евгеньевич

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственной университет

Россия, Кострома

aleyakim@mail.ru

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА АЛИНЫ МИХАЙЛОВНЫ МЕЛЕРОВИЧ

Аннотация. В статье рассказывается об основных научных достижениях профессора А. М. Мелерович, о возможностях использования материалов фразеологических словарей, в создании которых она принимала самое активное участие, в практике преподавания русского языка в школе и вузе.

Ключевые слова: профессор А. М. Мелерович, фразеологический словарь, фразеологические трансформы, методика фразеологии.

Yakimov A. Ye.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Kostroma State University

ON THE SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR ALINA MIKHAILOVNA MELEROVICH

Abstract. The article discusses the main scientific achievements of Professor A. M. Melerovich, the possibilities of using the materials of phraseological dictionaries, in the creation of which she took the most active part, in the practice of teaching the Russian language at school and university.

Keywords: Professor A. M. Melerovich, phraseological dictionary, phraseological transforms, methods of phraseology.

Вклад Юбиляра, профессора Алины Михайловны Мелерович, в русскую и мировую лингвистику, в изучение языковой сущности фразеологизмов в динамическом единстве их формы, значения и специфики речевого употребления трудно переоценить. Опираясь на исследования многих лингвистов научного содружества русских фразеологов, часто развивая их идеи, нередко споря с ними [см., например: Архангельский 1964; Алефиренко 2005; Ларин 1956, 1959; Копыленко, Попова 1978; Гаврин 1974; Попов 1976; Шанский 1985; Чернышева 1977; Ахманова 1957; Ожегов 1974; Толикина 1972; Торопцев 1966; Жуков В.

1978; Золотых 2000; Телия 1986, 1996; Кунин 1970; 1996; Селиванов 1972, Амосова 1963; Иванникова 1964; Ройзензон 1973 и другие], Алина Михайловна сумела сказать в русской фразеологии и фразеографии своё веское – новое, убедительное и важное – Научное Слово.

Теоретические выкладки профессора Мелерович тем более ценны и справедливы, что базируются они на многолетнем пристальном наблюдении за функционированием в художественной и публицистической речи многих тысяч фразеологических единиц (ФЕ) в сотнях тысяч употреблений. Многолетние и многотрудные наблюдения эти необходимы были для главного дела жизни Алины Михайловны – создания (вместе со своим верным соавтором и другом, профессором Валерием Михайловичем Мокиенко) словаря фразеологии нового типа, отражающего «жизнь» русской фразеологии в речи, новаторски фиксирующего и системно комментирующего вариантное многообразие индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц. Краеугольным фразеографическим камнем словарного здания Мелерович – Мокиенко стал словарь «Фразеологизмы в русской речи», увидевший свет в 1997 году [ФРР]. Позднее он прирос несколькими переизданиями и также новыми словарями: школьным «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» [ЖРФХР] и вышедшим недавно, не имеющим аналогов словарём-исследованием «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.» [ФРП].

Детальное рассмотрение «живых» употреблений ФЕ в художественной речи приводит исследователя к выводу о том, что характер семантической структуры фразеологизма определяется взаимодействием двух её базовых макрокомпонентов: фразеологического значения и структуры лексико-грамматической; что фразеологическим единицам, как сложным языковым знакам, присущ изоморфизм значения и формы. Разработанная Алиной Михайловной комплексная методика структурно-семантического анализа фразеологизмов, учитывающего особенности этого изоморфизма, позволила учёному утверждать, что многие значения фразеологизмов членимы эксплицитно; имплицитно членимы значения всех ФЕ [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 388].

Обобщая свои наблюдения за языковой природой устойчивых оборотов, профессор Мелерович формулирует, на наш взгляд, одно из наиболее обоснованных и убедительных определений фразеологической единицы, выводя его из специфики соотношения формы и содержания фразеологизма, тщательно проанализированного и в максимальной степени осмысленного: по Мелерович, фразеологическая единица – *это отдельно оформленная единица языка, являющаяся устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным и преимущественно экспрессивным сложным знаком.* [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 14]. Такое определение ФЕ включает в себя как триаду В. В. Виноградова (фразеологические сращения, фразеологические единства,

фразеологические сочетания), так и фразеологические выражения. Последним обычно отказывают в семантической преобразованности, отождествляя их в этом плане со свободными словосочетаниями.

Глубокое изучение психолингвистического механизма индивидуально-авторских преобразований ФЕ в художественной речи позволило профессору Мелерович создать одну из самых детализированных и точных классификаций трансформаций фразеологизмов. В своих словарях она приводит 36 видов семантических и структурно-семантических типов таких преобразований.

Однако, как нам кажется, главная ценность научного творчества Юбилера лежит не столько в теоретической, сколько в практической плоскости: конечно, созданные ею в соавторстве с коллегами фразеографические фолианты нужны и очень полезны учёным-филологам, но полагаем, что особенно необходимы эти словари людям практических профессий. Это журналисты и писатели, переводчики и юристы, преподаватели и учителя; сегодня это уже и программисты, занимающиеся созданием электронных переводчиков с русского языка на иностранный и, наоборот, конструирующие системы искусственного интеллекта, распознающего и генерирующего тексты. А ещё это те, кого в аннотациях часто именуют «широкий круг читателей» – обычные люди, которые в наше малочитающее время нуждаются в справочниках, помогающих в полной мере понимать русский язык, постигать смыслы, передаваемые сложными, многослойными языковыми знаками, коими являются фразеологизмы. Словари профессоров Мелерович и Мокиенко, фиксирующие наиболее употребительные единицы в их инвариантном использовании и многочисленных окказиональных вариантах, позволяют любому, в том числе и массовому, читателю получить исчерпывающую информацию о фразеологических единицах как сущностях, «живущих» в языке и речи в неразрывной связи их значения и формы, увидеть взаимодействующую с формой структуру их семантики.

Этому во многом способствует подход авторов словарей к формулировкам семантических определений ФЕ (толкованиям их значений), учитывающий, когда это возможно, изоморфизм значения и формы ФЕ. «Изоморфные фразеологическим единицам семантические определения позволяют сформулировать наиболее общие особенности структуры значения ФЕ в соотношении с формой его выражения и потому более детализированно характеризуют те «обертонны смысла» (Б. А. Ларин), которыми фразеологическое значение отличается от лексического» [ФРР, с. 9]. Если же такого рода изоморфизм отсутствует, создаются дефиниции, отражающие «структуру понятийного содержания (сигнификатов) ФЕ, но не их грамматическую структуру» [ФРР, с. 8].

Этот подход к описанию значений ФЕ, а также детальное описание трансформаций и подробные этимологические справки в каждой словарной

статье создают огромный познавательный-дидактический потенциал описываемых фразеологических словарей. Школьники и студенты, встречающие в художественных текстах трансформы ФЕ, скорее и надёжнее распознают и поймут их контекстные значения, если смогут обратиться (сами или по совету учителя) к словарю «Фразеологизмы в русской речи» либо к двум другим подобным словарям, созданным профессорами Мелерович и Мокиенко. Рассмотрим примеры их использования в практике школьного преподавания.

Так, в художественном тексте романа И. А. Гончарова «Обрыв» ученик, читая книгу, обязательно обнаружит в письме второстепенного персонажа Аянова одному из главных героев романа Борису Райскому структурно-семантические трансформации инвариантных ФЕ *утопающий хватается за соломинку* и *делать из мухи слона*.

Но здесь хватаются и за соломинку... – и из записки делают слона, вставляют туда другие фразы, даже нежное ты, но это не клеится, и все вертится на одной и той же редакции; то есть “que Sophie a pousse la chose trop loin, qu'elle a fait un faux pas”... Я усердно помогаю делу со своей стороны, лукаво молчу и не обличаю, не говорю, что там написано. За мной ходят, видя, что я знаю кое-что. К. Р. и жена два раза звали обедать, а М. подпивает меня в клубе, не проговорюсь ли. Мне это весело, и я молчу.

По классификации Юбилера, это индивидуально-авторское преобразование «сокращение компонентного состава (эллипсис ФЕ)» и «замена компонента ФЕ словом или словосочетанием». Не самые «трудно распознаваемые» трансформации. Но насколько легче юному читателю соотнести их с исходным инвариантом, насколько проще осознать их значение в контексте, если эти окказионализмы будут идентифицированы обучающимся, к примеру, по словарю «Фразеологизмы в русской речи», в котором дефиниции толкований (семантические определения) максимально приближены по форме к определяемому: *утопающий хватается за соломинку* – ‘находящийся в трудном, безвыходном положении стремится использовать для спасения даже явно бесполезное средство’. Субстантивный компонент ФЕ *утопающий* в целом эксплицирует элемент значения ‘находящийся в трудном, безвыходном положении’; глагольный компонент *хватается* – элемент значения ‘стремится использовать для спасения’, а субстантивный компонент *соломинка* соотносится с элементом значения ‘явно бесполезное средство’. Сравним с толкованием данной ФЕ в словаре под ред. Кузнецова: *утопающий хватается за соломинку* – ‘пытаться спасти себя или какое-либо дело, возлагая надежды на средства, которые помочь не могут’ [БТСРЯ, с. 1233].

Семантическое определение ФЕ *делать из мухи слона* в словаре «Фразеологизмы в русской речи» также максимально изоморфно – ‘придавать чему-л. незначительному, ничтожному большое значение; представлять, выставить

перед кем-л. что-л. незначительное, ничтожное как значительное, особо важное'. Из текста этого определения также легко вывести, что глагольный компонент *делать* соотносится с элементом значения 'придавать (значение); представлять, выставлять перед кем-л. что-л.'; именной компонент *муха* – с 'незначительное, ничтожное', а именной компонент *слон* – с элементом значения ФЕ 'значительное, особо важное'. Угадывая такое соотношение компонентов идиомы с элементами манифестируемого ею смысла, читатель легко «разгадывает» содержание трансформации *из записки делают слона*, где субстантивный компонент *записка* заменил инвариантную *муху*, в результате чего автор, в определённой степени буквализируя значение, конкретизирует в индивидуально-авторском преобразовании сему 'незначительное, ничтожное': 'придавать мало что значащей записке чрезмерно большое значение; представлять, выставлять перед кем-л. невинную (ничтожную) записку, как нечто значительное, особо важное'. Такой спонтанный психолингвистический анализ труднее осуществить, если в словаре читатель увидит неизоморфную дефиницию, такую, которую мы можем встретить, например, в словаре под редакцией проф. А. Н. Тихонова: *из мухи дѣлать слона* – 'сильно преувеличивать что-л.' [ФССРЛЯ, с. 614].

Фразеологические словари профессоров А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко – неисчерпаемый источник материала для лингвистического анализа при проведении различных занятий в вузе и в школе, где изучают художественный текст и особенности употребления в нём ФЕ. Во время ковидных ограничений мы, используя материалы словарей, создавали познавательные онлайн-викторины для сидящих по домам студентов, в которых они «угадывали» по трансформации ФЕ её инвариант. Позднее с этими материалами мы даже формулировали задания на предметные олимпиады по русскому языку. Вот пример одного из таких заданий.

«Прозаики, поэты, публицисты, все, кто пишет художественные тексты, очень часто используют видоизменённые (трансформированные, окказиональные, индивидуально-авторские) устойчивые обороты (фразеологизмы). Это позволяет сделать речь ярче, выразительнее, точнее, интереснее. Фразеологическая трансформация всегда основывается на общеязыковом фразеологизме, форма и содержание которого подвергается изменению. Однако в трансформированном фразеологическом обороте в большей или меньшей степени «ощущается» исходный оборот. Человек с хорошим языковым чутьём этот «базовый, исходный» оборот может и должен угадать!

Задание. Определите, от какого фразеологизма был образован трансформированный оборот (он выделен полужирным шрифтом), назовите (напишите) его в исходной форме и определите значение этого фразеологизма.

Ты кисти полысевшие промоешь.
Окончена комедия, мой друг!
В оконном перечёркнутом проёме
Ослабился обросший твой испуг.
Ты выложил, выдохся до точки!
Исполнен труд... Исполнен ли твой труд?
**Когда поспешно сорваны цветочки,
Обильных ягод к осени не ждут.**

Л. Агеев. Художник

ОТВЕТ.

ЭТО ЕЩЁ ЦВЕТОЧКИ, А ЯГОДКИ ВПЕРЕДИ. Не так ещё плохо теперь, в дальнейшем может стать хуже.

Потому и вытягивается губа,
и не можешь позвать и назвать не в силах –
так, в прозрачных сумерках век сгубя,
доживаешь, как мерин, до бредней сивых.

Е. Рейн. Всё те же ионические поленицы
в старом окне...

ОТВЕТ.

Этот трансформированный фразеологизм образован путём соединения (контаминации) двух фразеологизмов:

1. БРЕД СИВОЙ КОБЫЛЫ. Прост. Презр. О чьих-л. глупых, вздорных мыслях, высказываниях.

2. ВРЁТ КАК СИВЫЙ МЕРИН. Разг.-сниж. Нагло, беззастенчиво врёт».

Форм и приёмов работы с материалами словарей может быть великое множество. Сегодня, например, студенты КГУ в рамках курсовых работ по методике преподавания русского языка переводят в современный электронный формат школьный словарь «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» для использования его на уроках в школе.

В монографии «Современная русская фразеология (семантика – структура – текст)» её авторы А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко признаются, что многолетние исследования русской фразеологии привели их к удивительным выводам: «...почти аксиологическое в среде фразеологов утверждение о цельности (пусть и относительной) фразеологической семантики оказывалось – в зеркале словарного её описания – лингвистическим мифом. Так же, как мифом оказались и утверждения о несловном характере компонентов фразеологической единицы» [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 3].

Однако совершенно точно, что нисколько не является мифом созданное и до сегодняшних дней пополняемое богатейшее научное наследие Алины Михайловны Мелерович: это возвышенная ею научная вершина, которая ещё дол-

гие годы будет являться верным ориентиром для многих продолжающих исследовать русскую фразеологию учёных, вершина, с которой хорошо видны проторённые Юбиларом многочисленные лингвистические дороги, ведущие к разгадке новых тайн «жизни» русской фразеологии.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – М. : ГНОЗИС, 2005. – 326 с.
2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л. : ЛГУ, 1963. – 203 с.
3. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону : РГУ, 1964. – 316 с.
4. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М. : Мин. просвещения РСФСР, 1957. – 296 с.
5. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения. – Пермь : Пермский гос. пед. институт, 1974. – 255 с.
6. Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. – М.–Л. : Наука, 1964. – С. 70–83.
7. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
8. Золотых Л. Г. Фразеологическое значение и его смысловая реализация в речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 24 с.
9. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж : ВГУ, 1978. – 144 с.
10. Кунин А. В. Английская фразеология. – М. : Высшая школа, 1970. – 344 с.
11. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.
12. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – 1956. – Вып. 24, № 198. – С. 200–225.
13. Ларин Б. А. Про народну фразеологію // Українська мова в школі, 1959. – № 20. – С. 135–143.
14. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
15. Ожегов С. И. О структуре фразеологии // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М. : Высшая школа, 1974. – С. 182–218.
16. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М. : Высшая школа, 1976. – 200 с.

17. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд : СамГУ, 1973. – 223 с.

18. Селиванов Г. А. Об основных разделах, структуре и объектах русской фразеологии // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Вып. 2. Материалы межвузовского симпозиума (1968). – Тула : ТГПИ, 1972. – С. 145–154.

19. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М. : Наука, 1986. – 143 с.

20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

21. Толикина Е. Н. Об общем отличительном признаке фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Вып. 2. Материалы межвузовского симпозиума (1968). – Тула : ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1972. – С. 7–19.

22. Горощев И. С. К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц // Ученые зап. МОПИ. – Т. 160, вып. 11. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1966. – С. 8–25.

23. Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 34–42.

24. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.

Словари, справочники

25. ФРР: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.

26. ЖРФХР: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. и др. Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Школьный словарь. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 730 с.

27. ФРП: Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, А. Е. Якимов ; под науч. ред. В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ, 2016. – 628 с.

28. ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. В 2 т. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 1. – 832 с.

29. БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

УДК 811.161.1

Мокиенко Валерий Михайлович

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург

mokienko40@mail.ru

ИЗЛИЯНИЕ ДУШИ: БИБЛЕИЗМ, СТАВШИЙ СМЫСЛОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

***Аннотация.** В статье предлагается анализ одного из знаковых и употребительных библейских фразеологизмов – излить душу. Приводятся тексты Священного Писания, в которых это выражение употреблено, характеризуется их семантика и стилистика. Демонстрируются параллели этого фразеологизма в разных языках, выявляется общее и различное в их структуре и стилистической окраске. Анализируется употребление этого библеизма в русских прозаических и поэтических текстах.*

***Ключевые слова:** А. М. Мелерович, лингвокультурология, семантика текста, фразеология, фразеологизм, библейские крылатые слова и выражения, библеизмы.*

Mokienko V. M.

Doctor of Philological Sciences, Professor

St.-Petersburg State University

SOUL OUTPOURING: BIBLEISM, WHICH HAS BECOME THE MEANING OF A LITERARY TEXT

***Abstract.** The article offers an analysis of one of the iconic and common biblical phraseological units - to pour out one's soul. The texts of the Holy Scriptures in which this expression is used are given, their semantics and style are characterized. Parallels of this phraseologism in different languages are demonstrated, common and different in their structure and stylistic coloring are revealed. The use of this biblical language in Russian prose and poetic texts is analyzed.*

***Keywords:** A. M. Melerovich, linguoculturology, text semantics, phraseology, phraseologism, biblical winged words and expressions, biblical expressions.*

Перебирая в памяти все значимые годовщины Алины Михайловны Мелерович и юбилейные сборники, Ей посвященные, я обратил внимание на то, что многие авторы таких публикаций насыщают свои здравицы сакральным смыслом. Не случайно и автор этих строк, осмысливая неопределимый вклад нашего костромского Юбиляра в отечественную Фразеологию, назвал статью к Ее 70-летию по-библейски: «Фразеологическая лента Алины Михайловны Меле-

рович» [Мокиенко 2008]. С тех пор лепта постоянно прибавляла в весе, обретая весомость гривны и даже – таланта....

Но даже самый весомый научный вклад уступает иному, духовному достоинству. Именно его имеет в виду Библия, говоря словами святого апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий» (1 Кор 13, 1). И именно Любовь – любовь к языку человеческому и ангельскому (resp. поэтическому) согревала и согревает жизнь и душу Алины Михайловны, помогая преодолевать и болезни, и невзгоды. И эта Любовь Ей сторицею возвращается учениками и коллегами из родной *alma mater*, которой она служила верой и правдой более полувека. И сборник, посвящаемый Юбиляру костромскими сподвижниками и единомышленниками, – тому одно из свидетельств.

Вот почему, размышляя над темой статьи в этот сборник, я вновь остановился на библейском сюжете – *излиянии души*... Ведь фразеологизм *изливать душу* значит ‘с полной откровенностью, обнажённо рассказывать о своих сокровенных чувствах, мыслях, переживаниях, тревогах’. А когда еще, как не по случаю юбилейных откровений, совершать такое сакральное действие?

Вот как торжественно это выражение звучит в Псалме Давиду:

Сия помянух и *излих на мя душу мою*, яко пройду в место селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания шума празднующего. (Пс. 41, 4);

Это вспомнил я и *изливал в себе душу мою*, ибо пройду я в месте обители дивной, до дома Божия, при звуке радости и славословия, шума праздничного (Пс. 41, 4).

Как видим, «звуки радости и славословия» и «шум праздничный», являющиеся контекстным сопровождением фразеологизма *изливать душу*, как нельзя лучше подходят к атмосфере юбилея Алины Михайловне. Этот же торжественный оборот можно найти и в других местах Священного Писания. В нашем многоязычном словаре «Лепта библейской мудрости» (2019) большинство соответствующих контекстов даются из 1-й книги Царств (1, 12–15):

«Она [бездетная Анна] долго молилась пред Господом... и как [Анна] говорила в сердце своем, а уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее, то Илий счел ее пьяною. И сказал ей Илий: доколе ты будешь пьяною? вытрезвись от вина твоего [и иди от лица Господня]. И отвечала Анна, и сказала: нет, господин мой; я – жена, скорбящая духом, вина и сикера я не пила; но *изливаю душу мою пред Господом*». Именно к этому фрагменту Библии относят выражение и многие другие источники – напр.: [Редников 1883, с. 8; Михельсон 1, 1903, с. 363–364; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, с. 198; Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010, с. 198]. Некоторые справочники предпочитают отсылку

к соответствующему Псалму. Например, такую этимологическую справку предлагает к чеш. *vylévat duši komu* Л. И. Степанова [Stěpanova 2022, с. 56].

Этимологический, «потаённый» смысл простого библейского выражения чрезвычайно значим для понимания такого сакрального концепта, как Душа. Ведь по распространенным поверьям, Душа – это невидимый или едва видимый, прозрачный воздух, пар, туман, дуновение ветра, светящееся облако [СД 1, с. 165], то есть некая субстанция, способная *изливаться*. В Священном Писании можно нередко найти подобное представление о Душе и Духе как текущей, изливаемой субстанции, иногда даже метафорически буквализированное – ср.: «Ибо я *изолью воды* на жаждущее и потоки на иссохшее; *излию Дух Мой* на племя твое и благословение на потомков твоих» (Исаии. 44, 3). При этом излияние души кому-либо происходит лишь в минуты высших *откровений*. Не случайно Анна из 1-й Книги Царств изливала душу свою «пред Господом».

Характерно, что в большинстве переводов Библии воспроизводится именно семантика «излияния»: бел. *выліваю душу маю прад Госпадам*; укр. *Я вилила душу свою перед Господнім лицем*; пол. *wylałam tylko duszę moją przed Panem*; чеш. *jsem vylévala před Hospodinem svou duši*; словацк. *dušu som si vyliala pred Pánom*; болг. *излях душата си пред Господа*; макед. *излевам својата душа пред Господа*; словен. *sem izlila svojo dušo pred Gospodom*; срб. *излијевам душу своју пред Господом*; хорв. *izlijevam dušu svoju pred Jahvom*. Ср.: англ. *have poured out my soul before the LORD* [Лепта библейской мудрости 2019, с. 112–114]. Следует при этом заметить, что при общности семантики в большинстве из переводов соответствующий глагол имеет будничную, бытовую тональность, в отличие от рус. *изливать* и сущ. *излияния*, «высокостильность» которых – наследие старославянского источника. Ср. восточнославянские фрагменты соответствующего текста Библии:

Адказвала Ганна і сказала: не, спадару мой; я – жонка, што засмучаецца духам, віна і сікеру я ня піла; а *выліваю душу маю прад Госпадам* (1 Цар 1, 15).

А Анна відповіла та й сказала: Ні, пане мій, – я жінка скорбна духом, а вина та п'яного напою не пила я. І я *вилила душу свою перед Господнім лицем* (1 Сам 1, 15).

Сакральная энергетика этимологического значения слова *изливать* – причина смысловой и формальной устойчивости фразеологизма *изливать душу* в самых разных контекстах. Вот несколько извлечений из произведений писателей самого разного времени, где, несмотря даже на определенные стилистические мутации, дух и буква его остается неизменной:

У людей, живущих одиноко, всегда бывает *на душе* что-нибудь такое, что они охотно бы рассказали. В городе холостяки нарочно ходят в баню и в рестораны, чтобы только поговорить, и иногда рассказывают банщикам или официан-

там очень интересные истории, в деревне же обыкновенно они *изливают душу* перед своими гостями (А. П. Чехов. О любви).

– Считайте меня своим другом, и ежели вам нужна помощь, совет, просто нужно будет *излить свою душу* кому-нибудь – вспомните обо мне (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Потому ли, что передо мной оказался случайный человек, потому ли, что безделье в набитом вагоне вызывает к откровенности, а скорей всего мне просто нужно было *излить душу* – я рассказал этому чопорному человеку всё (В. Ф. Тендряков. За бегущим днем).

Внезапное доверие разросло до того, что к вечеру, прогуливаясь... с девушкой в мужском пальто, великий комбинатор, неожиданно для себя, *излил ей свою душу* в довольно пошлых выражениях (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок).

Понятно при этом, что потаённый сакральный смысл нашего выражения особенно созвучен его поэтическому употреблению. Непревзойденным здесь остается, несомненно, описание самим поэтом таинства лирического озарения или душевных терзаний:

И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем.

А. Пушкин. Осень

Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях *изливал души* пронзенной муки.

А. Пушкин. Странник

Своеобразным «конкурентом» фразеологизма *изливать душу* является *открывать душу*. Обычно в словарях им дают тождественную дефиницию – ‘искренне, откровенно делиться с кем-л. своими переживаниями, рассказывать о чувствах и мыслях, которые скрывались от посторонних, от окружающих’. Собственно, их можно назвать фразеологическими вариантами, а не синонимами: не случайно, в переводах Библии на другие языки соответствующий фрагмент 1 Книги Царств передается именно посредством глагола «открыть». Так, во французском переводе возможны глагольные варианты *répandre (ouvrir, épancher, livrer) son âme*:

• Anne répondit: Non, mon seigneur, je suis une femme qui souffre en son coeur, et je n'ai bu ni vin ni boisson enivrante; mais je *répandais mon âme* devant l'Éternel (1 Sam 1, 15).

Возможно, что «конкуренция» этих глагольных вариантов в русском языке не случайна: *изливать душу* – наследие старославянского текста Библии, в то время как *открывать душу* – результат калькирования из одного из европейских языков. И такая калька давно уже обрусела, о чем свидетельствуют ее креативные употребления, описанные А. М. Мелерович и ее соавторами в сло-

варе «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.» [Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016, с. 190 и сл.]. Вот одно из них:

Открывать душу
Свежо и громадно
поспорить с зарёй!
Ворочать громами
над чёрной землёй.
раскидистым молниям
душу

открыть,
над миром,
над морем
Раздольно
парить.

Р. Рождественский. Жизнь

В поэтическом тексте слово *душа* может заменяться и существительным – более «физиологичным» соматизмом *сердце*. Такой вариант мы описали в вокабуле **ОБНАЖИТЬ УМЫ И ДУШИ** *перед кем* ‘откровенно раскрыть перед кем-л., высказать кому-л. свои мысли и чувства’ [Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016, с. 187]:

Бывало, тягостных часов
Холодное сложивши бремя,
Освободившись от оков,
Желанного дождавшись время,
Умы и души обнажив,
Сердце взаимным излияньем
Или о будущем мечтаньем
Мы наслаждались – всё забыв.

С. Аксаков. Осень

Такой вариант может показаться индивидуально-авторским, навеянным поэтической традицией XIX века. Однако следы его нетрудно обнаружить и в современной поэзии – например, в стихах любимого поэта Алины Михайловны Мелерович С. Липкина. Вот фрагмент из его «Литературных воспоминаний»:

Сердечных не любивший *излияний*,
Насмешник и остряк, как все южане,
Нагнулся, обхватил меня рукой,
От слёз и снега мокрою щекой
К моей щеке неловко прикоснулся.
Иль Божий свет опять на миг проснулся
В незрячем? Иль буран грядущих лет
Провидит оком голубя поэт?..

Излияния сердца С. Т. Аксакова явно сродни *сердечным излияниям* С. Липкина, хотя лирические герои этих разных по времени и объектам вдохно-

вения поэтов весьма удалены друг от друга. А при всей удаленности сближает их, судя по всему, общий историко-этимологический источник. Разумеется, таким источником может быть только Священное Писание. Вариантность, а точнее – взаимозаменяемость компонентов «Душа» и «Сердце» в переводах Книги книг давно уже отмечена и теологами, и культурологами, и лингвистами. В русских переводах, естественно, доминирует «Душа», в то время как в некоторых европейских, особенно в немецких, – «Сердце». Вполне закономерно поэтому, что хорошо знакомый нам уже фрагмент «Книги царств» на немецком языке передается с помощью слова *Herz* ‘сердце’, а не *Seele* ‘душа’:

- Hanna aber antwortete und sprach: Nein, mein Herr, ich bin ein betrübtes Weib. Wein und starkes Getränk habe ich nicht getrunken, sondern *habe mein Herz vor dem HERRN ausgeschüttet* (1 Sam 1, 15).

Любопытно, что «конкуренция» этих слов наблюдается даже в переводах Библии на близкородственные языки. Так, в испанском языке Анна изливает свою душу (*alma*) пред Господом, в то время как в итальянском – именно сердце (*cuore*):

- Y Ana le respondió diciendo: No, señor mío; yo soy una mujer atribulada de espíritu; no he bebido vino ni sidra, sino que he *derramado mi alma* delante de Jehová (1 Sam 1, 15).

- Anna rispose: "No, mio signore, io sono una donna affranta e non ho bevuto né vino né alter bevanda inebriante, ma sto solo *sfogando il mio cuore* davanti al Signore" (1 Sam 1, 15).

Внимательное сопоставление подобных переводов вскрывает еще более сложные случаи взаимозаменяемости “Души” и “Сердца” в передаче библейского текста. Такая замена возможна даже в пределах одного и того же языка. Любопытны в этом отношении македонские переводы. В “Книге царств” и одном из псалмов употреблено выражение “изливать душу” (*ja излева својата душа пред некој*), а в другом псалме – “изливать сердце”: (*го излева своето срце пред некој*):

- Но Ана одговори и рече: “Не сум пијана, господару, туку сум голема несреќница. Не сум пила ни вино ни опоен пијалак, туку *ја излевам својата душа пред Господа*” (1 Сам 1, 15).

- *Мојата душа се излева* кога си спомнувам: како чекорев во мноштвото, предводувајќи ги кон Божјиот дом, со глас на радост и песни во свечена врвлица (Пс 42, 4).

- Надевај се на Него, народе, во секое време, *излевајте ги срцата* пред Него: Бог е наше засолниште! (Пс 62, 8)

Такое погружение в переводческие нюансы воспроизведения Библии близких по сюжету фрагментов Библии, как видим, обнаруживает и некоторую “перекличку” с русскими поэтическими употреблениями подобных вариантов.

И, как кажется, такая переключка не случайна, а объясняется различными источниками приникновения древнего фразеологического библеизма в наш язык.

Собственно, варианты *изливать душу* и *открывать сердце* – не столько “конкуренты”, сколько диалектически связанные представления об откровенном раскрытии своих мыслей и чувств. Изначально такое откровение было обращено к высшему Судии, то есть к самому Богу. И эта связь *души* как духовного начала и *сердца* как средоточия телесного запечатлена в уже знакомом нам фрагменте текста Книги Царств: «Она [бездетная Анна] долго молилась пред Господом... и как [Анна] *говорила в сердце своем*, а уста ее только двигались... И отвечала Анна, и сказала: ...я – жена, *скорбящая духом... изливаю душу* мою пред Господом». Как видим, здесь *сердце*, *дух* и *душа* выступают в нерасторжимом триединстве, соответствующем сакральности Священного Писания. Видимо, этим и объясняются различия в выборе того или иного компонента уже в самой Библии. Так, в Псалтири (Пс., 61: 9) находим призыв к упованию и полной открытости пред Богом: «Народ! Надейтесь на Него во всякое время; *изливайте* пред ним *сердце ваше*; Бог нам прибежище». Такое двуединство, как это ни парадоксально, и привело к раздвоению фразеологизмов *изливать душу* и *открывать сердце* в разных языках, что отразилось и на их судьбе в нашем языке.

Если эти два выражения, как мы видели, можно считать лексическими вариантами одного фразеологизма, то ряд других словосочетаний с глаголом *изливать* уже следует квалифицировать как отдельные обороты. При этом и они восходят к тому же первоисточнику – Библии.

Таково прежде всего книжное выражение *изливать / излить гнев* ‘гневаться, бушевать’, восходящее к Новому завету, где в Апокалипсисе «одно из четырёх животных дало семи Ангелам семь золотых чаш, наполненных гневом Бога» (Откр., 15: 7)... «И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам, – идите и *вылейте семь чаш гнева Божия* на землю» (Откр., 16: 1). Ср.: Откр., 16, 19 и др. Здесь, как видим, *излияние* прямо ассоциируется с жидкостью, наполняющей чаши гнева Божия [Михельсон 1, 1903, с. 363; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, с. 198; Серов 2003, с. 294]. В контекстах уже эта апокалиптическая конкретность сглаживается, приобретая отвлеченную переносность смысла:

Излив свой гнев в письме, благочинный почувствовал облегчение (А. П. Чехов. Письмо).

Сколько *гнева излилось* из его уст, сколько страсти было в его жестах, в его взглядах! Казалось, в тихого, скромного ассистента вселился демон. Он взбунтовался впервые, и, кажется, именно он решил исход битвы с начальст-

вом: если уж эта валаамова ослица заговорила, значит, действительно бунт незрел (С. Гриневич. Переворот).

Ведь нельзя всерьез, нельзя же
Поэту русского пейзажа
Сегодня *изливать свой гнев*
На труд плотин и нефтескважин,
Не видя лес из-за деревьев.

С. Золотцев. Памяти К. Паустовского

В Библии находим и притчу о необходимости обуздания своего неконтролируемого гнева: «Глупый *весь гнев свой изливает*, а мудрый сдерживает его» (Притч. 29, 11).

На основе этого оборота возникли и выражения типа *излить желчь* и *излить досаду*. Кстати, их «кристаллизация» произошла, пожалуй, уже в горниле другого, собственно русского классического литературного наследия – «Горе от ума» А. С. Грибоедова, где Чацкий восклицает:

Теперь не худо было б сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир *излить всю желчь и всю досаду!*

Софья, в свою очередь, повторяет эти слова Чацкого с укором, сократив их:

Заметно, что вы *желчь* на всех *излить* готовы.

Ср.: Газеты рады были случаю *излить свое цивическое* (то есть гражданское) *негодование* на неосторожного статского советника (К. М. Станюкович. Откровенные).

Вариантами выражения *изливать гнев* можно назвать и словосочетания *изливать/излить зло (злобу)* ‘гневаться, бушевать, открыто выражать своё возмущение’, которые также восходят к Библии [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008, 1, с. 438]: «...мечом и голодом будут истреблены эти пророки [которых Господь не посылал], и народ, которому они пророчествуют, разбросан будет по улицам Иерусалима от голода и меча, и некому будет хоронить их, – они и жены их, и сыновья их, и дочери их; и я *изолью на них зло их*» (Иер., 14: 15–16).

Проще всего *излить свое зло*, свое недовольство жизнью на ближних. Они ведь зависят от вас, а потому вынуждены терпеть ваши выходки. Однако таким поведением вы закладываете мину замедленного действия в ваш налаженный быт. В конце концов родные люди перестанут молчать, взбунтуются, и вы потеряете то, что вам дороже всего. Беседа психолога (Радиопередача 18.09.2006).

В нашем словаре крылатых слов в качестве контекстной иллюстрации к этому выражению приводится и довольно сложное его употребление А. С. Пушкиным в очерке «О прозе»: «Презренный зоил, коего неуспынная за-

висть *изливает усыпительный твой яд* на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой *злостью*». Здесь абстрактное существительное *злость* обретает материализованное перевоплощение в слово *яд*, что явно навеяно ассоциативной доминантой глагола *изливать*.

В поэтической речи такая материализованная «жидкостная» ассоциация может породить неожиданный образ, конкретизирующий изливание души сравнением со словесным потоком:

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

С. Есенин. Мой путь

Как видим, словосочетания, навеянные глаголом *изливать* из Библии, имеют очень широкий аксиологический диапазон: от сакрального откровения перед Господом до неподобающего мудрецу бесконтрольного гневоизвержения. Естественно поэтому, что в кругу таких фразеологизмов появляется и нейтральное (а точнее – энантиосемантическое) на оценочной оси выражение *изливать чувства*:

Почти каждый из членов достойной компании, порознь, *изливая ему свои дружеские чувства, любовь и симпатию*, предлагал выпить на брудершафт. Вс. Крестовский. Петербургские трущобы.

Потупя голову, в тоске ломая руки,
Нет сил ни петь и ни рыдать,
Минуты горькие бывают,
Готов все *чувства изливать*
и звуки сами набегают.

С. Есенин. Больные думы

Словообразовательная динамика в итоге привела и к созданию на основе глагола *изливать* *излить* существительного *излияния*. Первоначально он еще сохранял связь с библейским первоисточником, воспроизводя типичное и описанное выше словесное окружение нашего фразеологизма:

Таким образом, этот от природы нервно-неустойчивый и раздражительный человек [Иоанн Грозный], унаследовавший жестокость и бессердечие от своих предков, постепенно развивал в себе жестокосердие и кровожадность: сначала на животных, потом на низшем классе людей и наконец на боярах и вельможах. И что ужаснее всего, так это то, что на все эти ужасы наталкивали его приближенные. Они не только будили в царе присущего ему от рождения зверя, а поселяли и развивали в нём полное презрение к людям и воззрение на

людей, как на материал для кровожадной забавы и *излияния своей злобы и мести*. Злодействуя сначала по наущению недостойных клеветов, жестокосердный царь скоро стал приносить жертвы Молоху и *sua sponte* (П. И. Ковалевский).

Постепенно же сущ. *излияния* приобретало все более широкий аксиологический диапазон, становясь характеристикой спонтанного выражения чувств самого разного рода – прежде всего, конечно, излишне откровенных и интимных:

Я сидела за своей тетрадью... Мне слишком было тяжело продолжать мои совершенно бесполезные *излияния* (П. Д. Боборыкин. Распад).

Я не смею при нём выказывать свои чувства... Он враг *всех излияний*. (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

Возвращаюсь к первому рассказу: не следует много писать о себе; Вы пишете о себе, впадаете в преувеличения и рискуете остаться на бобах: Вам или не поверят, или холодно отнесутся к Вашим *излияниям* (А. Чехов. Письмо Г. Ф. Ващук).

– С некоторых пор вы изменили своё отношение ко мне, – заговорил... Рогов. – Я тяжело это переживаю. – Так и тянет тебя сегодня на *излияния*, – сказал Батманов с досадой (В. Ажаев. Далеко от Москвы).

Поэт. ...Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов *излиянья*,
Как божеству, не нужно ей!..

А. С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом

Перебирая контекстные метаморфозы избранного для этого очерка библейского фразеологизма *изливать душу*, я, как заметил Читатель, заключил его пушкинской цитатой. И не только потому, что, как известно, «Пушкин – наше всё» и его поэтическое слово может украсить любой Юбилей. А потому, что Поэт, «земных восторгов *излиянья*» которого в этом стихотворении не были услышаны, получает от книгопродавца совет, вполне соответствующий духу нашего материалистического времени и который мы регулярно слышим на всех каналах массовой информации:

Внемлите истине полезной:
Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!

Известно, что А. С. Пушкин не последовал этому совету, а предпочел творческую свободу. Жизнь нашей Алины Михайловны также была посвящена

не накоплению злата, а поискам и сохранению иного богатства – богатства словесного. И сегодня, черпая из этого бесценного хранилища новые и новые сюжеты и импульсы, мы *изливаем* Ей свои самые добрые чувства, то есть свои филологические души.

Литература

1. Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. Т. 1. – URL: <https://www.psychiatry.ru/lib/1/book/83/chapter/1> (дата обращения: 08.04.2022).

2. Мокиенко В. М. Фразеологическая *лепта* Алины Михайловны Мелерович // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М. : Элпис, 2008. – С. 10–23.

Словари, справочники

3. Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2000. – 624 с.

4. Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008–2009: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед. : в 2 т. (Т. I. А – М. – 658 с.; Т. II. Н – Я. – 656 с.) / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

5. Лепта библейской мудрости 2019: Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под общ. ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1: А – О. – 316 с.; Т. 2: П – Я. – 336 с.

6. Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010: Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 639, [1] с.

7. Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016: Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Якимов А. Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под науч. ред. В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. – 528 с.

8. Михельсон 1903–1905: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1903. – 779 с.; Т. 2 – СПб., 1905 – 580 + 250 с.

9. Редников 1883: Редников И. Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением. – Вятка, 1883. – С. 229 + XV с.

10. СД: Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А – Г. – М. : Международные отношения, 1995. – 584 с.; т. 2. – Д – К (Крошки). – М. : Международные отношения, 1999. – 697 с.; т. 3. – К (Круг) – П (Перепелка). – М. : Международные отношения, 2004. – 704 с.; т. 4. – т. 5. – М. : Международные отношения, 2013.

11. Серов 2003: Серов В. В. Крылатые слова: энциклопедия. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 831 с.

12. Stěpanova 2022: Stěpanova L. Etymologický slovník české frazeologie. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2022. – 302 s.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ

В юбилейную для Алины Михайловны дату хотелось бы выразить искреннюю благодарность и признательность этому талантливому ученому и прекрасному человеку.

Ещё в студенческие годы, обучаясь на факультете иностранных языков Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова и подходя к выбору темы для написания выпускной квалификационной работы, я твёрдо решила, что круг моих научных интересов будет составлять фразеология. Позднее при определении области научного исследования для написания диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук не возникало сомнений в том, чтобы продолжить работу в направлении изучения особенностей фразеологической семантики. Так в 2008 году произошло моё знакомство с Алиной Михайловной Мелерович, одним из ведущих ученых-фразеологов, под научным руководством которой впоследствии была защищена диссертация на тему «Семантическая структура и структурно-семантическая моделированность фразеологических единиц с компонентом *вода* и компонентами-наименованиями *водоёмов* в современном русском языке».

Благодаря Алине Михайловне я получила возможность погрузиться в мир богатства русской фразеологии, постичь скрытые смыслы, заключённые в многослойной структуре фразеологической семантики, анализировать и выявлять особенности «жизни» фразеологизмов в системах языка и речи.

На протяжении всего процесса работы над диссертационным исследованием Алина Михайловна была рядом, помогая практическими советами и ценными наставлениями. В то же время как мой научный руководитель она давала мне возможность творческого роста, саморазвития и самообразования в постижении научных теоретических и практических основ фразеологии.

Нельзя не отметить и прекрасные человеческие качества Алины Михайловны, такие как доброта, отзывчивость, чуткость и порядочность. Алина Михайловна всегда готова прийти на помощь и поддержать в трудные минуты. Она умеет успокоить и вдохновить на преодоление трудностей и движение вперёд к чему-то новому, интересному.

Несомненно, нельзя недооценивать неиссякаемый научный и творческий потенциал Алины Михайловны, её невероятную трудоспособность и трудолюбие, силу духа и энергии. Хотелось бы пожелать Алине Михайловне долгих лет жизни и плодотворной работы!

С благодарностью и почтением,

Богатырёва Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

С Алиной Михайловной Мелерович я познакомилась в 1996 году после окончания факультета иностранных языков Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Я выразила большое желание поступить в аспирантуру по фразеологии. Алина Михайловна предложила мне выполнить сопоставительный анализ фразеосемантических полей русского и английского языков.

Алина Михайловна научила меня большой трудоспособности, строгости мышления и возможности работать в разных условиях. Я очень благодарна моему научному руководителю за ценные замечания и соображения, что, безусловно, помогло мне создать базу для дальнейшей научной работы.

Под руководством Алины Михайловны в 2001 году я защитила диссертацию с присуждением ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Хочу выразить огромную благодарность и признательность Алине Михайловне за умелое руководство, внимание, неоценимую помощь, оказанную мне на протяжении всего времени работы над диссертационным исследованием, и дальнейшее научное сотрудничество.

Дубова Марина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков Костромского государственного университета

В жизни каждого учёного есть человек, который когда-то привёл его в мир науки. Для меня и многих моих коллег таким человеком является Алина Михайловна Мелерович – наш Учитель и Наставник.

Так получилось, что в институтские годы я больше занималась литературой – и русской, и зарубежной. Но в аспирантуру я хотела поступить на кафедру русского языка и именно к профессору А. М. Мелерович – выдающемуся учёному, интеллигентному человеку, человеку строгой научной логики и глубины... Дипломных работ мы не писали. Всё было практически с нуля. Не быстро, шаг за шагом. Всему, что я умею, меня научила Алина Михайловна. Помню первую статью и первую для меня научную конференцию – Ярославль, 1997 год. Очень волновалась, переживала. Алина Михайловна поддерживала. Она сказала: «Это Ваша тема, Вы знаете её лучше всех». И еще: «Все будут очень доброжелательны...». Как научный руководитель Алина Михайловна позволяла писать так, как чувствовалось и виделось мне. Руководила, направляла, образовывала, знакомила... Но никогда не была категоричной. Указывая на спорные моменты, говорила: «Пусть будет. Но объясняйте. Аргументируйте. Доказывайте». Алина Михайловна – человек огромного жизнелюбия, обладающий замечательным чувством юмора. Помню, как мы дружно возвращались с конференции, всю дорогу шутили, смеялись...

Спасибо большое за всё, Алина Михайловна... Низкий поклон!

Недельчо Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета

«Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь» (В. Ключевский). Эту фразу в полной мере подтвердила деятельность настоящего преподавателя, доктора филологических наук, профессора Алины Михайловны Мелерович – уважаемого научного руководителя, дорогого Учителя.

Уникальное языковое чутье, бережное отношение к слову, потрясающая научная интуиция – проявление этих качеств Алины Михайловны я увидела в ходе работы над собственным диссертационным исследованием. Однако для меня не менее важным и ценным стало понимание ее личностных качеств, на мой взгляд, важных для наставника, научного руководителя: чуткость в отношении к ученику; такт, уважение к его научным взглядам; мудрость, выдержка, вера в его способности и возможности.

Счастье, когда на жизненном пути встречается Учитель, который помогает стать настоящим профессионалом, раскрывает творческий потенциал, показывает собственным примером возможности личностного роста человека. Спасибо Вам, дорогая Алина Михайловна, за Ваш бесценный труд, активную научную позицию, творческое долголетие как образец настоящего преподавателя, наставника, ученого!

Павлова Алла Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета

У каждого человека в жизни есть учителя и Учители. Для меня оба этих слова объединены в одном лице – АЛИНА МИХАЙЛОВНА МЕЛЕРОВИЧ.

Алина Михайловна была моим учителем, точнее преподавателем, начиная с 1 курса тогда ещё Костромского государственного педагогического института имени Н. А. Некрасова. Алина Михайловна читала у нас самые трудные предметы – общее языкознание, лингвистический анализ художественного текста – и вела спецсеминар по фразеологии. И уже тогда я понимала, насколько глубокие лингвистические знания и богатый языковой материал передавала Алина Михайловна нам, будущим учителям, а может быть, и исследователям русского языка. Алина Михайловна была первым преподавателем, научившим меня основам работы с фразеологизмами – как руководитель первого, почти научного, исследования – курсовой работы по трансформациям фразеологизмов. Я на всю жизнь увлеклась этой темой, и вот уже более тридцати лет «служу» русской фразеологии. Горжусь тем, что под руководством Алины Михайловны я написала и защитила две диссертации – кандидатскую и докторскую.

Алина Михайловна считается одним из лучших отечественных фразеологов последних десятилетий. Аналитический склад ума, тонкое чувство языка и текста, глубокое проникновение в структуру языковых единиц позволили Алине Михайловне сказать весомое научное слово в замечательных кни-

гах. До сих пор ценнейшими работами по фразеологии считаются: «Проблемы семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка» (Ярославль, 1979); в соавторстве с профессором Валерием Михайловичем Мокиенко – «Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка» (Кострома, 2008), а также «Современная русская фразеология (семантика – структура – текст)» (Кострома, 2011). Алина Михайловна признаётся основателем научной школы по изучению окказиональных преобразований фразеологизмов; плодом научных изысканий коллег и учеников Алины Михайловны в этом направлении являются уникальные фразеологические словари: «Фразеологизмы в русской речи» (авторы А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко; Москва, 1997 и др. годы издания); «Жизнь русской фразеологии в художественной речи: Школьный словарь» (авторы: А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, А. С. Власов, И. Ю. Третьякова, М. А. Фокина, А. Е. Якимов; Кострома, 2010); «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.» (авторы А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, А. Е. Якимов; Кострома, 2016).

В Костроме на протяжении тридцати лет проводятся научные конференции, и зачинателями этих традиций в начале двухтысячных стали Алина Михайловна Мелерович и Валерий Михайлович Мокиенко. В обсуждении актуальных проблем фразеологии принимали участие известнейшие российские фразеологи: Николай Фёдорович Алефиренко, Виктор Терентьевич Бондаренко, Дмитрий Олегович Добровольский, Валентин Ильич Зимин, Зинаида Дмитриевна Попова, Людмила Борисовна Савенкова, Григорий Валериевич Токарев, Светлана Григорьевна Шулежкова и другие лингвисты. В Кострому приезжали европейские учёные-слависты и, конечно, наш любимый Харри Вальтер, с его замечательными докладами, тонким юмором и блестящим знанием русского языка. Этот обмен научными открытиями, эти научные дискуссии, это неформальное общение поддерживали и поддерживают живейший интерес к фразеологии – интерес мой, моих костромских коллег, фразеологов-петербуржцев – членов «Фразеологического семинара» Валерия Михайловича Мокиенко, неизменных участников и наших научных собраний.

Далеко не каждому учёному выпадает счастливая возможность оказаться в центре такой активной научной жизни. Но Алина Михайловна – с её научным талантом, с постоянным желанием развивать науку, поддерживать живейший интерес к фразеологии своих коллег – показала нам пример служения науке, вдохновила на непростой путь познания русской фразеологии.

С благодарностью и любовью к своему научному Учителю –

Третьякова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета

Алина Михайловна Мелерович была куратором нашей студенческой группы в Костромском государственном педагогическом институте им. Н. А. Некрасова. Вместе с ней мы проводили поэтический вечер, посвящённый творчеству Новеллы Матвеевой. На этом празднике произошло удивительное открытие: наш преподаватель общего языкознания, сложной теоретической дисциплины, оказалась яркой творческой личностью, эмоциональным, глубоко чувствующим поэзию человеком, тонким ценителем оригинального художественного слова...

Поступив позднее в аспирантуру, я была очень рада, что моим научным руководителем стала Алина Михайловна. Она помогала мне делать первые шаги в серьёзной науке, учила развивать самостоятельные идеи, отстаивать свою точку зрения, строго аргументировать теоретические положения, глубоко, тщательно и многоаспектно анализировать языковой материал. Годы общения с Алиной Михайловной – самые счастливые и запоминающиеся в моей научной карьере. Я хорошо помню мои первые конференции, на которые мы ездили вместе с Алиной Михайловной: в Щелыково, в Москву, в Псков, в Тулу, в Орёл... А потом обязательно делились впечатлениями и разбирали мои выступления и ответы на вопросы учёных. Когда я успешно защитила кандидатскую диссертацию, Алина Михайловна искренне поддержала моё намерение продолжить научную работу и подготовить в дальнейшем докторское исследование. С нежностью и благодарностью вспоминаю наши научные консультации в период обучения в докторантуре: мы увлечённо размышляли о прочитанных исследованиях современных учёных-филологов, вместе обсуждали структуру и содержание моего диссертационного сочинения, планировали участие в научных собраниях и подготовку новых публикаций. У меня обычно было много вопросов и даже научных сомнений... Я твёрдо знала одно: мой мудрый наставник всегда даст чёткие и обстоятельные ответы на самые трудные и противоречивые вопросы, а также развеет все колебания и поможет найти серьёзное научное обоснование моим исследовательским гипотезам.

Алина Михайловна умеет по-доброму поддержать своих учеников, щедро похвалить, чтобы хотелось с энтузиазмом и воодушевлением продолжать работать над сложной научной проблемой, деликатно указать на недостатки, очень метко и с юмором отозваться о каких-то курьёзных ситуациях, прозорливо увидеть исследовательские перспективы.

Я желаю дорогой Алине Михайловне крепкого здоровья, оптимизма и радости на долгие годы. Спасибо Вам за Ваше доброе сердце и бескорыстную преданность подлинной науке.

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета, Почётный работник сферы образования РФ

Поздравляю с юбилеем доктора филологических наук, профессора Костромского государственного университета и своего научного руководителя Алину Михайловну Мелерович.

Я благодарна судьбе за встречу с таким замечательным, талантливым, мудрым, выдающимся человеком. Для меня Алина Михайловна Мелерович – настоящий пример учителя и ученого с большой буквы! В 2008 году состоялась защита моей кандидатской диссертации. Несколько лет я шла к заветной цели. Было непросто. Всё это время Алина Михайловна поддерживала меня, давала ценные советы. Без её помощи в подготовке диссертации и материалов к её защите, я бы никак не справилась. Очень рада, что оправдала надежды своего научного руководителя. Выражаю ей большую благодарность. Желая крепкого здоровья и благополучия.

Хабарова Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В АСПЕКТАХ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ, КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ, СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

УДК 37:808.5

Варнаева Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент

Смоленский государственный университет

Россия, Смоленск

anna6772@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК САМОБЫТНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

***Аннотация.** В статье представлен анализ фразеологических оборотов с точки зрения содержащейся в них информации об особенностях жизни наших предков: о порядках и обычаях, о видах деятельности и занятиях русских людей, о способах осуществления тех или иных действий, специфике быта и др. Такой этнолингвистический подход к изучению данных единиц позволит лингвисту глубже осмыслить природу языка как ведущего средства, выражающего мировоззрение народа, и будет полезен каждому человеку для становления его национальной идентичности.*

***Ключевые слова:** языковая картина мира, этнолингвистика, фраземика, фразеологизм, этимология, идиоматические обороты, национальная идентичность.*

Varnayeva A. E.

Candidate of Philological Sciences, associate Professor

Smolensk State University

PHRASEOLOGICAL UNITS AS AN ORIGINAL MEANS OF FORMING A LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

***Abstract.** The article presents an analysis of phraseological phrases from the point of view of the information contained in them about the peculiarities of the life of our ancestors: about the orders and customs, about the types of activities and occupations of Russian people, about the ways of carrying out certain actions, the specifics of everyday life, etc. Such an ethno-linguistic approach to the study of these expressions will allow the linguist to understand more deeply the nature of language as the leading means of expressing the worldview of the people, and will be useful to every person for the formation of his national identity.*

***Keywords:** linguistic picture of the world, ethno-linguistics, phrasemics, phraseologism, etymology, idiomatic phrases, national identity.*

Для современного человечества характерны две противоположно направленные тенденции развития: глобализация и активные процессы этнического возрождения. Стремление народов подчеркнуть свою самобытность, рост национальной идентичности объясняются поиском прочных ориентиров в нестабильном мире. Ведь именно этносы, частью которых человек является уже по факту своего рождения, способны защищать его, реализуя потребность принадлежать к определенной устойчивой социальной группе, и ориентировать в быстро меняющемся мире, задавая систему жизненных ценностей.

В связи с этим всё большую актуальность приобретает исследование национальной специфики языка как доминирующего средства, представляющего мировоззрение своего народа. В этом случае говорят о языковой картине мира как модели мира, диктуемой языком. Решающая роль языка в выражении и формировании картины мира его носителей объясняется тем, что «рефлексия мира осуществляется субъектом в средствах конкретного языка, репрезентирующего определенную совокупность понятий как познавательную структуру, «сворачивающих» знание, мнение, представление о реалии в определенное содержательное ментальное образование» [Пищальникова 2021, с. 341].

Впервые идея о том, что именно язык представляет и определяет взгляд его народа на мир была высказана и обоснована величайшим немецким лингвистом Вильгельмом фон Гумбольдтом. Он, в частности, писал: «Разные языки – это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [Гумбольдт 1984, с. 9]. При этом язык содержит картину не только внешнего мира, но и мира внутреннего. Язык, по мысли ученого, есть главная деятельность духа народа. В понятие «национальный дух народа» у Гумбольдта входит психический склад народа, его образ мыслей, философия, наука, искусство и литература. Таким образом, «язык представляет собой саму нацию» [Гумбольдт 1984, с. 325]. А это значит, что понять своеобразие того или иного народа невозможно без изучения особенностей его языка.

В дальнейшем идеи В. Гумбольдта были продолжены многими отечественными и зарубежными учеными: И. А. Бодуэном де Куртенэ, А. А. Потебней, Й. Л. Вайсгербером и другими. Мысли о языке как аккумуляторе взглядов этноса на окружающий его мир оказались созвучны и представителям других научных областей. Так, основатель отечественной педагогики К. Д. Ушинский в одной из наиболее известных работ «Родное слово» писал: «Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства. От всей жизни народа это единственный живой остаток на земле, и мы – наследники этих живых богатств, в которых сложились все результаты духовной жизни народа» [Ушинский 2022, с. 13].

В современной лингвистике оформился ряд направлений, исследующих отношения языка и народа как его носителя. Все они имеют междисциплинар-

ный характер. К ним относятся прежде всего такие научные области, как этнолингвистика, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика.

Мировоззрение народа отражено в языке в особенностях его различных единиц: в лексических значениях, стилистической окраске, сочетаемостных возможностях и частотности слов, в устойчивых оборотах, в специфике словообразовательных моделей, морфологических и синтаксических категорий.

Одним из самобытных средств создания русской языковой картины мира являются фразеологические единицы. «Фраземика – это величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка. В ней, как и положено сокровищнице, хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования» [Алефиренко, Семенов 2009, с. 6].

Фразеологизм представляет собой «устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [ССЛТ, с. 514].

Фразеологическая система языка – «это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996, с. 9]. В связи с этим данные выражения давно привлекают внимание лингвистов, ведь фразеологизм можно рассматривать «как “свернутый” текст “многослойного культурного знания”, к которому в том или ином объеме “подключен” субъект речи» [Ковшова 2006, с. 151].

Целью настоящего исследования явилось изучение фразеологических оборотов с точки зрения содержащейся в них информации об особенностях жизни и представлений о мире наших предков, которая выявляется на основе обращения к этимологии фразеологизмов. Такой этнолингвистический подход к рассмотрению данных единиц обусловлен стремлением определить передаваемое ими национально специфичное культурное знание.

Лексикографическим источником фразеологизмов и этимологического комментария к ним стали фразеологические словари [ФСРЯ; ШЭСРФ]. Многие из изученных конструкций представляют идиоматические обороты, которые составляют структурно-семантическое ядро фразеологии.

Рассматриваемые фраземы дают нам представление о самых разных сторонах жизни русских людей. Например, о порядках, правилах поведения, обычаях, установленных в обществе в различные исторические периоды. Так, устойчивое сочетание *бить челом* отражает старый обычай Древней Руси, по которому проситель, обращаясь к кому-либо, падал перед ним на колени, низко кланяясь и касаясь лбом (челом) земли или пола. Традиционная версия происхождения выражения *откладывать в долгий ящик* отсылает нас к эпохе царствования Алексея Михайловича, отца Петра Первого. Алексей Михайлович завел обычай, в соответствии с которым в прибитый перед его дворцом в Коло-

менском долгий (то есть длинный) ящик могли опускать свои просьбы все, кто хотел. Эти челобитные разбирались царскими боярами очень долго, большинство из них оставалось без ответа. Фразеологизм *ставить на место* возник из *указывать кому-либо его место*, что связано с обыкновением бояр занимать строго определенное место в соответствии со степенью их знатности. Во фразе *ни к селу ни к городу* отражены полицейские порядки в России XIX века, согласно которым бездомных бродяг, не имеющих никаких документов на жительство, записывали как людей, не относящихся «ни к селу ни к городу».

Для оповещения о различных опасных событиях (пожарах, нашествиях врагов и т. п.) на Руси били в большой набатный колокол, о чем нам напоминают устойчивые сочетания *бить в набат*, *бить тревогу*.

История возникновения фразеологизма *будет и на нашей улице праздник* приоткрывает особенности устройства прежнего общества. В Древней Руси особую самостоятельную административную единицу со своим управлением представляла улица. У каждой улицы были и свои праздники, на которые могли быть приглашены жители других улиц. Но, конечно, каждый житель ждал праздника на своей улице.

Одна из версий происхождения фразеологической единицы *к шапочному разбору* знакомит нас с ещё одним древнерусским обычаем: при входе в церковь или помещение мужчины снимали шапки и складывали их у входа. Каждое собрание заканчивалось разбором шапок. Соответственно, тот, кто опаздывал, приходил к концу, то есть к разбору шапок.

В основе фразеологического оборота *оставаться с носом* лежит обычай выкупа невесты. Раньше жених должен был платить ее родителям этот выкуп, который назывался *носом* (произведено от глагола *носить*). Если же семья решала не выдавать девушку замуж, то жениху возвращали его «нос», и он с ним оставался. Обычай сватовства отражает и устойчивое сочетание *от ворот поворот*, согласно которым при отказе сватов не пускали в дом, и они вынуждены были поворачиваться от ворот и отправляться домой. По отношению к вышедшей замуж дочери, которая уходила из дома родителей в семью мужа, а позднее и к женившемуся и отделившемуся от семьи сыну применяли поговорку *отрезанный ломоть к хлебу не приставишь*, которая стала источником образования фраземы *отрезанный ломоть*, сохраняющей описанную традицию.

Большой круг устойчивых выражений появился в русском языке из профессиональной речи, а значит, сообщает о существовавших на Руси различных видах деятельности и занятиях наших предков. Здесь имеются в виду чиновники (*ставить крест*), кавалеристы (*с места в карьер*), кучера и наездники (*прибирать к рукам*), моряки (*брать курс, держать нос по ветру*), столяры и плотники (*без сучка и без задоринки, комар носу не подточит*), пекари (*сбоку припека*), охотники (*и след простыл, заметить следы, ни пуха ни пера*), рыболовы

(мутить воду, попадаться на удочку), бурлаки (большая шишка, тянуть свою лямку) и др.

Фразеологизмы, имеющие значения ‘бездельничать, бесполезно, праздно проводить время’, ‘болтать’, знакомят нас с такими видами работ, которые не требовали особых умений и усилий. Например, *бить баклуши*, то есть раскалывать дерево на чурки, из которых затем изготавливали деревянные ложки и другие изделия; *точить лясы* – вытачивать столбики для перил.

Из устойчивых сочетаний, истории их происхождения мы можем узнать о способах осуществления тех или иных действий. Так, фразеологизм *тертый калач* отражает процесс приготовления особого калачного теста, которое долго мнут и трут. Фразеологическая единица *седьмая вода на киселе* связана с изготовлением в русской деревне киселя. Его готовили из смолотого овса, мука которого несколько раз промывалась. Понятно, что «седьмая», а число «семь» в русской фразеологии имеет обобщенное значение большого множества, содержала очень мало “кисельного” вещества. Фразема *из кулька в рогожку* описывает, как перевозили зерно, муку, соль. Для этого пользовались кулями, под которые подстилали рогожи. Если куль прорывался, часть содержимого попадала в рогожу. Устойчивое словосочетание *перегибать палку* сообщает о процессе сгибания деревянной заготовки в дугу, например, для коромысел, конской упряжи. Это требовало определенного мастерства от работника, так как перегибание палки могло закончиться тем, что она ломалась. Анализ происхождения фразеологического оборота *избушка на курьих ножках* позволяет узнать особенности постройки изб. Раньше они ставились на пеньки с обрубленными корнями, чтобы таким образом уберечь бревна, доски от сырости и гниения. Эти пеньки и напоминали куриные лапы. Устойчивое сочетание *через пень-колоду* связано с древним земледельческим занятием – превращением леса, территории с колодами и пнями в пахотную землю. Этимологический комментарий к известному всем фразеологизму *попадать впросак* сообщает о прядильне, большом канатном станке, предназначенном для плетения, скручивания веревок, который назывался *просак*. Попасть в этот станок в процессе его работы мог очень невнимательный человек, что представляло для него серьезную опасность.

Фразеологическая единица *мастер на все руки* отражает то, как раньше было организовано коллективное производство: работу начинал самый квалифицированный мастер – «первая рука». Затем он передавал изделие другим мастерам. Рассматриваемая конструкция обозначает мастера, способного выполнить работу каждого рабочего, каждой «руки», то есть мастера-универсала. На то, что многие виды работ выполнялись сообща, указывает и фразеологизм *каши не сварить*. Кашу варили на всю артель, и каждый ее член должен был вкладывать в общий котел свою долю.

Фразеологические обороты знакомят нас с тем, как наши предки вели хозяйство. Так, для учёта работы, долгов, отпущенного товара использовались палочки, дощечки, постоянно носимые с собой и потому называемые *носом*, на которые ставили зарубки, что явилось основанием для образования всем известной фраземы *зарубить на носу*. Завязывали для этого и узелки – ср. *завязать узелок на память*.

Анализируемые языковые единицы сообщают об особенностях быта наших предков. Например, устойчивое сочетание *дым коромыслом* содержит информацию о том, как в старину крестьяне топили печи. Они топились по черному, то есть дым выходил или через «волоковое» окно, или в дверь. Когда в избе было спокойно, дым выходил ровным потоком. Если же в избе начиналась суматоха, то дым в середине избы поднимался «коромыслом». Из крестьянской жизни взят и образ фразеологизма *ни в какие ворота не лезет*: открытые ворота обеспечивали самый широкий доступ к подворью, а потому то, что в ворота не проходило ввиду большого размера, считалось непривычным, излишним.

О том, что на Руси соль стоила очень дорого, так как ее добыча и особенно перевозка требовали большого труда, а потому этот продукт расходовался очень бережно, можно узнать из фразеологизмов *пуд соли съесть*, *уйти несолоно хлебавши*. Устойчивые сочетания *засучив рукава* и *спустя рукава* содержат информацию о том, что в Древней Руси носили верхнюю одежду с очень длинными, расширяющимися к концу рукавами, они могли быть до колен и даже до земли. При этом особенно длинные рукава одежды человека являлись свидетельством его высокого положения в обществе. В основе создания фраземы *не лыком шит* также лежат представления об отличительных особенностях внешнего вида людей, имевших различный социальный статус, правда, здесь речь идет уже об обуви. Из лыка, то есть волокнистой древесной ткани, которая отделялась от ствола, плели себе лапти крестьяне. Представители более высоких сословий такую простую обувь, «лыком шитую», не носили.

Рассмотрение предоставляемой фразеологической системой этнокультурой информации можно продолжать бесконечно долго. Очевидно то, что данный тип языковых единиц является ценным источником знаний о жизни и мировоззрении наших предков. Они представляют несомненную важность не только для лингвистов, которые таким образом получают возможность более глубоко и полно исследовать особенности этих уникальных единиц языка. Погружение в историю своего народа на основе знакомства с этимологией фразеологических оборотов, которые дети начинают изучать уже на начальной ступени образования, необходимо каждому человеку для становления его национальной идентичности.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология. – М. : Флинта : Наука, 2009.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / под ред. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984.
3. Ковшова М. Л. Фразеологизмы как «сжатые» тексты культуры в экспериментальном исследовании // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М. : ИЯ РАН, РосНОУ, 2006. – С. 151–152.
4. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики : монография. – М. : Р. Валент, 2021.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
6. Ушинский К. Д. Родное слово : в 2 ч. Ч. 1. – М. : Юрайт, 2022.

Словари, справочники

7. ФСРЯ: Баско Н. В., Зимин В. И. Фразеологический словарь русского языка. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2019.
8. ССЛТ: Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М. : Просвещение, 1976.
9. ШЭСРФ: Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Школьный этимологический словарь русской фразеологии. – М. : Русское слово, 2012.

УДК 811.161.1'37

Карташкова Фаина Иосифовна

доктор филологических наук, профессор

Ивановский государственный университет

Россия, Иваново

kartashkova@rambler.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩИЕ ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС ШЕКСПИРА)

Аннотация. В статье рассмотрены шекспировские фразеологизмы; показана их роль в передаче положительных и отрицательных эмоций человека. Показано, что в пьесах Шекспира эмоции героев могут выражаться посредством репрезентации различных видов невер-

бального поведения: контролируемых невербальных компонентов коммуникации, психофизиологических реакций и специфических невербальных действий.

Ключевые слова: фразеологизм, эмоции, невербальное поведение человека.

Kartashkova F. I.

Doctor of Philological Sciences, Professor

Ivanovo State University

PHRASEOLOGICAL UNITS IN SHAKESPEARE'S PLAYS EXPRESSING EMOTIONS IN HUMAN'S BEHAVIOR

***Abstract.** The article is devoted to Shakespeare's phraseological units which render the characters' emotions both of positive and negative nature. It is shown that emotions may be expressed via the description of different forms of non-verbal human's behavior.*

***Keywords:** phraseological units, emotions, non-verbal human's behavior.*

Изучение фразеологизмов в семантическом и когнитивном аспектах находится в фокусе внимания отечественных ученых в течение последних десятилетий (Н. Ф. Алиференко, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, Г. В. Токарев и др.). На важность изучения функционирования фразеологических единиц (далее ФЕ) в речевой деятельности неоднократно указывала А. М. Мелерович. При этом ученый отмечает, что восприятие и употребление ФЕ в речи неотделимо от синтезирования семантики и выразительных возможностей их компонентов в экспрессивно-смысловые единства, подчеркивая, что «наиболее способствующей реализации потенций спонтанного анализа и синтезирования элементов разных уровней семантической структуры ФЕ является художественная речь» [Мелерович, Блинова 2007, с. 117].

В этой связи представляется небезынтересным обратиться к исследованию роли ФЕ при выражении эмоций в пьесах Шекспира, что до сих пор остается «белым пятном», несмотря на значительные успехи в изучении шекспировской фразеологии [Каграманян 2008; Карпова 2008 и др.]. Изучению специфики выражения эмоций в художественном тексте посвящены труды В. И. Шаховского [Шаховский 2008], О. Е. Филимоновой [Филимонова 2007] и других. Внимание ученых было сосредоточено главным образом на способах вербального выражения эмоций. Изучение эмоций в невербальном поведении человека началось только в последние десятилетия [Крейдлин 2002; Ганина, Карташкова 2006].

Попытка проследить роль ФЕ в выражении эмоций в произведениях Шекспира определяется их глубоким психологизмом, умением детально и убедительно отражать душевное состояние героев. Обсуждая способы выражения эмоций в пьесах Шекспира, заметим, что имя эмоции может служить компо-

нением фразеологической единицы: *‘It is a tale / Told by an idiot, full of sound and fury, / Signifying nothing’* (*Macbeth, Act 5 Scene 5*). Фразеологическая единица здесь номинирует эмоцию гнева (имя эмоции – *fury*).

Фразеологизмы в пьесах У.Шекспира участвуют в вербализации как положительных, так и отрицательных эмоций. При этом следует заметить, что фразеологизмы, вербализирующие отрицательные эмоции, преобладают, что согласуется с общим постулатом аксиологии.

Как показывает фактический материал, фразеологизмы в пьесах Шекспира маркируют различные положительные эмоции. В корпусе анализируемого материала преобладают эмоции восхищения/восторга; радости; любви/нежности.

Проиллюстрируем сказанное: *“A Daniel come to judgement! yea, a Daniel! O wise young judge, how I do honor thee”* (*The Merchant of Venice, Act IV, Scene 1*). Персонаж использует фразеологическую единицу *A Daniel come to judgement!* для того, чтобы выразить эмоцию радости, вызванную тем, что в разбирательстве дела будет принимать участие человек, который, как полагает персонаж, сможет восстановить справедливость. Употребление данного фразеологизма со значением ‘честный, проницательный судья’ отсылает нас к библейскому персонажу Даниилу.

Рассмотрим еще одну ситуацию, в которой персонаж пьесы Шекспира выражает положительную эмоцию: *“A rose by any other name would smell as sweet”* (*Romeo and Juliet, Act II, Scene 2*). Страстно влюбленная в Ромео Джульетта испытывает любовь и нежность, игнорируя кровную вражду между их семьями.

Эмоцию восхищения наблюдаем и в речи Макбет в одноименной пьесе Шекспира: *“I would applaud thee to the very echo. That should applaud again”* (*Macbeth, Act V, Scene 3*). Макбет в беседе с доктором выражает свое искреннее восхищение им в надежде на то, что он может спасти страну от страшных недугов, употребляя глагольный фразеологизм положительной коннотации.

Фразеологизмы в пьесах Шекспира выражают также и отрицательные эмоции, главным образом такие, как неудовольствие/раздражение, страх/ужас; гнев/ярость, презрение. Проанализируем пример: *“And that would set my teeth nothing on edge, Nothing so much as mincing poetry”* (*Henry IV, Part, Act 3, Scene 1*). Один из предводителей мятежников, Хотспур, выражает недовольство своей долей земли. При этом завязывается спор между ним и командующим валлийцами – Глендауэром. Хотспур демонстрирует полное неприятие уэльских традиций и обычаев, испытывая крайнее раздражение, которое маркировано ФЕ *to set one’s teeth on edge*.

Аналогичную ситуацию наблюдаем и в следующем фрагменте пьесы: “*I could a tale unfold, whose lightest word would harrow up thy soul, freeze thy young blood, make thy two eyes, like stars, start from their spheres, thy knotted and combined locks to part and each particular hair to stand an end, like quills upon the fretful porpentine*” (*Hamlet, Act I, Scene 5*). Призрак объясняет Гамлету свое «происхождение» и причину своего появления. Упоминание об ужасном месте нацелено на то, чтобы испугать Гамлета и спровоцировать эмоцию ужаса, что, собственно говоря, и происходит. Для названия данной отрицательной эмоции употреблен глагольный фразеологизм *to make hair to stand an end*.

В следующем эпизоде из вышеупомянутой пьесы Шекспира: “*O, woe is me, To have seen what I have seen, see what I see!*” (*Hamlet, Act III, Scene 1*) Офелия, увидев обезумевшего Гамлета, сокрушается, что дорогой ей человек помутился рассудком. Она испытывает отчаяние, вербализация которого осуществляется с помощью фразеологизма *O, woe is me*.

Гораздо более сильную негативную эмоцию – гнев – испытывает персонаж другой пьесы Шекспира в ситуации, когда он слышит оскорбительные слова в свой адрес. В реагирующем поведении персонажа эксплицирована эмоция гнева: “*Not I, till I have sheathed / My rapier in his bosom, and withal / Thrust those reproachful speeches down his throat / That he hath breathed in my dishonor here*” (*Titus Andronicus: Act II, Scene 1*). Эмоция гнева передается через указание на возможное наказание за оскорбление, выраженное с помощью ФЕ *to cram (ram / thrust) smthdownsmb'sthroat*.

Пристальный интерес к семантике фразеологизмов позволил выделить группу так называемых «жестовых фразеологизмов» (термин Г. Е. Крейдлина), концептуализирующих невербальное поведение человека. Отдельного внимания заслуживает изучение специфики выражения эмоций через посредство данного разряда фразеологизмов.

У героев Шекспира эмоции выражаются посредством различных видов невербального поведения: контролируемых невербальных компонентов коммуникации (далее НВК) – фонационных, жестовых, мимических, проксемных и др.; произвольных невербальных компонентов коммуникации, или психофизиологических реакций (далее ПФР) – динамики цвета лица, дрожи, слезоотделения и др.; и специфических невербальных действий. Проиллюстрируем данное положение рядом примеров: “*I will speak daggers to her but use none*” (*Hamlet, Act 3, Scene 2*). Здесь фразеологизм *to speak daggers* выражает эмоцию гнева посредством фонационного НВК (использование резких слов с целью выплеснуть эмоции и ранить адресата словесно).

Рассмотрим аналогичный пример: “*For in that sleep of death, what dreams may come / When we have shuffled off this mortal coil / Must give us pause*” (*Hamlet,*

Act III, Scene 1). Фразеологическая единица *to shuffle off this mortal coil* концептуализирует контролируемый вид невербального поведения, в частности проксемный НВК. Как известно, смерть оценивается как печальное событие, вызывая негативные эмоции – грусть, печаль, страх, что объясняет наличие эвфемизмов в различных языках (например, “*He’s gone*”, “*He passed away*” вместо “*He died*”). В то же время смерть несет освобождение от тягот жизни, телесных и душевных страданий. Семантика фразеологизма *to shuffle off this mortal coil* эксплицирует желание человека уйти от проблем, сбросить их груз и обрести покой.

В следующем примере ФЕ *curled darlings* концептуализирует такой вид невербального поведения человека, как НВК окружающей среды, маркирующий внешние атрибуты человека (образная основа ФЕ *curled darlings* отражает мужскую моду завивать волосы, что было принято в высшем свете того времени): “*O thou foul thief, where hast thou stow’d my daughter? / Damn’d as thou art, thou hast enchanted her, / For I’ll refer me to all things of sense, / If she in chains of magic were not bound, / Whether a maid so tender, fair, and happy, / So opposite to marriage that she shunn’d / The wealthy curled darlings of our nation / Would ever have, t’ incur a general mock, / Run from her guardage to the sooty bosom / Of such a thing as thou – to fear, not to delight!*” (*Othello, Act I, Scene 2*). Данный фразеологизм позволяет опосредованно передать эмоцию удовольствия, веселья и беззаботности как образ жизни лиц высшего сословия (что в пьесе, заметим, явно порицается).

Наряду с контролируемыми видами поведения человека в пьесах Шекспира эмоции передаются и посредством произвольных невербальных действий, или психофизиологических реакций. Так, в пьесе «Цимбелин» персонаж по имени Иазимо говорит о возлюбленном: “*He furnaces... sighs*” («он печет вздохи»). За счёт семантики глагола, образованного по конверсии от производного существительного *furnace*, возлюбленный Иазимо как бы отождествляется с печью. Жар любви становится физически осязаемым; физиологическое состояние человека номинировано с помощью ФЕ *to furnace sighs*, концептуализирующей изменение температурной реакции человека.

В речи персонажей пьес Шекспира также имеет место языковая репрезентация эмоций, которые передаются посредством специфических невербальных действий: “*Now, infidel, I have you on the hip*” (*The Merchant of Venice, Act IV, Scene 1*). В пьесе «Венецианский купец» персонаж использует данный фразеологизм, чтобы подчеркнуть свое преимущество над противником и выразить эмоцию радости. Образная основа фразеологизма отсылает нас к боевым искусствам (бросок через бедро), маркируя позицию силы и власти над другим человеком.

Приведем аналогичный пример: “*Let it work, / For 'tis the sport to have the enginer / Hoist with his own petard*” (*Hamlet, Act 3, Scene 4*). Фразеологическая единица *hoist with one's own petard* концептуализирует специфическое невербальное действие. Эмоция презрения выражена через указание на провал злодейского плана и расплату за него попаданием в собственную ловушку.

Итак, фразеологизмы в пьесах У. Шекспира участвуют в вербализации как положительных (любовь, восхищение, радость), так и отрицательных (страх/ужас, раздражение, презрение, гнев) эмоций, испытываемых персонажами пьес. Так называемые «жестовые» фразеологизмы концептуализируют эмоции человека, которые выражаются посредством различных видов невербального поведения (контролируемых, произвольных и специфических невербальных действий).

Литература

1. Ганина В. В., Карташкова Ф. И. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. – Иваново : ИвГУ, 2006.

2. Мелерович А. М., Блинова Е. В. Психолингвистический механизм спонтанного семантического анализа фразеологизмов и его реализация в художественной речи // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2007. – № 2. – С. 117–123.

3. Каграманян К. А. Вклад В. Шекспира в английскую фразеологию // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-v-shekspira-v-angliyskuyu-frazeologiyu> (дата обращения: 08.04.2022).

4. Карпова О. М. Словари цитат и пословиц Шекспира: из истории вопроса // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты). – М. : Элпис, 2008. – С. 37–41.

5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. – М. : Новое литературное обозрение, 2002.

6. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентаций эмоций в английском тексте: учеб. пособие. – СПб. : Книжный дом, 2007.

7. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М. : Гнозис, 2008.

Источники языковых материалов

8. The Complete Works of William Shakespeare / Wordsworth Library Collection. – Wordsworth, 2007. – 1238 p.

УДК 811.161.1

Колобова Екатерина Андреевна

кандидат филологических наук

Костромской государственной университет

Россия, Кострома

katrink44@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается созданный в военной сфере фразеологизм БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ: его значение, происхождение и особенности функционирования в текстах, включенных в основной корпус Национального корпуса русского языка. Предпринята попытка выявить специфику употребления фразеологизма в текстах разной стилистической принадлежности. Проанализированы особенности внутрифразовых и фразовых контекстах, в которых реализуются разные значения фразеологической единицы.*

***Ключевые слова:** военная фразеология, боевое крещение, Национальный корпус русского языка, социолингвистика.*

Kolobova E. A.

Candidate of Philological Sciences

Kostroma State University

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE PHRASEOLOGY BAPTISM OF FIRE

***Abstract.** The article examines the phraseology of BAPTISM OF FIRE created in the military sphere: its meaning, origin and features of functioning in the texts included in the main body of the National Corpus of the Russian language. An attempt is made to identify the specifics of the use of phraseology in texts of different stylistic affiliation. The features of intra-phrasal and phrasal contexts in which different meanings of a phraseological unit are realized are analyzed.*

***Keywords:** military phraseology, baptism of fire, National Corpus of the Russian language, sociolinguistics.*

Особенности формирования и использования лексики и фразеологии военной тематики непосредственно связаны с историей народа и страны. Образ армии в сознании русского человека имеет положительную коннотацию: армия – это гордость народа, это сила, способная сокрушить любого врага; военные успехи вызывают восхищение. Значимость этого образа для менталитета русского человека подтверждается существованием во фразеологии достаточно большого количества идиом, связанных с военной сферой (по подсчетам

О. П. Фесенко – 284 фразеологические единицы). Под военной фразеологией вслед за О. П. Фесенко мы будем понимать «идиомы, в состав которых входят компоненты, этимологически связанные с военной сферой, либо идиомы, в прошлом бывшие военными терминологическими сочетаниями» [Фесенко 2020, с. 184], но при этом функционирующие «в рамках общелитературного языка, выйдя за пределы исключительно профессиональной сферы и приобретая переносные значения» [Фесенко 2021, с. 163].

Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). В данной статье будет рассмотрен созданный в военной сфере фразеологизм *боевое крещение*: его значение, происхождение и особенности функционирования в текстах, включенных в основной корпус НКРЯ.

Фразеологизм *боевое крещение* многозначен: 1) ‘первое участие в бою’; 2) ‘первое серьезное испытание в каком-либо деле’ [ФСРЯ, с. 212]. Второе значение фразеологизма более широкое, не связанное с военными действиями, то есть в этом случае происходит процесс «демилитаризации» значения идиомы [Фесенко 2020, с. 184]. По структуре фразеологизм построен по типу простого адъективно-субстантивного словосочетания с атрибутивным значением. В составе фразеологизма выделяется субстантивный компонент *крещение*, имеющий старославянское происхождение, на что указывает историческое чередование *ст//щ*. Фразеологизм *боевое крещение* имеет библейское происхождение. А. К. Бирих отмечает, что это выражение пришло из Евангелия от Матфея: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его. Он будет крестить вас Духом святым и огнем» [РФИЭС, с. 358].

В основном корпусе НКРЯ фразеологизм *боевое крещение* имеет 243 употребления в 208 текстах, первый контекст 1869 года, последний – 2019 года (по состоянию на 05.02.2023). В поиск были включены только те тексты, в которых компоненты фразеологизма находятся рядом друг с другом, не разделяются словами. Тексты с анализируемым фразеологизмом преимущественно относятся к публицистике (117 текстов) и к художественной сфере (59 текстов). Остальные примеры функционируют в сфере бытовой (18 текстов), учебно-научной (9 текстов), церковно-богословской (3 текста), электронной коммуникации (2 текста) и официально-деловой (1 текст). Жанровая принадлежность текстов многообразна: статья (59 текстов), роман (36 текстов), мемуары (36 текстов), дневник (22 текста), повесть (10 текстов), очерк (9 текстов), рассказ (9 текстов), биография, монография, заметка, информационное сообщение, сказка, хроника, комментарий, рецензия, форум, письмо личное, автобиография, обзор, репортаж, интервью, блог, пьеса, анонс, отчет, письмо открытое (5 и менее текстов). Тематика текстов с включенным в них фразеологизмом

боевое крещение отражает специфику значения единицы: преобладают тексты на тему армии и вооруженных конфликтов (55 текстов), политики и общественной жизни (34 текста), частной жизни (33 текста), искусства и культуры (18 текстов), истории (17 текстов). Количество текстов другой тематики (наука и технологии, техника, администрация и управление, спорт, религия, путешествия, бизнес, коммерция, экономика, финансы, психология, досуг, зрелища и развлечения, строительство и архитектура, производство, физика, сельское хозяйство, право, биология, природа, криминал, геология) незначительно (10 и менее текстов). Подсчет контекстов по гендерной принадлежности автора указывает на отнесенность фразеологизма к «мужской» языковой личности: 159 текстов (76,5 %), в которых употреблена единица, принадлежат авторам-мужчинам.

Преобладание текстов публицистического и художественного стилей (и соответственно жанров указанных стилей) объясняется стилистической маркированностью самого фразеологизма – исследуемая единица относится к книжному стилю, имеет положительную коннотацию.

График (рис.) показывает частоту функционирования фразеологизма *боевое крещение* в текстах НКРЯ. Наиболее употребительна идиома в 1915, 1942, 1957, 1972, 1976, 1986, 2017, 2019 годах, что связано с историческими событиями в жизни страны.

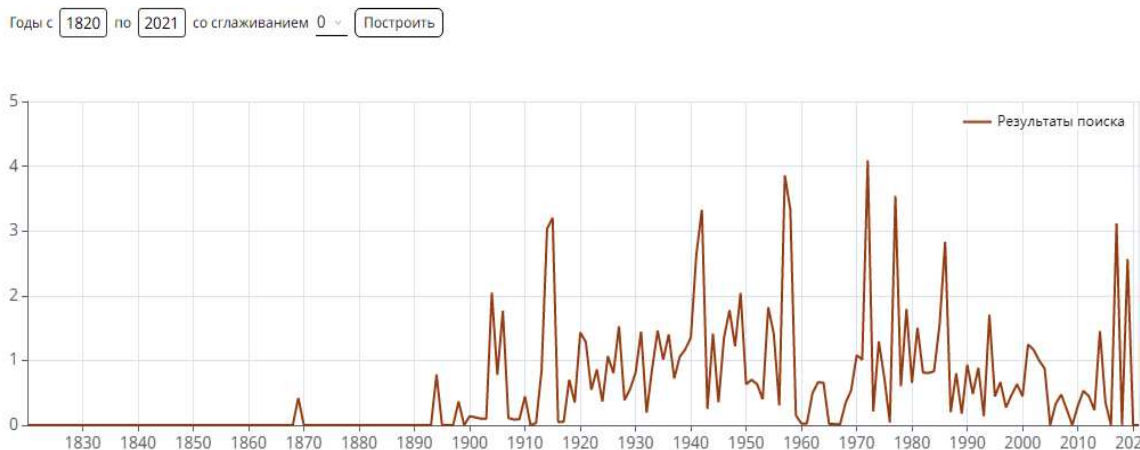

Рис. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1820 по 2021 годы

Спектр тематики текстов отражает многозначность фразеологизма: 26,4 % от общего числа – это тексты на военную тематику, в которых реализуется первичное значение фразеологизма (‘первое участие в бою’), в остальных текстах идиома употреблена во втором, более обобщенном значении (‘первое серьезное испытание’).

Контексты, в которых актуализируется первое, основное значение фразеологизма, можно разделить на 2 группы:

1) публицистические тексты и дневниковые записи, созданные в те годы, когда наша страна вела боевые действия (1915 год – Первая мировая война, 1942 год – тяжелые бои Великой Отечественной войны, 80-е годы – война в Афганистане, конец 90-х – начало 2000-х – вооружённый конфликт в Чеченской Республике). Например:

«Русская война. 18-го октября к северу от озера Кангер (северо-западнее Шлока), Германцы пытались наступать, но безрезультатно. В одном из столкновений этого дня на рижском фронте в боевом крещении имели случай показать свою высокую доблесть молодые Латышские части» (Русская война 02.11.1915 // Раннее утро, 1915)¹;

«Рассталась я с тобой почти на недельку. Не обижайся. Когда ты услышишь, что я пережила в эти дни, ты не будешь на меня в обиде. Ты лежал на дне вещевого мешка в Никулине, а я в это время принимала боевое крещение. И могу сказать (только тебе, потому что другие могут в это не поверить), я счастлива. Теперь Софья Аверичева – разведчик, равноправный боец. Ты требуешь подробностей?» (С. Аверичева. Дневник 1942);

«В вилле жил мой новый переводчик Костя Казеев, лишь неделю назад прилетевший со мной в Кандагар. Это было его боевое крещение. Когда начался обстрел, Костя еще спал» (Ю. Сальников. 600 дней в Кандагаре: дневники, 1984–1986);

«А это много значит. У военных людей разница в званиях частенько разводит не только старых товарищей, но и друзей». «Никого он не забыл и никогда не кичился своими чинами, – отмечают его товарищи по училищу. Сын (выпускник училища РВСН, боевое крещение прошел в Чечне) служит в ФСБ. Его жена, Галина Викторовна, как была, так и осталась на работе в Министерстве внешнеэкономических связей» (П. Евдокимов. Человек из Копенгагена 2003 // Спецназ России, 15.06.2003);

2) художественные произведения, в том числе воспоминания, написанные Константином Симоновым, Вениамином Кавериним, Валентином Катаевым, Юрием Никулиным после Великой Отечественной войны. Например:

«Люсин расхохотался, не поворачиваясь к Синцову, и хохотал, пожалуй, чуть дольше, чем следовало человеку, который, в самом деле, нисколько не был обижен. – Во-первых, я и забыл давно: в стольких переплетах с тех пор был! А во-вторых, наоборот, благодаря тебе получил боевое крещение. – Нашел о чем говорить! – сказал он сквозь смех. «Благодаря тебе» как раз и было признаком незабытой обиды, но Синцов в ту минуту не обратил на это внимания. – А знаешь, я потом встретил того капитана-танкиста, и он...» (К. Симонов. Живые и мертвые, 1959);

¹ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

*«Как потом нам рассказывали, ребята после первого **боевого крещения**, выходя из нервного шока, долго смеялись и вспоминали, как командовал, сидя на корточках, Ларин, как пушка Лыткарева вначале повернулась не туда, как Кузовков залез под артиллерийский прибор. За первый сбитый вражеский самолет командир батареи Пимченков получил орден» (Ю. Никулин. Семь долгих лет, 1979);*

*«Отсюда отлично видны простым глазом наши и немецкие окопы. Или даже... Но не будем об этом думать. Вот мое первое **боевое крещение**... Могли ранить. Чуть тает. С блиндажей каплет» (В. Катаев. Юношеский роман, 1981).*

Особенностью сочетаемости фразеологизма *боевое крещение* в значении 'первое участие в бою' является обязательное наличие контекстного актуализатора – военной лексики, включенной во внутрифразовый или фразовый контекст (см. примеры выше):

– лексемы, называющие вооруженные столкновения: *битва, бой, война, обстрел* и т. д.;

– лексемы, называющие виды и рода войск (в зависимости от исторического периода): *полк, армия, гарнизон, флот, прапорщик, офицер, легионер, генерал, главнокомандующий* и т. д.;

– военная терминология: *фронт, фланг, тыл, арьергард, окоп, блиндаж* и т. д.;

– лексемы, указывающие на место сражения: *Сталинград, Измаил, Плоеште (Румыния), Бобруйск, Чечня, Кандагар* и т. д.;

– лексемы, называющие боеприпасы, обмундирование, технику: *орудие, граната, палаши, вещевого мешок, пушка, самолет*;

– лексемы, называющие военные действия и процессы: *стрелять, ранить, наступать, командовать, разведывать* и т. д.

Второе, обобщенное значение фразеологизма начинает развиваться в 10-е годы XX века: *«Со страхом и большим старанием мы принялись за дело. Перевязывали медленно, но справились благополучно. Проработали до прихода нашего поезда. Это было наше “**боевое крещение**”! Сидели мы долго, пока какой-то врач не подошел к нам и не попросил помочь перевязать раненых, так как сестры эвакуационного пункта не успевают» (Т. Варнек. Воспоминания сестры милосердия, 1912–1922).*

В приведенном контексте, несмотря на военную тематику текста и наличие контекстных актуализаторов первичного значения (*раненых, эвакуационный пункт*), фразеологизм реализует значение 'первое серьезное испытание', так как характеризует начало работы военных медсестер. Связь с этим значением устанавливается также за счет использования в тексте компонентов *со стра-*

хом, большим старанием, которые отражают психологическое состояние человека, впервые выполняющего какую-либо деятельность.

Анализ приведенных в НКРЯ текстов показывает, что исследуемый фразеологизм в более обобщенном значении употребляется: 1) при характеристике деятельности человека и 2) при описании испытания какого-либо механизма и при появлении какого-либо явления. Особенность текстов первой группы заключается в наличии в рамках внутрифразового или фразового контекста тематической группы слов «Психологическое состояние человека и физическое проявление подобного состояния». Например:

*«Это было мое первое **«боевое крещение»** на Севере, и я вдруг испугался, что не сделаю ничего и вернусь домой с пустыми руками»* (В. Каверин. Два капитана, 1938–1944);

*«Видимо, уж очень неожидан был для него такой прием у студентов. Я впервые видел Есенина растерявшимся на эстраде. На свист Политехнического зала он вкладывал два пальца в рот и отвечал таким пронзительным свистом, от которого смолкала тысячеголовая беснующаяся орава. У нас были **боевые крещения**. Есенин обернул ко мне белое лицо: – Толя, что это? – Студенты»* (А. Мариенгоф. Роман без вранья, 1927);

*«С нескрываемым волнением казаки ожидали начала концерта. Здесь впервые должен был принять “**боевое крещение**” казачий хор Марсельской станицы. Точно к назначенному часу масса народу живым потоком быстро заполняла залу, одну из лучших для вечеров в г. Марселе. Прием сдержанный, холодный. Невольно сжимались сердца казаков»* (Казачья эмиграция. Казачий пасхальный концерт-бал в Марселе // Вольное казачество, № 58, 1930);

*«– Нет, не позволю! Новожилов перевел дух и, поймав растерянный взгляд Анфисы, вдруг как-то по-детски, виновато заморгал глазами: А в общем, ничего. Сразу **боевое крещение** приняла. Партия – это тебе... не по головке гладят. Иногда и против шерсти»* (Ф. Абрамов. Братья и сестры, 1958).

Тексты второй группы относятся преимущественно к публицистическому стилю, характеризуются меньшей субъективностью повествования, включением научной и общественной лексики.

*«Производившиеся массовой серией Т-54 поставлялись странам – членам Варшавского Договора и в некоторые государства Ближнего Востока, где, кстати, успешно прошли **боевое крещение**»* (С. Грянкин. Т-54 // Техника – молодежи, 1990);

*«Система С-75 получила **боевое крещение** 1 мая 1960 года, когда уничтожила высотный самолет-шпион U-2 над Кыштымом»* (Б. Бункин. Основа-

тель российских систем управляемого ракетного оружия (2001) // Воздушно-космическая оборона, 15.04.2001);

«А мне подумалось, что то же самое можно пожелать и всей пекинской общине, которая не так давно зародилась и уже приняла боевое крещение – как же еще назовешь Страстную и Пасху. Дай Бог и ей помощи во всем, мудрого наставника и долгих лет жизни» (К. Поздняева. Пасха в Китае // Альфа и Омега, 2001);

*«Импрессионисты своими полотнами открыли новое художественное зрение, а в боях с критикой они его развили и теоретически обосновали. И благодаря ей получили боевое крещение: именно оппоненты дали новому художественному направлению имя: *poten est oten*, имя – уже знамение»* (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами, 1975–1998).

Анализ корпуса НКРЯ дает возможность изучения функционирования языковых единиц с целью выявления особенностей функционирования их в текстах различной стилистической, жанровой, тематической, гендерной принадлежности; позволяет проследить синтагматические и парадигматические отношения слов и фразеологизмов.

Литература

1. Фесенко О. П. Семантические группы компонентов фразеологизмов военного происхождения как показатель особенностей восприятия носителями языка военной профессиональной сферы // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур. – Оренбург, 2021. – С. 163–165.

2. Фесенко О. П. Фразеология русского языка, отражающая представления о военной профессиональной сфере: этимологический и лингводидактический аспекты // Наука и военная безопасность. – 2020. – № 2. – С. 182–191.

Словари, справочники

3. РФИЭС: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 962 с.

4. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1968. – 543 с.

Источники языковых материалов

5. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. 2003–2022. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 12.01.2023).

УДК 81'37

Кудрявцева Елена Владимировна

Костромской государственный университет

Россия, Кострома

lengoreva@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ ЛОШАДЬ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

***Аннотация.** Данная статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с анималистическим компонентом ЛОШАДЬ (КОНЬ) в русском и английском языках в лингвокультурологическом аспекте. Фразеологические единицы с данным зоонимом относятся к числу широко употребительных. Лошадь является животным, повадки и образ жизни которого хорошо известны носителям языка. Черты животного, специфичные для каждой из культур, закрепляются в образной основе фразеологических единиц двух языков. Зооморфный образ и анализ фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволяют вывить особые культурные концепты в русской и английской культурах.*

***Ключевые слова:** фразеологическая единица, образ, концепт, компонент-зооним, культурная интерпретация.*

Kudryavtseva E. V.

Kostroma State University

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE ZOONYM-COMPONENT HORSE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

***Abstract.** The article deals with the comparative analysis of the phraseological units with the animalistic component HORSE in the linguocultural aspect. Phraseologisms with the zoonym are considered to be widely used in the modern Russian and English languages. Native speakers are well acquainted with habits and lifestyle of the animal. Being specific for each of the cultures, the features of the pet are reflected in the phraseological image. The zoomorphism image and the analysis of the phraseologisms with the zoonym component allow to define specific cultural concepts associated with the animal in the Russian and English cultures.*

***Keywords:** phraseological unit, image, concept, zoonym-component, cultural interpretation.*

Фразеологические единицы (далее ФЕ) появляются и функционируют в языке под влиянием культурно-человеческого фактора. Миропонимание и самосознание народности отражаются в характерных идиоматических образах, закрепляя за фразеологизмом функцию стереотипизации национальной культуры. ФЕ способна аккумулировать и транслировать внеязыковую, культурно-

значимую информацию. «Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями» [Телия 1996, с. 214]. Метафорическое использование наименования животного для характеристики человека является частотным актом номинации в речи носителей языка. Представления о животных становятся эталонами и образцами различных качеств людей: привлекательности, отзывчивости, упорства, упрямства, смелости, глупости и т. п. Анализ фразеологизмов, взятых из разных языков, позволяет сопоставить отношение представителей различных народностей к определенному объекту действительности и выявить сходства и различия в восприятии реальных.

Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу фразеологизмов с компонентом-зоонимом *лошадь (horse)* в русском и английском языках и культурах этих стран.

Зооним *лошадь (конь)* является особым для русской культуры. Это сильное, быстрое и свободолюбивое животное, чья грация восхищает. Конь издревле считался помощником человека в тяжелом труде, быстрым средством передвижения и верным соратником на полях сражений [РКПЛС 2004, с. 115–116]. В настоящее время в технологически развитом мире данные функции животного отошли на второй план. Лошадь активно используется в сфере спорта (конный спорт). Несмотря на ограниченное участие животного в жизни современного человека, язык сохранил разнообразные характеристики лошади и закрепил их в образе фразеологизмов. Так, в русском языке широко используются ФЕ с данным анималистическим компонентом. К числу наиболее употребляемых ФЕ относятся: *ломовая лошадь, рабочая лошадка, тёмная лошадка, гнать лошадей, ставить не на ту лошадь, не пришей кобыле хвост, железный конь, не в коня корм, конь не валялся, быть на коне, въехать на белом коне*.

В Великобритании лошадь играла не менее важную роль в быту и в военном деле. Также в этой стране с давних времен развивался конный спорт. В современные дни конные скачки являются популярным мероприятием, посещаемым большим количеством людей. Лошадь стала признаком аристократии [Britannica]. Любовь носителей языка к животному закрепилась в некоторых географических названиях. Так, ряд топонимов имеет «лошадиное» происхождение: Хорсмонден (Horsmonden – ‘лесное пастбище, где пьют лошади’), Хорсли (Horsley – ‘пастбище для лошадей’), Хоршем (Horsham – ‘деревня, где разводят лошадей’) [Historic UK] Анималистический компонент лошадь (horse) входит в состав 12 идиом: *change horses in midstream* (‘менять коней на переправе’), *hold your horses* (‘придержать коней’), *horses for courses* (‘каждому свое’, дословно – ‘разные лошади для различных дистанций’), *straight from the horse's*

mouth ('из первых уст', дословно – 'прямо из уст лошади'), *put the cart before the horse* ('вопреки здравому смыслу', дословно – 'поставить телегу вперед лошади'), *a dark horse* ('темная лошадка'), *eat like a horse* ('есть в три горла', дословно – 'есть как лошадь'), *I could eat a horse* ('голодный как волк', дословно – 'съел бы коня'), *flog a dead horse* ('впустую потраченные усилия', дословно – 'стегать мёртвую лошадь'), *be on your high horse* ('зазнаваться, важничать', дословно – 'быть верхом на высоком коне'), *back the wrong horse* ('ставить не на ту лошадь'), *if wishes were horses, beggars would ride* ('если бы да кабы', дословно – 'если бы желания были лошадьми, нищие ездили бы верхом').

Интерпретация образного основания компонентов-зоонимов позволяет определить культурно-национальную специфику ФЕ. Так, все вышеперечисленные ФЕ могут быть разделены на 7 групп в соответствии с содержанием культурных концептов:

- ФЕ, репрезентирующие концепт «Работа»: *ломовая лошадь, рабочая лошадка, конь не валялся*. Фразеологизмы данной группы передают разную степень вовлеченности в труд. Например, ФЕ *конь не валялся* говорит о полном отсутствии трудовой деятельности, тогда как в других фразеологизмах (*ломовая лошадь, рабочая лошадка*) характеристика *лошади* как рабочей силы лежит в основе фразеологического образа. Сема 'работа' также актуализируется за счет адъективного компонента (*ломовая, рабочая*). ФЕ английского языка *put the cart before the horse* ('вопреки здравому смыслу', дословно – 'поставить телегу впереди лошади') и *flog a dead horse* ('впустую потраченные усилия', дословно – 'стегать мёртвую лошадь') также описывают нелегкие будни многострадального животного. Анималистический образ строится на таких особенностях реальной жизни лошади, как жестокое отношение к ней: даже из мертвой лошади хозяин хочет «выжать» все силы без остатка, лошадь редко ходит «пустая», зачастую она запряжена в телегу с тяжелой ношей.

- ФЕ, репрезентирующие концепт «Победа»: *быть на коне, въехать на белом коне*. Данные фразеологизмы строятся на представлении о коне как о животном грациозном, статном. Выбор компонента-зоонима играет ключевую роль в интерпретации образа: не лошадь, не кляча, не жеребец, а именно конь. В словаре библейских образов указывается, что «в библии кони чаще всего появляются в связи с военными действиями. Их запрягали в боевые колесницы. <...> Благодаря своему крайне важному значению для исхода битвы конь стал символом военной силы и национальной безопасности» [СБО 2005, с. 545]. Другими словами, в образном основании фразеологических единиц лежит военная ситуация, для которой актуален концепт «Победа». Образ ФЕ в английском языке *be on your high horse* ('зазнаваться, важничать', дословно – 'быть верхом на высоком коне') также мотивирован данной характеристикой животного. Человек, сидящий в седле коня, чувствует свое превосходство и не скрывает его.

- ФЕ, в которых доминируют внешние характеристики животного: *не пришей кобыле хвост, не в коня корм*. Лошадь является одним из самых красивых животных. К основным внешним чертам относятся грива и хвост. Лошадь отличается стройностью и статностью. Однако в образе английской идиомы *straight from the horse's mouth* ('из первых уст', дословно – 'прямо из уст лошади') на первый план выходят другие характеристики животного. Этимологический анализ ФЕ показывает, с каким вниманием англичане относятся к здоровью лошади, главным показателем которого являются здоровые зубы. Никакие ветеринары не расскажут о состоянии животного лучше, чем это «проявит» сама лошадь [Historic UK].

- ФЕ, репрезентирующие концепт «Движение»: *железный конь, гнать лошадей, change horses in midstream* ('менять коней на переправе'), *hold your horses* ('придержать коней'), *horses for courses* ('каждому свое', дословно – 'разные лошади для различных дистанций'). При интерпретации образа, лежащего в основе данных фразеологизмов, необходимо учитывать одну из главных функций, которую выполняли эти животные. Лошади были на протяжении нескольких столетий единственным транспортным средством. В перечисленных фразеологизмах образ животного соотносится с базовой метафорой «средство передвижения».

- ФЕ, репрезентирующие концепт «Неожиданность»: *темная лошадка, ставить не на ту лошадь*. Метафорическое значение фразеологизмов соотносится не с образом животного или его внешними и внутренними характеристиками, а со сферой его использования в современном мире. Конный спорт остаётся популярным в современном мире и перешёл в разряд светских мероприятий. Часто тяжело предугадать исход скачек, поэтому результаты соревнований могут стать неожиданными для зрителей. Фразеологизмы русского языка являются лексическими кальками английских идиом *a dark horse* ('темная лошадка'), *back the wrong horse* ('ставить не на ту лошадь').

- ФЕ, репрезентирующий концепт «Удача»: английский фразеологизм *if wishes were horses, beggars would ride* ('если бы да кабы', дословно – 'если бы желанья были лошадьми, нищие ездили бы верхом'). Многие британцы ассоциируют лошадь с удачей. Образ лошади как животного, приносящего удачу, закрепился в легенде об одном кузнеце, к которому однажды пришел чёрт за подковами. Кузнец сразу разглядел нечистое в новом посетителе и, силой зажав нечисть, взял с него обещание, никогда не заходить в дом, в котором весит подкова [Historic UK].

- ФЕ, репрезентирующие концепт «Голод»: *eat like a horse* ('есть в три горла', дословно – 'есть как лошадь'), *I could eat a horse* ('голодный как волк', дословно – 'съел бы коня'). Характеристики коня, закрепленные в образах данных идиом, противопоставлены друг другу. С одной стороны, лошадь – животное крупное, для поддержания физической силы и энергии лошади требуется много еды, отсюда можно говорить об аппетите животного. С другой стороны,

если рассуждать о размерах коня в метафорическом ключе, то съеденное животное такого объема может утолить самый зверский голод.

Анализ языкового материала показал сходство и различия в восприятии лошади как животного носителями двух языков. В обеих культурах лошадь, без сомнения, является животным, работающим на благо своего хозяина. Она является не только рабочей силой, но и надежным перевозчиком на дальние расстояния. Сила и грация животного закрепились в сознании людей обеих стран, ярко выражена статусность человека, имеющего лошадь. Однако носители английского языка демонстрируют более широкое представление о животном, учитывая не только его физические данные, но и мифологическую наполненность образа.

Литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. Historic UK: the History Magazine and Heritage Accommodation Guide. – URL: <https://www.historic-uk.com/CultureUK/The-History-of-Horses-in-Britain/> (дата обращения: 03.02.2023).

Словари, справочники

3. РКПЛС: Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. – М. : Гнозис, 2004.
4. СБО: Райкен Л., Уилхойт Дж., Лонгман Т. Словарь библейских образов / пер. Б. А. Скороходов, О. А. Рыбакова. – СПб. : Библия для всех, 2005.
5. Britannica: Encyclopedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/sports/horse-racing> (дата обращения: 01.02.2023).

УДК 811.111.373

Лызлов Алексей Игоревич

доктор филологических наук, доцент

Военная академия войсковой противовоздушной обороны

Вооруженных Сил Российской Федерации

Россия, Смоленск

aleksej-lyzlov@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ВОЛК» В АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПАРЕМИЧЕСКОЙ СФЕРАХ: ЧЕРТЫ СХОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу оценочных семантических признаков, выраженных в паремических высказываниях английского и немецкого языка, образная основа которых представлена зоонимическим образом «волк». Описы-

ваемый зоонимический образ занимает важное место в образной системе как английского, так и немецкого языков. Этот образ содержит как положительно, так и отрицательно-оценочные признаковые значения. Целью данной статьи является анализ сходных черт, присущих плану содержания образа «волк» в английских и немецких поговорках.

Ключевые слова: английские поговорки, немецкие поговорки, концепт, оценка.

Lyzlov A. I.

Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor
Military Academy of Military Air Defense Armed
Forces of the Russian Federation

CONCEPT “WOLF” IN RUSSIAN AND GERMAN PROVERBIAL SPHERE: FEATURES OF SIMILARITY

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the evaluative semantic criteria expressed in proverbial units of the English and German languages the figurative base of which is represented by the zoonymic image “wolf”. The described zoonymic image takes an important place in the figurative system of both the English and German languages. The image contains both positive and negative evaluative criteria. The purpose of the article is the analysis of the similar features represented in the plane of content of the image ‘wolf in English and German proverbs.

Keywords. English proverbs, German proverbs, concept, evaluation.

Материалом данной статьи являются английские и немецкие пословицы и поговорки, которые описываются также термином «поговорки».

Д. О. Добровольский рассматривает пословицы и поговорки с точки зрения категории имплицитности. Данные языковые явления представляют собой единицы с намеренной имплицитностью, поскольку предполагают наличие имплицитных значений, входящих в замысел коммуникации и влияющих на ее успешность. Эта особенность объясняется способностью паремических образований вызывать в сознании людей перекрещивающиеся образные ассоциации, возникающие в результате тесного взаимодействия отдельного отрезка окружающей действительности, имеющего знаковое выражение, и всего объема знаний о мире. Каждая рассматриваемая единица обнаруживает наличие своеобразно наложенных друг на друга картин мира. Первая картина мира представляет собой буквально воспринимаемый образ реальной действительности и соотносится с эксплицитным смыслом, имеющим в данных языковых единицах конкретное лексико-грамматическое выражение. Вторая картина мира представляет собой оригинальный взгляд на реальную действительность в результате образного переосмысления первой картины мира как опоры в изначальном отображении определенной ситуации реального мира. В поговорках первая и вторая картины мира вербализованы как единое целое [Добровольский 1996, с. 91].

Когнитивная лингвистика определяет концепт как многомерное ментальное образование, в рамках которого имеется логико-понятийная, ассоциативно-образная и эмотивно-оценочная составляющая [Карасик 2009, с. 96]. В данной статье концептуальный образ волка в поговорках изучается на предмет реализации им ценностных представлений человека о мире. Оценка в языке представляет собой отношение говорящего к сообщаемому, описываемое в рамках маркеров «хорошо» и «плохо» и их различных эквивалентов, выражаемая имплицитно или эксплицитно [Вольф 2005, с. 5]. Этническая система ценностей существенно зависит от культурно-исторического контекста, от эволюции социокультурной среды, от изменения знаний об окружающем мире и духовных приоритетах этноса в процессе общественного развития [Викулова, Серебренникова, Кулагина 2011, с. 96; Федуленкова 2017, с. 176]. Аксиологический аспект поговорок является предметом рассмотрения многих авторов [Мелерович, Мокиенко, Якимов 2022, с. 25].

С древнейших времен образ волка носит неоднозначную, даже негативную окраску. Культурная традиция рассматривает волка как враждебного демона, символ смерти и ночи. Данное слово восходит к форме санскрита *urk*, что переводится также как «грабеж» и «насилие» [Керлот 1994, с. 402].

Английский и немецкий языки – близкородственные. Относительно паремических систем этих языков уместно говорить о сходстве образных систем данных языков применительно к их объективации в паремических единицах. Цель данной статьи – изучить поговорки английского и немецкого языков с образным компонентом «волк» (англ. *wolf*, нем. *Wolf*) и определить те черты и признаки человека, которые описываются в паремических единицах посредством образа «волк» путем метафорического переосмысления. В данной работе уделяется внимание сходным чертам в трактовке исследуемого образа, представленного в английских и немецких паремических единицах. Данные черты в двух языках объективно подвержены девиациям, различным способам выражения, что не является препятствием для выражения магистральных значений.

Двуличие

Ряд паремических единиц использует аксиологическую связку «волк» – «овца», где волк имплицитно несет негативное начало, овца – позитивное.

Восходящая к образам античной литературы паремическая единица *a wolf in sheep's clothing* [WDP] (букв.: «волк в овечьей шкуре») появляется в английском языке ближе к концу среднеанглийского периода. В ней порицается двуличие людей, стремящихся скрыть свои истинные цели, выдать их за цели благородные, невинные.

В немецком языке также присутствует противостояние волка и овцы в поговорках для описания двуличности. Единица *wenn der Wolf psalmodiert, gelüstet ihn der Schafe* [DS] (букв.: «когда волк поет псалмы, он совращает овец»)

задействует религиозную ситуацию. «Двуличный» волк предстаёт в виде псалмопевца. Загнанный и пойманный волк ведет себя сиротливо, как овца. Осознание собственного бессилия, появление смирения описывается высказыванием *wenn der Wolf gefangen ist, stellt er sich wie ein Schaff* [DS] (букв.: «когда волка поймают, он ведет себя как овца»).

Относительность

Относительный характер человеческих отношений, многовекторность и неоднозначность являются предметом рассмотрения в паремиях английского и немецкого языков также при помощи бинарной оппозиции «волк» – «овца».

Паремическое высказывание: *the death of the wolf is the health of the sheep* [WDP] (букв.: «смерть волка – здоровье для овцы») продолжает идею, выраженную в единице: *it is hard to have wolf full and whether whole* [WDP] (букв.: «трудно сделать так, чтобы волк был сытым, а овцы – целыми»). Но если в первой единице речь идет о жизни, то вторая паремия затрагивает тематику смерти, обостряет конфликт противоборствующих сторон до крайности. Смерть одного есть жизнь другого.

В немецком языке есть почти дословный вариант процитированных выше единиц: *der Wolfe Todt ist der Schaffe Heil* [DS] (букв.: «смерть волка – благо овцы»). Речь идет не о здоровье, а о благе, что не препятствует сходной трактовке ситуации. Ирония присутствует в немецкой паремии *wenn der Wolf das Schaff verheiratet!* [DS] (букв.: «когда волк на овце женится»). В ней встречаются антагонистические образы волка и овцы, классический пример хищника и жертвы. Данная единица отмечает невозможность некоего события в той же мере, в которой невозможно примирение враждующих сторон.

Солидарность

Паремия: *wolves never prey upon wolves* [ODP] (букв.: «волк никогда не охотится на волка») образно описывает непреложный закон существования любого общества. Он основывается на том, что члены любого социума не имеют права причинять ущерб друг другу, этот категорический императив присущ любым общественным образованиям, которые в рассматриваемой единице описываются в образе волчьей стаи. Высказывание: *it is a hard winter when one wolf eats another* [ODP] (букв.: «сурова та зима, когда волк поедает волка») продолжает средневековую идею импlications голода при помощи образа волка.

В немецком языке существует ряд паремий, в которых описываются случаи солидарности: *es beißt kein Wolf den anderen* [DS] (букв.: «волк не кусает волка»). В данной единице сохраняется ситуация, но варьируется глагольная составляющая, «кусаться» в немецком, «охотиться» и «есть» – в английском.

Оригинально содержание немецкой паремии *ein Wolf beschreit den anderen nicht* [DS] (букв.: «волк волка не сглазит»). Ее глагольная составляющая

описывает нанесение не физического, но ментального ущерба. Она связана с языческими представлениями о колдовстве.

Представитель того или иного общества вольно или невольно принимает его обычаи и нравы. Такова основа английской поговорки: *who keeps the company with the wolf will learn to howl* [ODP] (букв.: «тот, кто водится с волком, научится выть»). Представитель одного социума лучше других понимает своего собрата: *the wolf knows what ill beast thinks* [WDP].

В немецкой единице *bei Wölfen und Eulen lernt man heulen* [DS] (букв.: «у волков и сов человек учится выть») добавляется еще один зоонимический образ, образ совы – животного, издающего протяжные звуки.

Жадность

В поговорке: *give never the wolf the whether to keep* [ODP] (букв.: «не давай волку сторожить овец») прагматическая функция запрета связана с воззрениями на волка как на коварное, вероломное существо, способное злоупотребить доверием. Поговорка: *the wolf eats counted sheep* [WDP] (букв.: «волк поедает сосчитанных овец») является заимствованием из Вергилия, используется для негативной оценки жадности. Поговорка, зафиксированная несколько позднее: *the least choice the wolf left a sheep* [WDP] (букв.: «маловероятно, что волк отпустит овцу»), является более мягким вариантом предшествующей единицы. Она лишь подтверждает идею о том, что люди весьма редко отказываются от своих пагубных пристрастий, так же редко, как волк отказывается от своей добычи. Последняя из поговорок, посвященная оценке жадности, где задействуется ситуация, в которой наличествуют субъект-объектные отношения рассматриваемых образов волка и овцы: *by little and little the wolf eats a sheep* 1633 [WDP] (букв.: «мало-помалу волк съест всех овец»), указывает на неизменность поведенческих привычек животного,

В немецком языке также существует дословное заимствование из Вергилия *der Wolf frisst auch die gezeichneten Schafe* [DS] (букв.: «волк поедает и сосчитанных овец»). Немецкая поговорка *frisst der Wolf ein ganzes Schaf, so frisst er auch ein Ohr davon* [DS] (букв.: «съест волк всю овцу, съест он и ее ухо») сохраняет общую ситуацию описания жадного поведения, добавляя элемент, часть целого жертвы – ухо, показывая таким образом намерение получить всё без остатка. Немецкая поговорка *der Wolf findet leicht eine Ursache wenn er das Schaf fressen will* [DS] (букв.: «волк легко находит причину, если хочет содрать овцу») расширяет поговорочную ситуацию, добавляя элемент желания субъекта ситуации оправдать свои негативные наклонности. Образ волка-пастуха для описания жадности и беспринципного поведения встречается как в английском, так и в немецком языке: *wo der Wolf wird der Hirt, da sind die Schaffe verirrt* [DS] (букв.: «там, где волк становится пастухом, есть заблудшие овцы»).

Агрессивность. Неизменность человеческой природы

Натура человека неизменна, это так же верно, как и то, что волк всегда умирает в своей шкуре, что и имплицитно паремия: *the wolf must die in his own skin* [ODP] (букв.: «волк должен умереть в своей шкуре»). Более поздняя паремия *wolves lose their teeth but not their memory* [ODP] (букв.: «волки теряют свои зубы, но не свою память») также описывает неизменность сущности человеческой души. В данном случае используется образ старого волка, который может потерять силу и зубы, но не свою память – память свирепого хищника. Прагматическую функцию предостережения встречаем в паремической единице: *the wolf may lose his teeth but never his nature* [WDP] (букв.: «волк может потерять зубы, но не свой нрав»).

Немецкая паремическая традиция использует образ волка для того, чтобы дать негативную характеристику неисправимым злодеям. Данная мысль объективирована в паремии *der Wolf ändert das Haar, und bleibt wie er war* [DS] (букв.: «волк меняет свою шерсть, но остается тем, кто он есть»). В немецкой единице описывается ситуация, сходная с представленной выше английской, инвариант сохраняется, это образ волка, однако иным является вариативный элемент. Немецкий волк линяет, английский теряет свои зубы.

Для того чтобы описать неизменность характера человека, в немецкой паремической традиции используется также высказывание: *der Wolf wird älter, aber nicht besser* [DS] (букв.: «волк становится старше, но не лучше»). В данном высказывании имеет место прямая оценка, без образного описания. Жизненный путь волка, его старение также указывается напрямую. В английских единицах, приведенных выше, упоминается сопутствующий старению фактор – выпадение зубов.

В английской и немецкой лингвокультурах образ волка является символом пейоративных качеств. Как английская, так и немецкая паремическая традиции используют образ волка для того, чтобы дать негативную характеристику таким качествам человека, как жадность, агрессивность, двуличие, относительность. Образ волка в английской и немецкой пармиологии во многом схож, схожи и ситуации, объективированные в связных сочетаниях сопоставляемых германских языков, в которых оперируют паремические образы. Анализ языков на паремическом уровне рамках зоонимического слоя на примере образа волка является подтверждением идеи о длительных контактах двух родственных языков.

Литература

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – Изд. 3-е, стер. – М. : URSS, 2005.

2. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.

3. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Кулагина О. А. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. Г. Викулова. – М. : Тезаурус, 2011.

4. Карасик В. И. Языковые ключи. – М. : Гнозис, 2009.

5. Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Якимов А. Е. Аксиологические вибрации пословицы в поэтическом тексте (*быльем поросло*) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы Междунар. науч. конф., посвященной памяти профессора Людмилы Алексеевны Араевой (3–4 февраля 2022 г., Москва). – М. : Гос. ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 25–33.

6. Керлот Х. Э. Словарь символов / отв. ред. С. В. Пролив. – М. : REFL-book, 1994.

7. Федуленкова Т. Н. Тенденции развития пословицы (на материале английского языка) // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты : монография / Н. Ф. Алефиренко, Д. О. Добровольский, В. М. Мокиенко и др. ; под ред. проф. Т. Н. Федуленковой. – Владимир : ВлГУ, 2017.

Словари, справочники

8. ODP: The Oxford dictionary of proverbs, ed. by Jennifer Speakes. – 5th edition. – N-Y : Oxford University press, 2008.

9. WDP: The Wordsworth dictionary of proverbs [et al.]. – Hertford-London : Wordsworth editions Ltd., 2006.

10. DS: Die Deutschen Sprichwörter. Gesammelt von Karl Simrock. – Stuttgart : Recalm GmbH & Co. KG, 2011.

УДК 81.42

Павлова Алла Эдуардовна

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственный университет

Россия, Кострома

alla0826@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ЗЕМНОЙ ШАР* КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ)

Аннотация: Статья посвящена изучению поэтической фразеологии на материале русской рок-поэзии. Целью данной статьи является исследование особенностей использования фразеологизма *ЗЕМНОЙ ШАР* в поэтическом дискурсе XX–XXI веков на материале текстов пе-

сен известных рок-групп. Задачей исследования явилось изучение особенностей использования фразеологической единицы ЗЕМНОЙ ШАР в индивидуально-авторском употреблении в тех поэтических произведениях, в которых данная фразеологическая единица получила наглядно-образное воплощение; определение особенностей вербализации посредством данного фразеологизма концепта «Пространство».

Ключевые слова: фразеология, поэтический дискурс, рок-поэзия, концепт «Пространство».

Pavlova A. E.

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor

Kostroma State University

**PHRASEOLOGISM *GLOBE OF THE EARTH*
AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT
OF “SPACE” IN POETS DISCOURSE OF THE XX–XXI CENTURY
(BASED ON RUSSIAN ROCK POETRY)**

Abstract. The article is centered on the study of poetic phraseology in Russian rock poetry exemplified in songs by famous rock musicians. The purpose of this article is to analyze peculiar qualities of phraseology *GLOBE OF THE EARTH* in the poetic discourse of the XX–XXI century in lyric texts of famous rock bands. The objectives of the study are to examine the features of the phraseological unit *THE GLOBE OF THE EARTH* in the individual author’s use in the poetic works in which this phraseological unit receives a clearly-figurative embodiment, as well as to determine the features of verbalization of the concept of spacethrough this phraseological unit.

Keywords: phraseology, poetic discourse, rock poetry, the concept of “Space”.

В настоящее время в современной лингвистике особое внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту изучения фразеологии, при котором осуществляется взаимосвязь и взаимовлияние языка и культуры. Как отмечает И. Е. Герасименко, «фразеологизмы воспроизводят национальную философия народа, общественное устройство, мировоззрение своей эпохи» [Герасименко 2018, с. 354]. Изучение особенностей функционирования фразеологических единиц (далее ФЕ) в художественном дискурсе в лингвокультурологическом аспекте представляется важным, так как «этнолингвистическое и культурологическое направления стремятся раскрыть средства и способы проникновения “языка” культуры во фразеологические знаки естественного языка и формы презентации ими культурно значимой информации» [Телия 1999, с. 19]. По мнению А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, некоторые языковые средства, в частности лексемы и фразеологизмы, способны вербализовать ключевые концепты культуры, например такие, как «время», «движение», «пространство». Так, исследователи отмечают, что «космическая интерпретация пространства в поэзии сопряжена с образным видением сферического пространства, базирующегося прежде всего на образе земного шара, что обусловлено изначально-

ным антропоцентрическим восприятием вселенной» [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 333]. Авторы научной монографии «Современная русская фразеология» подробно рассматривают употребление ФЕ *земной шар* в поэтическом дискурсе русской поэзии, обращаясь к стихотворным текстам Ф. Тютчева, А. Блока, М. Цветаевой, Б. Окуджавы, В. Шефнера и др. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко приходят к важным выводам о том, что «исследование языкового строя поэтических произведений в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах выявляет особенности преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве поэзии, чуткость художника слова к обнаружению языковых образов, наиболее рельефно отражающих поэтическую картину мира» [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 343]. Следовательно, поэтическая картина мира как разновидность художественной картины мира транслирует характерные черты языковой личности, представляя собой «субъективный образ объективного мира» [Маслова 2004, с. 42]. Система ценностей, выражаемая в художественном мире, позволяет определить те духовные вехи и опоры, без которых невозможно полноценное духовно-нравственное развитие как отдельной личности, так и общества в целом, что позволяет говорить о поэзии, основанной на представлении о неразрывном единстве мира в целом.

Обратимся к исследованию особенностей использования фразеологизма *земной шар* в поэтическом дискурсе XX–XXI веков на материале текстов песен известных рок-групп «Наутилус Помпилиус», «Би-2», «Кино» и других рок-исполнителей как средства вербализации концепта «Пространство», что представляет дальнейшее исследование данного фразеологизма на новом материале и позволяет рассматривать его как вербализованную систему когнитивных представлений поэтов.

Выбор материала исследования, обусловлен, во-первых, тем, что, по мнению большинства исследователей русской рок-поэзии (Троицкого, Афанасьева, Крыловой и др.), в России рок-поэзия как поэзия элитарного типа является продолжением традиций русской классической поэзии, поэтому в настоящее время «достаточно активно изучается современными филологами, причем в разных аспектах» [Крылова 2016, с. 8]. Так, А. Троицкий отмечает, что Макаревич, Гребенщиков, Шевчук, Цой – все испытали огромное влияние «великих поэтов и бардов, от Вертинского и Маяковского до Окуджавы, Галича и Высоцкого» [Клименко 2016]. Во-вторых, в художественной картине мира представлены не только индивидуальные концепты поэтов, но и элементы национальной картины мира, а это важно для понимания национальных символов, национально-специфические концептов, что возможно определить в результате сравнения особенностей использования фразеологизма *шар земной* в поэтических дискурсах прошлого и настоящего веков.

Рассмотрим своеобразие концептообразующего функционирования фразеологизма *земной шар* в границах определенного поэтического дискурса, представленного рядом поэтических произведений из творчества рок-музыкантов, в которых данная концептосфера получила наглядно-образное и философское осмысление, что было определено в результате сплошной выборки из текстов песен отечественных рок-музыкантов. Концептосфера как целостное ментальное пространство образуется совокупностью художественных концептов. Н. С. Болотнова трактует художественный концепт как «многогранную структуру различных ассоциативных рядов, отражающих определённые направления ассоциирования, актуализированные в тексте, фиксирующие многоаспектность концепта и его динамичный характер» [Болотнова 2007, с. 76]. Следовательно, художественный концепт – это комплексная единица художественного смысла, объединяющая в себе индивидуально-авторское осмысление сущности предметов и явлений и их образное представление.

ФЕ *земной шар* – «интернационализм, калька с одного из европейских языков, видимо, с немецкого – ‘земной шар, обитаемое пространство земли и глобус’» [ЖРФХР, с. 682]. Частотное обращение рок-музыкантов к данной универсалии, на наш взгляд, определяется тем, что ФЕ *земной шар* является важнейшей составляющей поэтического хронотопа, что позволяет выразить идею сопричастности человека космическому пространству и времени, определить место человека в системе мироздания, влияние человека на пространство.

Обратимся к особенностям функционирования данного фразеологизма в тексте песни В. Бутусова «Шар цвета хаки» (1986). Проблематика данной песни касается отношения человека к войне, его позиции отрицания военной агрессии, охватившей людей на земном шаре. Фразеологизм занимает сильную позицию текста в его индивидуально-авторском использовании – в названии песни «Шар цвета хаки». В припеве данный фразеологизм употребляется, повторяясь несколько раз, поскольку автор утверждает мысль о том, что он «не видел картины дурней, чем шар цвета хаки». Расширение состава ФЕ путем включения в него новых компонентов позволяет актуализировать внимание слушателей на том, что *земной шар*, а именно люди на земле стали вести себя слишком воинственно: цвет хаки традиционно используется в военной форме, обмундировании. Данный образ земного шара противопоставлен традиционному образу «голубой планеты», земная поверхность которой на 80 % покрыта реками, морями, океанами. Так, в 1974 году А. Рыбников создает песню «Голубая планета» к фильму «Большое космическое путешествие», где *земной шар* – это место, от которого человек начинает путь к новым высотам космического пространства: «А нас позвал в дорогу / Далекий Млечный путь». Образ прекрасной голубой планеты также создан еще в одной песне А. Рыбникова – «Песня о звездах» к детскому фильму «Про Красную Шапочку»: «Лунные лю-

ди смотрят, глаз не сводят, / Как над луной, над луной / *Шар голубой, шар земной*/ Очень красиво всходит и заходит». Здесь образ неба, звезд, земного шара представлен в единстве космического мироздания. В музыкальной же композиции В. Бутусова образ *земного шара*, охваченного войной, противопоставлен образу неба, традиционной поэтической метафоре, которое так же, как и земля, может быть охвачено «гарью»: «Я чувствую гарь, / Я знать не хочу ту тварь, / Кто спалит это небо. / Не трогайте небо!». Здесь автором представлен собирательный образ людей, которые в своем безумстве завоевывать готовы разрушить не только земной шар, но и «небо», то есть космическое пространство. Здесь концептосфера «человек – земной шар – космос» представлена оппозициями «человек – земной шар и космос», потому что человеческий мир «цвета хаки» опасен для «пространства Земли и космоса».

Противопоставленные образы земли и неба в пространстве вселенной также встречаются в песне В. Цоя «Война»: «Земля, небо, / Между землей и небом война». Здесь показано отсутствие органического сочетания космического и земного бытия: законы природного единства и земной жизни человеком нарушены.

Подобное понимание состояние, в котором находится *земной шар*, можно встретить в песне группы Би-2 под название «Шар земной» (2009 г.). Спасти *шар земной* можно только любовью, которую несет в мир любящая женщина, поэтому «она на своих плечах держит *шар земной*». Образ женщины, которая готова ради любимого на все, ассоциируется с образами атлантов, на плечах которых держится небесный свод. Здесь индивидуальное представление концепта «Пространство» как места, которое «удержать» может только истинная любовь, так же аксиологически значимо, как и рассмотренные выше варианты данного концепта.

В поэзии XX века характерно представление образа *земного шара*, который оказался в опасности, что связано с отражением общей нестабильной обстановкой в мире на протяжении всего XX века. Так, в 1987 году А. Пахмутовой была написана песня «Шар земной» на стихи Р. Гамзатова, которую в 1988 впервые исполнил А. Градский, певец с уникальным голосом, способный работать в различных музыкальных стилях, основоположник русского рока.

Шар земной! Для одних ты – арбуз. На куски
Разрезают тебя и кромсают зубами.
Для других ты – лишь мяч, и, толпясь, игроки
То хватают тебя, то пинают, пинают ногами...
Шар земной для меня – не арбуз и не мяч.
Шар земной! Для меня ты – лицо дорогое,
Я слезинки твои утираю – не плачь!
Кровь смываю твою и пою над тобою...

В данном поэтическом тексте образ *земного шара* представлен через метафорические образы арбуза и мяча, что позволяет автору подчеркнуть отношение людей к земному шару, который «разрезают» или «пинают ногами». Используемая автором антитеза дает возможность почувствовать иное отношение к земле: для него, автора, это «лицо дорогое». Олицетворение позволяет отойти от образного восприятия сферического пространства земного шара и представить Землю как живое существо, которое может «плакать» и по-настоящему страдать от жестоких поступков людей. Здесь снова встречается образ мыслящего, живого пространства, к которому люди относятся без должного понимания.

Таким образом, фразеологизм *земной шар* частотно используется в поэтических дискурсах у рок-исполнителей прошлого и нынешнего века, вербализуя концепт «Пространство» разными стилистическими приемами. Частотность языковых репрезентаций данного концепта свидетельствует об его актуальности в когнитивном сознании автора, аксиологической значимости. Аксиологические коннотации данного фразеологизма, возникающие как результат раскрытия ассоциативно-образного основания фразеологизмов, включения в художественно-образную систему, выстраивания новых контекстуальных связей и взаимоотношений, позволяют также понять авторские ценностные ориентиры – стремление к любви, миру, гармонии на земном шаре.

Литература

1. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2007. – № 2. – С. 74–79.
2. Герасименко И. Е. Гендерные модели культуры в зеркале русской фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. – Тула : ТППО, 2018. – С. 354–356.
3. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2004.
4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
5. Клименко А. Рок-н-ролл жив? Артемий Троицкий о том, что музыка утратила свой смысл // Аргументы и факты, 17.05.2016. – URL: https://spb.aif.ru/culture/person/rok-n-roll_zhiv_artemiy_troickiy_o_tom_pochemu_muzyka_utratila_svoy_smysl (дата обращения: 03.12.2022).

6. Крылова М. Н. Рок-поэзия как современная форма существования поэзии: стилистические особенности текста / Русская рок-поэзия: текст и контекст : научное издание. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – № 1(16). – С. 6–14.

7. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 19–23.

Словари, справочники

8. ЖРФХР: Жизнь русской фразеологии в художественной речи : школьный словарь / сост. А. С. Власов, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко и др. ; под ред. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.

УДК 811.161

Токарев Григорий Валериевич

доктор филологических наук, профессор

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Россия, Тула

grig72@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ЗНАКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ НА БАЗЕ УРБАНОНИМОВ

Исследование «Симболярий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

***Аннотация.** Рассмотрены ключевые знаки симболярия тульской культуры, образованные на основе урбанонимов. Определение значения ключевого знака осуществлено путём проведения психолингвистического эксперимента, изучения профанных толкований, контекстов в различных СМИ. **Ключевые слова:** урбаноним, ключевой знак, региональная культура, симболярий.*

Tokarev G. V.

Doctor of Philological Sciences, Professor

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

KEYSIGNS OF REGIONAL CULTURE FORMED ON THE BASIS OF URBANONYMS

***Abstract.** The article considers the key signs of the symbolary of the Tula culture, formed on the basis of urbanonyms. The definition of the meaning of the key sign was carried out by conducting a psycholinguistic experiment, studying profane interpretations, contexts in various media.*

Keywords: *urbanonym, keysign, regional culture, symbolarium.*

Культура как семиотическая система в процессе своего функционирования формирует ключевые знаки на основе выделения из семиотического множества наиболее важных для её носителей средств. Ключевые знаки выполняют навигационную функцию. Они в сжатом виде отражают знания о культуре и помогают её носителям ориентироваться и обмениваться информацией, используя компактные средства. Ф. Г. Фаткуллина пишет о стереотипном характере данной информации: «...стереотип выступает в качестве каменной стены, ограждающей индивида от дискомфорта внешнего мира [Фаткуллина 2021, с. 751]. В сравнении с другими лингвокультурными единицами ключевые знаки культуры преобладают. По сути, они отражают актуальные ценности лингвокультуры и со сменой культурных парадигм могут уходить в пассивный запас или вовсе исчезать. Соответственно, каждая новая культурная парадигма может формировать свой багаж ключевых знаков. Ключевой знак культуры включает в состав своего значения коннотативные семы, отражающие особенности культурного опыта, представления о жизнеустройстве в том или ином регионе. На базе данных коннотаций могут формироваться иные значения и другие типы лингвокультурных единиц. Так, на основе ключевых знаков культуры могут появляться квазисимволы, квазиэталоны, эмблемы, бренды (см. об этом подробнее в [Токарев 2022]). Определение значения ключевого знака осуществляется путём проведения психолингвистического эксперимента, изучения профанных толкований, контекстов в различных СМИ. Важными признаками ключевого знака культуры является его прецедентный характер, активность в коммуникативных процессах, сообщение информации о важных сторонах действительности, ограниченная пределами локации актуальность.

Ключевыми знаками лингвокультуры могут становиться:

топонимы: *Алексин-бор, Филимоново* и др.;

номинации артефактов: *анковский пирог, памятник Пушкину* и др.;

номинации социально значимых объектов: *Ваныкинская больница, Ликёрка* и др.

Ключевой знак культуры передаёт наивное восприятие действительности, что нередко отражается в использовании неофициальной, просторечной или даже жаргонной номинации. Ср.: *Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого // пед.*

Рассмотрим более подробно семантику ключевых знаков Тульской региональной культуры, образованных на основе урбанонимов.

Петровская слобода / Петровская гора – некогда один из районов на юге Тулы, в котором проживали переселённые туда посадские люди. Позже один из элитных районов города. Своё название слобода получает по имени Петропавловского храма, который находился на её территории. Поскольку через слободу

шла дорога на Крапивну, её называли ещё Крапивенской. Холмистый ландшафт стал причиной ещё одного названия данного места – *Петровская Гора*. Хотя в Туле в конце XVII – начале XVIII века насчитывалось восемь слобод, до наших дней в полном варианте дошли две номинации: «Петровская слобода» и «Кузнецкая слобода». Наивное сознание современного туляка ошибочно связывает это название с Петром Первым, который бывал в Туле и был инициатором создания оружейного завода. В настоящее время данный топоним не используется для обозначения указанного района. Номинация функционирует как обозначение неопределённой локации в Туле, названной так в честь первого русского императора. Номинация используется как номенклатура для обозначения учреждений.

Номинации площадей (агоронимы) Тулы – *площадь Ленина, Восстания, Хлебная, Челюскинцев (Крестовоздвиженская)* – как ключевые знаки культуры получают семантику центральной точки города. Характерно, что все названные площади расположены в центре города недалеко друг от друга. По своему прямому назначению к числу площадей в современной Туле можно отнести, пожалуй, только площадь Ленина, поскольку остальные объекты стали постепенно сокращаться, застраиваться. Однако данные лингвокультурные знаки продолжают функционировать, поскольку они необходимы для навигации, указания на центр локации.

Региональное сознание выделяет отдельные годонимы, номинации улиц, которые, обрастая культурными коннотациями, постепенно становились ключевыми знаками лингвокультуры. Так, в начале XXI века среди знаков этого типа выделяют Советскую (бывшую Посольскую улицу), проспект Ленина (бывшую Киевскую улицу). Обе улицы являются основными транспортными артериями города и располагаются в его центре, что, несомненно, определяет причины их актуализации. Советская улица опоясывает исторический центр города. Ранее на этой улице располагалось множество гостиниц, что определило её название. В настоящий момент ключевой знак имеет навигационное значение, указывает затруднённость трафика. Проспект Ленина пересекает Тулу от центра на юг, ранее это направление определялось как Крапивенское или Киевское, поэтому улица носила соответствующие названия. На Киевской улице располагались дорогие магазины, она была главным променадом горожан, отчего её в шутку называли Тульской Тверской, Кузнецким мостом. Данная улица была своеобразной осью, но которую была ориентирована регулярная застройка города. Все эти знания сформировали основу культурной памяти и обусловили появление сем: ‘центр’, ‘престижность’. Для русской культуры не характерна номинация перекрёстков, в отличие, например, от японской. Однако в тульской топонимике эта закономерность нарушается. На пересечении проспекта Ленина и улицы Советской располагается Пьяный угол. Данный годо-

ним является неофициальной номинацией. Культурная память, используя разные легенды, актуализирует объяснение данной номинации с опорой на находящуюся в этом месте точку продажи спиртных напитков. Культурный знак стал употребляться для навигации, в частности для обозначения места встречи, отсчёта расстояния и т. п. В настоящее время данная лингвокультурная единица постепенно утрачивает свою актуальность.

Немало ключевых знаков лингвокультуры имеет значение ‘предел, граница какого-либо пространства’. Например, микротопоним *Толстовская застава*. Культурная память хранит информацию о границе старой Тулы, которая заканчивалась Киевской заставой (окончанием главной, Киевской улицы, города). В 1917 году Киевская застава была переименована в Толстовскую, по наименованию пересекающей Киевскую улицу Толстовской улицы, ранее называвшейся Мотякинской. В современном лингвокультурном пространстве знак употребляется номинально, его можно отнести к разряду безденотатных единиц. Наивное сознание генерировало лингвокультурный сюжет, указывающий на то, что с этого места начинается путь в Ясную Поляну – имение Льва Николаевича Толстого.

К знакам, указывающим на границы пространства, относятся названия микротопонимов железнодорожных мостов, под которыми проходит автодорога: *красные ворота, белые ворота*. Колоративное прилагательное связано с цветом сооружения. Красные ворота указывают на условную северную границу города, белые – северо-восточную.

Ещё одной номинацией в той же функции выступает «Красный перекоп» – название микрорайона. Номинация связана с победой красногвардейцев над белыми под городом Перекопом в Крыму. Микрорайон *Красный перекоп* когда-то находился на краю города. По границе микрорайона в годы Великой Отечественной войны проходила линия обороны города. Позже здесь появилось трамвайное кольцо. Данные факты способствовали формированию коннотаций, указывающих на предел, границу.

Ряд номинаций относится к названиям микрорайонов Тулы. В роли ключевых знаков данные номинации приобрели иное значение: *Заречье* – ‘один из старейших районов города, с хорошим транспортным сообщением’, *Криволучье* – ‘промышленный, непрестижный, удалённый от центра район’, *Мясново* – ‘экологически чистый, непрестижный, удалённый от центра район’, *Чулково* – ‘один из старых районов города; локация, которая характеризуется обилием старых деревянных одноэтажных домов, в прошлом место проживания оружейников, самоварщиков, гармонщиков’; *Серебровка* – ‘локация, имеющая криминальную славу’; *Зеленстрой* – хотя данный район начал застраиваться ещё в 70-е годы XX века, культурная память хранит значение ‘новый, молодой район’; *Глушанки* – ключевой знак, имеющий значение ‘спальный район, уда-

лённый, криминогенный, место расположения областной больницы'. С ключевым знаком *Гончары* связана легенда о месторождении глины и гончарной слободе, которая находилась в этом месте. Значение ключевого знака *Горелки* формируется в 90-е годы XX века, когда в Туле появился первый коттеджный посёлок, в котором проживали «новые русские». *Горелки* в шутку стали называть *кварталом бедных*, или *негритянским кварталом*. Значения этих составных номинаций дали почву для развития семантики ключевого знака. Следует отметить, что изменение общественной структуры, идеологии стали причиной перехода устаревания значения данного знака. Кроме указанных, перечисленные знаки имеют значения предела, границы, поскольку они находились на окраине города. Тулу окружает немало населённых пунктов, в основе номинации которых лежит компонент с корнем *-гор-*: *Осиновая Гора*, *Косая Гора*, *Мыльная Гора*, *Горелки*. На наш взгляд, это объясняется не только особенностью ландшафта, но и желанием языкового сознания провести границу между своим и чужим пространством. Следует заметить, что в Туле появилось немало новых микрорайонов: *Левобережный*, *Северная Мыза*, *Петровский квартал* и др. Значение данных ключевых знаков включает семы 'новый', 'удалённый'.

Ключевые знаки лингвокультуры составляют самый обширный пласт её символика. На их основе могут формироваться бренды и символы культуры.

Литература

1. Токарев Г. В. Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, вып. 8. – С. 75–91.
2. Фаткуллина Ф. Г. Стереотипы как маркеры лингвокультур // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 750–754.

УДК 811.161.1'373.7

Третьякова Ирина Юрьевна

доктор филологических наук, доцент

Костромской государственной университет

Россия, Кострома

trirfr@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ ЯЗЫК

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о преобразовательном потенциале русских фразеологизмов с компонентом-соматизмом ЯЗЫК. Выявляются трансформации на основе системных и несистемных связей компонентов фразеологизмов со словами свободного

употребления. При исследовании трансформационной активности фразеологизмов учитываются структурно-семантические и лингвокультурологические факторы, обуславливающие частотность и разнообразие преобразований фразеологических единиц.

Ключевые слова: окказиональные преобразования фразеологизмов, фразеологические трансформации, культурный код, фразеологизмы-соматизмы с компонентом язык.

Tretiakova I. Y.

Doctor of Philology, Associate Professor

Kostroma State University

TRANSFORMING POTENCY OF THE IDIOMS WITH THE SOMATIC COMPONENT TONGUE

Abstract. *The article studies the issue of occasional potential of the Russian phraseological units with the somatic component TONGUE. It depicts transformations based on systematic and non-systematic connections between the phraseological components and common words. While analyzing transforming potency, we paid special attention to structural-semantic and linguacultural factors which determine frequency and variety of transformations.*

Keywords: *Occasional transformations of idioms, phraseological transformations, cultural code, phraseological units with somatic component tongue.*

В 1997 году увидел свет уникальный словарь «Фразеологизмы в русской речи», авторами которого были известные российские фразеологии Алина Михайловна Мелерович и Валерий Михайлович Мокиенко [ФРР]. Уникальность и большая ценность этого труда состояла и состоит в том, что в нём впервые было представлено описание идиом в их вариантном речевом многообразии. Во Введении авторы словаря обратились к проблемам фразеографии и теории окказиональной фразеологии; особо ценным явилась классификация приёмов окказионального преобразования фразеологических единиц (далее ФЕ), составленная на основе двух типов окказиональных трансформаций, а также виды окказиональных фразеологизмов, впервые описанные в их сложности и многообразии [Мелерович, Мокиенко 1997]. Классификация типов и видов окказиональных трансформов, предложенная в Словаре, легла в основу многих последующих работ фразеологов, включая и данное исследование. Развитие теории окказиональной фразеологии связано также с работами А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, посвящёнными анализу особенностей структуры и семантики фразеологизмов и выявлению влияния этих особенностей на трансформационные процессы [Мелерович, Мокиенко 2008].

Внимание при изучении окказиональных преобразований ФЕ обращено не только к описанию структурно-семантических и функционально-прагматических признаков окказиональных вариантов и окказиональных фразеологизмов, но и к выявлению факторов, способствующих осуществлению

этих преобразований либо препятствующих им. Конечно, такая работа требует исследования широкого круга ФЕ и их трансформов, и в массиве фразеологизмов современного русского языка должны быть, на наш взгляд, выделены группы фразеологизмов, характеризующиеся какими-либо особенностями, объединённые на основе какого-либо признака. Как показали проведённые исследования, в основание такой дифференциации могут лечь, к примеру, особенности компонентного состава ФЕ. Специфическими компонентами в этом смысле видятся компоненты-анимализмы, фитонимы, колоративы, мифологизмы, библеизмы, архаизмы, антропонимы и др.

В настоящей работе излагаются результаты исследования трансформационной активности и преобразовательного потенциала локальной группы фразеологизмов с компонентом-соматизмом *язык*.

Важнейшей частью изучения трансформаций фразеологизмов, как уже было сказано, становится определение факторов, влияющих на преобразование языковых ФЕ, в результате которых появляются окказиональные варианты или окказиональные фразеологизмы. К таким факторам относятся изоморфизм значения и формы [Мелерович, Мокиенко 2008, с. 175–184, 275–287], образность, количественный состав компонентов, семантическая и синтаксическая валентность [Третьякова 2011]. К этим собственно лингвистическим факторам необходимо добавить и ещё один, иной фактор – фактор культурного кода, так как при изучении окказиональных преобразований фразеологизмов выявлена связь трансформационных процессов ФЕ с культурной «нагруженностью» отдельных компонентов и всего фразеологизма.

Трансформационная активность фразеологизмов напрямую связана с отнесением языковых знаков к тому ли иному культурному коду. Фразеологизмы являются культурно значимыми единицами языка, языковая семантика знака осмысливается в пространстве семантики культуры. Исследования фразеологизмов в аспекте их окказиональной изменчивости подтвердили мнение известных лингвистов В. Н. Телия, М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова о том, что «ключевым звеном культурной интерпретации фразеологизма является соотнесение его слов-компонентов с кодами» [Гудков, Ковшова 2007, с. 95].

Фразеологический компонент *язык* принадлежит к телесному коду культуры. Телесный код культуры занимает центральное положение в национальном культурном пространстве, о чём обоснованно говорится в [Гудков, Ковшова 2007, с. 72–87]; во фразеологическом корпусе современного русского языка фразеологизмы с компонентами-соматизмами (*голова, рука, нога, живот, глаз, рот, горло, губы, зубы, язык* и под.) образуют одну из самых больших групп. Так, только с компонентом *язык* насчитывается более 70 фразеологических единиц, а потому исследование трансформационных процессов ФЕ этой группы, несомненно, имеет научный интерес.

Язык в соматическом коде русской культуры связывается прежде всего с речевой способностью человека и, как правило, характеризует физическое состояние человека, обусловленное возможностью / невозможностью говорения. В семантике фразеологизмов – за небольшим исключением – содержатся представления носителей языка об умении / неумении говорить, о качестве говорения, о речевом поведении: о болтливости – *болтать языком, чесать языком, развязать язык, трепать языком, бойкий на язык, мозоль на языке натереть* и др.; о неспособности говорить – *язык отнялся, слова не идут с языка, язык заплетается* и др.; о намеренном запрете говорения – *держат язык за зубами, попридержат язык, держат язык на привязи, прикусить язык* и др. В семантике названных единиц присутствуют элементы ‘говорить’, ‘сказать’, ‘выразить’ и под. ФЕ *острый язык, дерзкий на язык, злой на язык, злые языки, попасть на язык* содержат негативную оценку кого-либо, которая связана с языком как органом говорения. Сенсорная способность языка видится в основе фразеологизмов *язык проглотишь* (‘очень вкусно’), *брать на язык* (‘пробовать что-либо на вкус’). Фразеологизмы *язык на плече, бежать высунув язык* не связаны с речевой активностью человека и в своей образной основе отражают язык как орган, способствующий регуляции дыхания человека или животного при тяжёлых физических нагрузках, при этом посредством фразеологизмов характеризуется состояние усталости человека.

Важным для нашего исследования является то, что все действия и отношения, характеризующиеся данными ФЕ, изначально относятся к человеку. Такая зависимость (принадлежность к телесному коду) ярко проявляется при сопоставлении трансформаций ФЕ, относящихся к другому коду культуры, например к зооморфному. «Если сопоставить соматический и зооморфный код культуры, то бросается в глаза очевидное различие. <...> В основе зооморфного кода лежит “животный” миф, согласно которому мир животных тождествен миру людей, те или иные качества животных являются воплощением человеческих качеств» [Гудков, Ковшова 2007, с. 71]. Человеческое же тело, вернее, отдельные его части, «оказываются всегда находящимися “под рукой” <...> средствами измерения окружающего пространства». И таким образом, «мир, освоенный человеком и конструируемый им вокруг себя, строится с учётом особенностей человеческого тела» [Гудков, Ковшова 2007, с. 80]. Различие фразеологизмов, относящихся к этим двум разным культурным кодам, состоит (помимо прочего) в том, что для характеристики, оценивания самого себя в первом случае человек использует «иной» мир, а во втором – свой собственный.

Показательны в этом смысле преобразования фразеологизмов посредством одного из элементарных приёмов трансформации – замены компонента фразеологизма. Во ФЕ с компонентом-анимализмом замены компонентов-зоонимов, орнитонимов, ихтионимов и др. могут быть самые разнообразные.

К примеру, в ряды окказиональных заместителей компонента *волк* (ФЕ *волк в овечьей шкуре*) входят следующие лексемы: *волк – медведь – тигр – ягуар – лиса; человек – мужик – баба – пацан – президент – банкир – манипулятор – цензор – Серж* [Саркисян. – И. Т.]– *Эрдоган–Нацсовет – «Талибан» – США–рок* и др. Компонент *кот* (ФЕ *купить кота в мешке*) может быть замещён окказиональными компонентами *кот – белорусский “Ниссан” – поддержанное “Ауди” – токарный станок* и т. д. [Третьякова 2022].

Подобные замены компонентов-зоонимов, происходящие на основе системных и несистемных связей языковых компонентов-анимализмов (точнее, их свободных аналогов) и слов-заместителей, многочисленны и разнообразны, а ФЕ с компонентами-анимализмами имеют большой преобразовательный потенциал.

Образование ФЕ-анимализмов происходит на основе метафорического переноса, а потому ряд окказиональных компонентов-заместителей является очень широким: человек соотносит свои действия, своё поведение, свойства и т. п. с теми многочисленными проявлениями, которые видит в «ином» мире. Характеризуя свой мир посредством «иных» миров, человек расширяет возможности использования средств характеристики, в том числе выбирая окказиональными компонентами-заместителями самые разные лексемы, называющие животных, людей, предметы.

ФЕ с компонентами-соматизмами обладают значениями, связанными с телесным кодом русской культуры. Данные фразеологизмы образуются в большинстве случаев на основе метонимического переноса: тело человека, составляющие его части опосредованно характеризуют самого человека, его внутренние и внешние качества, его действия, поступки, мнения, оценки и т. д. Происходит самохарактеристика человека без посредства других «миров». Смеем предположить, что это сужает круг возможных слов-заместителей языковых фразеологических компонентов и является одной из причин нечастотности преобразований ФЕ.

Рассмотрим речевые трансформации (замену и расширение компонентного става) фразеологических единиц данной группы на предмет определения преобразовательного потенциала языковых ФЕ.

1. Приём замены фразеологического компонента

1.1. Замена компонента *язык*

Фразеологические единицы с компонентом *язык* характеризуют деятельность человека, связанную с процессом говорения, свойственным человеку. Язык как орган человека уникален, во-первых, по своей локации, во-вторых, по выполняемой функции, и замена компонента *язык* другими словами, входящими в тематическую группу «Части тела человека» или «Органы человека»,

представляется сомнительной: *держат язык за зубами* – **держат губы – нос – ухо за зубам*; *найти общий язык* – **найти общий нос – ногу – ухо*.

Следует заметить, что в редких случаях, для достижения, например, комического эффекта либо в иных стилистических целях, возможны корреляции компонентов *язык – орган говорения – трепало – болтало* и под.: «*Заткни своё трепало!*»; «*У тебя что, орган говорения совсем не ворочается?*».

1.2. Приём замены компонента может быть использован и в отношении других компонентов фразеологизмов.

Многие ФЕ являются глагольными: *чесать языком, проглотить язык, зацепиться языком* и др. Ряд глагольных компонентов несёт в своём роде «идею» подвижности языка, называя реальные действия: *язык неповорачивается, прикусить язык, бежать высунув язык*. Языку приписываются действия не только реальные, но и воображаемые: *проглотить язык, зацепиться языком, язык к горлу прилип*. Язык может стать «площадкой» для размещения других предметов: *вертеться на языке, попадать на язык*.

Замена глагольных компонентов фразеологизмов может происходить в двух направлениях: коррелировать могут языковые и окказиональные компоненты на основе системных (1) и несистемных (2) связей (см. о вариативности фразеологизмов на основе системных связей в [Диброва 1989]).

1.2.1. Корреляция компонентов на основе системных синонимических связей

Окказиональные корреляты глагольного компонента являются его синонимами (точнее – синонимами его свободного аналога). См.:

ФЕ *язык сломать можно*: *сломать – повредить – испортить – изуродовать – исковеркать – искорёжить*;

ФЕ *проглотить язык*: *проглотить – заглотив – съесть – слопать – отведать – уничтожить*;

ФЕ *высунуть язык*: *высунуть – выставить – вывалить – вытолкнуть – выпустить*;

ФЕ *держат язык за зубами*: *держат – удерживать – придерживать – сдерживать – хранить – иметь*¹.

На основе синонимических отношений свободного аналога фразеологического компонента с другими словами происходит образование фразеологических трансформов. См. фрагмент публицистического текста: «*Байден решил попридержат язык после слухов о Путине из Кремля*» [1] (ср. *держат язык за зубами*)².

Как показали исследования языкового материала, замена глагольных компонентов происходит относительно редко. Трансформационная неактив-

¹ Синонимические ряды свободных слов взяты из [ССРЯ].

² Здесь использован также приём сокращения компонентного состава.

ность, на наш взгляд, связана с тем, что в слове-синониме содержатся семы, имеющие иные оттенки смысла, нежели в компоненте фразеологизма, и существенно нарушается семантическая валентность фразеологических компонентов *сломать язык – изуродовать язык; проглотить язык – слопать язык, уничтожить язык; высунуть язык – выпустить язык* и др.

1.2.2. Корреляция на основе антонимических системных связей окказиональных и языковых компонентов

Окказиональный компонент является языковым антонимом свободного аналога фразеологического компонента:

соскочить с языка (соскочить – заскочить, запрыгнуть) – заскочить на язык, запрыгнуть на язык;

язык ломаешь (сломать – починить) – язык починишь;

проглотить язык (проглотить – выплюнуть) – выплюнуть язык;

держат язык на привязи (держат – отпустить) – отпустить язык с привязи;

распустить язык (распустить – собрать, завязать) – собрать язык, завязать язык;

говорить на разных языках (говорить – молчать) – молчать на разных языках;

найти общий язык (найти – потерять) – потерять общий язык.

Самым продуктивным при трансформации ФЕ на основе антонимии коррелятов, как показал анализ текстов, является фразеологизм *найти общий язык*. См. преобразование языковых ФЕ в статье на психологическую тему и в посте на форуме о семейных отношениях: «Почему мы теряем *общий язык* с подростками?» [2]; «Потеряли *общий язык* с мужем» [3].

См. также примеры функционирования других фразеологических трансформов в контекстах из произведений-фэнтези: «Отсюда сразу направо – рынок, а налево площадь, – доложил Крон. – Мне мужик с той телеги рассказал. Он выпил лишку и *язык с привязи отпустил*. Чтобы просто так ерунду не молот мне в ухо, я его про город расспрашивал» [4]; «Баба Лиза и говорит: “Значит так, Нина, завязала я твой язык поганый, теперь как хочешь какую-нибудь гадость сказать, так ты подумай хорошо”» [5]. См. также фразеологический трансформ в названии стихотворения «Зима молчит на разных языках» [6].

1.2.3. Помимо замен на основе системных связей могут быть осуществлены замены глагольного компонента на основе несистемных связей языкового (его свободного аналога) и окказионального компонентов. В подборке текстов с данным фразеологизмом было зафиксировано несколько случаев трансформации ФЕ *найти общий язык*.

См. замену компонента на основе экспликации значения ФЕ *найти – говорить* в речи Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла о верующих на Украине: «Нужно научиться говорить *общим языком*» [7].

См. замену компонента *найти – искать общий язык* на основе корреляции действия как процесса – и результата действия в стихотворных строках: «Нельзя враждовать годами. Нужно искать *общий язык* с остальными народами» [8].

Тем не менее, несмотря на приведённые примеры, в целом антонимическая замена компонентов – явление крайне редкое. Возможно, этому препятствуют специфичность фразеологического значения и образа.

1.3. Ряд субстантивных ФЕ имеет в своём составе адъективные компоненты: *длинный язык, острый язык, злой язык, бойкий на язык*. Именно адъективные компоненты репрезентируют в общем значении фразеологизма семы, передающие признаки характеризуемого лица: *длинный [язык]* – ‘говорящий то, что не следует, несдержанный в разговоре, болтливый’; *острый [язык / на язык]* – ‘говорящий колкости, проявляющий в речи язвительность, сарказм’; *злой [язык]* – ‘любящий негативно высказываться о других, сплетничать, клеветать’.

1.3.1. Замена адъективных компонентов на основе системных синонимических связей

Прилагательные, ставшие компонентами фразеологизмов, в своём свободном употреблении входят в состав синонимических рядов:

длинный – долгий – протяжённый – затяжной и др.;

острый – заострённый – резкий – невежливый – неучтивый – некультурный – хлёсткий и др.;

злой – сердитый – гневный – грозный – яростный – взбешённый и др.

Такие замены могут происходить в контекстах / ситуациях при необходимости передать иные, нежели в языковых ФЕ, оттенки смысла.

См. фрагмент публицистического текста: «Посмотрев эфир младших “небратьев”, поймал себя на мысли, что этот хлёсткий на язык молодой поляк остался в памяти. Томаш хорошо говорил по-русски и чётко акцентировал общих врагов Украины и Польши. А врагом, естественно, оказалась Россия» [9].

См. описание одного из героев компьютерной игры: «Сило – хитрый негодяй, одинаково шустрый на язык и клинок» [10].

Следует, однако, заметить, что в подавляющем большинстве случаев при трансформации языковых фразеологизмов происходит нарушение семантической валентности компонентов (**протяжённый язык, *заострённый язык*) либо в семантике синонимов отсутствуют элементы, связывающие характеристику лиц с процессом говорения (**взбешённые языки, *затяжной язык*), и это затрудняет преобразование языковых ФЕ.

Необходимо также сказать, что в современном русском языке существует несколько фразеологизмов, языковые адвербиальные компоненты которых, будучи аналогами в свободном употреблении, являются синонимами. Такие ФЕ считаются языковыми синонимами – именно на основе семантического сходства адвербиальных компонентов: ФЕ *резкий на язык* во ФСРЛЯ даётся со значением ‘человек, часто говорящий колкости, грубости, неприятные фразы’ (ср. с ФЕ *острый на язык / острые языки*); ФЕ *дерзкий на язык* – со сходным значением.

1.3.2. Замены адъективных компонентов на основе системных антонимических связей нечастотны. Причины видятся те же, что названы выше.

Таким образом, окказиональные преобразования фразеологизмов посредством приёма замены компонентов – явление нечастотное.

2. К элементарным приёмам окказионального преобразования ФЕ относится приём расширения компонентного состава.

ФЕ с компонентом *язык* также подвергаются преобразованиям посредством данного приёма. При этом компоненты фразеологизма реализуют свои языковые грамматические сочетательные возможности.

Для характеристики окказиональных распространителей компонентного состава фразеологизмов необходимо учесть следующее: окказиональные трансформации фразеологизмов, производимые элементарными приёмами, обусловлены различными интенциями авторов: конкретизацией значения ФЕ в условиях контекста, экспликацией значения, экспрессивизацией, интенсификацией значения [Третьякова 2011]. Самые частые трансформации связаны с введением окказионального расширителя, уточняющего лицо по принадлежности языка. В большинстве случаев в компонентный состав фразеологизмов вводится местоимение *свой*: *чесать своим языком, держать свой язык за зубами, укоротить свой язык* и др. Такое расширение является максимально частотным, поэтому компонент *свой*, на наш взгляд, точнее будет считать факультативным в языковом составе фразеологических единиц.

2.1. Окказиональный компонент может быть использован для характеристики говорящего, причём адъективный компонент содержит явную негативную оценку лица, характеризуемого посредством фразеологизма:

держи свой – гнилой – длинный – болтливый – глупый – язык за зубами;
распустить свой – грязный – поганный – мерзкий – язык.

См. группу фразеологических трансформов в контекстах романов-фэнтези, например, трансформ ФЕ *распускать язык*:

«Когда я отрыдался в объятиях Радеуша... дед вошёл в комнату и сел на стул напротив кровати. – А теперь поговорим. ...Мальца можешь оставить, но полную ответственность за него несёшь сам. Малейшая провинность, и розги снова пойдут в дело. Будешь *распускать свой грязный язык*, будешь бит» [11].

«Шугер был из постоянных жителей и торчал в посёлке почти безвылазно. Землянину особо не досаждал и лишь время от времени позволял себе *слегка распуснуть свой поганый язык*» [12].

«Думаешь, твоя глупая ложь останется безнаказанной? – внезапно заявил мне альфа. – Раз можешь *распускать свой мерзкий язык* и водить людей за нос, будь готов к расплате» [13].

См. также трансформированную ФЕ *держат язык за зубами*:

«“Халлас! – прикрикнул Адам. – Ты несносная девчонка, не умеющая *держат свой болтливый язык за зубами*, неспособная слушать и делать, что тебе велят”» [14].

То же в реплике одного из персонажей (Гэндальфа) в фильме «Властелин колец. Две крепости»: «Молчи. *Держи свой гнилой язык за зубами*. Я не для того прошёл через огонь и сумрак, чтобы слушать поганые речи жалкого червя» [15].

2.2. Такая же субъективно-оценочная характеристика свойственна окказиональным адвербиальным компонентам, присоединяющимся к глагольным компонентам:

безмятежно – сладко – по-пустому – попусту – чесать языком;
язык хорошо – как надо – неплохо – подвешен;
охотно – слегка – не в меру – распускать язык.

Здесь осуществляются интенции экспрессивизации и интенсификации смысла. См. контексты разных стилей и жанров: «Путин *легко* находил *общий язык* с лидерами Запада» [16]; «При этом Байден тут же поправил себя сам. Граждане уже отметили, что у Байдена *вечно заплетается язык*» [17]; «Писарь этот, как и все писаря, любил щегольнуть осведомлённостью, а в разговоре с главным виновником последних исключительных событий он *охотно распустил язык*» [18].

2.3. Во ФЕ, уже содержащих адъективные компоненты, окказиональный расширитель используется для интенсификации выражаемых характеристик: *чересчур острый язык, очень длинный язык, слишком злой язык* и др. См. фрагмент публицистического текста: «Орчанина оштрафовали за *чересчур длинный язык*. Он оставлял комментарии в соцсетях, в которых содержались признаки экстремистских высказываний, направленных на унижение лиц по национальному признаку» [19]; также название подборки интернет-материалов о публичных людях: «Звёзды, поплатившиеся карьерой за *слишком длинный язык*» [20].

2.4. Окказиональный компонент может быть использован с целью конкретизации значения. См. в качестве примера контекст с окказиональным трансформом от ФЕ *распуснуть язык*: «Её я прежде предупредить не премину, и пусть лишь только *язык свой бабский* она посмеет *распуснуть*, немедленно

её позор настигнет. Не тратя времени напрасно, мне от неё придётся отписаться, и впредь не верить женщине» [21].

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие окказиональных компонентов с функцией конкретизации значения, что, к примеру, ярко проявляется при трансформации некоторых фразеологизмов с компонентом-анимализмом (см.: *старый театральный – редакционный – литературный – автомобильный волк*). Вполне возможно, причиной крайне редкого преобразования фразеологизмов с такой целью является универсальность умения / неумения людей говорить, независимо от их профессии, социального положения, гендерных и возрастных особенностей.

Анализ значительного количества фрагментов текстов с функционирующими в них ФЕ с компонентом *язык* показал, что фразеологизмы данной группы используются в речи в основном в языковой форме; трансформации ФЕ нечастотны, фразеологизмы не обладают активным преобразовательным потенциалом.

Литература

1. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.

2. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов на/Д : РГПИ, 1989. – С. 19–27.

3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.

4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Введение // Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М. : Русские словари, 1997. – С. 3–43.

5. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология : монография / под науч. ред. А. М. Мелерович. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 290 с.

6. Третьякова И. Ю. Окказиональные преобразования фразеологизмов с компонентами-оппозитами // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. памяти доктора филологич. наук, проф. В. И. Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. ред. О. И. Авдеевой. – М. : МПГУ, 2022. – С. 184–194.

Словари и справочники

7. ССРЯ: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник. – М. : Русский язык, 1989. – 495 с.

8. ФРР: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.

9. ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. – М. : Цитадель, 1997.

Источники языковых материалов

1. https://riafan.ru/23694557-baijiahao_baiden_reshil_popriderzhat_yazik_posle_sluhov_o_putine_iz_kremlya (дата обращения: 03.03.2023).
2. <https://www.psychologies.ru/standpoint/pochemu-myi-teryuem-obshchiy-yazyik-s-podrostkami/> (дата обращения: 05.12.2022).
3. https://deti.mail.ru/forum/semeynye_otnosheniya/semja_i_semeynye_otnosheniya/poterjali_obshhiy_jazyk_s_muzhem/ (дата обращения: 09.11.2022).
4. <https://ladylib.top/ne-skuchayte-vashe-velichestvo-618360/read/part-3> (дата обращения: 09.11.2022).
5. <https://4stor.ru/histori-for-life/95181-zavyazka-na-yazyk.html> (дата обращения: 09.11.2022).
6. <https://stihi.ru/2008/10/21/756> (дата обращения: 04.03.2023).
7. <https://news-front.info/2016/02/17/patriarx-kirill-poprosil-veruyushhix-ukrainy-nauchitsya-govorit-obshhim-yazykom/> (дата обращения: 05.03.2023).
8. <https://stihi.ru/2016/07/05/9115> (дата обращения: 03.12.2022).
9. https://tsargrad.tv/articles/tomash-macejchuk-rusofobil-i-na-cargrade_114437 (дата обращения: 03.12.2022).
10. <https://www.goha.ru/istoriya-i-opisanie-geroev-gryadushhej-mmoway-finder-IWO5wD> (дата обращения: 12.01.2023).
11. <https://litvek.com/book-read/415216-kniga-inndiliya-vnutrenniy-suslik-sichitat-online?p=15> (дата обращения: 03.12.2022).
12. <https://knijky.ru/books/ком?page=1> (дата обращения: 03.12.2022).
13. <https://online-knigi.com.ua/page/587206> (дата обращения: 17.12.2022).
14. <https://bookplaneta.ru/books/detskaya-literatura/skazka/page-21-206506-sergei-suhinov-vechno-molodaya-stella.html> (дата обращения: 12.01.2023).
15. К/ф «Властелин колец. Две крепости».
16. https://regnum.ru/uploads/docs/2020/01/23/regnum_file_1579779297154881.pdf (дата обращения: 06.03.2023).
17. Голубев В. Когда крепости не сдаются : ФСРЯ / под ред. В. Н. Телля. – С. 174 (дата обращения: 06.12.2022).
18. <https://news.rambler.ru/politics/46258146-staryu-marazmatik-zvonit-poyavilsya-anekdot-o-razgovorah-baydena-s-moskvoy/> (дата обращения: 17.03.2023).
19. <https://orenday.ru/news/261121124129> (дата обращения: 03.03.2023).
20. <https://humor.fm/8880-lyapnuli-lishnego-znamenitosti-isportivshie-sebe-kareru-odnim-neudachnym-intervyu.html> (дата обращения: 17.03.2023).
21. [diary.ru>~lordofthelight/p115468682.htm](https://diary.ru/~lordofthelight/p115468682.htm) (дата обращения: 17.03.2023).

УДК 811.161.1

Учайкина Елена Викторовна

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

Россия, Москва

elenauchaykina@gmail.com

ОБРАЗНАЯ ПАРАДИГМА УНИВЕРСИТЕТ – ГНЕЗДО И ЕЁ ЧАСТНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ ВОСПОМИНАНИЙ

***Аннотация.** В статье рассматриваются способы воплощения образа университет – гнездо на основе концепции об образных парадигмах. В соответствии с этой концепцией выделяется большая парадигма университет – место, малая парадигма университет – гнездо, субпарадигмы университет – рассадник, университет – улей, а также парадигмы университет – ложе, университет – семья, университет – вертеп. Уделяется внимание соотношению указанных парадигм со значением лексико-семантических вариантов лексемы гнездо. Приводятся примеры как эксплицитно, так и имплицитно выраженных образных парадигм.
Ключевые слова: образные парадигмы, университет, гнездо, лексема, концепт.*

Uchajkina E. V.

Prince Alexander Nevsky Military University

Ministry of Defense of the Russian Federation

THE METAPHORIC PARADIGM OF THE UNIVERSITY – NEST AND ITS PARTICULAR SEMANTIC IMPLEMENTATIONS IN THE TEXTS OF MEMOIRS

***Abstract.** The article describes ways to objectify the figure of a university – nest based on the concept of metaphoric paradigms. In accordance with this concept, there is a large paradigm of university – place, a small paradigm of university – nest, as well as sub-paradigms of university – nursery, university – beehive.*

***Keywords:** metaphoric paradigms, university, nest, lexical item, construct.*

Данное исследование основывается на концепции об образных парадигмах и положениях, сформулированных Н. В. Павлович. Парадигма университет – гнездо – это малая парадигма, входящая наряду с парадигмами университет – храм, университет – дом в состав большой парадигмы университет – место.

Согласно этимологическому словарю П. Я. Черных, гнездо – это ‘небольшое сооружение, устраиваемое птицами, насекомыми, пресмыкающимися для укрытия от преследования, кладки яиц и выведения потомства; выводок,

семья, потомство; скопление цветов, плодов, растущих вместе; тайное пристанище, притон'. В древнерусском языке слово используется с XI века со значениями 'гнездо, племя, род, семья' [ИЭССРЯ, с. 195].

В соответствии со словарём вычленяются значения: 'сооружение для потомства у птиц, насекомых, пресмыкающихся'; 'семья, потомство'; 'скопление цветов и плодов'; 'тайное пристанище, притон'.

Фразеологическое поле слова *гнездо* представлено разнообразными фразеологизмами. Среди них: *вить (свить) гнездо* – 'устраивать семейную жизнь, создавать уют' [ФССРЯ, с. 70]; *вылетать (вылететь) из гнезда* – 'оставлять родительский дом, становиться самостоятельным' [ФССРЯ, с. 102]; *осиное гнездо* – 'приют, сборище опасных людей' [ФССРЯ, с. 269]; *птены гнезда Петрова* – 'о плеяде соратников великого русского царя Петра I' [ФССРЯ, с. 494]; *дворянское гнездо* – 'о дворянской семье, усадьбе' [ФССРЯ, с. 160]; *родимое гнездо* – 'место, где кто-либо родился и вырос, родной дом'; родовое гнездо – то же, что *родимое гнездо* [ФСРЛЯ, с. 139].

В соответствии с фразеологическим словарём вычленяется ряд значений, в том числе: 'семья, уют'; 'родительский дом'; 'сборище опасных людей'; 'место, где рождаются единомышленники'; 'помещичий дом'.

В структуре парадигмы уподобление *университета гнезду* реализуется в эксплицитной и имплицитной форме.

Прослеживаемая в текстах воспоминаний парадигма *университет – гнездо* обладает разными коннотациями, как положительной: «В июне 1834 года, после выпускных экзаменов, мы все, как птицы, разлетелись в разные стороны» (И. Гончаров), так и отрицательной: «Николай Павлович называл наш университет волчьим гнездом и, когда случалось ему проезжать мимо него, долго оставался в дурном расположении духа» (Ф. Буслаев), «"Студенческие истории" налагали на университет репутацию гнездилища революции» (А. Кизеветтер). Отметим, что, согласно мнению Н. В. Павлович, «...основание для сравнения – объяснение образа – не принадлежит самому образу, это – фактор переменный и зависящий от контекста» [Павлович 1999, с. 28]. Сама же парадигма *университет – гнездо* является в плане оценки амбивалентной.

Вспоминая об окончании обучения в университете, И. А. Гончаров пишет: «В июне 1834 года, после выпускных экзаменов, мы все, как птицы, разлетелись в разные стороны». Обнаруживается переключка с фразеологизмом *вылететь из гнезда*. Отсюда: *университет – гнездо* → *университет как родной дом*. На основе лексико-семантического варианта *гнездо – семья* и фразеологического значения *гнездо* – 'родной дом' восстанавливается значение *университет – гнездо* → 'как семья': «Семья может включать людей, близких не только по крови, но и по душевной организации, основываться на широко понимаемом

чувстве привязанности, когда некто “как родной” или “как бы родной”» [Колесникова, Бурская, Шаталова, Леденёва 2021, с. 52].

Парадигма *университет – семья* представлена в текстах воспоминаний как непосредственно: «...дружная семья естественников уже со второго курса разбредалась по разным отделам и специальностям» (И. Зайцевский); «Конечно, в семье не без урода, но семья-то (историко-филологический факультет Московского университета. – Е. У.) сама по себе была великолепная. Она являла блестящее соединение крупных научных сил» (А. Кизеветтер); «Кончил университет, остался при нём, вошёл в академическую “семью”» (Н. Устрялов); «Нас, своих товарищей по университетской лаборатории, Д. И. встречал, как своих близких, старался поддержать в трудные периоды жизни» (В. Тищенко), так и с помощью лексемы *гнездо*: «...помер. Первый из нашего университетского гнезда» (Н. Устрялов).

Взаимодействие со значением *гнездо* – ‘притон’ обнаруживается во фразе «Николай Павлович называл наш университет волчьим гнездом» (Ф. Буслаев). В приведённом примере университет характеризуется через элемент зооморфного кода русской культуры *волчий*, имеющего преимущественно отрицательную коннотацию: «В представлении русских волк – это, в первую очередь, хищник, умный, жестокий и беспощадный, признающий только силу. Это враг, агрессор, способный напасть на другое животное, на человека и умертвить его. Волк вызывает в человеке страх, поэтому в большинстве своём образ этого зверя сопряжён с негативной оценкой» [Третьякова 2014, с. 195]. Сочетание *волчье гнездо* за счёт негативного зооморфного кода образует парадигму с сочетаниями *собачье гнездо*, *осиное гнездо*, *змеиное гнездо* и контекстуально является синонимичным им (*осиное гнездо* – ‘скопище общественно вредных, опасных людей’ [БСРП, с. 132]). Университет становится символом вероломства для провластных кругов русского общества XIX века, что связано с большим числом революционно настроенной молодёжи, обучавшейся в университетах. Отметим также следующий пример: «<...> места образования юношества должны опустеть и обратиться в политические арены, в вертепы разврата?» (Ф. Буслаев), заключив, что формы *вертеп разврата* и *гнездо разврата* являются синонимичными (слова *вертеп* и *гнездо* в одном из своих значений семантически близки).

Парадигма *университет – гнездо* связана с субпарадигмой *университет – улей*. Здесь мы фиксируем реализацию основного значения лексемы *гнездо* – ‘сооружение для потомства птиц, насекомых, пресмыкающихся: меня собственно’: «Глядя на эту современную пчелиную работу в наших университетских ульях <...> тянет к воспоминаниям совсем не самолюбивая мысль о пользе какой-нибудь, не желание поднести публике и студентам урок – нет» (И. Гончаров). Возможна имплицитная реализация вышеупомянутого значения: «При этом, как иллюстрацию, Пуришкевич привёл пример, что “в Петербург-

ском университете среди членов Совета старост на юридическом факультете находится женщина-еврейка, которая носит название “юридической матки” и находится в близких физических сношениях со всеми членами Совета”» (В. Джунковский).

По мнению Н. В. Павлович, новый образ – это новая малая парадигма [Павлович 1999, с. 25]. Внутри малой парадигмы *университет – гнездо* определяются её разновидности, например, *университет – рассадник*. Лексема *рассадник* соотносится с лексико-семантическим вариантом лексемы *гнездо*, например: «Что нас ждёт в ближайшие дни: как отзовутся на Университете следующие взрывы и столкновения? Ясно, что в сумерках скудной русской культуры несдобровать и её рассадникам» (Ю. Готье).

Как и вся парадигма *университет – гнездо*, её разновидность *университет – рассадник* амбивалентна по знаку оценки. С одной стороны, университет – «...рассадник высшего образования» (И. Гончаров), с другой – разврата: «Московский университет устоял и начал первый вырезываться из-за всеобщего тумана. Государь его возненавидел с лежаевской истории. Он <...> не занимался больше “этим рассадником разврата”, благочестиво советуя молодым людям, окончившим курс в лицее и в школе правоведения, не вступать в него» (А. Герцен), «Украинского национализма: ещё тогда было известно, что Ваш Университет (а такое название имел только он один) является рассадником украинского национализма» (В. Максимов).

Обратим внимание на хортологический характер некоторых метафор, в которых участвует слово *рассадник*, применимое не только к университету, но и к иным образовательным учреждениям: «Лицейский пансион служил тогда единственным рассадником для лицея» (Я. Грот); «Рассадником высшего образования служат также духовные академии, лицеи, училища правоведения» (И. Гончаров). Образование становится результатом возделывания плодородных народных почв и перекликается с этимологией слова *культура* (‘возделывание, обработка’) и хтоническим образом земли (*мать-сыра-земля*).

Субпарадигма *университет – рассадник* может реализовываться имплицитно: «Да, в самом деле, над кровлей университета одновременно процветали и товарищ Абрам, и филиал союза русского народа» (Н. Устрялов); «Университет не учреждение для явивелировки: он выращивает, а не выравнивает» (Н. Устрялов); «Что когда-то мне преподавали в университете, навряд ли дало полезные ростки» (Н. Козаков).

Отметим, что в этимологическом словаре П. Я. Черных в качестве родственного слову *гнездо* приведено древнеиндийское *nidah* – ‘птичье гнездо, место отдыха, ложе’ [ИЭССРЯ, с. 195]. В этой связи фиксируем парадигму *университет – ложе*: «Университет не может и не должен быть Прокрустовым ложем»

(Н. Устрялов). Сравним с выражением М. П. Погодина, где университет назван колыбелью: «Любили университет как будто свою родину, колыбель».

Таким образом, парадигма *университет – гнездо* соотносится с субпарадигмами *университет – улей*, *университет – рассадник*. Через интерпретацию парадигмы *университет – гнездо* в опоре на лексико-семантические варианты лексемы *гнездо* вычленяются значения ‘университет как семья’, ‘университет как сборище опасных людей’. Сама парадигма является амбивалентной в плане оценки.

Литература

1. Колесникова С. М., Бурская Е. А., Шаталова О. В., Леденёва В. В. Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 47–62.

2. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков : в 2 т. – М. : Эдиториал УРСС, 1999.

3. Третьякова И. Ю. Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов *медведь* и *волк* (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов) // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 192–196.

Словари, справочники

4. БСРП: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : ОЛМА Медиа групп, 2007.

5. ИЭССРЯ: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1.

6. ФССРЯ: Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М. : Аделант, 2014.

7. ФСРЛЯ: Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель : АСТ, 2008.

Источники языковых материалов

8. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. – URL: http://dugward.ru/library/buslaev/buslaev_moi_vospominaniya.html (дата обращения: 15.11.2022).

9. Герцен А. И. Былое и думы. – URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0090.shtml (дата обращения: 18.11.2022).

10. Гончаров И. А. В университете. – URL: <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/proza/v-universitete.htm> (дата обращения: 09.09.2022).

11. Готье Ю. В. Дневниковые записи. Запись от 19 января 1918 года. – URL: <https://prozhito.org/person/126> (дата обращения: 15.09.2022).

12. Грот Я. К. Несколько данных к его биографии и характеристике. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1895.
13. Джунковский В. Ф. Воспоминания. – URL: http://az.lib.ru/d/dzhunkowskij_w_f/text_0010.shtml (дата обращения: 23.09.2022).
14. Зайцевский И. Слово о Лесгафте // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Петербургский университет. 1819–1895. – Л. : ЛГУ, 1963.
15. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914). – М. : Искусство, 1997.
16. Козаков Н. Н. Дневниковые записи. Запись от 12 января 1962 года. – URL: <https://prozhito.org/person/257> (дата обращения: 20.11.2022).
17. Максимов В. И. Дневник ведущего инженера центрального института навигации и управления. – URL: <https://proza.ru/2012/06/03/308> (дата обращения: 15.12.2022).
18. Погодин М. П. Дневниковые записи. Запись от 1842 года. – URL: <https://prozhito.org/person/769> (дата обращения: 02.01.2023).
19. Тищенко В. Е. Воспоминания о Д. И. Менделееве // Природа. – 1937. – № 3. – С. 127–136.
20. Устрялов Н. В. Дневниковые записи. Запись от 24 декабря 1929 года. – URL: <https://prozhito.org/person/70> (дата обращения: 20.11.2022).
21. Устрялов Н. В. Дневниковые записи. Запись от 20 января 1937 года. – URL: <https://prozhito.org/person/70> (дата обращения: 20.11.2022).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА, ОБРАЗНОСТЬ, ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

УДК 811.161.1'373.7

Абакумова Ольга Борисовна

доктор филологических наук, доцент

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Россия, Орёл

abakumova-ob@mail.ru

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ О СЧАСТЬЕ

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты анализа около 500 русских и 100 английских пословиц о счастье с целью выявления логико-структурных особенностей, семантики и прагматики русских и английских паремий, а также норм социального поведения, которые рекомендуются в типовых ситуациях носителям русскоязычной и англоязычной культуры.

Ключевые слова: пословица, семантика, структура, деонтические нормы, пословичные формулы.

Abakumova O. B.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Oryol State University named after I. S. Turgenev

LOGICO-STRUCTURAL, SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS OF HAPPINESS

Abstract. The paper deals with singling out specific features of structure, semantics and deontic norms of Russian proverbs of happiness in comparison with English. The author makes use of logic-structural approach and conceptual analysis to bring out the most currently used structural models and semantics of Russian and English proverbs of happiness as well as the social norms recommended in Russian and English culture in typical communicative situations.

Keywords: proverbs, semantics, structure, deontic norms, proverbial formulas.

В настоящее время в современной фразеологии не существует единого мнения по поводу определения и языкового статуса пословиц. А. Н. Баранов,

Д. О. Добровольский трактуют пословицу как фразеологизм, имеющий структуру предложения, с семантикой всеобщности, выражающий рекомендацию, совет, нравоучение или запрет и/или объясняющий обсуждаемое положение дел с точки зрения правил наивной логики [Баранов, Добровольский 2010, с. 80]. По мнению В. П. Жукова, «пословицы – это краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченные предложения» [Жуков 1991, с. 11]. Л. Г. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства единицы языка, логики (так как она выражает суждение) и литературного произведения (поскольку это художественная миниатюра) [Пермяков 1975, с. 278]. Л. Б. Савенкова определяет пословицу как иконический знак и минитекст и считает, что пословичный фонд отдельного языка “инвентаризует” набор типовых ситуаций и отношений, возникающих в человеческом сообществе [Савенкова 2002]. Мы полагаем, что пословица представляет собой сложный знак гибридного типа, фразеологизм со структурой предложения, обладающий текстовыми характеристиками и прагматическими функциями и часто используемый в коммуникации как косвенный речевой акт для реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2022].

Авторами зарубежной коллективной монографии «Anti-Proverbs in Five Languages. Structural Features and Verbal Humor Devices» [Litovkina A. T. et al. 2021] выделены наиболее типичные структурные схемы пословиц, которые также повторяются и в антипословицах:

No X, no Y (*No guts, no glory; Не пойман – невор*);

X is better than Y (*A friend near by is better than a brother far off; Лучшие сеница в руках, чем журавль в небе*);

Like X, like Y (*Like father, like son; Яблочко от яблони недалеко падает*);

One X doesn't make Y (*One swallow doesn't make spring; Одна ласточка весны не делает*);

X is a journey, not a destination (*Education is a journey, not a destination*) [Litovkina A. T. et al. 2021].

Необходимо отметить, что наши русские пословицы и антипословицы не всегда вписываются в эти схемы. Среди русских традиционных пословиц наиболее продуктивными для трансформаций по результатам анализа Х. Вальтера и В. М. Мокиенко [Вальтер, Мокиенко 2010] оказались следующие, для которых мы предлагаем соответствующие схемы:

Love X, love Y (*Любишь кататься, люби и саночки возить*);

He who X Y (*Хорошо смеется тот, кто смеется последним, Кто старое помянет, тому и глаз вон*);

One X (is) good, but two Xs (are) better (*Одна голова хорошо, а две лучше*);

X off – Y better (*Баба с возу – кобыле легче*);
Farther X, more Y (*Чем дальше в лес, тем больше дров*);
Less X, more Y (*Тише едешь – дальше будешь*);
Notall X is Y (*Не все то золото, что блестит*) и др. [Абакумова 2022].

В своей работе 1984 г. А. Крикманн дает изложение проблем, касающихся методики и перспектив логического анализа пословиц [Krikmann 1984]. Он согласен с З. Каньо и другими исследователями, что пословицы – это формулы и содержат обобщенные импликации, но предупреждает о коварности пословиц в исчислении предикатов, сложностях построения пословичных формул, связанных с их метафорической природой, и считает нужным включать в формулу пословицы аксиологическую и деонтическую модальности, то есть указывает на необходимость описания прагматической составляющей смыслового содержания пословиц. К такому же выводу на материале немецкого языка приходит И. И. Чернышева, которая одной из первых подошла к исследованию лексического и фразеологического состава немецкого языка с новых позиций, обратив внимание не только на структурно-семантическое многообразие, но и на прагматическую вариативность фразеологизмов [Аспекты фразеологической устойчивости 2022, с. 48–49]. Уникальность метафорической информации состоит, по мнению В. К. Харченко, во-первых, в целостности, панорамности образа, дающих возможность апеллировать к разным свойствам предмета; во-вторых, в подключении бессознательных каналов отражения, обеспечивающих антиципацию, или опережающее отражение; в-третьих, в плюрализме, множественности образного прочтения ситуации [Харченко 1989].

Как справедливо замечают исследователи, «общность семантических процессов в сфере фразеологии, ее системной организации в языках мира, наличие межъязыковых инвариантных структурно-семантических типов фразеологизмов сочетается с национально-языковой и национально-культурной самобытностью языковых фразеологических систем» [Мелерович, Мокиенко 2021, с. 134]. Идиоматика каждого языка эксплицирует особые стереотипы восприятия, имеющие глубокие культурно-исторические корни. В языке закрепляются и фразеологизируются прежде всего те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, мифологемами и т. п. [Телия 1996, с. 233]. «Ключевые слова-компоненты пословицы изначально являются знаками вербального *кода культуры*, и в этом качестве они воспринимаются носителем языка, вызывают представления, знания, ассоциации, которые соотносятся с предметами, текстами и действиями культуры» [Ковшова 2019, с. 175]. «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком “вещей”), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФСРЯ 2006, с. 13].

Полагаем, что пословицы, входя в фразеологическую систему языка, занимают в ней свое особенное место, связанное с их значимостью в ряду фразеологических синонимов данной системы и выполняемой имитиповой прагматической функцией или функциями.

В данной статье будут предложены пословичные формулы, наиболее типичные для русского паремического дискурса о счастье в сопоставлении с английским, с их прагматическим описанием и комментарием.

Первую группу составляют пословицы идентификации, которые дают определение этому явлению, используя национально-детерминированные метафорические образы двух лингвокультур.

Модель А = В: С (А есть В, потому что С):

Счастье – вешинее вёдро: ненадежно (квалитатив эфемерности, непостоянства); *Счастье – вольная пташка: где захотела, там и села* (квалитатив свободы, независимости); *Наше счастье – вода в бредне, Наше счастье – решето дырявое* (квалитатив невозможности, неосуществимости); *Наше счастье – дождь да ненастье* (квалитатив несправедливости); *Лад и согласие – первое счастье* (квалитатив мира и согласия в семье); *Content i shappiness* (квалитатив удовлетворенности); *Laughter is the best medicine* (квалитатив смеха, юмора), *Mirth is sugar of life* (квалитатив веселья, удовольствия) и т. п. В русских пословицах используется природный, зооморфный, предметный и семейный лингвокультурные коды, представленные метафорами и ключевыми словами. Русские пословицы чаще определяют счастье как явление, во многом зависящее от внешних обстоятельств, поэтому оно ненадежно, изменчиво, часто оценивается негативно. Пословицы рекомендуют смириться с существующим положением вещей, которые нельзя изменить; единственный пример, с безобразной, прямой мотивацией, указывает на необходимость пойти навстречу друг другу в семейных отношениях, учитывать общие интересы, искать пути взаимопонимания. В английских пословицах счастье понимается как удовлетворенность человеческих потребностей, что проявляется в положительных эмоциях и их внешнем выражении, используются антропный и гастрономический лингвокультурные коды. Английские пословицы рекомендуют человеку больше смеяться, веселиться и стараться получать удовольствие от жизни.

Проведенный анализ пословиц данной группы показал, что, несмотря на общую логико-синтаксическую структуру, пословицы двух лингвокультур несут разную оценку феномена счастья, которая выявляется через аргументы предикативной структуры, ключевые слова-компоненты и метафорические образы, представленные во внутренней форме пословиц, а также деонтические нормы (этические нормы «Нельзя быть высокомерным, Следует быть справедливым и надеяться на лучшее» [Карасик 2002] в русской лингвокультуре и утилитарные нормы «Следует следить за своим здоровьем, не суетиться и больше отды-

хоть» – в английской), фиксированные в семантике пословиц и связанные с культурными установками.

Вариантом этой модели можно считать пословицы, содержащие устойчивые сравнения: **А что В: С (А подобно В, потому что С):** *Счастье что волк: обманет и в лес уйдет* (квалитатив обманчивости, изменчивости); *Счастье что палка: о двух концах* (квалитатив двойственности); *Счастье как стекло: легко разбивается* (квалитатив хрупкости). Английских пословиц о счастье с такой структурой не было выявлено (по материалам словарей [PDP 2000]). В данных паремиях представлена двойственная оценка феномена, его хрупкости и недолговечности. Рекомендуются деонтические нормы утилитарного типа: «Следует быть осторожным» (о нормах см.: [Карасик 2002]).

Наиболее многочисленной оказалась группа русских дезидентифицирующих пословиц со структурной моделью **А не есть В, (потому что) С:**

Счастье не корова: не выдоишь (квалитатив нематериальности); *Счастье не кляча: хомута не наденешь* (квалитатив двойственности, неподконтрольности); *Счастье не кобыла: в одну сторону не тянет* (квалитатив двойственности, свободолюбия); *Счастье не кобыла: не запряжешь, не заночаешь* (квалитатив неподконтрольности); *Счастье не конь: не взнуздаешь* (квалитатив своеправия); *Счастье не лошадь: по прямой дороге не везет* (квалитатив своеправия); *Счастье не курочка: не прикормишь* (квалитатив невозможности приручить); *Счастье не батрак: за вихор не притянешь* (квалитатив неподчинения воле человека); *Счастье не дворянство: не родом ведется* (квалитатив бесклассовости); *Счастье не палка: в руки не возьмешь* (квалитатив нематериальности, судьбы, удачи); *В счастье не в бабки: свинчаткой коню не выбьешь* (квалитатив неподконтрольности, судьбы, удачи); *Happiness is not a horse: you cannot harness it* (квалитатив своеволия, удачи).

В русских пословицах этой группы используется преимущественно зооморфный код лингвокультуры, а также выявляются предметный и антропный коды. Среди зооморфных образов чаще всех встречается образ лошади/коня. *Конь, кобыла, лошадь* – в народной традиции одно из наиболее мифологизированных животных, воплощение связи с миром сверхъестественного, «тем светом», атрибут мифологических, эпических персонажей, связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом [СМ 2002, с. 245]. Перечисленные паремии восходят к доисторическим временам, когда главное богатство пастушеских племен заключалось в скоте [Афанасьев 1995, с. 334], а в крестьянской России отождествление счастья-богатства с коровой и лошадью сохранялось до XX века. Ср. также: *Не то счастье, о чем во сне бредишь, а то, на чем сидишь да едешь* [Бочина 2023, с. 29]. Но в русской культуре прототипом является крестьянская рабочая лошадь, а в английской – верховая (*A good horse should be seldom spurred*).

Образ батрака связан с древними персонификациями Судьбы, Счастья, Доли в народных сказках, преданиях, песнях, где Счастье (доброе) выступало как работник, верный слуга, батрак человека [Афанасьев 1995, с. 194–206; Бочина 2023, с. 30]. Вера в то, что счастье дается человеку Богом проявлялась не только в ожидании Суда божьего, гаданиях о будущем, но и в обычае «метать в сомнительных случаях жребий и его указание принимать за приговор всеведущего божества» [Афанасьев 1995, с. 189]. Ср. одно из значений слова *жребий* – ‘рок, судьба, участь, доля, счастье’ – и устойчивые выражения: *Каждому свой жребий, От жребия не уйдешь, Кому есть талан, тот будет атаман, Таланец – братец, а жребий – батюшка* и др.

Русские пословицы данной группы определяют феномен счастья как неконтролируемое человеком явление, во многом зависящее от внешних обстоятельств, связанное с понятием судьбы или влиянием высших сил. Словарь английских пословиц представил только один вариант такой модели, но семантика образа также связана с свободолобием и независимостью. Можно предположить, что в двух лингвокультурах счастье человека ассоциируется со свободой и независимостью. Но пословицы предупреждают о нестабильности и непредсказуемости данного явления, рекомендуют проявлять терпение и заниматься своим повседневным трудом, поскольку человек слишком слаб и не сможет победить в борьбе с природной стихией и Божьим промыслом. Английская пословица также выражает идею непредсказуемости счастья.

Следующая группа пословиц формируется по модели **А р-ет С**: *Счастье многих обманывает* (квалитатив эфемерности, непостоянства); *Счастье крепких ног требует* (квалитатив приложения усилий); *Счастье вертко* (квалитатив неуловимости); *Счастье у каждого под мозолями лежит* (квалитатив трудолюбия); *Счастье и сонного/на печи найдёт* (квалитативсудьбы, преопределенности); *A merry heart goes all the way* (квалитатив веселья, бодрости); *Pleasant hours fly fast* (квалитатив быстротечности удовольствия). Пословицы этой группы при универсальности структуры опять различаются национальными метафорическими образами и рекомендуемыми нормами поведения: русские пословицы советуют трудиться, прилагать усилия, чтобы достичь результата (этические нормы жизнеобеспечения «Следует трудиться и выполнять свою работу хорошо»), английские паремии рекомендуют: «Следует рассчитывать на себя, поддерживать бодрость духа, радоваться здесь и сейчас». В двух неблизкородственных языках используется персонификация феномена счастья, выявляются антропоморфный и соматический кодылингвокультуры. В русских паремиях опять присутствует фактор судьбы, фатума, английские призывают к оптимизму, уверенности в своих силах и предупреждают о скоротечности веселья.

Следующая модель: **А р-ет, В q-ет.** *Счастье скачет, несчастье плачет* (квалитатив динамики, веселья); *Счастье скоро покидает, добрая надежда – никогда* (квалитатив скоротечности, недолговечности); *Счастье едет в карете, а и с умом, да ходят пешком* (квалитатив удачи, судьбы); *Счастье ума прибавляет, абессчастье последний отнимает* (квалитатив удачи); *Счастье дураков любит, а несчастье и умного губит* (квалитатив удачи); *Seill (happiness) comes not till sorrow be gone* (квалитатив исключения негатива). *Счастливей на коне, а несчастней пеш* (квалитатив удачи). Данные пословицы содержат контраст, выраженный антитезой. Используется в основном антропоморфный лингвокультурный код. Русские пословицы персонифицируют Счастье и оценивают его положительные стороны (радость, ум, высокий социальный статус) и негативные стороны (скоротечность, отсутствие ума). Английская пословица рекомендует сначала избавиться от негатива, чтобы освободить место для счастья.

А и В р-т: *Счастье и труд рядом идут* (квалитатив трудолюбия); *Joy and sorrow are next door neigh bours* (квалитатив близости, взаимозависимости); *Счастье с несчастьем близко / об межу живут* (квалитатив двойственности, взаимозависимости). Русские пословицы рекомендуют трудиться, чтобы достичь желаемого. Английские советуют не принимать ни радость, ни горе слишком близко к сердцу (Ср. *Of thy sorrow be not too sad, of thy joy be not too glad* (квалитатив умеренности).

Делай А, но не делай В: *Счастье зови, а горе терпи* (квалитатив надежды на лучшее); *Не лови счастье неводом, а лови делом сделанным* (квалитатив приложения усилий); *Laugh at leisure, you may greet ere night* (квалитатив смеха, скоротечности удовольствия), *Laugh and growfat* (квалитатив смеха, здоровья); *Laugh, and the world laughs with you, weep, and you weep alone* (квалитатив веселья).

Не делай А, делай В: *Не родись красив, родись счастлив* (квалитатив везения, удачи); *Не родись ни умен, ни красив, родись счастлив* (квалитатив удачи); *Не родись ни хорош, ни пригож, родись счастлив* (квалитатив удачи, успеха). Деонтические нормы жизнеобеспечения: следует надеяться на лучшее, на удачу, на помощь высших сил.

А дороже/лучше В: *Счастье дороже богатства* (квалитатив высокой ценности); *Счастье дороже богатства, а сметка обоих обманет* (квалитатив высокой ценности); *Счастье дороже денег* (квалитатив высокой ценности); *Счастье дороже ума* (квалитатив высшей ценности); *Последняя удача лучшепервой* (квалитатив преференции/ценности); *Свое счастье ближе чужого несчастья* (квалитатив своего пространства); *Лучше в малом удача, чем в большом провал* (квалитатив успеха); *Малое счастье лучше большого* (квалитатив ценности); *Better be happy than wise* (квалитатив высокой ценности).

Не тот А, кто Р, а тот А, кто Q: *Не тот счастлив, кто богат, а тот, кто добр и тароват* (квалитатив доброты и щедрости); *Не тот счастлив, кто богат, а тот, кто доволен собой* (квалитатив удовлетворенности); *Не хитер парень, а удачлив, неказист, а таланен* (квалитатив удачи);

Кому А, у того и В: *Кому везет, у того и бык доится* (квалитатив везения, помощи высших сил); *Кому есть талан, тот и будет атаман* (квалитатив удачи); *Кому поведется, у того и петух несется* (квалитатив везения, помощи высших сил); *Кому повезет, тот и возьмёт* (квалитатив везения); *Кому счастье дружит, тому и люди* (квалитатив притягательности);

Кому А, а кому В: *Кому счастье, кому два, а кому нетничего* (квалитатив отсутствия справедливости); *Кому счастье, кому ненастье* (квалитатив несправедливости).

Где А, там В: *Где счастье, там и радость* (квалитатив радости, веселья); *Где счастье, тут и зависть* (квалитатив наличия зависти); *Где отвага, там и счастье* (квалитатив мужества). Антропоморфный код используется для рекомендации радостного, доброжелательного, отважного отношения к жизни.

Тот А, кто В: *Happy is he, who is happy in his children* (квалитатив семейный); *Happy is he whose friends were born before him* (квалитатив дружбы); *Happy is that child whose father goes to the devil* (квалитатив семейный); *Happy is she who marries the son of a dead mother* (квалитатив семейный); *Tom богат, кто своим счастьем доволен* (квалитатив удовлетворенности); *He who leaves his house in search of happiness, pursues a shadow* (квалитатив своего/личного пространства).

Каждый А есть В: *Каждый человек своего счастья кузнец* (квалитатив деятельности, хозяина своей судьбы); *Каждый человек – творец своего счастья* (квалитатив творчества, созидания); *Every man is the architect of his own fortune* (квалитатив творчества, созидания своей судьбы). Пословицы рекомендуют не ждать помощи от высших сил, а самому создавать свое счастье.

Если есть А, будет и В: *If you sing before breakfast, you'll cry before night* (квалитатив скоротечности, изменчивости); *Ежели несчастья бояться, то и счастья не будет* (квалитатив взаимозависимости счастья и несчастья).

Когда А р-т, В q-т: *When fortune smiles, embrace her* (квалитатив деятельности); *When fortune knocks, be sure to open the door* (квалитатив деятельности); *Когда придет беда, не пойдёт на ум и еда* (квалитатив эмоционального состояния).

Как справедливо утверждают А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, «лексическая субстанция идиоматической фразеологии более или менее произвольна; выбор реалий, на которых базируется внутренняя форма, может быть обусловлен индивидуальными ассоциациями, часто этнически маркированными. Общность содержания и его логико-семантической структуры у межъязыковых

фразеологических эквивалентов и аналогов свидетельствует о существовании универсальных логико-семиотических моделей» [Мелерович, Мокиенко 2021, с. 143]. Но наш анализ семантики, структуры и прагматики пословиц неблизкородственных языков показал, что наличие сходных логико-синтаксических моделей (формул) в двух сопоставляемых языках не всегда приводит к появлению полных эквивалентов фразеологизмов. Лексическая наполняемость моделей часто различается, что приводит к формированию разных образов, ассоциаций и коннотаций, появлению смыслов лишь частично эквивалентных пословичным единицам оригинала, что отражается и в деонтических нормах, фиксированных в семантике пословиц, в тех рекомендациях, которые они дают собеседнику с опорой на мудрость народа. Пословичный дискурс о счастье все-таки отражает национальный взгляд на мир и национальный характер, в нем проявляется и социальный статус субъекта оценки: это бедный крестьянин в русских пословицах и прагматичный представитель среднего класса в английских.

Литература

1. Абакумова О. Б. Пословицы и антипословицы как средства выражения оценки и динамика системы ценностей лингвокультуры // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. – Орел : ОГУ им. И. С. Тургенева ; Картуш, 2022. – С. 10–17.
2. Аспекты фразеологической устойчивости : монография к 110-летию И. И. Чернышовой. – М. : МГЛУ, 2022.
3. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т 1. – М. : Современный писатель, 1995.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и в говорах. – Орел : ОГУ им. И. С. Тургенева, 2010. – С. 80–87.
5. Бочина Т. Г. Пословица на века молвится. Избранные труды по русской паремиологии. – Казань : КГУ, 2023.
6. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 576 с.
7. Жуков В. П. Предисловие к Словарю русских пословиц и поговорок. – М. : Русский язык, 1991. – С. 9–20.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002.
9. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. – М. : ЛЕНАНД, 2019.
10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантизация межъязыковых фразеологических коррелятов и языковая картина мира // Фразеология в фокусе когнитивистики : монография. – М. : Изд. дом Академии Естествознания, 2021.

11. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. – М. : Наука, 1975. – С. 247–274.
12. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д : РГУ, 2002.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
14. Харченко В. К. Функции метафоры : учеб. пособие. – Воронеж : ВГУ, 1989.
15. Krikmann A. 1001 Frage zur Logischen Struktur der Sprichwörter. Semiotische Studien zur Sprichwort. Simple Forms Reconsidered. Special Issue of Kodikas/Code – Ars Semiotica // International Journal of Semiotics. – 1984. – Vol. 7, No 3/4. – P. 387–408.
16. Litovkina A. T., Hrisztova-Gotthardt H., Barta P., Vargha K., Mieder W. Anti-Proverbs in Five Languages. Structural Features and Verbal Humor Devices. Palgrave Macmillan Switzerland AG, 2021.

Словари, справочники

17. БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
18. СМ: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Международные отношения, 2002.
19. PDP: Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of Proverbs. – 2nd edition. – Market House Books Ltd, 2000.

УДК 811.111, 81'373.7

Богатырева Екатерина Николаевна

кандидат филологических наук

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты

имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

Россия, Кострома

katyabogatyreva@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ GUN В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию семантической структуры фразеологических единиц английского языка с компонентом GUN путем анализа особенностей соотношения её основных составляющих – образной основы, внутренней формы и фразеологического зна-

чения. Результативность данного исследования заключается в выделении фразеосемантических групп устойчивых оборотов, включающих заявленный стержневой компонент.

Ключевые слова: фразеологические единицы с компонентом *gun*, семантическая структура фразеологизмов, внутренняя форма, образная основа, фразеологическое значение, фразеосемантическая классификация.

Bogatyreva E. N.

Candidate of Philological Sciences

Military Academy of Nuclear, Biological and Chemical Defence
named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko

SEMANTIC STRUCTURE OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH GUN-COMPONENT

Abstract. *The article is dedicated to the research on the semantic structure of English phraseological units with GUN-component by analyzing the peculiarities of correlation between the structure's main elements – the image, inner form and phraseological meaning. The present research results in the phraseosemantic classification of the phraseological units containing the mentioned key component.*

Keywords: *phraseological units with gun-component, semantic structure of phraseological units, inner form, phraseological image, phraseological meaning, phraseosemantic classification.*

Работы, посвященные исследованию фразеологических единиц (далее ФЕ), всегда представляют особый интерес, поскольку позволяют заглянуть в сокровищницу языка. Одна из центральных проблем, привлекающая внимание фразеологов, заключается в изучении семантической структуры ФЕ.

А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко отмечают, что ФЕ обладают многоярусной семантической структурой, образуемой разнородными элементами – внутренней формой, образной основой, языковой мотивировкой фразеологического значения, фразеологической абстракцией и фразеологическим значением [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 15]. Исследование особенностей ФЕ невозможно без тщательного анализа их семантической структуры в единстве формы и содержания.

Объектом данного исследования были выбраны английские ФЕ с компонентом *gun*. Предметом исследования являются особенности семантической структуры рассматриваемых фразеологизмов с последующим выделением фразеосемантических групп.

Фразеосемантическая классификация ФЕ с компонентом *gun* базируется на анализе соотношения образной основы, внутренней формы и актуального значения данных фразеологизмов.

Необходимо заметить, что опираясь на определении внутренней формы как смыслового содержания, объективированного в материальной форме ФЕ,

формализованного по отношению к её актуальному значению, с которым у ФЕ устанавливается деривационная связь [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 45], мы рассматриваем внутреннюю форму фразеологизма как связующий семантический элемент между фразеологическим значением (ФЗ) и языковым образом.

В толковых словарях английского языка слово *gun* зафиксировано в следующих общих для справочной литературы значениях: 1) ‘оружие, стреляющее пулями или снарядами’; 2) *спорт.* ‘орудие, из которого производится выстрел, сопровождающийся очень громким звуком, как сигнал к началу гонки или забега’; 3) ‘инструмент с ручным управлением для выпуска жидкости или объекта’ [OLD; CD; LDOCE]. Исходя из данных определений, перевод многозначной лексической единицы *gun* следует осуществлять как: 1) пистолет, ружьё, пушка и т. п. (огнестрельное оружие); 2) *спорт.* стартовый пистолет; 3) пистолет, распылитель и т. п.

На основании характеристик предметов, обозначаемых в английском языке словом *gun*, ФЕ с данным компонентом могут быть объединены в представленные здесь фразеосемантические группы.

1. *Gun* – огнестрельное оружие (пистолет, ружьё, пушка и т. п.), используемое в качестве угрозы и давления.

Образ приставленного к виску пистолета в основе фразеологизма *to hold (put) a gun to someone's head* (букв. ‘приставить пистолет к чьей-то голове’; ФЗ ‘вынуждать кого-либо сделать что-либо, используя угрозы’ [ODI, p. 139]; экв. ‘выворачивать руки’) актуализирует на уровне значения ФЕ сему угроз и принуждения к действиям: “Management are holding a gun to our heads. If we don't behave we'll lose our jobs” – «Руководство держит пистолет у наших висков / выворачивает нам руки. Если мы не будем вести себя правильно, потеряем работу» [CIDI, p. 167]. Внутренней формой оборота является представление об использовании какого-либо инструмента, представляющего опасность, для осуществления воздействия на человека, чтобы заставить его сделать что-либо.

В следующем обороте лексема *gun* является частью компонента *shotgun*, который обозначает разновидность огнестрельного оружия – дробовик – и так же репрезентирует орудие, применяемое для запугивания: *a shotgun wedding / marriage* (букв. ‘свадьба под прицелом дробовика’; ФЗ ‘вынужденная женитьба, которую организуют очень быстро в силу беременности невесты’ [CIDI, p. 349]). Фразеологизм связан с представлением об угрозах отца невесты в адрес жениха и принуждением последнего к женитьбе: “Mary was six months pregnant when she married Bill. It was a real *shotgun wedding*” – «Мэри была на шестом месяце беременности, когда вышла замуж за Билла. Это была настоящая женитьба по принуждению» [NTC's TD, p. 218].

На уровне внутренней формы ФЕ *under the gun* (букв. ‘под дулом пистолета’; ФЗ ‘под сильным давлением’ [ODI, p. 132]) актуализирует представление

о человеке, находящемся в угнетенных условиях за счет языкового образа угрозы огнестрельным оружием: “Al’s *under the gun* to decide by the end of the month whether to move with his company” – «На Эла *оказывается сильное давление*, и к концу месяца он должен решить, двигаться дальше со своей компанией или нет» [CIDI, p. 167].

2. *Gun* – огнестрельное оружие, характеристики которого включают силу, энергию и скорость.

На уровне образной основы оборота *with (all) guns blazing* (букв. ‘когда (все) пушки палят; с палящими пушками’; ФЗ ‘с большой решительностью и энергией, часто не думая о последствиях’ [ODI, p. 132]; (особенно в споре) ‘с большой силой и энергией’ [CIDI, p. 168]; экв. ‘с шашками наголо’, ‘на всех парусах’) компонент *gun* представлен как стреляющее, палящее оружие. Как известно, выталкивание снаряда из ствола оружия производится за счет большой силы давления и происходит с высокой скоростью. Внутренняя форма данного фразеологизма передает представление о стремительном, энергичном процессе какого-либо действия: “The boy’s mother arrived at the school, *all guns blazing*, furious that her son had been suspended” – «Мама мальчика примчалась в школу *на всех парусах*, разъяренная тем, что ее сына временно лишили права посещать занятия» [CIDI, p. 168].

3. *Gun* – оружие, предоставляющее преимущество, силу.

Фразеологические значения оборотов, входящих в данную фразеосемантическую группу, актуализируются за счет представления об успехе и превосходстве на уровне внутренней формы ФЕ, вытекающих из образа, созданного компонентом *gun*, который репрезентирует оружие как инструмент влияния, мощи, достижения цели: *to carry (hold) (big) guns* (букв. ‘носить (большое) оружие’; ФЗ ‘быть влиятельным человеком, принадлежать к сильным мира сего; иметь превосходство над кем-либо’: “It was Rangers and Celtic who *held the biggest guns*” (Times, Febr. 26, 1963) – «Команды ‘Рейнджерс’ и ‘Келтик’» *были самыми сильными* [АРФС, с. 339]; *the big guns* (букв. ‘большие пушки’; ФЗ ‘самые важные и влиятельные люди в организации’; экв. ‘тяжелая артиллерия’) – “Let’s try to sort this out before *the big guns* get involved” – «Давайте решим эту проблему, до того как подключится *тяжелая артиллерия*» [LPID, p. 107].

Во ФЕ *to spike someone’s guns* (букв. ‘заклепывать чьи-либо пушки’; ФЗ ‘предпринимать шаги для срыва чьего-либо намеченного плана действий’ [ODI, p. 272]; образ заклепывания орудия врага передает представление о создании препятствий для подавления силы на уровне внутренней формы и актуализирует сему нарушения чьих-либо планов на уровне фразеологического значения: “The African runner *spiked her guns*, overtaking her in the final minute” – «Африканская бегунья *сорвала её планы*, обойдя её на последней минуте» [CIDI, p. 167].

4. *Gun* – персональное, личное оружие.

Внутренние формы фразеологизмов *to stick to your guns* и *to stand by your guns* (букв. ‘держаться за свое оружие’; ФЗ ‘отказаться менять свое мнение, хотя другие пытаются переубедить тебя’; экв. ‘не сдавать позиций’ [CIDI, p. 167] передают представление о человеке, придерживающемся чего-то личного, своего, и базируются на образе солдата, который держит в руках своё оружие, продолжая стрелять по врагу. Сема неизменности, непоколебимости собственного мнения, верности своим убеждениям актуализируется во фразеологических значениях рассматриваемых ФЕ: “David’s family were against him becoming an actor but he *stuck to his guns*” – «Семья Дэвида была против того, чтобы он становился актером, но он *не сдавал своих позиций*» [CIDI, p. 167].

5. *Gun* – стартовый пистолет.

В основе образа устойчивых оборотов данной фразеосемантической группы компонент *gun* репрезентирует спортивный стартовый пистолет, дающий сигнал к началу соревнований: *to beat the gun* и *to jump the gun* (букв. ‘опередить пистолет; совершить фальстарт’; ФЗ ‘опережать события, забегать вперед’ [АРФС, с. 339]: “The college *has jumped the gun* and announced new courses before it has people to teach them” – «*Опередив события*, колледж объявил новые курсы еще до того, как набрал людей на обучение» [LPID, p. 107]. Внутренние формы данных ФЕ передают представление о преждевременности совершения какого-либо действия.

Представленная фразеосемантическая классификация английских ФЕ с компонентом *gun* позволяет выявить особенности формирования актуальных значений рассматриваемых устойчивых оборотов за счет анализа соотношения основных элементов их семантической структуры.

ФЕ с компонентом *gun* составляют небольшую долю оборотов в структуре фразеологического фонда английского языка, однако данные фразеологизмы обладают яркими образами, возникающими в сознании носителей языка, и поэтому представляют интерес для исследования. Наглядно-чувственные представления, связанные с лексемой *gun*, у жителей англоговорящих стран заключаются в восприятии этого стержневого фразеологического компонента как огнестрельного оружия, используемого для угрозы и устрашения, дающего силу и превосходство; оружия, которое характеризуется высокой скоростью, мощностью и энергией; оружия, применяемого в спортивных состязаниях для подачи сигнала к началу забега или гонки. Формы выражения исследуемых ФЕ, несомненно, являются ключом к пониманию возникших абстрагированных от образующих фразеологизмы исходных значений лексем, актуальных значений устойчивых оборотов.

Литература

1. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) : монография. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.

Словари, справочники

2. АРФС: Кунин А. И. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. В. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.

3. CD: Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 17.01.2023).

4. CIDI: Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 608 p.

5. LDOCE: Longman Dictionary of Contemporary. – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 17.01.2023).

6. LPID: Longman Pocket Idioms Dictionary. – Pearson Education Ltd., United Kingdom, 2001. – 297 p.

7. NTC's TD: Spears R.A. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. – Illinois, USA : NTC Publishing Group, Lincolnwood (Chicago), 1998. – 419 p.

8. ODI: Oxford Dictionary of Idioms / ed. by J. Siefring. – 2nd edition. – New York, USA : Oxford University Press, 2004. – 340 p.

9. OLD: Oxford Learner's Dictionaries – URL: <https://www.oxford-learnersdictionaries.com/> (дата обращения: 17.01.2023).

УДК 811.161.1

Генералова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург

elena-generalova@yandex.ru

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ СО СЛОВОМ «ИМЯ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков».

Аннотация: В статье рассматриваются устойчивые сочетания, включающие лексику имя, в русском языке XVI–XVII вв. (на широкой историческом фоне). Делаются выводы о значе-

нии лексемы имя в связи с семантикой сверхсловных комплексов, в которые она входит, степени фразеологизированности и типе этих устойчивых сочетаний, их дальнейшей судьбе в русском языке. Лингвистический анализ позволяет раскрыть черты средневекового восприятия самого феномена имени, названия.

Ключевые слова: историческая фразеология, устойчивое сочетание, русский язык XVI–XVII веков, семантика, предложно-падежное сочетание, традиционная формула.

Generalova E. V.

Ph. D. (Philology), associated professor.

Saint Petersburg State University

SET COMBINATIONS WITH THE WORD “NAME” IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE: SEMANTIC ANALYSIS

Abstract. *The article deals with the set combinations, including the wordname in the Russian language of the 16–17th centuries (at a broad historical background). Conclusions are drawn about the meaning of the word in connection with the semantics of compound complexes in which it is included, the degree of phraseologization and the type of these set combinations, their further fate in the Russian language. Linguistic analysis allows to reveal the features of the medieval perception of the phenomenon of the nomination, name itself.*

Keywords: *historical phraseology, set combination, Russian language of the 16–17th centuries, semantics, prepositional case combination, traditional formula.*

Имена выражают природу вещей.

П. А. Флоренский

Имя как персональное наименование, название чего-либо – важнейший и древнейший феномен, созданный человеческим мышлением и необходимый в человеческом обществе. Это базовое понятие, возникшее издревле, известное во все исторические эпохи и при этом претерпевающее достаточно большие изменения в восприятии в процессе своего существования. Как онтологическая универсалия имя становилось предметом философского осмысления и даже центральной категорией в самых разных теориях: античном учении об имени как о сущности, средневековом номинализме, русской религиозной «философии имени» и имяславии С. Булгакова, А. Лосева, П. Флоренского и др. Имя – это и квинтэссенция концепта: «Концепт... грамматически может быть представлен (главным образом) в виде имени, выражающего обобщенный признак» [Колесов 1999, с. 158]. Имя как знак и как значение, имя как сущность и как средство познания сущности, имя как символ и как способ понимания мира... Тема эта глубока и неисчерпаема. Имя как явление, возникающее на перекрестке языка, действительности и мышления, осмысливается в неразрывной связи философии и лингвистики (теории номинации, ономазиологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии).

Изучение понятия возможно и продуктивно через его вербальное выражение. Настоящая статья посвящена небольшому фрагменту языкового выражения понятия наименования, названия, имени. Центральным словом для обозначения этого понятия в русском языке является слово *имя*. В статье рассматриваются устойчивые сочетания, включающие лексему *имя*, функционирующие в русском языке XVI–XVII вв. (на широком историческом фоне). Базой исследования послужили материалы различных исторических словарей русского языка и в первую очередь – материалы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и его картотеки, находящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ. Объектом внимания являются все неоднословные единицы, обнаруживающие свою устойчивость и/или семантический сдвиг в исторических текстах. Такой широкий подход представляется правомерным с учетом сложности определения понятия фразеологизма в диахронии и находится в русле современной научной парадигмы исторической фразеологии: «Все большее число лингвистов изучают не только идиомы, занимающие ядерное положение в огромном поле сверхсловных языковых единиц любого национального языка, но и устойчивые словесные комплексы (УСК) окооядерной и периферийной зон» [Шулежкова 2021, с. 51].

Слово *имя* относится к древнейшему пласту исконной русской лексики: обнаруживается уже на общеславянском уровне и имеет индоевропейские корни [ЭСРЯ 2]. Слово известно на протяжении всей многовековой истории русского языка, во все эпохи высоко частотно и очень активно в словообразовательном, семантическом и фразеологическом отношениях.

Самые древние устойчивые сочетания, включающие слово *имя*, связаны с религиозным дискурсом и реализуют значение ‘именование, называние Бога, Богородицы, святых’. Устойчивые сочетания *имя Господне*, *имя Божие* фиксируются в памятниках и книжно-церковного содержания, и делового характера.

Уже в древнейших текстах (Новгородской I летописи под 854 г. [СлРЯ 11–17, 6, с. 232]) фиксируется устойчивое предложно-падежное сочетание *во имя* с семантикой ‘в честь, во славу(кого-л.)’. Это сочетание входит в ряд формул, являющихся кальками с греческих библейских выражений: *во имя Божие*, *во имя Бога*, *во имя Отца*, *Сына и Святаго Духа* (формула Троицы), которые встречаются в памятниках русского языка разного жанра и разных периодов и активно используются в тексте Библии и молитвослове православной церкви и по сей день. Вероятно, к этим выражениям, претерпев определенные семантические преобразования, восходит и составной предлог *во имя*. О. П. Ермакова, в результате изучения истории целевых предлогов в русском языке, замечает, что «выражение *во имя Бога* уже в евангельском употреблении подвергается процессу фразеологизации, но внутренняя форма его еще не стирается» [Ермакова 1968, с. 4], и приходит

к выводу, что в семантическом развитии предлога «можно наблюдать двойственное значение конструкции, где ‘в честь’ еще тесно связано с ‘именем’» [Ермакова 1968, с. 6]. В языке донационального периода устойчивое сочетание *во имя* используется как составной предлог практически исключительно перед обозначениями Бога, Богородицы, святых и т. п. Лишь в XVIII веке после этого предлога становятся возможны другие существительные, но их круг неширок (обычно обозначения царя, то есть наместника Бога на земле, реже – членов царской фамилии). «Переход от имени святого к имени вообще» [Ермакова 1968, с. 10] совершается, по-видимому, только в языке XIX века. Наконец, во второй половине XIX века окончательно выделяется и целевое значение ‘ради’, и становится возможным употребление предлога с отвлеченными существительными с абстрактным значением: *во имя науки* (Н. Гоголь), *во имя истины* (М. Антонович), *во имя добра* (М. Салтыков-Щедрин), *во имя красоты* (Ф. Достоевский), *во имя любви к человечеству* (И. Гончаров). Позже сочетаемость предлога продолжает расширяться. Но на всем протяжении своего функционирования в языке он так и сохраняет свою высокую стилистическую окраску: см. близкое к наречному изолированное употребление *Тебе всегда играть всерьез... Хоть полстранички, хоть без слов, Хоть в пантомиме – Играть до сердца, до основ, Играть во имя* (Д. Самойлов).

С семантикой называния Бога лексема *имя* входит и в древнее устойчивое сочетание *Христово имя*, близкое вышперечисленным евангельским формулам. В период XV–XVII вв. уже с этим устойчивым сочетанием образуется фразеологизм *кормиться (скитаться, питаться) Христовым именем*. Этот оборот возникает в деловой письменности Московской Руси, используется чаще всего в челобитных и имеет значение ‘жить подаванием в крайней нужде, прося милостыню’ (текстовые примеры см. [СОРЯ 9, с. 62]). Частотность и клишированность этого выражения позволяет отнести его к так называемым традиционным формулам, о которых Св. С. Волков делает следующий вывод: «Складывающиеся постепенно, отобранные практикой оформления челобитных эмоционально-экспрессивные приемы выражения некоторых типичных для того времени понятий, житейских ситуаций, обстоятельств превратились в систему традиционных стандартизованных средств, которые стали одним из существенных элементов стиля челобитных» [Волков 2006, с. 279–280]. В дальнейшем это восходящее к старорусскому языку устойчивое сочетание постепенно, со сменой языковой ситуации, жанровой системы, собственно, с изменением общества перестает быть формулой, однако используется как фразеологизм и в современном русском языке с семантикой ‘нищенствовать, побираться’ и фиксируется современными толковыми [БАС–3, 7, с. 244] и фразеологическими словарями.

Другой пласт устойчивых сочетаний, включающих лексему *имя*, реализует семантику обозначения звания, титула, статуса. Большая и тоже древняя группа

сверхсловных единств – это выражения, отсылающие к власти и титулу монарха. Еще в древнерусском языке известны летописные формулы *въ свое имя взяти, прятискладывающиеся* постепенно, отобранные практикой оформления чело-битных эмоционально-экспрессивные приемы выражения некоторых типичных для того времени понятий – ‘принять под свою власть и защиту’, *быти въ* (чьем-л.) *имени* – ‘находиться под властью и под защитой кого-л.’ [СлРЯ 11–17, 6, с. 232]. Близки этим формулам фразеологизмы *въ своем имени держати* – ‘иметь в качестве вассалов’. Частотна в языке Московской Руси формула *на твое государское имя (выйти/выходить, пойти, ехать/выехать)*, означающая ‘в Московское государство (отправиться/отправляться), под власть Московского царя (переходить/перейти)’ [СОРЯ 9, с. 63–64]. В старорусском языке возникает и устойчивое сочетание *на (твое, свое, наше, ваше) царское (государское, государя (государей), государево, царево и великого князя) имя* с семантикой ‘адресуя царю Московской Руси’ [СОРЯ 9, с. 63]. Ряд устойчивых сочетаний реализует семантику ‘титул, официальное название монарха’: *государево (государское, царское, государя) имя* – сокращенный титул Московского царя; при упоминании Московского царя; как синонимичная ему использовалась этикетная формула *государское (государево, великого государя) именование*. Монарх отождествляется со своим титулом, приравнивается к нему, что отражено в оборотах: *говорить именем (королевским, царским)* – ‘делать сообщение от лица монарха’, *за имя царское* – ‘за царя’.

Семантика *имя* ‘звание’ обнаруживается и в устойчивом сочетании *гостинное имя* – ‘звание гостя, принадлежность к почетному купеческому объединению, корпорации’ [СОРЯ 9, с. 63].

Значительный пласт фразеологизмов образуется со словом *имя*, естественно, и в значении ‘персональное именование человека’. Процесс имянаречения отражен в коллокациях *дать / давать имя*, процесс использования, упоминания персонального именования – в коллокациях *именем называть (звать), именем наречься* – ‘назваться своим персональным именованием’ [СОРЯ 9, с. 61]. Все эти сочетания активны и частотны в языке XVI–XVII вв., так же, как и падежные лексикализирующиеся формулы, использующиеся при указании персонального именования человека *именем* (кто), *имя* (кому) (в сочетании с именем собственным в Им. пад.).

Фразеология отражает факт возможности человека иметь (или присваивать себе) несколько именовании: *молитвенное имя* ‘имя, данное при крещении’, *прямое имя* ‘настоящее, данное при крещении христианское календарное имя; подлинное имя’, *по чужому имени* – ‘подложно’ [СОРЯ 9, с. 61]. В XVIII веке фиксируется устойчивое сочетание *фамильное имя* [СлРЯ 18, 9, с. 87].

В деловой письменности старорусского периода фиксируется юридическая формула *имен (имени, имя)* (кого-л., кому-л.) *(не) ведать (знать, упомянуть)* – ‘о наличии (отсутствии) информации о чьем-л. персональном именовании’.

нии' (ср. *в рожу (рожей) знать (упомнить)*, 'о наличии информации о внешнем виде человека'). В деловых документах формируется и устойчивое предложно-падежное сочетание с обязательным распространителем *на* (чье-л., кого-л.) *имя*, которое в языке Московской Руси было многозначным, используя со значениями 'при указании адресата документа' и 'при указании собственника'. С первым значением впоследствии в русском языке это сочетание закрепляется как предлог *на имя* 'в адрес' с Род. пад. Падежная форма *именем* и предложно-падежные сочетания *по именам (имени)* употребляются в языке деловой письменности с семантикой 'с упоминанием личного именованного человека, с перечислением персональных именованных людей'. В этом же значении использовалось и наречие *именно*, выступая как синонимичное данным выражениям. Антонимом было устойчивое предложно-падежное сочетание *без имен* – 'без указания личных именованных' (например, *платить без имен*) и наречие *безыменно*. Фиксируются со словом *имя* и составные наименования, входящие в юридическую терминологию; обозначения таких важнейших документов, как поименный список, получают название *ропись имен (именам)*, *список имен* (как синонимы используются названия *именная роспись* и *именной список*).

Ко второй половине XVII – началу XVIII в. относится первый известный паремнологический сборник – это включенный в собрание П. Симони «Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени», помещенный в «Старинном сборнике русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» [Симони 1899, с. 172–216]. Сборник включает ряд пословично-поговорочных высказываний с лексемой *имя*. Паремии реализуют семантику этой лексики как 'персональное именование человека' (*Отцу имя запомниль, а матке забыль*) [Симони 1899, с. 152], *Человѣкъ добръ, а имя ему охъ* [Симони 1899, с. 156], 'кличка животного' (*По шерсти сабаке и имя даютъ*) [Симони 1899, с. 134], *Без имени овца боранъ* [Симони 1899, с. 84]), 'название, обозначение' (*Бдчи рыба дать ей имя*) [Симони 1899, с. 159].

Таким образом, слово *имя* очень активно в коллокациях, фразеологизмах, пословицах в русском языке донационального периода. В составе устойчивых сочетаний слово реализует свою богатую семантику, выступая в значениях 'называние Бога', 'титул, звание', 'власть монарха', 'персональное именование человека'. Со словом образуются устойчивые сверхсловные комплексы разной степени фразеологизированности и разного типа: собственно фразеологизмы, традиционные формулы, коллокации, устойчивые предложно-падежные сочетания, составные наименования, пословичные высказывания. Когнитивной анализ устойчивых сверхсловных комплексов со словом *имя* демонстрирует тесную связь восприятия называния, имени (прежде всего Бога) и памяти, чести, славы, титула (имени) монарха и власти, человека как индивида и его персонального именованного.

Литература

1. Волков Св. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века: на материале челобитных. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.
2. Ермакова О. П. О предлоге *во имя* // Вопросы истории и теории языка / отв. ред В. Л. Архангельский. – Тула : Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1968. – С. 3–10.
3. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб. : Златоуст, 1999.
4. Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий // Сб. ОРЯС. – Т. 66, № 7. – СПб. : Императорская академия наук, 1899.
5. Шулежкова С. Г. Проблемы создания Большого фразеологического словаря старославянского языка в условиях цифровой культуры // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов Международного симпозиума (24–25 сентября 2021 г.) / отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. – Томск : ТГУ, 2021. – С. 51–54.

Словари, справочники

6. БАС–3: Большой академический словарь русского языка. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2019. – Вып. 1–25. Изд. продолжается.
7. СЛРЯ 11–17: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука : Азбуковник : Нестор-История, 1975–2015. – Вып. 1–30. Изд. продолжается.
8. СОРЯ: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – СПб. : Наука, 2004–2020. – Вып. 1–9. Изд. продолжается.
9. ЭСРЯ: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд., стер. – М. : Астрель : Аст, 2004.

УДК 811.161.1'373.7

Декатова Кристина Ивановна

доктор филологических наук, профессор

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Россия, Волгоград

dekatovaki@mail.ru

УСТАРЕВШИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕМИКИ

Аннотация. В статье описываются существующие в современной лингвистике подходы к решению вопроса архаизации фразеологических единиц, анализируются причины формирования пласта устаревших устойчивых единиц русской политической фраземики.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политический фразеологизм, устаревшие фразеологические единицы.

Dekatova K. I.

Doctor of Philology, Professor

Volgograd State Socio-Pedagogical University

OBSOLETE PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN POLITICAL PHRASEMICS

Abstract. *The article describes the approaches existing in modern linguistics to solving the problem of archaization of phraseological units, analyzes the reasons for the formation of a layer of phraseological units in Russian political phrasemics.*

Keywords: *political linguistics, political phraseological units, obsolete phraseological units.*

Преобразования политических реалий, актуализация или забвение политических событий, идеологий отражаются в общественно-политической лексике в целом и в политической фраземике в частности. Это проявляется в том, что запускаются два процесса: обновление и старение языковых единиц, номинирующих политические реалии [Декатова 2020, 2021]. Последний процесс приводит к расширению пласта устаревших фразеологических единиц политической фраземики.

Устаревшие политические фразеологизмы нельзя отнести к «мертвым» языковым единицам. Как и устаревшие лексемы, устаревшими фразеологизмами называют языковые единицы, вышедшие из активного употребления, а следовательно, перешедшие из активного словаря в пассивный словарный запас. Архаизация фразеологизмов – одна из актуальных и сложных проблем современной фразеологии [Федоров 2011; Попов 1995; Мокиенко 1995, 1999; Жуков 2006; Верещагин, Костомаров 1983 и др.]. Как отмечает А. И. Федоров, трудность исследования процесса «старения» фразеологических единиц «объясняется сложностью их семантики, отличием ее от лексической в коннотации: фразеологические обороты создаются в номинативном процессе преимущественно с целью характеризовать предмет мысли, чтобы передать его оценку через представление о реальном факте, а в ряде случаев и нереальном» [Федоров 2011, с. 9]. Экспрессивность, оценочность, эмоциональность фразеологизмов позволяют оставаться им частью активного словарного запаса даже при исчезновении из повседневной жизни объекта номинации, поскольку «эмоционально-оценочный заряд» фразеологического значения остается актуальным для носителей языка, например, *помазанник божий* – ‘о царе, императоре’ [РФИЭС 2005, с. 555]; *Великий Октябрь* – ‘Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.’ [БАС 1959, Т. 8, с. 829]. Таким образом, архаизация фразеоло-

гических единиц в определенной степени зависит от того, сохраняет или нет устойчивая единица экспрессивность, которая остается частью значения до тех пор, «пока в сознании носителей языка не утрачено образное представление (то есть внутренняя форма), мотивирующее семантику этих оборотов» [Федоров 2011, с. 9]. Так, в советский период истории России фразеологизм *новая жизнь* – ‘о жизни по социалистическим, коммунистическим нормам и принципам’ [ТСЯС 1998, с. 191] – активно использовался в речи как средство экспрессивной вербализации мысли до тех пор, пока сохранялась его внутренняя форма: актуальное противопоставление жизни в дореволюционный период и жизни после победы большевиков.

Причины «старения» политических фразеологизмов могут быть как внутриязыковыми, так и внеязыковыми. К внутриязыковым факторам можно отнести переход из активного словаря в пассивный словарь слов-компонентов фразеологизмов: «процессу архаизации фразеологизмов могут содействовать внутриязыковые связи этих оборотов с теми словами в лексике языка, которые входят в состав фразеологизмов в качестве их компонентов, но в свободном употреблении в системе языка исчезли, стали историзмами или архаизмами» [Федоров 2011, с. 10]. Так, фразеологические единицы *кормило правления (власти, государства)* – ‘то, посредством чего управляют’ [БАС, Т. 5, с. 1433] и *стоять у кормила* – ‘Устар. Книжн. Находиться у власти, возглавлять управление (государством)’ [ФСРЛЯ с. 664] – можно назвать устаревшими вследствие того, что слово *кормило* – ‘1. Устар. Руль у судна, весло для управления ходом судна, лодки<...> 2. Перен. То, посредством чего управляют, власть’ [БАС, Т. 5, с. 1432] – в лексической системе современного русского языка является архаизмом.

Содержание в компонентном составе фразеологизмов «архаичных элементов» способствует «старению» устойчивой единицы, однако процесс этот является длительным и не завершается до тех пор, пока фразеологизм активно употребляется в речи. В связи с этим полагаем, что следует различать политические фразеологизмы с компонентами, восходящими к устаревшим словам, и собственно устаревшие устойчивые единицы. Первые необязательно относятся к единицам пассивного запаса. Например, фразеологизм *бразды правления* – ‘о государственной или административной власти’ [РФИЭС, с. 65] – содержит устаревшее слово-компонент *бразды* – ‘устар. 1. Конские удила, узда. 2. Переносно. Бразды, мн. Власть, управление’ [БАС, Т. 1, с. 601]. Однако в словарных статьях фразеологических словарей нет указания на то, что устойчивая единица является устаревшей, и, судя по активному использованию данного фразеологизма в речи журналистов, политиков, вряд ли ее можно отнести к единицам пассивного словаря:

Принявший бразды правления Великобританией и странами Содружества король Карл III решил на то, что не смогла сделать его покойная мать, королева Елизавета II: он запретил родному брату, принцу Эндрю, появляться в Букингемском дворце (Комсомольская правда от 24 декабря 2022 г.)

<...> В первую очередь его гигантская популярность среди народа: авторитет, опыт. Все знают, что он может быть президентом. И ему не надо доказывать, что он способен взять бразды правления государством. (Комсомольская правда от 19 марта 2018 г.)

Интересно, что возможен переход устойчивых единиц не только из активного словаря в пассивный, но и, наоборот, переход из пассивного словаря в активный – «возрождение» устаревших политических фразеологизмов. Например, устаревшая фразеологическая единица **власть предержавице** – ‘устар. представители высшей власти, лица, облеченные высшей властью, начальство’ [РФИЭС, с. 102], содержащая вышедшее из активного употребления словокомпонент **предержавицый** – ‘устар. и иронич. 1. Власть, рука предержавица. Высокая правительственная власть’ [БАС, Т. 11, с. 118], в современном публицистическом и политическом дискурсе употребляется настолько часто, что вряд ли данный фразеологизм можно рассматривать как элемент пассивного словаря:

Власть предержавице хотят жить без всяких правил, заявил Владимир Путин на пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». (АиФ от 27 октября 2022 г.)

Однако в последнее время ученые и власть предержавице пытаются повернуть время вспять, вернув осетра «священному морю». Так, на прошлой неделе в районе Байкальска в воду озера было выпущено 20 тысяч мальков этой рыбы (Комсомольская правда от 19 августа 2015 г.)

До сих пор «поворот на Восток» воспринимался многими российскими политиками, бизнесменами и экспертами как причуда властей предержавиц. Экономические связи если и развивались, то преимущественно с Китаем. Но Восток всё равно оставался для отечественных элит далекой экзотикой, в отличие от привычных Европы и США (Известия от 30 марта 2022 г.).

К внеязыковым причинам архаизации политических фразеологизмов относится прежде всего утрата актуальности политических реалий, номинируемых фразеологической единицей. Так, в современной русской фраземике содержатся фразеологизмы, которые называют отсутствующие в современном политическом пространстве объекты и понятия: **муравьёвский галстук (воротник)** – ‘удобная петля, виселица’. «Выражение связано с фамилией графа Муравьева, который в 1863 г. при подавлении восстания в Польше приобрел плохую славу тем, что отправлял повстанцев тысячами на виселицу. За это его прозвали “Вешатель”» [РФИЭС, с. 132]; **человек с ружьем** – ‘красноармеец, бо-

ец революции’. «Выражение было заимствовано из народной речи и употреблено В. И. Лениным в заметке «Из дневника публициста» в 1917 г.» [РФИЭС, с. 748]; *партийный глаз* – ‘о партийном контроле, наблюдении за чем-либо’ [ТСЯС, с. 124]; *малиновые пиджаки* – ‘возникшая в России 90-х годов криминальная или полукриминальная социальная прослойка так называемых новых русских’. История возникновения и причины «ухода» из активного словаря данной единицы описываются в работе Н. В. Баско, В. И. Зимина «Новое время – новые фразеологические образы»: «В начале 1990-х годов, в период становления капитализма в России и появления частной собственности, малиновый пиджак и золотая цепь на шее были неизменным атрибутом “новых русских”. Но мода на малиновые пиджаки и золотые цепи закончилась, и бывшие бандиты, ставшие “хозяевами жизни”, предпочитают малиновым пиджакам одежду лучших европейских брендов. Такие изменения на протяжении лишь одного десятилетия привели к тому, что фразеологический оборот малиновые пиджаки утратил свою актуальность и вышел из современного речевого употребления» [Баско 2017, с. 408].

Процесс «старения» политических фразеологизмов нередко связан со сменой политической формации общества. Каждая «политическая эпоха» оставляет в языковой системе свои «памятники-фразеологизмы», которые помогают сохранить в русской языковой картине мира значимые для народа политические идеи и события. Некоторые из этих политических фразеологизмов не утрачивают актуальности, а некоторые переходят в разряд устаревших. Так, в политической фраземике русского языка можно выделить группы устаревших фразеологизмов, образовавшихся в разные эпохи общественно-политической жизни России:

1) эпохи Российской монархии: *столыпинский галстук (воротник)* – ‘удобная петля, виселица’ [РФИЭС, с. 132]; *кающийся дворянин* – ‘тип русского дворянина 40–60 гг. XIX века, страдавшего от осознания, что он и его предки – крепостники, и считавшего своим моральным долгом служить народу’ [РФИЭС, с. 176]; *пикейные жилеты* – ‘о доморощенных политиках’ [РФИЭС, с. 225]; *помазанник божий* – ‘о царе, императоре’ [РФИЭС, с. 555] и др.

2) эпохи социалистического государства: *казарменный коммунизм* – ‘вульгарно-примитивная, грубоуравнительная концепция коммунизма как строя крайнего аскетизма, подавления личности, управляемого узким слоем “революционных лидеров”, жестоко регламентирующих все формы предельно бюрократизированной общественной деятельности с помощью насилия, лжи’ [СП, с. 85]; *страна богатырей* – ‘Советская Россия’ [ТСЯС, с. 59]; *белый террор* – ‘о массовом истреблении контрреволюцией руководителей и участников революционного движения’ [РФИЭС, с. 690]; *детская болезнь левизны* – ‘о левом

уклонизме / Название работы В. И. Ленина' [ТСЯС, с. 60]; *великий почин* – 'образное наименование коммунистических субботников' [РФИЭС, с. 566]; *братья по классу* – 'о пролетариате или коммунистах иностранных стран' [ТСЯС, с. 67]; *праздник труда* – 'коммунистический субботник' [СПРЯ, с. 199]; *витрина социализма* – 'о том, что подавалось как достижение социалистического строя, образа жизни, служило его прославлению' [НСЗ, Т. 1, с. 314];

3) эпохи развала СССР (лихих 90-х): *мальчики в розовых штанишках* – 'уничжительное определение любых либеральных экономистов' (из речи вице-президента РФ А. Руцкого, который так охарактеризовал команду Е. Гайдара) [ССЖРПЖ 2003, с.93]; *рыжий кардинал* – 'о политическом и государственном деятеле А. Б. Чубайсе – советнике президента Б. Н. Ельцина' [НСЗ 2009, Т. 1, с. 739]; *всероссийский, народный аллерген* – 'об А. Б. Чубайсе – инициаторе и организаторе ваучерной приватизации' [НСЗ 2009, Т. 1, с. 52]; *новые русские* – 'о российских предпринимателях и финансистах, стремительно разбогатевших в период перестройки и распада СССР в результате быстрого оборота капитала, сомнительных, незаконных действий или предприимчивости, деловитости и др. личностных качеств (отличаются стилем одежды, обилием дорогих, часто безвкусных украшений, нагловатой, эпатирующей манерой поведения, собственным сленгом и т. п.)' [НСЗ 2014, Т. 2, с. 1181] и др.

Как и все устаревшие языковые единицы, политические фразеологизмы можно разделить на две группы: историзмы и архаизмы.

Политические фразеологические историзмы номинируют исчезнувшие из современной политической жизни реалии, например: *гонимец революции* – 'дипкурьер первых лет советской власти' [ТСЯС 1998, с. 127]; *государство трудящихся* – 'Советский Союз' [ТСЯС 1998, с. 134]; *сидеть за колоски* – 'быть под следствием или быть осужденным за сбор оставшихся после уборки колосьев (по закону в 1932 г. давали за это 10 лет лагерей)' [ТСЯС 1998, с. 255]; *кожаные куртки* – 'сотрудник ВЧК' [ТСЯС 1998, с. 303]; *пионерский комиссар* – 'о пионерском вожатом' [ТСЯС 1998, с. 260]; *красный сват* – 'агитатор, призывающий крестьян вступить в колхоз' [ТСЯС 1998, с. 535]; *почетный (символический) пятиугольник* – 'государственный Знак качества' [ТСЯС 1998, с. 500].

Политическая фраземика русского языка содержит немало историзмов, которые можно отнести к группе фразеологизмов-онимов: *классик в кепке* – 'В. И. Ленин' [ТСЯС 1998, с. 248]; *великий машинист локомотива истории* – 'о И. В. Сталине' [ТСЯС 1998, с. 19]; *кремлевский мечтатель* – 'о В. И. Ленине' [ТСЯС 1998, с. 334]; *железный нарком* – 'о Л. М. Кагановиче, возглавлявшем ряд наркоматов и входившем в ближайшее политическое окру-

жение Сталина' [ТСЯС 1998, с. 352]; *организатор масс* – 'о В. И. Ленине' [ТСЯС 1998, с. 400]; *великий строитель коммунизма* – 'Н. С. Хрущев' [ТСЯС 1998, с. 590]; *железный Феликс* – 'о Ф. Э. Дзержинском' [ТСЯС 1998, с. 633]; *пламенный Фидель* – 'первый секретарь ЦК Компартии Кубы, лидер Кубинской революции' [ТСЯС 1998, с. 440]; *подручный Иуды Троцкого* – 'о Н. И. Бухарине' [ТСЯС 1998, с. 448].

Политические фразеологические архаизмы номинируют существующие политические реалии, вытесненные из активного словаря синонимичными языковыми единицами, например: фразеологизм *заплечных дел мастер* со значением 'палач' [ФСРЛЯ 2008, с.361] в советское время приобрел значение – 'агент Центрального разведывательного управления США' [ТСЯС 1998, с. 152]. В современной языковой системе данная единица встречается в словарях с пометой «устар.». Она была вытеснена более часто используемой единицей *тихий американец*, в парадигму значений которой входит значение 'агент ЦРУ, шпион, действующий под видом дипломата, журналиста и т. п.' [РФИЭС 2005, с. 23–24].

В политической фраземике значительное число устойчивых единиц составляют семантические архаизмы – фразеологические единицы с устаревшими значениями. Так, фразеологизм *вражий голос* является семантическим архаизмом, так как значение 'о буржуазной радиостанции, ведущей антисоветскую пропаганду' [ТСЯС 1998, с. 126] устарело. Несмотря на то, что Советского Союза уже нет, внешнее вражеское пропагандистское воздействие не угасает, а вражьи (вражеские) голоса продолжают угрожать безопасности нашей страны. Фразеологизм *вражий (вражеский) голос(а)* активно используется в речи современников со значением 'СМИ, ведущие антироссийскую пропаганду':

Запущенный в 2010 году «Дождь» считался чрезвычайно модным среди так называемой продвинутой аудитории. Да и власть не скрывала симпатий к телеканалу, представителей которого приглашали на пресс-конференции с высшими руководителями государства. То, что «Дождь» был главным рупором протестов на Болотной, не имело для него фатальных последствий, хотя это, безусловно, усилило радикализацию отношения в обществе к ресурсу – для одних он стал «глотком свободы», для других – «вражеским голосом» (АиФ от 3 декабря 2022г.).

К семантическим архаизмам можно отнести и политические фразеологизмы *ум, честь и совесть нашей эпохи* – '1) характеристика партии большевиков, 2) партия, претендующая на руководство, особые моральные качества, особое знание, «партия власти»' (В. И. Ленин, статья «Политический шантаж» (1917) [ЭСКСВ 2005, с. 777]; *железный занавес* – 1) 'о самоизоляции Советского Союза от капиталистического мира' [ТСЯС, 1998, с. 204]; 2) 'преграды

(обычно намеренно создаваемые по идеологическим соображениям), препятствующие взаимным контактам различных стран и создающие их политическую изоляцию»; [РФИЭС 2005 с. 237] *винтик государственной машины* – ‘1) о простом советском человеке; 2) о покорном человеке, лишенном индивидуальности’ [РФИЭС 2005, с. 100]; *жандарм Европы* – ‘1) о российском царизме; 2) Об американском империализме; о больших государствах с имперскими притязаниями, позволяющих себе вмешиваться во внутренние дела других государств’ [РФИЭС 2005, с. 217].

Таким образом, пласт устаревших единиц политической фраземики русского языка постоянно изменяется, что непосредственно связано с изменениями в политической жизни общества. Старение политических фразеологизмов обусловлено как внелингвистическими причинами, так и собственно лингвистическими причинами. Последние вызывают особый интерес фразеологов, поскольку позволяют приблизиться к решению одной из важных задач современной фразеологии – осмыслению механизмов архаизации устойчивых единиц.

Литература

1. Баско Н. В. Фразеология политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 175–180.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка. – М. : Русский язык, 1983.
3. Декатова К. И. Политические фразеологические неологизмы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2 (155). – С. 117–121.
4. Декатова К. И. Фразеологические единицы как средства вербализации политических мифов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (145). – С. 131–134.
5. Жуков А. В., Жуков В. П. Русская фразеология. – М. : Высшая школа, 2006.
6. Мокиенко В. М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 3–12.
7. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки по фразеологии. – СПб. : Фолио-Пресс, 1999.
8. Попов Р. Н. Архаизмы в структуре современных фразеологических оборотов. // Русский язык в школе. – 1995. – № 3. – С. 86–88.
9. Федоров А. И. Устаревшая лексика и фразеология в современном русском литературном языке // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 7–11.

Словари, справочники

10. БАС: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.
11. НСЗ: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. Т. 1 / сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева ; отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009.
12. РФИЭС: Русская фразеология: историко-этимологический словарь / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.
13. СП: Словарь перестройки [1985–1992] / В. И. Максимов и др. – СПб. : Златоуст, 1992.
14. СПРЯ: Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – М. : Русский язык, 2004.
15. ССЖРПЖ: Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А. В. Моченов, С. С. Никулин, А. Г. Ниясов, М. Д. Савваитова. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
16. ТСЯС Мокиенко В. М., Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
17. ФСРЛЯ: Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель : АСТ, 2008.
18. ЭСКСВ: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005.

Источники языковых материалов

19. Комсомольская правда от 24 декабря 2022 г. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27488.5/4697944/> (дата обращения: 01.12.2022).
20. Комсомольская правда от 19 марта 2018 г. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26807.5/3842893/> (дата обращения: 01.12.2022).
21. АиФ от 27 октября 2022 г. – URL: https://aif.ru/politics/world/putin_zayavil_o_zhelanii_mirovyh_vlastey_zhit_bez_vsyakh_pravil (дата обращения: 09.01.2023).
22. Комсомольская правда от 19 августа 2015 г. – URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26421/3294523/> (дата обращения: 01.12.2022).
23. Известия от 30 марта 2022 г. – URL: <https://iz.ru/1312131/aleksei-kupriianov/severnoe-vliianie-pochemu-indiia-ne-toropitsia-prisoediniatsia-k-sanktciiam-zapada> (дата обращения: 24.12.2022).
24. АиФ от 3 декабря 2022 г. – URL: https://aif.ru/politics/russia/kanal_po_vyzovu_dozhd_uvolil_zhurnalista_za_prorossiyykuyu_ogovorku (дата обращения: 09.01.2023).

УДК 811.161.1'37 + 811.11'37

Дубова Марина Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственной университет

Россия, Кострома

dubova.m2018@yandex.ru

РОЛЬ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. В статье анализируются типы межъязыковых фразеологических коррелятов, входящих в состав фразеосемантического поля «речевая деятельность» английского и русского языков, и выявляется их роль в репрезентации языковой картины мира.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеосемантическое поле, эквивалент, аналог, внутренняя форма, языковая картина мира.

Dubova M. Ye.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Kostroma State University

THE ROLE OF INTERLINGUAL PHRASEOLOGICAL CORRELATES IN THE REPRESENTATION OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Abstract. The article analyses the types of interlingual phraseological correlates, constituting the phraseosemantic field “speech activity” of the English and Russian languages, and reveals their role in the representation of the linguistic picture of the world.

Keywords: phraseological unit, phraseosemantic field, equivalent, analogue, inner form, linguistic picture of the world.

В лингвистической литературе по теории перевода представлены различные точки зрения на типы эквивалентности фразеологических единиц (ФЕ). Например, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов различают фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги [Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960, с. 57–59]. В научной литературе по теории перевода вводится также понятие «частичный эквивалент». Так, В. Н. Крупнов не выделяет фразеологические аналоги, а дифференцирует полные и частичные фразеологические эквиваленты. Полные фразеологические эквиваленты совпадают по значению, лексическому составу, образности, стилистической окраске и грамматической структуре, например: *соль земли* – *the salt of the earth*; *играть с огнем* – *play with fire*. Частичные фразеологические эквиваленты подразделяются на три

группы. Первая группа включает фразеологизмы, совпадающие по значению, стилистической окраске, близкие по образности, но расходящиеся по лексическому составу: *сулить золотые горы* – *promise wonders, promise the moon*; *купить кога в мешке* – *buy a pig in a poke*. Вторая группа представлена фразеологизмами, совпадающими по значению, образности, лексическому составу и стилистической окраске, но различающимися по таким формальным признакам, как число и порядок слов, например: *играть на руку кому-либо* – *play into sb.'s hands* (расхождение в числе); *за деревьями не видеть леса* – *not to see the wood for the trees* (расхождение в порядке слов). Фразеологизмы третьей группы совпадают по всем признакам, за исключением образности: *отправиться на боковую* – *go to bed*; *быть как на ладони* – *spread before the eyes, be an open book* [Крупнов 1979, с. 31–32].

Проведенное нами сопоставление английских и русских синонимических рядов в рамках фразеосемантического поля «Речевая деятельность» позволило четко дифференцировать фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги. Под фразеологическими эквивалентами понимаем полные межъязыковые соответствия, то есть фразеологизмы сопоставляемых языков, совпадающие по смыслу и по образной основе. Например: англ. *read a sermon to sb.* [БАРФС] и русск. *читать проповедь* [ФСРЯ]; англ. *make a scene* и русск. *устраивать сцену*; англ. *swallow one's words* и русск. *глотать слова*. Фразеологические аналоги являются частичными межъязыковыми соответствиями. Они адекватны по смыслу, но различаются образной основой (внутренней формой). Например: англ. *beat the <big> drums* (букв. «бить в большие барабаны») и русск. *звонить во все колокола*; англ. *speak like a book* (букв. «говорить как книга») и русск. *говорить как по писаному*; англ. *have lost one's tongue* (букв. «потерять язык») и русск. *проглотить язык*. Представляется возможным квалифицировать фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги как различные виды межъязыковых синонимов.

Рассмотрим детальнее особенности внутренней формы фразеологических аналогов, характеризующих речевую деятельность в английском и русском языках. Среди рассматриваемых фразеологических аналогов выделяются ФЕ с частичным или полным несовпадением внутренней формы.

К ФЕ с частично несовпадающей внутренней формой (частичным аналогам) относятся фразеологические обороты разных языков с более или менее сходной внутренней формой при общности значения. Например: англ. *call a spade a spade* (букв. «называть лопату лопатой») и русск. *называть вещи своими именами*; англ. *drag sb. through the mire* (букв. «тащить кого-либо по грязи») и русск. *обливать грязью*; англ. *make a mountain out of a mole hill* (букв. «делать гору из кротовины») и русск. *делать из мухи слона*; англ. *swear like a fish wife* (букв. «ругаться как торговка рыбой») и русск. *ругаться как извозчик*.

Более отдаленными аналогами являются межъязыковые синонимы, которые полностью различаются своими образными основами (внутренними формами). Сравним, например, английскую ФЕ *have seen a wolf* (букв. «увидеть волка») с русским аналогом *язык прилип к гортани*. Согласно старинному народному (английскому) поверью, человек при виде волка может лишиться дара речи. Отношениями отдаленной аналогии связаны также английская ФЕ *call sb. Over the coals* (букв. «подвергать кого-либо пытке огнем») и русская ФЕ *задавать головоломку*. По своему происхождению английский оборот *call sb. over the coals* связан со средневековой пыткой огнем, которой подвергали еретики.

Степень аналогии межъязыковых фразеологических синонимов может быть различной. Сопоставим английскую ФЕ *go round and round the mulberry bush* (букв. «ходить вокруг тутового дерева») с аналогичной русской ФЕ *ходить вокруг да около*. Здесь наблюдается неполная аналогия образных основ ФЕ: лексический состав русского оборота в буквальном значении не указывает на конкретный объект действия. Причинно-следственная связь, существующая между этимологическим значением словосочетания *go round and round the mulberry bush* и его фразеологическим значением, устанавливается по семантике *mulberry bush* – «детская игра, напоминающая хоровод и сопровождаемая припевом *Here we go round the mulberry bush*».

Следует отметить, что отдаленные аналоги могут различаться степенью ассоциативного сходства образных основ. Ср., например: англ. *shut up like an oyster* (букв. «замолчать как устрица») и русск. *набрать в рот воды*. Данные ФЕ выражают идею молчания. Причем русский оборот передает эту идею целостным образом, а английский оборот включает слово *shut up* в его буквальном значении «замолчать». Это значение усиливается сравнением с устрицей (ср.: русск. *нем как рыба*). Такие отдаленные аналоги, как *wash one's dirty linen in public* (букв. «стирать свое грязное белье на людях») и *выносить сор из избы, harpoon one string* (букв. «играть на одной струне») и *заводить вольнку*, также демонстрируют ассоциативное сходство образных основ. Сравним с более отдаленными аналогами, которые на уровне внутренней формы не обнаруживают никаких образных ассоциаций: англ. *Sling the hatchet* (букв. «швырнуть топорик») и русск. *хватить через край*; англ. *Dust sb.'s coat <for him>* (букв. «почистить чье-либо пальто») и русск. *разнести в пух и прах*; англ. *Give sb. <a lick with> the rough side of one's tongue* (букв. «лизнуть кого-либо грубой стороной языка») и русск. *намылить шею* и др.

Проведенный сопоставительный анализ фразеологизмов, характеризующих речевую деятельность, позволил выявить типы межъязыковых соответствий английских и русских ФЕ. 36 английских ФЕ и 30 русских ФЕ эквивалентны между собой, то есть вступают в отношения полного тождества. В рассматриваемой фразеосемантической микросистеме значительно преобладают отда-

ленные аналоги. Нами зафиксировано 22 английских и 14 русских частичных аналогов, 79 английских и 59 русских отдаленных аналогов. Благодаря различию внутренней формы фразеологические аналоги способствуют отражению образной специфики фрагментов языковой картины мира в каждом из сопоставляемых языков. Фразеологические аналоги активно участвуют в формировании языковой картины мира, ее национального своеобразия. Эти ФЕ нередко отличаются национально-культурной семантикой и могут передавать информацию о различных реалиях, имеющих страноведческую маркированность.

Литература

1. Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский: Лексико-фразеологические основы перевода. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. – Ч. 1. – 176 с.

2. Крупнов В. Н. Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика. – М. : Международные отношения, 1979. – 231 с.

Словари, справочники

3. БАРФС: Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М. : Живой язык, 1998. – 944 с.

4. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова [и др.] ; под ред. А. И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ, 2001. – 510 с.

УДК 811.111:81'373.72

Контанистова Анна Игоревна

Московский государственный университет им. О. Е. Кутафина

Россия, Москва

A-kontanistova@yandex.ru

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ – ТЕРМИНОВ СОВРЕМЕННОГО ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренней формы фразеологических единиц – терминов современного делового английского языка на материале английского толкового словаря *Longman Business English Dictionary*. Целью исследования является установление связи внутренней формы фразеологической единицы – термина с его прототипом. В ходе исследования было установлено, что чем выше уровень абстракции фразеологической единицы – термина, тем слабее осознается его внутренняя форма.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы – термины, деловой английский, внутренняя форма ФЕ, мотивированное значение, абстракция.

Kontanistova A. I.

O. E. Kutafin Moscow State University

ABOUT AN INTERNAL FORM OF PHRASEOLOGICAL UNITS-TERMS OF MODERN BUSINESS ENGLISH

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of an internal form of phraseological units – terms of modern Business English on the material of the explanatory Longman Business English Dictionary. The work is aimed at establishing the connection between the internal form of a phraseological unit – term with its prototype. In the course of the study, it was found that the internal form is inherent only in a number of phraseological units, which are characterized by the motivation of phraseological meaning and a low level of abstraction.*

***Keywords:** phraseology, phraseological units – terms, Business English, internal form of a phraseological unit, motivated meaning, abstraction.*

Тот факт, что терминологическому фонду современного английского языка свойственна образность и переосмысление компонентов словосочетания, подтверждается работами многих лингвистов-фразеологов, занимающихся исследованиями в этой сфере [Федуленкова 2017, с. 188–190; Кунин 2005, с. 256].

Помимо всего прочего семантический анализ подобных фразеологизмов терминологического характера предполагает изучение их внутренней формы. Под внутренней формой фразеологизма понимается значение его прототипа, с которым фразеоматическое значение связано деривационными отношениями [Кунин 2005, с. 203].

Понятие внутренней формы фразеологизмов постоянно обсуждается лингвистами. Так, в частности, А. В. Кунин утверждает, что внутренняя форма есть название условное, так как по существу это не форма, а один из компонентов значения. Подчеркнем, что в сфере фразеологии внутренняя форма присуща всем фразеологизмам независимо от уровня абстракции [Fedulenkova 2009].

О внутренней форме фразеологические единиц (ФЕ) пишет в своих работах выдающийся лингвист-фразеолог А. М. Мелерович, которая выделяет два вида внутренней формы ФЕ: внутреннюю форму, которая является результатом исторического развития фразеологического значения, и возобновленную внутреннюю форму, то есть форму, которая была переосмыслена в процессе употребления ФЕ в связи с забвением смыслового содержания сочетания слов, положенного в основу фразеологического значения, и потребностью мотивировать употребление ФЕ в применении к определенным явлениям и ситуациям [Кузнецов 2013, с. 163]. Но важно отметить, что А. М. Мелерович считает эти формы тождественными в функционально-семантическом отношении, что дает возможность установить через их посредство деривационные связи, мотивирующие инвариантные фразеологические значения и их варианты [Мелерович 2011].

Под мотивированностью фразеологического значения понимается его синхронная связь с буквальными значениями компонентов [Кунин 2005, с. 200]. Мотивированность фразеологического значения тесно связана с понятием фразеологической абстракции. Наличие определенного типа мотивировки фразеологического значения свидетельствует об отсутствии или неполноте соответствующего типа фразеологической абстракции, и наоборот – чем полнее фразеологическая абстракция, тем слабее мотивировка соответствующего типа [Мелерович 1980, с. 128].

Проанализируем ряд примеров из толкового словаря делового английского под общей редакцией М. Мерфи, подкрепив их контекстуальной репрезентацией из Британского Национального Корпуса [BNC].

Rank and file – the ordinary members of a union, who are not union officials: *So far, leaders are maintaining discipline among the rank and file* [LBED, с. 439] – рядовые члены профсоюза, не являющиеся должностными лицами. Пока лидеры поддерживают дисциплину среди рядовых сотрудников (здесь и далее перевод наш. – А. К.). Данная ФЕ является ярким примером идиофразеоматизма, прототипом которой явился военный профессионализм, обозначающий рядовых солдат. Как правило, в состав семантической структуры идиофразеоматизма входят два фразеосемантических варианта, причем компоненты первого варианта, который в данном случае является прототипом, имеют буквальное, но осложненное значение [Кунин 2005, с. 197]. Анализ статей из Британского Национального Корпуса подтверждает тот факт, что в современном деловом английском данный идиофразеоматизм употребляется достаточно часто: *Now is it just the Managers, what about **the rank and file** of the workforce? **Most rank and file** workforce are taking their holidays. We found over 80 % regularly take all their holidays* [BNC]. Это только менеджеры, а что насчет рядовых сотрудников? Большинство рядовых сотрудников берет отпуск. Мы установили, что 80% регулярно уходят в отпуск.

Levelplaying field – a situation in which different companies, countries etc. Can all compete fairly with each other because no one has special advantages: *Banks should be able to compete on a level playing field with other financial firms* [LBED, с. 301] – ситуация, в которой разные компании, страны и т. д. могут честно конкурировать друг с другом, потому что ни у кого нет особых преимуществ: Банки должны иметь возможность конкурировать на равных с другими финансовыми организациями.

Нетрудно предположить, что внутренняя форма данного идиофразеоматизма восходит к спортивным соревнованиям. И действительно, это словосочетание изначально применялось в таком командном виде спорта, как регби, где команды были вынуждены меняться воротами для того, чтобы каждая команда имела шанс воспользоваться преимуществом, в случае если одна из сторон иг-

рового поля имела уклон. Примеры из BNC подтверждают, что данная ФЕ активно используется в корпоративной культуре: *One of the objectives of the company law harmonisation programme is to remove such obstructions and create a level playing field in corporate management structures* [BNC]. Одной из целей программы гармонизации законодательства о компаниях является устранение таких препятствий и создание равных условий в структурах корпоративного управления.

Dutch auction – an auction at which the price of something is gradually reduced until someone buys it [LBED, с. 30] – аукцион, на котором цена товара постепенно снижается до тех пор, пока кто-то его не выкупит. Данный ФЕ-термин представляет собой пример фразеоматизма, то есть фразеологизма с низким уровнем абстракции и отсутствием переосмысления значения. Здесь возможно говорить лишь об осложненном значении фразеоматизма по сравнению со значением его компонентов (внутренней формы). В данном случае прототипом ФЕ-термина явились экстралингвистические факторы, а именно война XVIII века между англичанами и голландцами. В то время адъективному компоненту Dutch были присущи только негативные значения, которые впоследствии определили преобразование значения в подобных фразеоматизмах. Примеры из BNC подтверждают наличие негативной коннотации фразеоматизма **Dutch auction**: *Purchasers will often stress their reluctance to become involved in a Dutch auction. Although MAS will obviously be seeking to create an auction, it is normal to state that the vendors are not motivated purely by financial concerns but give great importance to other factors such as finding the right buyer, etc.* [BNC]. Покупатели часто подчеркивают свое нежелание участвовать в голландском аукционе. Хотя MAS будет, очевидно, стремиться организовать подобный аукцион, можно смело утверждать, что продавцы не мотивированы исключительно финансовыми соображениями, а также придают значение другим факторам, таким как поиск подходящего покупателя и т. д.

Иногда исчезновение той или иной реалии приводит к нарушению деривационной связи между ФЕ-термином и его прототипом, который ранее обозначал эту реалию и ситуацию, что приводит к забвению внутренней формы, то есть к ее демотивации [Кунин 2005, с. 201]. Примером такого фразеологизма-термина может служить **redtape**, известный как ‘бюрократия’, который, в силу своего широкого употребления, утратил свою внутреннюю форму: **redtape** – official rules that seem complicated and unnecessary and prevent things from being done quickly and easily: *Planning permission is tied up in redtape* [LBED, с. 449] – официальные правила, которые кажутся сложными и ненужными и мешают делать что-то быстро и легко: получение разрешения на строительство связано с бюрократией.

Только этимологический анализ позволяет установить связь данного ФЕ-термина с его прототипом. В XVI веке документы, имеющие особую государственную важность, перевязывались красной лентой. Постепенно происходило переосмысление данного фразеологизма и увеличение степени его абстракции, что привело к немотивированности фразеологического значения, то есть к отсутствию деривационной связи между значением ФЕ и буквальным значением ее компонентов и переход его в разряд идиоматизмов [Кунин 2005, с. 174]. Пример контекстуального употребления из BNC подтверждает утрату внутренней формы данного ФЕ-термина: *Another difference is that we have a lot of money which can be used quickly. So if we get an idea to do something for the residents we do not need to go through endless redtape in order to get it done* [BNC]. Другое отличие заключается в том, что у нас есть много денег, которые можно использовать быстро. Так что, если у нас появится идея сделать что-то для жителей, нам не нужно проходить через бесконечную бюрократию, чтобы это сделать.

Приведенный выше анализ подтверждает тесную связь внутренней формы ФЕ-терминов, особенно тех, которые по своей семантике относятся к идиофразеоматизмам и фразеоматизмам, с их прототипами. В случае же демотивации ФЕ-термина отмечается нарушение связи фразеологизма с его прототипом, что приводит к утрате осознания его внутренней формы и к переходу ФЕ-термина в разряд идиоматизмов, то есть ФЕ с высокой степенью абстракции.

Литература

1. Кузнецов А. М. Рецензия на монографию А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко «Современная русская фразеология (семантика – структура – текст)». – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 455 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2013. – № 1. – С. 162–170.

2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна : Феникс+, 2005.

3. Мелерович А. М. Смысловая структура фразеологических единиц в современном русском языке. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 1980.

4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) : монография. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.

5. Федуленикова Т. Н. Деловая фразеология в коммуникации // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : сб. науч. тр., Елабуга, 27 октября 2017 г. / под ред. В. М. Панфиловой. – Елабуга : Елабужский институт Казанского федерального университета, 2017. – С. 188–190.

6. Fedulenkova T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22–26 August 2008. – Arkhangelsk : Aarhus, 2009. – P. 42–54.

Словари и справочники

7. LBED: Longman Business English Dictionary. – Harlow : Pearson Education Limited, 2007.

8. BNC: British National Corpus – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 13.01.2023).

УДК 81'373.47

Огольцева Екатерина Васильевна

доктор филологических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

Россия, Москва

tertiumcomp@mail.ru

ХУДОБА ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ КОМПАРАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: К ПРОБЛЕМЕ СИНОНИМИИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности семантики и употребления устойчивых сравнений-синонимов с общим признаком «худой». Ставится вопрос об узуальном варьировании языковых компаративных единиц и о его границах. Показано, что вариативность затрагивает все компоненты образной конструкции: признак сравнения, выражающийся в рядах слов-сопроводителей; образ сравнения, который может быть представлен вариантами-димиутивами; объект приложения образной характеристики (мужчина, женщина, ребенок). На основе контекстуального анализа выявляются оттенки значений устойчивых сравнений-синонимов и характеризуются речевые ситуации, в которых они могут быть употреблены.*

***Ключевые слова:** компаративная фразеология, устойчивое сравнение, синонимия, образ сравнения, синонимический ряд, основание сравнения, слово-сопроводитель.*

Ogoltseva E. V.

Doctor of Philology, Associate Professor

Moscow Pedagogical State University

HUMAN THINNESS IN RUSSIAN COMPARATIVE PHRASEOLOGY: ON THE PROBLEM OF SYNONYMY OF STABLE COMPARISONS

***Abstract.** The article discusses the features of semantics and the use of stable comparisons-synonyms with the common sign of “thin”. The question of the variation of linguistic comparative units and its*

boundaries is raised. It is shown that variability affects all components of the figurative construction: a sign of comparison, expressed in rows of accompanying words; an image of comparison, which can be represented by variants-diminutives; an object of application of the figurative characteristic (man, woman, child). On the basis of contextual analysis, the shades of meanings of synonyms are revealed and the speech situations in which they can be used are characterized.

Keywords: *comparative phraseology, stable comparison, synonymy, image of comparison, synonymic series, basis of comparison, accompanying word.*

Исследователи тематического поля «Внешность человека» в системе устойчивых сравнений (УС) русского и других языков давно заметили, что «в качестве оснований сравнения выступают прежде всего нестереотипные представления о внешности», то есть чрезмерные худоба или полнота, несочетающиеся элементы одежды, болезненное покраснение или побледнение лица и проч. [Малькова 2013, с. 39] Это наблюдение носит универсальный характер, однако русская система устойчивых сравнений отличается от компаративной фразеологии других языков богатой семантической нюансировкой одних и тех же признаков, чему во многом способствуют многокомпонентные синонимические ряды, в которых отражены мельчайшие подробности внешности человека.

Покажем это на примере УС-синонимов, характеризующих очень худого человека. В этой системе можно выделить несколько подгрупп – синонимических рядов, существенно различающихся как в семантическом, так и в функциональном отношении: 1) *как лоза (лозинка), как прутик, как тростинка (тростиночка), как хворостинка, как былинка* – преим. о тоненькой девочке, девушке; 2) *как скелет, как глиста, как мешок с костями, как мощи, как мушья, как кощей, как хвоц* – о тощем человеке (как мужчине, так и женщине), исхудавшем под влиянием каких-либо переживаний, недоедания или болезни; 3) *как палка, как доска, как вобла, как драная кошка* – преимущественно о лишённой мягких округлых линий, плоской фигуре женщины; 4) *как спичка, как щетка, как соломинка* – о тщедушном и физически слабом человеке; о худом и сухощавом человеке¹.

¹ Несомненно, этот список УС – членов синонимического ряда, основанного на интегральном признаке «худоба», может быть расширен, к примеру, за счет включения в его состав диалектных компаративных фразеологизмов. По мнению С. М. Толстик, «в диалектной системе концепт «худой» репрезентирован большим числом единиц (более 170), что значительно превышает объем анализируемых лексем в литературном языке. <...> Данный признак воспринимается как более расчленённый, дифференцированный в силу его важности с прагматической точки зрения для представителей крестьянской культуры, для которых человек с таким телосложением является плохим работником» [Толстик 2004: с. 8]. Логично предположить, что в системе компаративной фразеологии наблюдаются примерно такие же закономерности. Диалектный синонимический ряд УС с интегральным признаком «худой» может стать темой самостоятельного исследования.

Синонимичность вышеперечисленных языковых единиц определяется общностью основания сравнения (компонента С устойчивых компаративных структур), что находит подтверждение в возможности их употребления с одними и теми же словами-сопроводителями. Это, в первую очередь, прилагательные *худой* и *тощий*. Таким образом, устойчивые сравнения в этом плане подтверждают общее правило: для фразеологических синонимов характерно сходство лексической сочетаемости. Однако если фразеологизмы-синонимы часто обнаруживают полное совпадение ближайшего окружения (так называемых «слов-сопроводителей»), на что указывает, в частности, Л. В. Николенко («...например, *до положения риз – до зелёного змия* (напиться); *во весь дух, что есть сил (мочи), во все лопатки* (бежать)» [Николенко 1976, с. 33]), то устойчивые сравнения, как правило, характеризуются гораздо более широким диапазоном слов-сопроводителей, который, однако, не выходит за рамки, заданные интегральным признаком, обеспечивающим функциональное единство синонимического ряда. Семантическую специфику УС-синонимов можно выявить именно посредством углублённого анализа слов-сопроводителей, преимущественно употребляющихся с тем или иным сравнением и невозможных (или маловероятных) для остальных. Другой фактор, обеспечивающий адекватный анализ семантических особенностей каждого из членов синонимического ряда, – это сфера «приложения» образной характеристики (то есть «зона» компонента А – того, к кому (или к чему) применяется то или иное сравнение).

Рассмотрим особенности значения и употребления некоторых УС в составе синонимического ряда «худоба».

Отметим прежде всего, что внутри каждого из выделенных выше «минирядов» УС-синонимы характеризуются тонкими семантическими нюансами, определяющими специфику употребления компаративных единиц. Так, УС первого синонимического ряда характеризуют не просто тоненькую девушку, но и очень гибкую, изящную. УС как *лоза (лозинка)* встречается не только с сопроводителем-прилагательным «тоненький», но и с глаголами «гнутьяся», «выгибаться», «изгибаться» и проч.: ср. употребление этого сравнения в текстах НКРЯ: *Перед ним – тоненькая, как лозинка, девочка с зелёным личиком, на котором недетская усталость* (А.Серафимович. Мышиное царство); *Он встретил в ворот тоненькую девушку с длинными косами – она несла воду на коромысле, изогнувшись, как лозинка* (А. Фадеев. Разгром).

УС как *тростинка (тростиночка)* употребляется в текстах гораздо более регулярно (в НКРЯ как *лоза (лозинка)* – 8 фрагментов; как *тростинка* – 38). Чаще всего встречаются сопроводители-прилагательные «тонкий», «тоненький», реже «худой». Как и в предыдущем случае, широкоупотребительными являются сопроводители «гибкий», «гнутьяся», «изгибаться», «выгибаться»: *Корсажи и кринолины, создававшие женщинам тонкие и гибкие, как тро-*

стинка, талии, держались на пластинах китового уса (П. Сажин. Капитан Кирибеев); *Тёмные волосы её рассыпались по худеньким, хрупким плечам, вся она изогнулась, как тростинка, инстинктивно стараясь удержаться на ногах.* (М. Арцыбашев. У последней черты). Отметим интересную особенность: УС как *тростинка* часто употребляется в контекстах, контрастно противопоставляющих хрупкую, тоненькую, изящную девушку – и сильного, крепкого, мужественного мужчину в образе дерева: *И жена приникала к мужу, как тростиночка к большому, толстому, надёжному дереву* (С. Липкин. Записки жильца).

Устойчивое сравнение *как (словно, точно) былинка* имеет два значения: '1. ~ <в поле> ~. Одинокая, одинокий; одна, один – без родственников, близких. Преим. о женщине. 2. Тонкая, тоненькая. Преим. о девочке, девушке'¹. В состав того же образно-компаративного гнезда входит и УС *как (словно, точно) былинку*, которое употребляется по отношению к человеку, которого качает, шатает от слабости или болезни. В последнем случае возможно употребление с факультативным компонентом «на ветру». Нас будет интересовать преимущественно второе значение сравнения *как былинка*, которое характеризуется довольно высокой частотностью (около 50 контекстов в НКРЯ).

Чаще всего УС *как былинка* употребляется со словами-сопроводителями «тонкий (тоненький)», а также «худой (худенький)» и «хрупкий»: *И странно: царь Иван, не терпевший помехи и противоречия, иногда слушался голоса этой тоненькой, худенькой, как былинка, девочки с чистым кротким взором больших серых глаз* (Л. Чарская. Царский гнев); *Когда он очнулся, девушка из прошлого столетия, хрупкая как былинка, с озабоченным видом стояла над ним* (П. Сажин. Сирень). Помимо отмеченных признаков крайней, но изящной, трогательной худобы и хрупкости, сравнение с былинкой подразумевает такие признаки, как гибкость, слабость, хилость, робость, болезненность, незащищённость: *В 1537 году один из его учеников женился на очаровательной четырнадцатилетней девушке, хрупкой и тоненькой, как былинка, с большими грустными чёрными глазами, с неизлечимой болезнью в груди* (А. Дживелегов. Очерки итальянского Возрождения).

УС *как прутики как хворостинка* не характеризуются высокой частотностью употребления (не более 10 контекстов). Примечательно, что сравнение *как хворостинка* подразумевает характеристику человека вовсе не обязательно высокого и стройного (в отличие от УС *как лоза (лозинка)* или *как тростинка*). Яркое подтверждение тому – контексты, в которых имеет место прямое сопоставление человека высокого и стройного – маленького, хрупкого, худенького: *Стояли бабы перед Спиридоном: одна высокая и стройная – на картинку её рисуи, со щёк так и стекает розовый жар, пышет круглолицый, слегка пушком*

¹ Толкования значений устойчивых сравнений здесь и далее приводятся по словарю: [СУСРЯ 2001].

покрытый румянцем; другая же как хворостинка возле дороги с обглоданной зайцами шкуркой <...> (С. Клычков. Чертухинский балакирь).

Обратим внимание: именно в рамках первой подгруппы синонимов особенно распространена вариантность, причем варьирование охватывает как систему образов сравнений (былинка/былиночка, хворостина/хворостинка/хворостиночка, тростинка/тростиночка), так и слов-сопроводителей (худой/худенький; тонкий/тоненький и т. д.). Частотность вариантов-диминутивов подтверждает общую экспрессивно-стилистическую направленность всех этих сравнений: они выражают такие проявления худобы человека, которые вызывают у окружающих либо эмоции сочувствия, сопереживания, либо восхищения, любования; иными словами, общий вектор оценки здесь несомненно положительный. Лексическое варьирование в рассматриваемой нами системе никак не влияет на семантическое тождество её элементов. Л. В. Николенко справедливо считает, что «проблема вариантности соприкасается с явлениями синонимии, так как малейшее нарушение семантико-стилистического тождества фразеологических вариантов перемещает их в разряд синонимов» [Николенко 1976, с. 34].

Как (словно, точно) скелет – устойчивое сравнение, чрезвычайно широко распространённое как в разговорной речи, так и в текстах (около 100 фрагментов в НКРЯ). Оно характеризуется основным значением ‘худой, тощий; похудеть, исхудать, высохнуть. О человеке’. По нашим наблюдениям, это сравнение употребляется в ситуациях нездоровой худобы, когда это состояние является следствием тяжёлой болезни или длительного недоедания, голода, похмелья. Показательно, что в контекстах с данным УС чаще всего содержится объяснение состояния человека, приведшего к крайнему проявлению худобы: *Аграфена Петровна, понедоумевав, что это творится с бабёнкой, – худа, как скелет, ходит – костями гремит, – приписывала всё войне: устала, нервы сдали.* (В. Щербакова. На земле московской). Очень часто это сравнение употребляется в ситуациях катастрофического изменения в состоянии человека, резкого его ухудшения, так сказать, отрицательной динамики; в этих случаях в качестве слов-сопроводителей преобладают глаголы *исхудать, похудеть*, а в роли распространителя при образе сравнения используется причастный оборот «обтянутый кожей»: *Я безумно похудел. Я был как скелет, обтянутый кожей. Всё время ужасно мёрз* (М. Зощенко. *Перед восходом солнца*)

УС *как скелет* нередко употребляется по отношению к старику или старухе: *Старик был высок ростом, но от старости успел сильно согнуться и был худ, как скелет* (Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана). В образе исхудавшей, как скелет, старухи в русской народной традиции представляется смерть: *Это неправда, что на всех людей одна смерть – костлявая, как скелет, злая старуха с косой за плечами* (В. Распутин. Последний срок). Признак

крайней худобы часто сочетается с характеристикой роста (как правило, со скелетом сравнивают не просто худого, но и высокого человека): *Фигура была бледна, высока, худа, как скелет, и только около талии поражала её необыкновенная толщина* (А. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят). Крайняя худоба неразрывно связана также с характеристикой цвета лица и впалых глаз (ср. «землистое», «жёлтое», «бледно-жёлтое», «коричневого цвета», «с тёмным лицом», «лицо почернело» «белый как бумага» «лицо светилось какою-то восковою прозрачностью»; «глаза впали», «глаза ввалились»). В контекстах с данной компаративной структурой преобладают слова-сопроводители *худой, тощий; похудеть, исхудать, исхудалый; высохнуть, высохший, иссохнуть, иссохший*; встречаются также *костлявый, страшный, сухой, измождённый*.

Обратим внимание на устойчивую формулу «В1–В5» (где В – образ сравнения, а цифрами указаны падежные формы) *скелет скелетом*, которая, несомненно, выражает более высокую степень сходства, интенсифицирует признаки крайней худобы и измождённости: *Боже мой, болгар, умирающий, голос как из бочки, глаза как лукошко, скелет скелетом, сюртук на нём с чужого плеча <...> – и она его жена, она его любит*. (И. Тургенев. Накануне). Мы видим, что один и тот же образ («скелет») может употребляться в текстах в рамках компаративных структур разных моделей; при этом широкому варьированию подвергаются слова-сопроводители и вообще всё ближайшее синтаксическое окружение сравнительной части. Той же особенностью характеризуются и многие другие УС, ср.: *доска доской, глиста глистой* и т. д. Таким образом, компаративное значение – подвижный, динамичный феномен, и именно эта подвижность, как ни парадоксально, как раз и обеспечивает системе устойчивых сравнений ту самую относительную стабильность, которая дает нам право считать её неотъемлемой частью общенародного русского языка. Как отмечает А. М. Мелерович, «фразеологическое значение, как и лексическое значение, реализуясь в разных речевых контекстах, неизбежно подвергается более или менее существенным преобразованиям, обусловленным спецификой единичных денотатов» [Мелерович 1978, с. 35]. Выявляя типы авторских трансформаций фразеологических единиц, А. М. Мелерович основывает свой анализ на прочном методологическом основании – «инвариантном значении», которое реализуется во всех контекстах, «дополняясь смысловыми приращениями, мотивированными определенными ситуациями». Контексты употребления фразеологизмов зачастую эксплицируют и актуализируют скрытые элементы фразеологического значения [Мелерович 1978, с. 35]. Всё это в полной мере можно применить и к системе устойчивых сравнений: у них также возможны узואльно закреплённые варианты; с другой стороны, встречаются и окказиональные преобразования формы и содержания, которые не нарушают их воспроизводимости до тех пор, пока остаётся неизменным **инвариант** («компаративное значение», определяющееся общностью признака-основания сравнительной конструкции).

Сравнение *как доска* не столь богато примерами (в НКРЯ мы обнаружили 10 случаев его употребления как образной характеристики комплекции человека в целом и ещё 20 – как признаки тех или иных частей тела человека). Это сравнение употребляется преимущественно по отношению к женщине и характеризует не просто худую, а именно «плоскую» фигуру, то есть бесформенную, лишённую тех округлых форм, которые обычно присущи женскому телу (преимущественно бедрам и груди). Обратим внимание на то, что в случаях употребления этого сравнения худоба чаще всего сопровождается признаками «высокий» (как и при употреблении УС *как скелет*), а также «прямой»: *Была там с ними ещё одна баба – высокая, прямая, плоская, как доска, с лошадиными челюстями и тусклым взглядом чёрных, точно угли, косых глаз* (М. Горький. Рождение человека).

Сравнение *как доска* отличается многочисленностью авторских трансформ (из более чем 100 зафиксированных в НКРЯ контекстов мы отобрали только десять случаев устойчивых компаративных единиц). Некоторые трансформы семантически близки к основному, «прототипическому» варианту; это сравнения, характеризующие те или иные части тела человека: его лицо, живот, спину, ладонь и т. д. Среди них есть трансформы, непосредственно связанные с признаками «худой, плоский»: *Андрей слегка пощупал живот мальчика, он был как доска* (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека); *Что же он нашёл в ней такого? Грудь, как доска, заду и совсем нет, – подумала Катерина.* (П. Романов. Чёрные лепёшки). Однако самые яркие (и наиболее частотные) трансформы этого сравнения – его употребление с распространителями – согласованными определениями: <...> *Девочка подошла к нему и дала яблоко по приказу высоченной, плоской, как гладильная доска, дамы* (М. Слонимский. Инженеры); *Гладкая, круглая, вёрткая, бравая, словом, бабёнка* <...> *Нашёл гладкую. Плоская, как стиральная доска, во рту половины зубов нет. Глядеть на такую и то лихо, а он...!* (И. Калашников. Разрыв-трава).

Устойчивое сравнение *как (словно, точно) вобла*, по данным словаря, выражает не признак «плоский», а несколько иные характеристики; ср.: ‘Сухой(ая), худой(ая), тощий(ая). О человеке.’ В картотеке Словаря устойчивых сравнений мы обнаружили 8 примеров, а в НКРЯ (основной подкорпус) – 13 случаев употребления этого сравнения, которое может использоваться в текстах и как характеристика женщины, и как характеристика мужчины. На первом месте по частотности слово-сопроводитель «сухой»: *Высокий, сухой, как вобла, майор вежливо откозырнул Людвиге* (Н. Островский. Рождённые бурей); *В широкую повозку рядом с нею едва боком усесться могла сухая, как вобла, костлявая, как тарань, рябая белица Марина* <...> (П. Мельников-Печерский. В лесах). В контекстах с проводителями «худой», «тощий» признак «сухой» («высушенный») может актуализироваться благодаря распространителю – согласованному определению (*сушеная, вяленая* и т. д.). Образ *вобла* довольно активен и в качестве устойчивой метафоры: – *Экий вы и злой ка-*

кой... – Не злой, а этих генералов всех... Да и маркиза хороша... **Вобла сушеная.** Вы думаете, от таких собраний процветает русская музыка? (Б. Зайцев. Золотые узоры). Обратим внимание: употребление метафоры, как правило, оказывается самодостаточным – признаки сравнения выражены имплицитно, они отсутствуют в контексте, который сообщает лишь самое общее впечатление рассказчика о восприятии женщины как внешне некрасивой или несимпатичной.

УС **как палка** многозначно: это и образ человека, который держится неестественно прямо, и образ негнувшейся, неsgiбающейся конечности (чаще ноги), и тонких, худых рук. Нас интересует второе значение из четырех, зафиксированных в словаре: 'Худой, тощий, сухой. О человеке'. Надо отметить, что это значение во многих контекстах совмещается с первым – 'Прямой, держаться (стоять, видеть, ходить) совершенно прямо. О человеке'. В свою очередь, эти два признака («тощий, тонкий» и «прямой, ровный») нередко проявляются одновременно с признаком «высокий»: *Двое сотских – один чернобородый, коренастый <...>, другой длинный, худой и прямой, как палка <...> – конвоируют в уездный город бродягу, не помнящего родства.* (А. Чехов. Мечты). По нашим наблюдениям, частота употребления УС **как палка** по отношению к мужчине и женщине примерно одинакова.

Колоритное по своей внутренней форме грубо-просторечное сравнение **как <драная> кошка**, согласно словарю, имеет значение 'Тощая, худая, жалкого вида. О женщине'. Однако чаще употребляется вариант **как кошка** (то есть без факультативного компонента «драная»: – *Вы не думайте, у нас в гостинице полковник намедни стоял. А сейчас стоит гадалка из Москвы. Мадам Тромá! Тощая, как кошка* (К. Паустовский. Беспокойная юность).

УС **как спичка, как соломинка, как щепка** объединяет то, что в их семантике признак «худой» нередко проявляется одновременно с признаками «тщедушный», «слабый», «маленького роста»: **как (словно, точно) спичка** '1. Тонкий, худой, тощий. О человеке' как (словно, точно) соломинка 'Слабый. О человеке <...> 2.1. Тонкие. О руках, ногах человека'; **как (словно, точно) щепка** 'Худой, сухой; похудеть, высохнуть; иссохший, высохший. О человеке'. Явно преобладает употребление сравнения **как спичка** по отношению к человеку невысокого роста: *Поглядел: мала птичка, да ноготок востёр... [Немец] тонок, как спичка, а глазами так везде и стреляет, как коршун... Ничего от него, кажись, не уйдет...* (Н. Златовратский. Между старою и новою правдой). Этот компаративный фразеологизм употребляется независимо от пола характеризуемого лица, как правило, со словами-сопроводителями «худой» и «худющий» (около 25 контекстов в НКРЯ). Если УС **как спичка** употреблено по отношению к ребенку, оно чаще окрашено эмоцией сочувствия, сопереживания: *Старшая девочка, лет девяти, высокенькая и тоненькая как спичка, в одной худенькой и разодранной всюду рубашке и в накинутах на голые плечи ветхом драдедамовом бурнусике, сшитом ей, вероятно, два года назад, потому что он не доходил теперь и до колен, стояла в углу подле маленького брата, обхватив*

его шею своею длиною, высохшею как спичка рукой (Ф. Достоевский. Преступление и наказание)

УС **как соломинка** – образная характеристика не просто худого («худенького»), а слабого человека (девушки, старика или ребенка) (около 10 контекстов в НКРЯ и в картотеке). Как правило, в этом случае его употребление сопровождается эмоцией сочувственной нежности: *Ведь Вы слабенькие, как соломинка слабенькие, это я знаю [из письма Макара Девушкина]* (Ф. Достоевский. Бедные люди). Семантические признаки слабости, легкости, незащищенности актуализируются в трансформах «*как соломинка, гонимая ветром*»; «*носиться, как соломинка в море*»; «*носимы ветром, как соломинки*», «*носиться по бурным волнам житейского моря, как соломинка*», «*покачиваться, как соломинка на ветру*».

УС **как (словно, точно) щетка**, которое также может характеризовать как мужчину, так и женщину, как ребенка, так и старого человека, из всех частных проявлений худобы выделяет признак *сухой* (нередки также слова-сопроводители *сухонький, сухощавый, высохший, высохнуть*): <...> *И не более как через две минуты выскочила mademoiselle Alphonsine, наскоро одетая, в распашонке, только что с постели, – странное какое-то существо, высокого роста и сухощавая, как щетка, девица, брюнетка, с длинной талией, с длинным лицом, с прыгающими глазами и с ввалившимися щеками, – страшно износившееся существо!* (Ф. Достоевский. Подросток). Однако наиболее распространённое слово-сопроводитель в данном случае – «худой» и его многочисленные производные: *На столе в переднем углу стояла приготовленной какая-то еда, а около неё сидела на стуле девочка лет пяти, сгорбленная и худенькая, как щетка* (Д. Мамин-Сибиряк. В ученье). Интересно, что сравнение **как щетка** может употребляться и по отношению к человеку маленького роста, и по отношению к человеку рослому, высокому: *Ну да, непохожи были даже внешне – Витёк маленького росточка, худой, как щетка, ветром сдует, в отличие от довольно рослого, плотного, в общем вполне нормального Сергея* (Е. Шкловский. Свой); *Высокая, худая, как щетка, m-lle Наке сидела прямо против хозяйки дома, между Риадой и Полей* (В. Желиховская. Подруги). Слово-сопроводитель *тощий*, по сравнению с прилагательным *худой*, несколько более экспрессивно за счет того, что выражает признак, проявляющейся с большей интенсивностью.

Очень интересно УС **как Кощей <бессмертный>**, которое, наряду со значением «скупой, скарредный», способно образно выражать и интересующий нас признак «худой, тощий». При этом оно может употребляться в разнообразных вариантах: с факультативным компонентом «бессмертный» и без него, в конструкции с родительным падежом и предлогом *вроде*: – *Ты у нас вроде Кащей Бессмертного. Отощала, одни мослы. Разве можно – с утра не евши?* (С. Георгиевская. Лгунья); – *Там поваром Вострова Клавка, моя племянница, так к ней ты чаще бегай за добавкой, а то худущий, как Кощей* (В. Колыхалов.

Дикие побеги). Встречается и устойчивая метафора *Кощей* (*Кощей Бессмертный*), которая может употребляться не только по отношению к человеку, но и по отношению к животному. УС как *Кощей* (или *Кащей*) <Бессмертный> может выражать признак худобы как постоянный, так и ситуативный, временный, проявляющийся под влиянием неблагоприятных обстоятельств, к примеру, болезни. Похожие по характеру экспрессии УС – как *мешок с костями*, как <живые> *мощи*, как *мумия*.

Как (словно, точно) глист (глиста) – сравнение, довольно редко используемое в текстах, вероятно, из-за «неэстетичности» образа и его яркой коннотации, грубовато-просторечной по своему стилистическому эффекту: *В каком-то старом журнале, помнится в «Ниве», ещё в молодых летах я читал, что все французские бабы худущие, как глисты. И чем у неё спереди и сзади меньше мяса, тем над нею больше муж трясётся* (А. Калинин. Суровое поле); *В одном жилище, запустив в карманы руки, он [адвокат] был длинный, тонкий, как глиста.* (С. Серафимович. Город в степи). УС **как глиста** чаще всего употребляется в насмешливо-ироническом стилистическом ключе, а в качестве слов-сопроводителей могут быть не только слова «худой» и «тощий», но и прилагательное «длинный» – признак длинного тела совмещается с качеством чрезмерной худобы, худосочности: *Может, оттого, что весь он длинный и нескладный, как глиста* (А. Приставкин. Кукушата, или жалобная песнь для успокоения сердца).

Образы *хвоиц* и *хлыст*не отличаются высокой частотностью, но также интересны в контексте исследования данного синонимического ряда. УС **как (словно, точно) хвоиц** определяется так: ‘Тощий, сухой, сухопарый. О мужчине(неодобр.)’. Это сравнение, образной основой которого является название травянистого растения с длинными зелеными стеблями и ветвями, употребляется с сопроводителями-прилагательными «тощий», «сухой (сухонький)» и характеризует исключительно мужчину: – *Ешь, ешь! Смотри ты какой: тоиц, как хвоиц!* (Г. Мединский. Честь); *Сам поручик очень сухонький, как хвоиц, голова его слабо держится на тонкой шее, а в правом ухе – клочок ваты.* «Золотушный»... – *подумал Мамай* (С. Бабаевский. Зарницы красного лета).

УС **как (словно, точно) хлыст**, согласно сведениям словаря, имеет значение ‘Гибкий, тонкий и крепкий. О мужчине’. Существительное **хлыст** в первом значении, по сведениям МАС, – «тонкий и гибкий прут» [МАС, с. 607]: *Маркевич был сын местного директора банка, последнего курса филолог, тонкий и гибкий, как хлыст, с длинной шеей, с длинным носом и ртом таким маленьким, точно он был проткнут на лице пальцем* (А. Фёдоров. Королева). Сравнение **как хлыст** выражает совершенно особое качество худобы: это худоба, характерная чаще для высокого мужчины, характеризующегося красивым, тренированным, упругим и гибким телом.

В целом вполне очевидна оценочная «амбивалентность» синонимического ряда русских УС, характеризующих человека по признаку «худоба». С одной

стороны, очень худой человек вызывает неприятие, иногда сочувствие, сострадание (если такая комплекция является результатом горя или болезни), с другой – восхищение и даже любование (если это природная худоба, сопряжённая с натренированным телом и стройностью фигуры).

Анализ типичных контекстов употребления синонимического ряда «худоба», с одной стороны, со всей очевидностью подтверждает глубокую связь системы устойчивых сравнений с русской фразеологией в целом, а с другой стороны, наглядно демонстрирует специфику этой системы. Лейтмотивом научного творчества замечательного фразеолога Алины Михайловны Мелерович, как нам кажется, является мысль о динамичности фразеологических единиц. Концепция, основанная на этом базовом постулате, была успешно реализована в лексикографической практике [Мелерович, Мокиенко 1997]. На протяжении полувека исследователя интересуют проблемы варьирования формы и содержания фразеологизмов, авторские нарушения традиции их употребления, типы окказиональных трансформаций, «раскачивание» устойчивости в речевом употреблении и пределы варьирования ФЕ. Один из важных частных вопросов в этом ряду – эксплицитное и имплицитное в семантике фразеологизма. А. М. Мелерович в качестве одного из конститутивных признаков фразеологической единицы называет именно имплицирование части её содержания: «В отличие от словосочетаний и предложений, индивидуальное значение которых членится на части, эксплицируемые их лексическим наполнением, во фразеологическом значении часто преобладают имплицитные элементы, непосредственно не соотносящиеся с отдельными лексическими компонентами ФЕ». [Мелерович 1978, с. 31]. Применительно к устойчивому сравнению отмеченная особенность выглядит несколько иначе: поскольку внутренняя форма УС чаще всего вполне очевидна, имплицированными оказываются семантические компоненты, связанные с образом компаративной структуры: именно образная основа (компонент В) определяет те тонкие нюансы смысла, которые отличают один синоним от другого. Именно эти различия, чрезвычайно важные в коммуникативно-прагматическом аспекте, мы и попытались показать в своей статье.

Литература

1. Николенко Л. В. Вопросы фразеологии русского языка (спецкурс) // Современный русский язык : сб. тр. / отв. ред. Л. Ю. Максимов. – М. : МГПИ, 1976.
2. Малькова В. В. Реализация тематического поля «внешность человека в устойчивых сравнениях русского и немецкого языков // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – № 4. – С. 39–43.
3. Мелерович А. М. К проблеме семантического анализа фразеологических единиц в языке и речи (на материале фразеологии современного русского

литературного языка) // Проблемы русской фразеологии : республик. сб. памяти В. Л. Архангельского. – Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1978. – С. 31–38.

4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь. – М. : Русские словари, 1997.

5. Толстик С. М. Семантическое поле «худой» в русском языке: эволюция концепта : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Томск, 2004.

Словари, справочники

6. МАС: Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. С–Я. – 1984.

7. СУСРЯ: Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М. : Русский словари : Астрель : АСТ, 2001.

Источники языкового материала

8. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

9. Картотека Словаря устойчивых сравнений русского языка В. М. Огольцева (2001).

УДК 811.161.1 + 81'282.2

Урманчеева Ирина Серафимовна

кандидат филологических наук, доцент

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Россия, Сыктывкар

isurman@rambler.ru

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВАРИАНТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ГОВОРАХ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЫ

***Аннотация.** Диалектные системы, особенно островные, переселенческие, более консервативны и менее динамичны по сравнению с активно развивающимся литературным языком. Устная форма существования диалекта предопределяет бережное отношение к языковым и культурным фактам, обуславливающим самоидентификацию этноконфессионального общества. В статье рассматриваются общерусские фразеологизмы и устойчивые обороты говоров Низовой (Нижней) Печоры Усть-Цилемского района Республики Коми. Их сопоставление открывает широкие возможности для уточнения этимологических сведений, более правильного понимания фразеологического образа, а в перспективе – для реконструкции картины мира диалектоносителя.*

***Ключевые слова:** фразеологическая единица, говоры Низовой Печоры, диалектная фразеология, лексическая вариантность фразеологизмов, этимологический образ.*

Urmancheeva I. S.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

COMPONENT COMPOSITION AND ETYMOLOGICAL IMAGE OF VARIANT PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE DIALECTS OF THE LOWER PECHORA

***Abstract.** Dialect systems, especially insular, migrant ones, are more conservative and less dynamic compared to the actively developing literary language. The oral form of the existence of the dialect pre-determines a careful attitude to linguistic and cultural facts that determine the self-identification of the ethno-confessional community. The article considers all-Russian phraseologisms and stable dialects of the Lower Pechora of the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic. Their comparison opens up wide possibilities for clarifying etymological information, a more correct understanding of the phraseological image, and in the future - for the reconstruction of the picture of the dialect carrier world.*

***Keywords:** phraseological unit, dialects of the Lower Pechora, dialect phraseology, lexical variant of phraseologisms, etymological image.*

В научных работах по фразеологии подчеркивается относительная устойчивость фразеологических оборотов, не исключающая их вариантности. Объясняется это историческими процессами возникновения фразеологизмов. Поскольку большинство фразеологизмов первоначально были свободными сочетаниями, заменяемость компонентов была для них естественна. В основе устойчивого оборота должно быть несколько сочетаний, взаимозаменяемость компонентов для которых – обычное явление [Мокиенко 1989, с. 16–17]. Особый интерес в этом случае представляет собой диалектная фразеология, сумевшая сохранить те исходные, параллельно существовавшие выражения, которые литературному языку по тем или иным причинам сберечь не удалось.

Лексические взаимозамены компонентов общерусских и печорских фразеологизмов¹ основаны на разнообразных парадигматических отношениях слов-компонентов: синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических, гипонимических, партитивных. Нередки замены общерусских компонентов диалектными или архаичными². Не во всех случаях общеупотребительный фразеологизм можно считать первичным, подвергшимся затем трансформации в говоре. Возможно, на этапе становления фразеологизма как устойчивой воспроизводимой единицы, на стадии перехода свободного сочетания во фразеологически связан-

¹ Говоры бассейна Низовой (Нижней) Печоры – это речь коренных русских жителей Усть-Цилемского района Республики Коми Российской Федерации. Носители печорского говора проживают в деревнях, расположенных по реке Печоре и ее притокам – Цильме, Пижме и Нерице. Русские говоры Низовой Печоры – это говоры переселенческие, островные, говоры поздней формации. По своим существенным признакам они относятся к северному наречию.

² Более подробно см.: [Урманчеева 2016, 2018, 2020а, 2020б].

ное общерусское и диалектное выражения сосуществовали, но на разных территориях. В литературном языке в качестве устойчивого оборота закрепился один вариант употребления свободного сочетания, в диалекте – другой.

Изменение структуры, значения, состава фразеологического оборота Н. М. Шанский связывает с процессами, происходящими в языке в целом, особенно с изменениями в лексике и грамматике, явлениями аналогического воздействия и народно-этимологического сближения, с эвфонической обработкой выражения [Шанский 1985, с. 107–108].

Лексическое варьирование компонентов может объясняться также тем, что со временем этимологический образ фразеологизма теряет свою актуальность. Узуальная закрепленность, традиция употребления предопределяет наше восприятие: носитель языка воспринимает привычную для него форму фразеологизма как исконную, считая все остальные варианты употребления устойчивого выражения отклонением от нормы.

Так, в говорах Низовой Печоры существует фразеологизм *ни богу свечка, ни чёрту ожег* ('безалаберный, бестолковый человек, у которого ничего не получается')¹. Носителям литературной формы языка, не знакомым с системой диалекта, известен только общеупотребительный вариант *ни богу свечка ни чёрту кочерга* ('посредственный, средний, ничем не выделяющийся человек')². Употребление компонента *ожег* в составе этой ФЕ³ воспринимается как нарушение нормы. Однако этимологические данные этого не подтверждают. В говорах Низовой Печоры слово *ожег* означает 'палка, которой мешают угли в печи; кочерга' [СРГНП, т. I, с. 512]. В. М. Мокиенко отмечает, что ФЕ *ни богу свечка, ни чёрту ожег* широко употребляется в севернорусских говорах и даже в других славянских языках. Ученый приходит к выводу о противопоставлении в обороте двух источников света: *боговой свечи* и *чёртовой обгорелой лучины*, что логично вписывается в антитетическую модель противопоставления противоположных, но сопоставимых, тематически однородных реалий. Более того, В. М. Мокиенко предполагает, что именно компонент *ожег* был во фразеологизме исходным, а впоследствии подвергся лексической замене на слово *кочерга*, тоже, кстати, реализующее «деревянное» значение (более подробно см.: [Мокиенко 1989, с. 13–17]). Другие этимологи также склоняются к версии противопоставления «богова» (*свеча*) и «чертова» (*ожог, кочерга* – 'головешка, огарыш, лучина, обгорелая деревяшка') источников света (см. библиографию в: [РФИЭС, с. 58]). Печорский оборот *ни богу свечка ни чёрту ожег* не противоречит общепринятой этимологической версии, и *ожег* – это не обычная ко-

¹ Все печорские фразеологизмы приводятся по: [ФСРНГ].

² Все общерусские фразеологизмы приводятся по: [ФСРЛЯ].

³ ФЕ – фразеологическая единица.

черга, а именно деревянная, обгоревшая: «*Печь мешаем в байне коцергой или ожэк – обгорелой такой*» [СРГНП, т. II, с. 512].

Диалектный материал не может быть переоценен с точки зрения прояснения внутренней формы фразеологизмов и уточнения этимологических версий. В первую очередь, это относится к оборотам со словами, вышедшими из активного употребления или утратившими одно из своих значений. Диалектная фразеология в таком случае помогает восстановить первоначальный образ. Интересен в этом отношении диалектный фразеологизм *чужими руками только уголья грабить*, семантически эквивалентный общерус. *чужими руками жар загребать* ('пользоваться в своих корыстных целях результатами чужого труда'). На первый взгляд, компоненты *жар – уголья* соотносятся друг с другом по модели «состояние / действие ↔ результат / субъект состояния / действия» (*уголья* – 'то, что остается от *жара*, или то, что дает *жар*'). Но дело в том, что общерусский фразеологизм законсервировал первичное конкретное значение слова *жар* – 'горящие, раскаленные уголья' [ШЭСРЯ, с. 84], от которого метонимически возникло значение 'тепло от них' и закрепилось в языке как прямое, основное. С диахронической точки зрения компоненты *уголья* и *жар* должны рассматриваться как синонимы, причем второй синоним стал семантическим архаизмом. Выражение *чужими руками жар загребать* считается исконным или возникшим под влиянием французского оборота *tirer les marrons du feu* – *вытаскивать каштаны из огня* [РФИЭС, с. 607]. Функционирование в диалектной системе варианта со словом *уголья* (*чужими руками только уголья грабить*) свидетельствует, скорее, об исконности оборота.

Как вариантные в говорах Низовой Печоры употребляются фразеологизмы *выть заморить* – *кишки заморить* – *червячка заморить* ('немного поест, перекусить'), причем последнее выражение используется в литературном языке с аналогичным значением и считается калькой французского оборота *tuer lever* ('выпить натошак рюмку спиртного', букв. 'убить червя') [РФИЭС, с. 750]. Старое русское слово *выть* сохранилось в печорских говорах в разных значениях: 'пора еды', 'количество пищи, употребленное за один раз', 'аппетит', 'пища' и др. [СРГНП, т. I, с. 126]. Поэтому буквально понимать оборот *выть заморить* следует как 'заглушить разыгравшийся аппетит'. Трансформация значения французского оборота, в котором речь идет о выпивке, в шутовское выражение о легком перекусе произошла не без влияния старинного областного русского оборота *заморить выть*, то есть французское выражение не столько было неверно переведено, сколько вобрало в себя значение пищевого, «вытного» оборота [Мокиенко 2007, с. 62–64]. Общеупотребительный непрозрачный фразеологизм *заморить червячка* «утратил семантическую связь со своим французским прототипом и стал специфичной национально окрашенной идиомой со значением "слегка закусить"» [РФИЭС, с. 750]. Фразеологизм *киш-*

ки заморить логично встраивается в вариантный ряд с лексической субституцией на основе квазитематической близости компонентов *выть / кишки / червячок*, причём компонентная непрозрачность всех вариантных идиом раскрывается только методами историко-этимологического анализа.

Исходные, базовые выражения часто обладают большей варьированностью, чем устойчивые обороты, впоследствии закрепившиеся в узусе. Ненужная вариантность, дублетность нивелируется. Так, общерусская поговорка *под лежащий камень вода не течет* в литературном языке имеет преимущественно такую форму, хотя в прошлом эта восточнославянская поговорка употреблялась в разных вариантах: *под лежащий камень / лежащую колоду вода не течёт / не бежит / не идёт* (рус.); *під лежащий камінь і вода не тече* (укр.) [РФИЭС, с. 283]. В говорах Низовой Печоры, напротив, широкая варьированность поговорки сохраняется: *под лежащий камень (лежащую колоду) <вода> не плещет (подплещет, принесёт, подбежит, забежит, пойдёт, течёт)*.

Диалектная ФЕ помогает восстановить этимологический образ, более логично объяснить его. Как *палец* говорится 'о совершенно одиноким человеке' (ср. общерус. *один как перст*). Синхронный подход к анализу образной основы литературного фразеологизма *один как перст* не позволяет прояснить его внутреннюю форму и ответить на вопрос, почему одинокого человека сравнивают с *перстом* и почему именно *перст* служит эталоном одиночества: пальцев много, они расположены близко друг к другу и символизировать одиночество не могут. Этимологический анализ дает возможность предположить следующее. Общеславянским словом *перст* называли любой палец руки, *перст* – буквально 'то, чем заканчивается верхняя часть ладони' [ШЭСРЯ, с. 231]. Словом *палец* (тоже общеславянским) первоначально называли только большой палец руки [ШЭСРЯ, с. 222]. Такое обозначение существовало в древнерусском языке и сохранилось по сей день в некоторых славянских языках, где палец вообще до сих пор называют словом *перст* [ИЭССРЯ, т. 1, с. 617]. Печорский вариант фразеологизма *как палец* не утратил изначальной логики: действительно, большой палец руки отстоит от остальных, расположен иначе и поэтому может восприниматься как символ одиночества. Вероятно, впоследствии в связи с утратой в русском языке словом *палец* своего первоначального этимологического значения 'большой палец' этот компонент был заменен более редким, высоким словом *перст*, тоже утратившим свой этимологический образ. Некоторые этимологи выдвигают сходную версию и считают, что в выражении *один как перст* использовалась древнеславянская форма *палец*, выступавшая символом одиночества [РФИЭС, с. 525]. Диалектные данные подтверждают выдвинутую гипотезу. Очевидно, что фразеология и паремиология говоров Низовой Печоры более последовательно сохраняют этимологическое, первоначальное значение слов *перст* ('любой палец руки') и *палец* ('большой палец руки'). В других

фразеологизмах, где речь явно идет обо всех / любых пальцах, используется лексема *перст*, вопреки общераспространенным вариантам этих оборотов: *как свои персты знать* (ср. общерус. *как свои пять пальцев знать*), *перста в рот не суй* (ср. *палец(пальца) в рот не клади*), *сквозь перстьё (персты) уходит* (ср. *уходит между пальцами*), *сквозь перстьё (персты, перстья) смотреть* (ср. *смотреть сквозь пальцы*).

Существование в диалекте лексических вариантов фразеологизма *втирать очки* ('намеренно искажать что-либо с целью обмануть, получив для себя выгоду'), таких как *глаза втирать* ('обманывать, занимаясь очковтирательством'), *втирать в глаза* ('врать'), *очки вставлять* ('обманывать'), побуждает задуматься о незыблемости общепринятой этимологической версии возникновения этого общерусского фразеологизма. Большинство этимологов связывают выражение *втирать очки* с жаргоном картежных шулеров начала XIX века, которые, по одной версии, при помощи особого клейкого состава наносили на карты дополнительные очки и при необходимости незаметно стирали их, по другой версии, приписывали себе на зеленом сукне карточного стола дополнительные очки или незаметно стирали их [РФИЭС, с. 525]. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко предполагают, что выражение имеет более древнюю историю и связано с устойчивой фразеологической ассоциацией обмана с закрытыми, запорошенными, замазанными грязью и т. п. глазами (обман зрения) [ФРР, с. 472–474]. Народно-этимологическое толкование также давно не ассоциирует компонент *очки* с карточными числами и баллами, а связывает его со зрительной функцией человека, получающего через глаза большую часть информации. В народном сознании формируется представление о том, что если закрыть человеку глаза, то он не узнает правды, отсюда обороты *глаза открылись*, *открыть глаза (кому-либо)*, *пускать пыль в глаза*, в которых единица телесного культурного кода *глаза* символизирует знание, опыт, полученные эмпирическим путем [Гудков, Ковшова 2007, с. 149–161]. Печорские варианты *глаза втирать*, *втирать в глаза*, *очки вставлять* в полной мере соответствуют народным представлениям. Привлечение к анализу диалектных оборотов позволяет увидеть разницу между историко-этимологическим и лингвокультурологическим толкованием внутренней формы фразеологизма.

Разрушение этимологического образа наблюдается в диалектном обороте *семь четвергов на неделе* ('о непостоянном, несерьезном человеке' и 'кто-либо говорит что-то странное, нелепое, пустое') по сравнению с общенародным *семь пятниц на неделе* ('кто-либо непостоянен в своих решениях, настроениях, часто и легко меняет свои мнения, суждения, оценки'). Компонент *пятница* в литературном фразеологизме исследователи связывают с языческим культом богини плодородия, дождя, материнства Мокоши, днём почитания которой была пятница. Христианство перенесло все атрибуты Мокоши на день Св. Параскевы

Пятницы. Этот день был свободным от работы, поэтому первоначально оборот мог относиться к бездельникам. Пятница была также базарным днем, днем исполнения долговых и торговых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу. О человеке, часто откладывающем исполнение обещаний, стали говорить: *у него семь пятниц на неделе* (подробнее см.: [РФИЭС, с. 586–587]). Компонент *четверг* такого ритуального и историко-фактического смысла не имеет, за исключением древнеславянского языческого обычая молиться в четверг богу грома и молнии Перуну (ср. поговорку *после дождичка в четверг*). Фразеологизм *семь четвергов на неделе* (как и *семь пятниц на неделе*) фиксирует ситуацию нарушения привычного для человека мироустройства, упорядоченности следования временных отрезков. Компонент *четверг* замещает наименование любого дня недели, превращая этот семидневный гетерогенный временной отрезок с фиксированным порядком следования частей в гомогенную, застывшую, не поддающуюся членению временную форму. Фразеологизм основан на парадоксе и выступает в роли «стереотипного представления о человеке, которому свойственны необязательность, непостоянство, склонность часто и непредсказуемо менять свои планы» [БФСРЯ, с. 630]. Отметим, что ФЕ *семь четвергов на неделе* в печорских и пермских говорах имеет дополнительное значение ‘много небылиц, нелепостей’ [ФСРГРК, с. 229; ФСПГ, с. 329].

Ещё один пример несоответствия этимологических образов в результате лексической вариантности наблюдается в оборотах *не битъём, так катаньем* – ‘любыми средствами (учить, воспитывать)’ (печор.) и *не мытьём, так катаньем* – ‘не одним, так другим способом (добиваться чего-либо, досаждать кому-либо)’ (общерус.). Общераспространенное выражение возникло в речи прачек, которые во время стирки «катали» скалку с накручивающимся на нее бельем [РФИЭС, с. 458]. Замена компонента *мытьё* на *битъё* (если она имела место), вероятно, произошла в силу сужения значения фразеологизма и появления прямого адресата действия: «*Надо учить его не битъём, дак катаньем*» (д. Загрявочная); «*Уж и битъём и катаньем его учили, а толку нет*» (д. Замежная).

Вывод. Если рассматривать фразеологизмы с точки зрения этимологического образа, то в диалекте, как правило, мы сталкиваемся с двумя тенденциями. Первая – это консервация исходной этимологической формы, подвергшейся впоследствии трансформации с закреплением в литературном языке измененного лексического варианта первоначального фразеологизма (*ни богу свечка, ни чёрту ожег; один как палец*). Вторая – трансформация формы путем лексической замены ввиду затемнения этимологического образа, утраты словесными компонентами связи с историческими, культурными реалиями, обычаями и традициями, архаизации многих технологических процессов, событий быто-

вого и торгово-экономического характера (*семь четвергов на неделе; не бить-ём, так катаньем*).

Диалектные варианты общерусских фразеологизмов играют неоценимую роль в прояснении или уточнении этимологических версий (*чужими руками только уголья грабить; выть заморить – кишки заморить; глаза втирать – втирать в глаза – очки вставлять*), позволяя развести историко-этимологический и лингвокультурологический анализ внутренней формы фразеологизма.

Литература

1. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. – М. : Гнозис, 2007.

2. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2007.

3. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М. : Высшая школа, 1989.

4. Урманчеева И. С. Архаизмы в составе лексических вариантов общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры // Филологи земли Орловской: истоки и развитие направлений исследований : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (23–24 октября 2020 года) / под ред. Ж. А. Зубовой. – Орел : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020а.

5. Урманчеева И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры // Сибирский филологический журнал. – 2020б. – № 4. – С. 237–250.

6. Урманчеева И. С. Лексическое варьирование печорских фразеологизмов в сопоставлении с общерусскими // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета (Киров). – 2016. – № 4. – С. 75–82.

7. Урманчеева И. С. Локализмы в печорских вариантах общерусских фразеологизмов // Говоры Республики Коми и сопредельных областей : сб. материалов и исследований / отв. ред. Т. Н. Бунчук. – Сыктывкар : СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. – С. 102–116.

8. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М. : Высшая школа, 1985.

Словари, справочники

9. БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

10. ИЭССРЯ: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – М. : Русский язык – Медиа, 2007.

11. РФИЭС: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ: Хранитель, 2007.
12. СРГНП: Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. – СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2003.
13. ФРР: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2005.
14. ФСНП: Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2002.
15. ФСРГНП: Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. – СПб. : Наука, 2008.
16. ФСРГРК: Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. – Сыктывкар : СГУ им. Питирима Сорокина, 2004.
17. ФСРЛЯ: Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель: АСТ, 2008.
18. ШЭСРЯ: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – М. : Дрофа, 2001.

811.161.1'373.7

Федуленкова Татьяна Николаевна

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Россия, Владимир

fedulenkova@list.ru

Контанистова Анна Игоревна

Московский государственный университет им. О. Е. Кутафина

Россия, Москва

a-kontanistova@yandex.ru

**ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ДЕЛОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
(на материале современного английского языка)**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о назревшей необходимости изучения деловой терминологии фразеологического характера, в качестве первого компонента которой выступает имя прилагательное.

Ключевые слова: деловая терминология, фразеология, фразеологизмы-термины, проблема, задачи.

Fedulenkova T. N.

Doctor of Philological Sciences, Professor

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov

Kontanistova A. I.

O. E. Kutafin Moscow State University

**THE ADJECTIVE IN BUSINESS PHRASEOLOGY:
TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM
(on the material of Modern English)**

Abstract. The article raises the issue of the urgent need to study business terminology of a phraseological nature, the first component of which is the adjective.

Keywords: business terminology, phraseology, phraseological units, problem, immediate tasks.

За редким исключением вряд ли можно встретить отдельные научные работы, посвященные имени прилагательному и его роли в деловой фразеологии терминологического свойства. В поисках языкового материала для анализа обращаем внимание на небезынттересные подборки фразеологизмов, включающих в свой состав прилагательное и этимологически восходящих, в основном, к библейским сюжетам, античной мифологии и деловой английской литературе.

Основная задача данной работы – проанализировать английскую деловую терминологию на предмет наличия в ней фразеологических единиц с компонентом – именем прилагательным и произвести хотя бы предварительную оценку количественного состава такой фразеологии в современном английском языке.

В своей работе мы опираемся прежде всего на классическую фразеологию современного русского языка в лице таких выдающихся специалистов, как А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. Ф. Алефиренко [Мелерович 1979; Мелерович, Мокиенко 2008; Алефиренко 2008]. В целях идентификации фразеологических единиц в терминологической среде современного английского языка считаем целесообразным обратиться к классическому учению А. В. Кунина, создателя английской фразеологии как отрасли языкознания и автору метода фразеологической идентификации [Кунин 1970, с. 38], апробированного на материале английского и других распространенных языков [Fedulenkova 2019, с. 74].

В качестве объекта исследования избирается двухкомпонентная терминология фразеологического свойства, содержащая в своем составе имя прилагательное. Дело в том, что многие термины носят двусмысленный характер, когда компоненты, его составляющие, имеют одно значение, а сумма этих значений не совпадает со значением всего устойчивого терминологического словосочетания. Например, *fatcat*, *hardlanding*, *bluechip* в бытовой речи, вполне естественно, воспринимаются как *жирный кот*, *жесткая посадка*, *голубая фишка*.

Для выяснения подлинного терминологического значения этих устойчивых выражений обращаемся к дефинициям толковых словарей делового английского языка:

а) **fat cat** *n* [C] JOURNALISM *disapproving* a rich person, especially someone who does not deserve to be rich: *Pilots have a bad image among their co-workers, who view them as fat cats who earn higher salaries* [LBED, p. 201] – журналистика неодобрительное «жирный кот», богач, денежный мешок, богатый человек, особенно тот, кто не заслуживает быть богатым: *У пилотов плохой имидж среди своих коллег, которые считают их «жирными котами» с высоким окладом* (Здесь и далее перевод мой. – Т. Ф.);

б) **hard landing** ECONOMICS when an economy slows down after a period of fast growth and goes into RECESSION (= a period of time with no growth or negative growth): *Governments will also have to use tightened monetary policies and fiscal restraint to avoid a hard landing for their economies* [LBED, p. 294] – ЭКОНОМИКА – «жесткая посадка», когда экономика замедляется после периода быстрого роста и переходит в РЕЦЕССИЮ (= период времени без роста в целом или отрицательного роста): *Правительства будут также вынуждены использовать ужесточение денежно-кредитной политики и фискальные ограничения с целью избежать «жесткой посадки» экономики;*

в) **blue chip** FINANCE [Usually plural] a share in a well-managed, successful company with a long record of paying profits to share holders during good and bad economic times: *Wall Street closed Thursday with bluechip falling and technology stocks managing as light gain* [LBED, p. 89] – голубая фишка, доля в хорошо управляемой, успешной компании с продолжительным опытом работы с акционерами в разных экономических условиях: *Фондовая площадка Уолл-стрит закрылась в четверг из-за падения голубых фишек и незначительного роста технологических акций.*

Актуальное значение рассматриваемых деловых терминов подтверждается примерами их контекстуального употребления, приведенными в языковых корпусах BNC и COCA:

а) # *Being a businessman worked against him. It seemed to me that, although Romney was the kind of guy you'd want to "fix" the economy, Obama persuaded a lot of people that Mitt was also the kind of guy who caused the problem in the first place: the Wall Street fat cat. And Romney never properly explained how turning a private business around improved our national economy* (BNC).

б) *because the financial system is relatively undeveloped, Chinese companies do not rely on money markets or on the commercial paper market for their daily operational capital. They keep cash reserves instead, which means there is less danger of a credit crunch stifling the real Chinese economy. # This offers the hope that con-*

*sumer demand – an increasingly important element of China’s economic growth – will hold up enough to prevent a **hard landing** for the country’s economy (COCA).*

*(B) There are fears that Wall Street, which this week hit a peak, is in for a torrid time in the next few weeks. One aspect which is worrying many is the increasing difficulty in dealing in beta and gamma stocks. ‘It’s as if there are two markets: the performance that the second liners offer has no relationship with **blue chips**,’ one market maker said. The problems among the second liners was underlined by the sharp falls which occurred in many USM and Third Market shares this week (COCA).*

Таким образом, исходя из предварительных наблюдений за терминологическими сочетаниями слов избранной структуры, выясняем, что многие из них имеют переосмысленный характер, то есть совокупное значение рассматриваемых терминов не складывается из суммы значений их компонентов. Поэтому первой задачей нашего исследования считаем осуществление идентификации всех терминов делового английского языка, зафиксированных в словаре под редакцией М. Мерфи [LBED], на предмет отнесенности к фразеологии. Вторую задачу исследования видим в процедуре дифференциации всех деловых терминов изучаемого словаря, идентифицированных в качестве фразеологизмов, на предмет характера переосмысления прототипа, на предмет мотивированности / немотивированности семантического сдвига компонентного состава и на предмет уровня абстракции результирующего ФЕ-термина. В качестве заключительной задачи данного этапа исследования планируем проведение количественного анализа и выявление количественной и процентной соотношенности выявленных структурных и семантических разновидностей ФЕ-терминов с компонентом-прилагательным.

Перспективу исследования видим в использовании его результатов и материалов в написании учебного пособия для студентов выпускного курса по переводу деловой терминологии фразеологического характера.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008.
2. Кунин А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М. : Высшая школа, 1970.
3. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка : учеб. пособие. – Ярославль : Ярославл. гос. пед. ин-т, 1979.
4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц русского языка. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008.

5. Fedulenkova T. Pragmatic functions of modern English phraseology // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 74–83.

Словари, справочники

6. LBED: Longman Business English Dictionary / M. Murthy (ed.). – Harlow : Pearson, 2007.

Источники языковых материалов

7. BNC: British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 09.01.2023).

8. COCA: Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 09.01.2023).

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ, ПАРЕМИИ И КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ, НАУЧНОМ, НАРОДНО-РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСАХ

УДК 81.411.2

Абрамова Вероника Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Россия, Тула
istinijobraz@mail.ru

Архангельская Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Россия, Тула
archangelju@yandex.ru

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ В ФОЛЬКЛОРЕ И УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦАХ РУНЕТА

Аннотация. В статье рассматриваются различные формы сетевого фольклора о Китае и китайцах, вербальная часть которых нередко содержит устойчивые единицы (фразеологизмы). В основе большинства подобных текстов Рунета лежат следующие стереотипы о Китае и китайцах: 1) китайцев очень много; 2) все китайцы похожи друг на друга; 3) всё сделано / подделано в Китае; 4) всё китайское низкого качества; 5) в Китае много странного; 6) китайские мудрецы знают всё; 7) русский с китайцем – братья навек.

Ключевые слова: устойчивая единица, стереотип, этностереотип, Китай, китайский, китаец.

Abramova V. I.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

Arkhangelskaya Iu. V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

CHINA AND THE CHINESE IN RUNET FOLKLORE AND FIXED EXPRESSIONS

Abstract. The article deals with various forms of e-folklore about China and the Chinese. The verbal aspect of these forms often contains fixed expressions (phrasemes). Most of such Runet texts are

based on the following stereotypes about China and the Chinese: 1) the Chinese population is great; 2) all the Chinese are alike; 3) everything is made / counterfeited in China; 4) all the Chinese products are of poor quality; 5) there are many bizarre things in China; 6) Chinese wise men know everything; 7) China and Russia are brothers forever.

Keywords: *fixed expression, stereotype, ethnostereotype, China, Chinese.*

В последние десятилетия геополитические, экономические, культурные связи между Россией и Китаем обретают все большую значимость для обеих стран, становятся очевидны для мирового сообщества, и это не может не находить отражение в языковых картинах мира двух великих народов. Рунет является той средой, в которой наиболее быстро и ярко аккумулируются и репрезентируются представления русских людей о Китае и китайцах, нередко обретая форму и статус фразеологических единиц. Их основными чертами (и с этим согласны большинство фразеологов) являются устойчивость, воспроизводимость и раздельнооформленность. Так, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко монографии «Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка» пишут: «Устойчивость и обусловленная ею воспроизводимость охватывают все аспекты структуры фразеологической единицы (далее ФЕ). Эти категории соотносятся в функциональном плане как потенция и реализация. Устойчивость, хранение в памяти носителей языка стабильного единства формы и содержания предполагает его воспроизводимость. Воспроизводимость ФЕ в речи – форма проявления их устойчивости в языке» [Мелерович, Мокиенко 2008, с. 22].

Объектом рассмотрения в данной статье становятся различные формы сетевого фольклора, в том числе анекдоты, мемы, эдвайсы, мотиваторы, демотиваторы и другие интернет-презентемы о Китае и китайцах, вербальная часть которых нередко содержит устойчивые единицы. Следует иметь в виду, что современный фольклор (в отличие от классического, имевшего только устную форму бытования) включает и письменные формы, к которым относятся в том числе распространяемые в сети креолизованные и некреолизованные тексты [Алексеевский 2010; Неклюдов 2022].

В основе большинства подобных текстов массовой культуры лежат следующие русские стереотипы о Китае и китайцах:

- 1) китайцев очень много;
- 2) все китайцы похожи друг на друга;
- 3) всё сделано / подделано в Китае;
- 4) всё китайское низкого качества;
- 5) в Китае много непонятного;
- 6) китайские мудрецы знают всё;
- 7) русский с китайцем – братья навек.

Следует иметь в виду, что подобные стереотипы часто могут подвергаться осмеянию, подаваться в ироничном контексте, но одновременно с этим поддерживаться и транслироваться.

В. А. Маслова определяет этнокультурный стереотип как «обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ» [Маслова 2004, с. 108]. Ученые-имагологи отмечают следующие черты этностереотипов: они содержат стандартные и малоподвижные представления об ином этносе; носят прямолинейный оценочный характер (плохой/хороший); нередко основаны на предрассудках; экономят усилия человека «при восприятии сложных социальных объектов» [Липпман 2004, с. 148]; приписывают нации определенные свойства и установки; помогают нации самоидентифицироваться.

В лингвокультурологии стереотипом принято считать «устойчивое, минимизированное, инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации» [Ковшова, Гудков 2017, с. 126].

Учитывая данные определения, охарактеризуем стереотипы русских о китайцах более подробно.

1. Китайцев очень много

Китай является самой большой страной в мире по численности населения наряду с Индией, которая, по прогнозам ООН, в 2023 году может выйти на первое место. Однако стереотип о самой многочисленной нации связывается в сознании русских людей исключительно с Китаем. Юмористических высказываний о жителях Индии, которых слишком много, нами обнаружено не было, тогда как многочисленность китайской нации очень часто становится предметом интернет-шутки, чаще всего небезобидных: *Если все 18-летние жители Китая встанут в одну цепочку и пойдут мимо вас, то эта цепочка никогда не закончится. Это потому, что новые жители Поднебесной будут достигать 18 лет и вставать в цепочку быстрее, чем цепочка пройдет мимо вас.* Каждый россиянин знает об этой огромной численности населения, поэтому следующее шутовское высказывание не требует комментария: *Китайский – самый понятный язык в мире: его понимает 1,5 миллиарда человек.* Оно создано с опорой на когнитивное равенство адресанта и адресата. И тот, и другой понимают, что 1,5 миллиарда человек – это и есть население Китая. Знание о многочисленности китайской нации входит в общий когнитивный фон для текстов следующих сетевых анекдотов: *А теперь новости. Вчера в небольшой полуторамиллионной китайской деревне...; Мощный тайфун «Дэмри», разрушивший половину острова Суматра, достиг китайского порта Хайнань и затерялся в толпе...; – Чем китайский мегаполис может удивить москвича? – Пробками. – Да половина Москвы стоит в автомобильных пробках. – А там в пешеходных; Правитель-*

ство Китая обсуждает вопрос о наращивании Великой Китайской Стены. Китайцы вываливаться начали [nekdo].

2. Все китайцы похожи друг на друга

Данный стереотип весьма устойчивый и порождает множество креолизованных текстов, вербальная часть которых всегда сопровождается иллюстрацией (чаще всего это групповая фотография китайцев): *Бог создавал всех людей разными, но когда дошел до Китая, ему надоело; Все китайцы делятся на два типа: Джеки Чан и Не Джеки Чан; Китайская женщина была шокирована тем, что коллега смогла разблокировать ее iPhoneX с помощью FaceID; Китай – страна заклинившего ксерокса; Фразу «Все мужчины одинаковые» придумала китаянка, которая потеряла мужа в толпе.* Данный стереотип поддерживается и в интернет-презентах, обыгрывающих похожесть европейцев, в частности актеров и звезд шоу-бизнеса, принадлежащих к определенному модному типуажу. Обычно визуальная часть сопровождается надписью, которая начинается со слов: *А говорят, что все китайцы на одно лицо...* Стереотип о похожести китайцев друг на друга часто обыгрывается в русских сетевых анекдотах: *В китайских детсадах родители даже не пытаются забрать своего; Китаец в Тибетском монастыре спрашивает мудрого монаха:– Мастер Чен, почему все европейцы считают нас, китайцев, похожими друг на друга? – Я не Мастер Чен...; Несколько дней смотрю Олимпиаду, и у меня есть подозрение, что за китайскую сборную выступает один и тот же спортсмен!; В среде автобусных кондукторов звание мастера присваивается тем специалистам, которые могут безошибочно определить, кто из вошедших в салон 40 китайцев уже оплатил проезд, а кто еще нет; У китайцев нет понятия «изменил». Есть понятие «перепутал» [nekdo].*

3. Всё сделано / подделано в Китае

За последние десятилетия Китай совершил огромный экономический скачок. Экономика страны вышла на второе место в мире (после США) по номинальному ВВП. Это обстоятельство поддерживает стереотип о том, что все товары производятся в Китае. Вербальную часть интернет-презентом, использующих данный когнитивный фон, составляют следующие фразы: *Бог создал людей... А все остальное сделано в Китае; Всё, что ни делается, делается в Китае; В мире всё сделано в Китае; Когда мы будем уже покупать товары, сделанные не в Китае?* Фотография, на которой запечатлены В. Путин и Си Цзиньпин во время их встречи 9 ноября 2014 г., также поддерживает данный стереотип. Президент России дарит главе Китая отечественный YotaPhone 2. В сети эта фотография превращена в комикс, якобы передающий диалог лидеров двух стран: *Путин: – А это наш новый смартфон. Си Цзиньпин: – Вы хотели сказать наш?* Известно также, что по крайней мере в начале своего экономического подъема Китай активно копировал известные в мире бренды. В связи

с этим в нынешних реалиях, в условиях жестких для России санкций, в сетевом фольклоре появились следующие шутки: *Китай официально заявил, что Gucci, Chanel, Armani, Dior, Dolce&Gabbana, Givenchy, Versace и другие бренды не уходят с рынка России; Многие американские и европейские ритейлеры одежды и обуви объявили, что приостанавливают продажи в РФ. Китайцы всплакнули и увеличили рабочую смену на полчаса* [nekdo]. Стереотип о чрезмерном усердии китайцев, стремящихся скопировать все на свете, в шутках часто доводится до абсурда: *У китайцев кризис перепроизводства – они уже подделывают подделки* [nekdo]. Доля китайской продукции в мировом производстве действительно весьма значительна. Этот факт в ироническом освещении подтверждается в большинстве сетевых анекдотов, репрезентирующих данный стереотип: *Если Бог создал все на свете, то скорее всего он был китайцем...; Первая страна, куда приходит Дед Мороз, чтобы загрузить мешки, – это Китай; Предлагаю установить памятник братскому китайскому пролетариату, освободившему россиян от необходимости что-либо производить* [nekdo]. В Китае делается даже то, что позиционируется как изготовленное в других странах. Шутки на эту тему также весьма распространены в сети: *Если верить в то, что туристы привозят из путешествий местные сувениры, то получается, что 90 % туристов посещают исключительно Китай...; Из новой генеалогии отечественного автопрома: коренной москвич оказался потомственным китайцем; Импортозамещение немного пробуксовывает потому, что китайцы не успевают сделать необходимое количество новых шильдиков для наших заводов* [nekdo]. Последние два анекдота тоже отражают экономические реалии, в которых оказалась Россия в 2022 году, и содержат самоиронию: предполагалось, что замещать импортную продукцию страна будет, развивая собственное производство, но на деле такие товары часто производит не отечественная промышленность, а китайская.

4. Всё китайское низкого качества

Данный стереотип относительно новый. Устойчивые единицы, отражающие его, начали фиксироваться с 90-х годов XX века. В них репрезентированы представления о китайском как о плохом, низкопробном, некачественно сделанном. Формирование данного этностереотипа, возможно, связано с тем, что в постперестроечную эпоху в России были востребованы дешевые товары китайского производства, не отличавшиеся высоким качеством. Так, устойчивое сочетание *дядюшка / дядя Ляо* в значении 'нелегальный производитель китайских некачественных товаров (в основном – техники)' часто встречается в Интернет-пространстве. Собственное имя *дядюшка / дядя Ляо* служит для русских мерой недобросовестности производителя, плохого качества изделий и, как следствие, источником отрицательной этической оценки. Данное значение выражается, например, в следующих контекстах: *И «ролекс» твой, скорее всего,*

поделка *дядюшки Ляо* за десять долларов [Песочинский 2011, с. 19]; Судя по качеству этот планшет в подвале у *дядюшки Ляо* делали [СС] (Подробнее об этом см.: [Абрамова, Архангельская 2021]). Таким образом, в языке фиксируется стереотипное представление о том, что товары, произведенные в Китае, не отличаются высоким качеством. Сетевые интернет-презентемы нередко сопровождаются следующими надписями: *Собака злая, цепь китайская; Поломка без причины – признак made in China; демотиватор Сделано в Китае*. В сетевых анекдотах также часто отражается данный стереотип: *Мой новый китайский телефон работает как часы, а вот как телефон – не работает; Мама, к нам в садик приходил Дед Мороз, но какой-то ненастоящий. Наверное, китайский; – Лена, ты – настоящая динамщица. Сколько можно издеваться над парнем. Он тебя бросит. – Я же девочка, мне положено ломаться. – Лена, ты – китайский чайник?; Раньше, когда я прихорашивалась, муж говорил, что я «чищу перышки». С приобретением китайского пуховика выражение стало буквальным... [nekdo].*

Следует отметить, что в последнее время данный устойчивый стереотип в современной языковой картине мира соотносится с другим устойчивым стереотипом – *фабричный Китай*, указывающим на качественные, несмотря на место производства, товары. Однако это изменение стереотипа происходит постепенно, на что указывает один из вариантов мема «Мистер Бин». Его визуальная составляющая – фотография актера Р. Аткинсона в роли мистера Бина, героя одноименного телесериала. Сопутствующая надпись: *Лицо клиента, когда ты говоришь про фабричный Китай*. Выражение лица актера выражает крайнее недоверие к этим словам.

5. В Китае много странного

Китайцы в русской языковой картине мира представлены как нация загадочная, сложная, у которой многое проявляется в максимальной степени, а элемент «китайский» в составе фразеологизмов нередко имеет сему – ‘очень’, ‘слишком’. Такие представления о Китае и китайцах традиционны для русского сознания, и единицы языка, в которых они отражены, имеют давнюю историю. Так, активно используется в интернет-презентемах фразеологизм *китайская грамота*, происхождение которого связано с конкретным историческим фактом. В 1618 году в Китай по поручению царя Михаила Федоровича отправилась представительская миссия с целью установления торговых связей с далекой страной. Цель была достигнута, договоренность о торговых делах между двумя странами оформлена в виде грамоты и привезена в Россию. Но прочитать эту грамоту, написанную на китайском языке, иероглифами, никто не мог. Ее перевели только через 57 лет. Выражение *китайская грамота* употребляют, когда речь идет ‘о чем-либо недоступном пониманию’ [МАС, с. 66]. Например, заголовком *Китайская грамота* снабжена двухпанельная интернет-презентема, на

которой представлена ситуация урока. На первой фотографии, подписанной «Смотрим», учитель с указкой стоит у доски, исписанной формулами. На второй фотографии, названной «Видим», учитель указывает на иероглифы, покрывающие доску.

Много шуток связано с тем, насколько труден китайский язык для изучающих его европейцев. В сети существует анекдот, представленный как диалог в одном из мессенджеров: – *Как там твое изучение китайского языка? – Ну как сказать... Китайцы уже понимают, что я говорю по-китайски, но не понимают, что именно я говорю.*

Общий когнитивный фон, включающий знание представителей русской нации о том, что китайский язык невероятно сложен, помогает понять следующую шутку, обыгрывающую гендерный стереотип: *Женщина – это как открытая книга на китайском языке...*

Еще одна устойчивая единица, поддерживающая стереотип о странностях китайского менталитета, для своего объяснения требует обращения к истории. Ироничное выражение *последнее китайское предупреждение* означает угрозу, которая никогда не будет осуществлена [ЭСКСВ]. Например: *Похоже, последнее китайское предупреждение вот-вот заменят на последнее газпромское...* [nekdo]; *Последнее китайское предупреждение часто делают русским матом* [Всё шуточки...]. Этимология выражения следующая: «Первое серьезное предупреждение правительство КНР сделало 7 сентября 1958 г., когда Пекин заявил США протест против конвоирования (охраны) американским военно-морским флотом морских транспортов Тайваня. К середине 1960-х гг. таких «серьезных предупреждений» насчитывалось уже более 400, и они воспринимались всеми только иронически, поскольку реально помешать сотрудничеству США и Тайваня Китай был не в силах» [ЭСКСВ]. В современных политических реалиях (обострение отношений между США и Китаем) выражение снова актуализировалось. Появился мем «Последнее китайское предупреждение». Визуальная часть может представлять собой изображение вооруженных китайских военных, а вербальная содержит отсылку к незапланированному визиту на Тайвань спикера палаты представителей США Н. Пелоси 22 августа 2022 г., который Китай воспринял как провокацию и осудил: *1000-й раз тебя последний раз предупреждаю. Тайвань vs Китай.*

Странной для россиянина является китайская кухня с ее необычным набором ингредиентов. В связи с этим сложился стереотип о том, что китайцы едят всё, который отражается в сетевых анекдотах и шутках: *Китайцы едят всё, что на четырех ногах, кроме стола, и всё, что летает, кроме самолета; Секреты китайской кухни: если блюдо укусило вас в ответ, значит, свежее; Китайцы находчивые. Был у них год, когда саранча сожрала весь урожай.*

Ну ок, подумали китайцы и сожрали саранчу; Что будет, если китайцы на Марсе найдут жизнь? Новое блюдо... [nekdo].

В сети распространен демотиватор «Китай не перестаёт удивлять», в котором также обыгрывается данный стереотип. Визуальная часть обычно представляет собой фотографию странного товара, изготовленного в Китае. Потребитель узнает его, но поражается тому, как сконструированы части, сконструирована вещь. Например, совмещенные ложка и вилка, компьютерная мышь со штекером для наушников на конце провода, фаянсовая кружка с ручкой, которая находится внутри.

Отдельной темой для шуток становятся инструкции к китайским товарам, часто содержащие орфографические, речевые и логические ошибки, которые обыгрываются в сетевых анекдотах: *Из инструкции к китайскому огнетушителю: «Не распылять вблизи открытого огня» [nekdo].*

б. Китайские мудрецы знают всё

Древность китайской цивилизации, глубина китайской философии вызывают уважение у россиян. Многим известны имена великих философов Конфуция, Лао-цзы, название священной книги «Дао дэ цзин». Одновременно с этим апелляция к некоей безымянной китайской мудрости часто вызывает в сети иронию: *Древняя китайская мудрость гласит: если нечего сказать, скажи китайскую мудрость; Нет такой ерунды, которую нельзя выдать за китайскую мудрость; – Я изучаю восточную философию, поэтому на все мировые проблемы смотрю как китайские мудрецы. – Это как? – Прищурившись [nekdo].* Подобные фразы обычно являются вербальной частью мема, который носит название «Китайский мудрец». Иногда он двухпанельный (включает два изображения), но может быть и однопанельным. Визуальная часть этого мема – фотография основателя айкидо Морихэя Уэсибы в преклонном возрасте. Иронию усиливает то, что великий сенсей – японец, а не китаец. В двухпанельном меме используются две фотографии: на одной мудрец изображен с поднятым вверх указательным пальцем и серьезным выражением лица, на второй – он же крупным планом с лукавой улыбкой на лице. Изображение обычно сопровождают либо две фразы, либо одна, распадающаяся на две части. В первой части содержится некое утверждение, во второй – неожиданная концовка. Например: *Древняя китайская мудрость отличается тем, что мудрость вроде бы есть... А толку от нее нет; Когда все зовут тебя китайским мудрецом... А ты из Японии; Никогда не говорите девушке комплимент про ее усы... Даже если они чертовски красивы; Китайская мудрость гласит: красивых девушек на свете много... А у мамы ты один; Ответить утром на звонок, как будто ты давно уже встал... Это*

большое искусство; Прежде чем что-то сделать, прислушайся к советам... И все равно сделай по-своему.

7. Русский с китайцем – братья навек

Данный стереотип сформировался достаточно давно. Пик советско-китайской дружбы пришелся на 1949 год, когда Москву посетил китайский лидер Мао Цзэдун. К его визиту была написана песня «Москва – Пекин» (поэт – М. Вершинин, композитор – В. Мурадели), первая строчка которой – «Русский с китайцем – братья навек» – стала крылатой [ЭСКСВ]. В конце 1950-х годов начался так называемый советско-китайский раскол, особенно обострившийся в 1969 году из-за пограничного конфликта на острове Даманский, и крылатая фраза о дружбе двух народов приобрела ироничный оттенок. В современных реалиях устойчивое выражение (*Русский с китайцем – братья навек*) снова актуализировалось, стало основой стереотипа, часто встречается в сети в качестве вербальной части креолизованных текстов и других интернет-презентом. Данная фраза и ее трансформации используются в политической публицистике, в статьях о взаимоотношениях России и Китая (например: *Братья навеки: особый китайский путь свернул на российскую дорогу* [Митрошин 2022]; *Братья навек: Россия и Китай укрепляют связи на фоне выпадов Запада* [Сенин 2021]). В сети появилась презентема «Китай и Россия – братья навек», визуальная часть которой – изображение обнимающихся дракона и медведя. Стереотип о дружбе народов поддерживается в сетевых анекдотах: *В ходе встречи высокие стороны достигли договоренности о том, где будет заканчиваться Китайская стена и начинаться Кремлевская* [nekdo].

Таким образом, образы Китая и китайцев активно используются в устойчивых единицах и фольклоре Рунета, поддерживая сложившиеся в русской культуре этностереотипы. Анализ многочисленных интернет-презентом и сетевых анекдотов показывает, что осмеянию часто подвергается не другая нация, а наши зачастую однобокие представления о ней.

Литература

1. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты в русской лексике и фразеологии: символы, эталоны, стереотипы, лингвокультурные коды // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2021. – № 1 (5). – С. 115–124.

2. Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. материалов. – М., 2010. – С. 151–166. – URL: <http://www.mdalekseevsky.narod.ru/> (дата обращения: 05.02.2022).

3. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. – М. : Гнозис, 2017.

4. Липпман У. Общественное мнение. – М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004.

5. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Академия, 2004.

6. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008.

7. Неклюдов С. Ю. Фольклорные традиции современного города. – URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/nekludov1.php?rubr=Reader-articles> (дата обращения: 05.02.2022).

Словари, справочники

8. МАС: Словарь русского языка. Академия наук СССР. Институт русского языка. В 4 т. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. 2.

9. СС: Сленг: Словарь. – URL: <https://www.molomo.ru/sleng/d/dyadyushka-lyao.html> (дата обращения 31.01.2023).

10. ЭСКСВ: Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М. : Локид-Пресс, 2004.

Источники языковых материалов

11. Всё шуточки... – URL: <https://vse-shutochki.ru/shotka/65055> (дата обращения: 05.02.2023).

12. Высоковский.ru – Анекдоты, Юмор, Приколы, свежие анекдоты. – URL: <https://vysokovskiy.ru/hotnews/kitaiskoe-preduprezhdenie/> (дата обращения: 05.02.2023).

13. Митрошин С. Братья навеки: особый китайский путь свернул на российскую дорогу // Новые известия. 25 октября 2022 г. – URL: <https://newizv.ru/news/2022-10-25/bratya-naveki-osobyu-kitayskiy-put-svernul-na-rossiyskuu-dorogu-363455> (дата обращения: 05.02.2023).

14. Песочинский Д.М. Фотография как бизнес: с чего начать, как преуспеть... – СПб. : Питер, 2011.

15. nekdo: Свежие анекдоты, шутки и приколы от nekdo.ru. – URL: <https://nekdo.ru> (дата обращения: 02.02.2023).

16. Сенин К. Братья навек: Россия и Китай укрепляют связи на фоне выходов Запада // Известия. 26 марта 2021 г. – URL: <https://iz.ru/1142278/kirill-senin/bratia-navek-rossiia-i-kitai-ukrepliaut-sviazi-na-fone-vypadov-zapada> (дата обращения: 02.02.2023)

УДК 81-25

Васильева Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург

barcarola@list.ru

ОБЩЕРУССКАЯ И ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

***Аннотация.** В статье анализируются фразеологизмы, которые войдут в 29 и 30 выпуски Псковского областного словаря с историческими данными. Фразеологические сочетания, единства и сращения классифицируются с точки зрения их представленности в русском национальном языке: выделены общерусские, собственно диалектные и промежуточные ФЕ. Последние проанализированы по их отличиям от общерусских фразеологизмов.*

***Ключевые слова:** диалектная фразеология, Псковский областной словарь, варьирование фразеологизмов.*

Vasilyeva O. V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

St. Petersburg State University

ALL-RUSSIAN AND DIALECT PHRASEOLOGY IN PSKOV DIALECTS

***Abstract.** The article analyzes phraseological units that will be included in the 29th and 30th editions of the Pskov Regional Dictionary with historical data. Phraseological combinations, units and fusions are classified from the point of view of their representation in the Russian national language: all-Russian, proper dialectal and intermediate phraseological units are singled out. The latter are analyzed in terms of their differences from common Russian phraseological units.*

***Keywords:** dialectal phraseology, Pskov Regional Dictionary, variation of phraseological units.*

Псковский областной словарь (ПОС) опубликован до 28 выпуска. Это богатейшее собрание лексики и фразеологии, бытующих в псковских говорах. По гениальному замыслу Б. А. Ларина (который ему пришлось отстаивать в острых дискуссиях), Словарь включает в себя не только ареальный, но и общерусский материал, что сделало ПОС уникальным среди региональных словарей, подлинно системным описанием лексико-фразеологического богатства говоров Псковщины.

В рабочих материалах, составленных для 29–32 выпусков, встречается немало фразеологизмов: фразеологических сочетаний (обозначаются знаком >

«угол», $492 + 286 + 271 + 184 = 1233$), фразеологических единств (обозначаются знаком Δ «треугольник», $65 + 4 + 14 + 27 = 110$), фразеологических сращений (обозначаются знаком \diamond «ромб», $10 + 5 + 2 = 27$). Поскольку это очень большой объем, наблюдения, изложенные в данной статье, проводятся на материалах только 29 и 30 выпусков ПОС (Пойти – Поляшить и Пома – Порошать, границы пока указываются условно, на этапе редактирования они могут быть смещены).

Как и в предыдущих, опубликованных выпусках, здесь представлены словарные статьи как на общерусские, так и на диалектные лексемы, при этом фразеология с общерусскими компонентами также может быть и общерусской, и ареально ограниченной. По мнению исследователей, «диалектные фразеологизмы – наиболее яркая и эмоционально-окрашенная часть национальной картины мира. Они содержат в своей внутренней форме не только собственно языковую информацию, но и факты общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса, являются своеобразными способами отражения этнокультурного сознания целого народа и каждого человека в отдельности» [Воробьева 2019, с. 113]. Всё это действительно так. Кроме того, ПОС воплощает интереснейшую идею Б. А. Ларина о совмещении в одном словнике современных и исторических материалов, что позволяет проследить историю отдельных слов и выражений на протяжении веков, поскольку старейшие памятники псковской письменности восходят к XIII столетию. Как писал Б. А. Ларин, «большим преимуществом перед всеми имеющимися областными словарями русского языка (как и других славянских языков) будет наличие в нашем Словаре большого исторического материала. Кроме Новгорода, ни один край («удел») феодальной эпохи не сохранил такого обилия торговой, юридической, политической документации, такой богатой местной литературы; достаточно напомнить о выдающихся своим местным колоритом Псковских летописях. Это дало нам возможность впервые в русской лексикографии поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражениями живой народной речи в документах и памятниках письменности феодальной эпохи. Региональный словарь на широком историческом фоне – принципиально новое дело в мировом языкознании» [ПОС, вып. 1, с. 3]. Так, например, чрезвычайно интересный русско-немецкий «Разговорник» Тониса Фенне 1607 года предлагает современным читателям богатейшую коллекцию псковизмов – лексических, фразеологических, грамматических, синтаксических, о которых писали исследователи псковских говоров XX века. И все это было зафиксировано немецким купцом (отнюдь не филологом) более 400 лет назад. В. М. Мокиенко, анализируя фразеологизмы, услышанные в древнем Пскове Тонисом Фенне, пишет: «Ценность фразеологических материалов Разговорника заключается и в том, что он отразил часть яркой, образной и экспрессивной идиоматики, характерной для разго-

ворной речи начала XVII в., не зафиксированной другими историческими словарями и источниками» [Мокиенко 2017, с. 89].

Остановимся только на современных фразеологических материалах, которые войдут в ближайшие два выпуска ПОС и которые были записаны на Псковщине в наше время – в XX – начале XXI века. (При этом изымаем из современной части ПОС записи XIX века – а их в материалах Словаря немало – это псковские цитаты из [Опыт] и [Дополнение], [СЖВРЯ] и других источников позапрошлого века.) И при таком сугубо синхронном подходе количество фразеологизмов в псковских говорах чрезвычайно велико. Соотношение в их составе трёх типов единиц, выделяемых по степени семантической слитности компонентов, было отмечено выше: на единичные случаи сращений приходится десятки единств и целые сотни сочетаний. При таком их количественном расхождении, конечно, весьма немногочисленны словарные статьи, в которых были бы представлены все три типа. И все же на некоторые компоненты (с учетом многозначности лексемы) триады собираются. Так, например, на глагол *показа́ть* в материалах ПОС встретились и сочетания (*ви́да не показа́ть*, *Бо́гом пока́зан* – ‘о предопределенности жизни’, *показа́ть услу́гу* – ‘оказать услугу’, и др.), и единства (*показа́ть карти́ну* – ‘проучить’, *но́ги показа́ть*, *пе́рцу показа́ть*, *показа́ть свою́ рысь*, *показа́ть зу́бы*, *показа́ть куте́йное ведёрко* – ‘погрозить кулаком’, *показа́ть свой карма́н* – ‘щедро одарить’ и др.), и сращение (*показа́ть*, где *Мака́р коро́в не па́с*). На глагол *попа́сть* – сочетания (*в рот не попаде́т* – ‘кто-н. не попробует чего-н.’, *попа́сть на ум*, *попа́сть на глаза́*, *попа́сть в же́ны / за́муж*, *попа́сть в жисть* – ‘начать хорошо жить’, *попа́сть не в свой рассу́док*, *в стаж не попа́сть*, *попа́сть в оши́бку* и др.), единства (*попа́сть на ота́ву* – ‘замолчать во время еды’, *попа́сть в ла́пы* – ‘оказаться в плену’, *попа́сть ме́жду доро́г* – ‘оказаться в затруднительном положении и др.’), и сращения (*попа́сть под шля́пу* – ‘оказаться в неловком положении’, *попа́сть под мы́шку* – ‘стать пьяницей’). Гораздо чаще можно встретить в статьях ПОС комбинации углов и треугольников. Например, на сущ. *пол*¹ имеются многочисленные сочетания (*до по́ла*, *как на полу́*, *на́ пол*, *посере́д по́ла*, *по́д пол*, *под по́лом*, *чёрный пол*, *чи́стый пол*) и единства (*язы́к до по́ла* – ‘о том, кто много говорит’, *с потолка́*, *с по́ла* – ‘об отсутствии логики в речи’). Аналогично в статье на сущ. *поро́г* – сочетания (*че́рез поро́г* – ‘за пределы жилой части избы’ и ‘входя внутрь’, *с (с-за) поро́га* – ‘не заходя внутрь’, *за поро́г* – ‘из дома’, *на поро́ге* – ‘у входа в дом’, *на поро́г иди́*, *поро́г переложу́ть / перекла́дывать* – ‘входить’, *на поро́г не пуска́ть* – ‘запрещать кому-н. входить’) и единства (*бить в поро́г* – ‘кланяться при входе’, *окола́чивать / оббива́ть поро́ги* – ‘часто ходить с просьбами’, *за поро́г* – ‘в туалет’, *язы́к на поро́г* – ‘сильно устать’, ‘сильно напиться’, ‘умереть’). Но бывают и такие словарные статьи, в которых представлены исключительно сочетания, например, на сущ. *пора́*: кто-н. *чьей-н. поры́* – ‘ровес-

ник с кем-н.', в чью-н. *пору* – 'будучи в том же возрасте', *о сю пору* – 'в таком возрасте', *не поро́й* – 'не вовремя', *тако́й поро́й* – 'в это время', *в пору* – 'в подходящее время', *на той поро́й* – 'в прежнем виде', *без поро́й без вре́мени*, *до поро́й (до вре́мени)*, *до сей поро́й*, *до́ сих пор*, *до како́й (ко́й) пор*, *по си́х (эти́х) пор*, *с си́х (сех, тепе́рьских) пор*, *с тех пор*, *в (об) э́ту (ту) пору* и др. Приведенные примеры показывают, что псковские фразеологизмы причудливо сочетают в себе общерусское с диалектным. Проанализируем типологию подобных сочетаний.

Очевидно, что на одном полюсе окажутся общерусские фразеологизмы, не имеющие в псковских говорах никаких местных отличий. Это такие, например, единицы, как

сочетания *ви́да не показáть*, *пока́зывать на глаза́*, *не покладáя рук*, *поклонíться в по́яс / до земли́ / в но́ги*, *не дава́ть / не знать поко́я*, *дать поко́й*, *как и полага́ется*, *не полага́ется*, *по́лно тебе́*, *выходи́ть из положéния*, *в рот положи́ть*, *как положéно*, *язы́к как помело́*, *пусть попробу́ет*, *попроси́ть прощéния*;

единства *показáть зу́бы*, *пока́тываться со сме́ху*, *за сло́вом в карма́н не полéзть*, *ра́дости по́льные штаны́*, *в положéнии*, *вынь да положи́шь*, *жизнь положи́ть*, *го́лову положи́ть*, *ни два ни полтора́*, *и в помíне не́ было*, *помина́й как зва́ли*, *с грехо́м / го́рем попола́м*, *быльём порастí*, *хоть зу́бы на по́лку клади́*, *помы́кать го́ря*.

С некоторой натяжкой к общерусским фразеологизмам можно отнести единство *с пусто́го в поро́жнее* (перелива́ть) – но если только посчитать, что для псковских говоров, как и для ряда соседних с ними, в прошлом было характерно полное отсутствие предлога *из*. Однако отличие псковского варианта данного фразеологизма от общерусского не сводится только к предложному компоненту, поскольку в материалах ПОС зафиксировано его сочетание не только с глаголом *перелива́ть*, но и с глаголом *говори́ть*, что уже уводит данную ФЕ в группу с отличиями по сочетаемости.

На другом полюсе со всей очевидностью окажутся собственно диалектные ФЕ:

сочетания *го́лос пока́зывать* – 'издавать характерные звуки', *покатко́м подкати́ться* – 'быстро подойти', *поки́нуть рели́гию* – 'стать атеистом', *поки́слить рот* – 'съесть что-н. кислое', *в (да́льную) покла́жу* – 'впрок, про запас', *покло́нный стол* – 'застолье на следующий день после венчания', *цыга́нке в зубу́ поковыря́ть не́чем*, *как поко́йник* – 'о белёсом, заплесневевшем хлебе', *по́лы распусти́вши* 'не подпоясавшись', *в во́лосы полéзть* – 'устроить драку, схватив кого-н. за волосы', *Бог полива́ет* – 'идет дождь', *ночь за́ полночь* – 'поздно ночью', *в полно́шенье* – 'недолго бывший в носке, сохранивший хороший внешний вид', *по по́лному брю́ху* – 'досыта', *по́льный во́зраст* – 'совершен-

нолетие’, из *богáтого положéния* – ‘из зажиточной семьи’, *дава́ть полосóвки* – ‘бить, наказывая’, *ни полсло́ва, за одни́м пома́хом* – ‘заодно’ и ‘сразу, в один прием’, *с помíну* – ‘по воспоминаниям’;

единства *платка́ми поки́дываться* – ‘выразив согласие выйти замуж и отдав платок во время сватовства, затем отвечать отказом’, *ро́жки пока́жутся* – ‘кто-н. проявит строптивость’, *из голо́вы покида́ть* – ‘вспомнить’, *поки́вывать ного́й* – ‘бездельничать’, *пя́тками покола́чивать* – ‘идти пешком’, *что (тебе́) ко́шка покуса́ла* – ‘об очень небольшом размере, количестве чего-н.’, *по́лы в оха́нку / по́лья подобра́ть* – ‘быстро одеться, собраться, намереваясь покинуть кого-н.’, *полéзть в грéзу / попада́ть в па́кость* – ‘совершить потраву’, *на нож полéзть* – ‘начать с кем-н. враждовать’, *полéзть на грехи́* – ‘совершить проступок’, *полéзть в нос* – ‘откровенно выразить недовольство’, *на полёт ви́деть* – ‘понимать с первого взгляда’, *в ночь – в полно́чь* – ‘в любое время суток’, *полови́нная сторо́на* – ‘один из супругов по отношению к другому’, *как в рот положи́ть* – ‘правильно истолковать’, *след положи́ть* к кому-н. – ‘пойти, сходить к кому-н.’, *сду́ру по́ру* – ‘не подумав’, *с ве́рхней по́лки* – ‘более высокого социального положения’, *(быть) в по́лности* – ‘не иметь увечий’, *не до конца́ пома́сленый* – ‘с недостатками’, *как че́рт помело́м опаха́л* – ‘невозможно найти’, *в поминáнье запи́сать* – ‘долго отсутствовать’, *помы́ть зу́бы (зубки)* – ‘посплетничать’, *на чужо́м гости́нце попере́хнуть* – ‘испытать неприятности от чьей-н. неискренности’, *попе́ть пе́сни* – ‘испытать много горя’, *попе́хивать ного́й в за́дрог* – ‘бездельничать’, *до порося́чьего ви́згу* – ‘напиться ‘очень сильно’;

сращение *попада́ться в непромока́емую* – ‘оказаться в безвыходном положении’.

Как видим, собственно диалектных ФЕ оказалось существенно больше, чем общерусских. Среди фразеологических сочетаний здесь немало составных дифференцирующих номинаций, как, например, *по́льная коро́ва* – ‘корова после трех лет’: *Лю́бина каро́ва перьвесина, а мая́ – третья́к, это́ уш по́льная каро́ва, с прямы́м малако́м* (Остр.); *полови́нная сиро́тка / сирота́* – ‘ребенок, оставшийся без отца’: *Рибёна́к биз ата́ца – пьлавин́ная сиро́тка* (Пск.); *попере́чная пе́сня* – ‘частушка’. Последняя номинация возникла как антоним к *долевой пе́сне* (аналогу *пе́сни до́лгой*, для которой антоним – *ча́стая пе́сня*). Имеются благопожелания, например, *поло́в на ры́бку* – ‘приветствие рыбаку’: *А «Пало́в на ры́нку» гавари́ли – што́п пайма́ть бо́льшы* (Палк.); *доро́га в поро́г* – ‘пожелание счастливого пути’: *По пу́ти го́споди, доро́га ф поро́к, дойти́ и доéхать* (Кр.).

Но, конечно, не меньший интерес представляют собой разные типы промежуточных явлений – псковские фразеологизмы, в той или иной степени отличающиеся от общерусских.

Примеры компонентного варьирования в псковских ФЕ многочисленны: *но́ги показáть* куда-н., *пе́рцу показáть* кому-н., *показáть, где Мака́р коро́в не*

пас, показáть услу́гу, глаз не показыва́ть, конце́рт показыва́ть, как в стéнку горо́х покида́ть, го́лову поклада́ть за кого-н., де́ло покле́илось, поклону́ть в сон кого, воя́ть как по поко́йнику, ду́ша поко́йная за кого, поколе́ние с поколе́ния, покуми́ть башкой, как полага́тельно, полетéть в гало́н, полетéть в го́ру / под го́ру, полетéть в трубу́, пойти́ на поле́шню – ‘лечь спать’, знать пти́цу по полёту, схва́тывать на полёте, нема́ло слёз поли́ть, же́нский / мужской полк, как полме́ртвый (спать), с меня́ по́лно, в по́льном уме́, по́льная сирота́, по́льный ме́сяц, в по́льном положéнии, положи́ть на себя́ ру́ки, по́локом пла́кать – ‘громко, навзры́д плакать’, по́лохало огородне́е – ‘чучело’, ни слуха́, ни полслуха́, в полушубка́х – ‘с кожурой, в кожуре’, в по́льзу (быть), помалéшеньку-потихо́шеньку, попаси́ бог, попетля́ть языко́м, попи́ть го́ря, вре́мя попровожа́ть, хоть шаро́м попроката́и, попроме́ж себя́, с той пори́ны, на по́пробу, не по́мнить своей ду́ши, куда́ глаза́ (гла́зы) понесу́т, пооставля́ть следы́ и многие другие.

Примечательно, что компонентное варьирование отмечено и в сращении: *попада́ть впроро́к* – ‘оказываться в неловком, неприятном и т. п. положении, попадать впросак’ (*Ни таки́и умны́и го́лавы папада́ли фпраро́к* (Дн.).

Интересна замена компонента на антонимичный: *ру́ку положи́ть* на кого – ‘ударить кого-н.’ (*Мой сын никогда́ на меня́ руку не по́ложыт* (Дед.).

Примеры грамматического варьирования и расширения компонентного состава ФЕ единичны: *в положéниях* и *по по́льной по́лнице* (*Па по́льной по́лницы е́ли – абйэ́лись* (Себ.).

Наряду с общерусской ФЕ *выходи́ть из положéния* в материалах встретилось *вы́йти из плохого положéния*, что на первый взгляд может показаться расширением компонентного состава. Однако семантика этой ФЕ совсем иная – ‘преодолеть вредные привычки’.

А наряду с общерусским фразеологизмом *в положéнии* – ‘в состоянии беременности’ в псковских говорах встретилось омонимичное ‘кто-н. занимает значительное место в обществе’: *Муш ф палажэ́нии, харо́ший в ми́ня муж был* (Н-Рж.).

Любопытен фразеологизм *никуда́ по́палу* – аналог общерусских *куда́ ни по́падя* и *куда́ по́пало*: *Расписны́и са́нки, их никуда́ по́палу ни запряга́ють* (Печ.).

ФЕ *ничто́ попи́шешь* – прекрасная иллюстрация древнейшего непарного отрицания, сохранившегося в говорах.

Некоторые ФЕ трудно квалифицировать однозначно – либо как вариацию на тему общерусской единицы, либо как собственно диалектную. Например, фразеологизм *во все по́пры* с семантикой ‘очень быстро, энергично’ явно соотносится с общерусским *во весь дух*: *И туда́ сйэ́здиит ва фси́ папры́* (Кар.), *Я ло́фкая была́, ва фсе́ папры́ схажу́* (Беж.).

Таким образом, материалы выпусков ПОС, над которыми еще ведется работа, показывают, что в полном диалектном словаре представлено огромное

количество фразеологизмов – общерусских, собственно диалектных (которых существенно больше, чем общерусских) и промежуточных между ними, представляющих собой варианты общерусских ФЕ. Вариативность чаще всего реализуется в виде замены компонента, примеры грамматического варьирования и расширения состава фразеологизмов единичны.

Литература

1. Воробьева Л. Б. Лингвокультурный аспект региональной фразеологии // Язык и межкультурная коммуникация : материалы Международной научной конференции. – Псков, 2019. – С. 113–117.

2. Мокиенко В. М. Фразеология Т. Фенне в «Псковском областном словаре» (ретроспектива и перспектива) // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными») : в 2 ч. Ч. 2. – Псков, 2017. – С. 81–91.

Словари

3. ТСЖВЯ: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – СПб., 1863–1866.

4. Дополнение: Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – СПб., 1858.

5. Опыт: Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.

6. ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. – Л., 1967; Вып. 28. – СПб., 2020. Издание продолжается.

УДК 811.161.1

Воронцова Юлия Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Россия, Белгород

vorontsova73@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ

Аннотация. В статье рассматривается комментарий как основной инструмент коммуникативно-познавательной активности участников интернет-коммуникации; выявляется, что в комментариях фразеологические единицы являются коммуникативным, информационным, прагматическим средством интерактивного взаимодействия.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-комментарий, коммуникативное взаимодействие, фразеологическая единица, коммуникативно-прагматический подход.

Vorontsova Ju. A.

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor

The Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia

named after I. D. Putilin

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE INTERNET COMMENT

Abstract. *The article considers a comment as the main tool of communicative and cognitive activity of Internet communication participants; it is revealed that phraseological units in comments are a communicative, informational, and pragmatic means of interactive cooperation.*

Keywords: *Internet communication, Internet comment, communicative interaction, phraseological unit, communicative-pragmatic approach.*

Интернет-коммуникация стала доминирующей формой распространения и получения информации. Несмотря на возросший интерес к изучению интернет-коммуникации и описанию речевого поведения в виртуальной среде, в многочисленных научных исследованиях отсутствует единообразие в обозначении понятий в данной сфере. Для лингвистического и социокультурного изучения особенностей коммуникации в Интернете используются различная терминология, например, компьютерно-опосредованная коммуникация (Л. Ю. Щипицина, И. Н. Розина); электронное общение / коммуникация (Е. И. Горошко, Т. И. Рязанцева, Е. Н. Галичкина); виртуальная коммуникация (М. Б. Бергельсон, А. Ю. Мельникова); интернет-коммуникация (Е. И. Горошко); сетевая коммуникация (А. Е. Жичкина); компьютерный дискурс, сетевой дискурс, электронный дискурс, виртуальный дискурс, интернет-дискурс (А. Г. Аврамов, Е. Н. Галичкина, М. С. Доброва, Л. Ф. Компанцева, П. Е. Кондрашов, В. В. Леонтьев, О. В. Лутовинова, Л. Н. Моргун, Н. М. Строителей); интернет-общение (А. В. Куликова); интернет-взаимодействие (А. В. Курьянович) и др. Семантическая наполненность данных понятий определяется зависимостью анализируемых характеристик рассматриваемого лингвистического явления в интернет-коммуникации.

Основополагающие черты интернет-коммуникации как дискурсивного продукта определяют его признаки: устно-письменный характер общения; прагматическая нагруженность; смысловая многомерность; полифонизм (объединение различных типов дискурса и речевых практик); выражение модальности, эмотивности, субъективности при помощи языковых средств разных уровней, в том числе языка эмодзи; иллокутивность и др.

В условия информационного изобилия в контексте интернет-коммуникации комментарий стал основным инструментом коммуникативно-познавательной активности пользователей.

Интернет-комментарий формировался, развивался и реализовывался в коммуникационной среде различных форумов для обсуждения и обмена информацией в рамках новостных сайтов, интернет-сообществ и т. п. В настоящее время комментарий присутствует во всех типах интернет-коммуникации, он используется как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности либо эпатаже, так и в процессе анонимного взаимодействия пользователей, осуществляемом без возможности идентификации с реальным субъектом виртуальной коммуникации [Внебрачных 2012, с. 48].

Общение в коммуникационной среде представляется сложным и многоаспектным явлением, поэтому интернет-комментарий как специфический способ речевого поведения открывает новое поле исследования. В рамках интернет-дискурса комментарий чаще всего постулируется как своеобразная коммуникативная среда, имеющая текстовую структуру (М. С. Доброва, С. Ю. Имбер, С. Ф. Карпоян, О. Н. Морозова, И. В. Савельева, И. Г. Сидорова, И. Р. Танабаева, А. Н. Тепляшина и др.). Дискурсивные особенности интернет-коммуникации направили научный интерес в сторону сравнительного анализа интернет-комментария с сообщениями в интернет-блоге (А. В. Филиппова) и интернет-отзывами (Е. Ч. Дахалаева и др.). В рамках лингвоперсонологического подхода к интернет-комментариию эксплицируется субъективный характер особого типа языковой личности (И. В. Савельева, И. Г. Сидорова). Выделение различных типологий интернет-комментариев: комментарий как перекодирование информации, комментарий-интерпретация (Н. А. Кузьмина), аналитический комментарий, комментарий – эмоциональный отклик, ассоциативный комментарий, комментарий-сотворчество, смешанный комментарий (Л. Т. Касперова) – обосновывается зависимостью от темы, цели, содержания и других параметров сообщения.

А. Е. Жичкина (2004), В. А. Михайлов, С. В. Михайлов (2004), Л. Воборил (2008), Е. И. Горошко (2009), О. Н. Морозова (2010), Л. Ю. Шипицина (2008, 2010), Г. Н. Трофимова (2011), Е. Н. Галичкина (2012), Т. Н. Колокольцева (2012), М. О. Семенов (2013), Н. Г. Асмус (2015), А. В. Романтовский (2016), В. М. Кузьмина (2017), Д. А. Попова (2017), М. С. Доброва (2019), А. Н. Тепляшина (2020) и другие исследователи фокусируют внимание на различных качественных дискурсообразующих характеристиках интернет-комментария. В числе релевантных укажем следующие:

- возможность установления контакта с любыми пользователем сети, то есть отсутствие границ с точки зрения географических параметров;
- осуществление связи с помощью технического средства без прямого контакта, то есть разделенность в пространстве и во времени;
- оперативность обратной связи;
- способность информационно-коммуникационной системы активно и адекватно реагировать на действия пользователя (интерактивность), то есть общение в режиме реального времени;
- диалогичность, то есть «общение “на равных”, предоставление возможности живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия» [Хализев 2009, с. 27];
- синхронность общения;
- равноправие участников общения, то есть социально значимые признаки (возраст, образование, статус, профессия, внешность, национальность, фоновые знания, ценностный аспект общественного сознания и т. д.) не учитываются, что приводит к деформализации общения;
- сокращенная коммуникативная дистанция;
- неограниченное количество (множественность), эксплицированность (открытость/анонимность), мобильность (легкое вхождение в разговор, переключение с темы на тему и т. п.) коммуникантов и др.

Выделенные признаки определяют вербальное коммуникативное действие личности.

Интернет-комментарий характеризуется эмоциональностью и субъективностью, так как «обусловлен аффективными коммуникативными действиями частно-публичной языковой личности, которые выражаются в кооперативной и деструктивной стратегиях, направленных на самовыражение языковой личности и возможность выражения личной позиции человека как члена социального интернет-сообщества, формирующего общественное мнение» [Сидорова 2014, с. 179]. При этом «комментарий всегда зависит от предыдущего текста или другого комментария и может быть адресован как одному конкретному участнику обсуждения, так и всем пользователям» [Белова, Белов 2022, с. 48].

Очевидно, что появление новых форм коммуникативного взаимодействия влечет за собой описание особенностей функционирования языковых средств в виртуальной среде и становится одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований. В этой связи возникает необходимость изучения фразеологизмов в новом ракурсе, детерминированном спецификой интернет-коммуникации (В. Ф. Хайдарова (2009); Е. П. Карташова, А. А. Иерусалимская (2013); А. Г. Кротова (2016); А. Г. Кротова, Т. Н. Пермья-

кова (2017); М. С. Доброва (2017, 2018, 2019) и др.). Поэтому в данной статье сфокусируем свое внимание на особенностях употреблений фразеологизмов (в широком понимании) в интернет-комментарии с коммуникативно-прагматической позиции.

С помощью метода сплошной выборки иллюстративный материал был выделен нами из текстов, размещенных в комментариях к публикациям на различные темы в социальной сети Вконтакте. Орфография и пунктуация образцов текстов комментариев передаются без изменений.

К доминирующим конститутивным признакам фразеологизмов относятся информационная емкость, оценочность, образность, воспроизводимость, аксиологичность, способность создавать представления и вызывать ассоциации в сознании эталонной и стереотипной модели поведения, отражать концептуальную картину мира, интерпретировать события. Благодаря информативности, экспрессивности, репрезентированности фразеологизмы актуализируют смысловые и коммуникативные характеристики предмета речи во вновь создаваемом тексте. Эти свойства фразеологизмов служат «мощным стимулом для использования <...> в речи» [Третьякова 2010, с. 202], они делают фразеологизм «востребованным в условиях современной коммуникации» [Мещерякова 2022, с. 491].

Фразеологизмы «являются продуктом взаимодействия языка и мышления» [Мещерякова 2022, с. 491], поэтому созданное ими пространство в комментариях демонстрирует взаимодействие пользователей, основанное на общей языковой картине мира и традиции. Например,

Всего лишь коровы, которые пытаются пройти по заледеневшей дороге села. Небылое Владимирской области. Не удастся: несчастные животные скользят и падают (Mash/Мэш).

К: Кто-то захотел проверить смысл поговорки «Как корова на льду».

К: Шутка «как корова на льду» – в реале выглядит несмешно.

К: Коровы как коровы на льду!

К: выражение приобрело реальную картину.

К: Поэтому так и говорится, как коровы на льду!

«Муж просится обратно»: бывшая жена Романа Малькова снова троллит Анастасию Макееву (Салон красоты).

К: На чужом несчастье, свое счастье не построишь. Эта пословица не зря была сказана.

В Белгороде произошла удивительная криминальная история: 62-летний мужчина познакомился с дамой. Спустя какое-то время женщина узнала, что ее возлюбленный женат, а его супруга отбывает уголовное наказание. <...> Мужчина пошел в полицию и написал заявление о том, что любовница украла

у него золотые украшения. Но полицейские провели проверку и возбудили против мужчины дело за заведомо ложный донос. Теперь семья идеальная: жена-уголовница, муж-уголовник (Белгород STOG).

К: Хороша поговорка: муж и жена – одна сатана.

К: любовь зла...

Настя Ивлева встретила Новый год в Нью-Йорке. На днях на «Пятнице» завершилось реалити-шоу «Сердце Ивлевой». Победителем стал Алексей Зловедов, с которым у Насти в прошлом уже были отношения (Салон красоты). К: А че она на шоу не всех бывших позвала, а потом бы сказала, старый конь борозды не портит, но и глубоко не пашет.

Потратили на макияж картошки больше косметики, чем я на себя (Тайны женской красоты).

К: Наряди пень в ясный день и он красавцем будет

Берем на заметку как разделить тесто на равные части (Кулинарные хитрости).

К: Век живи! Век учись!

Все секретники по посеву петунии (Дачные советы).

К: Спасибо. Век живи век учись!

Программа «Андрей Малахов. Прямой эфир» закрывается. Андрей Малахов будет вести новое шоу «Малахов» (KP.RU – Комсомольская правда (официальная страница)).

К: Поменяют шило на мыло.

Павел Воля и Ляйсан Утяшева раскрыли секрет своего семейного счастья (Девчонки).

К: А мне, кажется, ругаются. Просто сор из избы не выносят и всё.

Губернатор сегодня в полночь и завтра в 6 утра поедет на стройку ковид-госпиталя под Белгородом, чтобы проверить ход работ. Губернатор считает, что подрядчики «имитируют активность» (Сайт Белгорода – Go31.ru).

К: Врачи то там будут? Или эти «потемкинские деревни» для очередного поста в Инстаграмме строят?

Как видно, в комментариях смысл иницирующего текста манифестирован фразеологическими элементами, которые передают во внутренней форме характерные черты описываемой ситуации.

В Белгородской области не будут утеплять многоквартирные дома при капитальном ремонте из-за недостаточного финансирования (Белгород STOG).

К: Где деньги, Зин?

К: У меня у сына в спальне сквозняк гуляет, денег нет, но вы держитесь?!

Путин поручил в январе 2023 года провести индексацию зарплат бюджетников (КР.RU – Комсомольская правда (официальная страница)).

К: А остальным?

К: Денег нет, но вы держитесь, хорошего вам настроения.

К: Денег нет.

К: ... но вы держитесь!

Топ-менеджер Сбера и бывшая чиновница похитили 50 миллионов рублей (КР.RU – Комсомольская правда (официальная страница)).

К: Бонни и Клайд могут позавидовать.

К: А наши вклады 1991 года, остальные «держитесь...».

К: Помните, бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Пресуппозиционные знания пользователей помогают дополнить комментарии необходимым семантическим компонентом, тем самым обеспечить наличие смысла и помочь определить его другим участникам коммуникации. В условиях оперирования языковыми средствами при отсутствии возможности долгого и тщательного оформления комментария к информации выбор образных средств осуществляется преимущественно в виде текстовых преобразований фразеологических единиц.

Для свадьбы Джигана и Оксаны Самойловой приготовили торт высотой 12 метров за миллион рублей. И чуть не уронили его на гостей (НТВ).

К: Пир во время чумы.

К: Торт за миллион?! Пир во время чумы! С жиру бесятся!

К: Пир во время чумы!!!

К: Пир во время чумы.

К: Мало того, что устроили пир во время чумы, так еще и приукрашивают.

В данном случае с помощью фразеологизмов участники интернет-общения выражают личное отношение к содержанию исходной информации, субъективную реакцию на высказывания других пользователей. Подобный виртуальный полилог имеет равностатусное общение, коммуникативный фокус сосредоточивается на предмете обсуждения, комментарии базируются на тактике сарказма по отношению к исходному сообщению и выражают согласие с предыдущими высказываниями, демонстрируют общую апперцепционную базу.

Белгородские чиновники будут отчитываться о заработанной криптовалюте (Белгород STOG).

К: Скажу так, все это Филькина грамота!!!

О проблеме в системе здравоохранения (КР.RU – Комсомольская правда (официальная страница)).

К: причина в людях и в русском авось.

В подобных случаях фразеологизмы используются как «типовые, стандартные средства для описания и оценки определенных событий, явлений, фактов, ситуаций современной действительности» [Караулов 1987, с. 241], актуализируют имплицитные текстовые смыслы, транслируют ценностные установки.

Финита ля комедия... Новый губернатор отправил в отставку белгородское правительство (Сайт Белгорода – Go31.ru).

К: Вы пытаетесь сделать новость из того, что является обязательным. Так что «Финита» еще не скоро...

Комментатор с помощью топикизации актуализирует информацию в тексте. В результате мотивированной трансформации фразеологизма «Финита ля комедия» акцентируется интенциональность комментария, создается его логико-смысловое направление.

О введении новых ограничений из-за коронавируса (Честный список Белгород).

К: Автобус – это Ноев Ковчег, такой же как и церковь, школа, больница.

К: А торговый центр – это ящик Пандоры.

Прошла почти неделя, а о кассирше Анне Григорьевой, ограбившей банк на почти 23 миллиона рублей, ни слуху, ни духу (КР.RU – Комсомольская правда (официальная страница)).

К: Ни слуху ни духу, ни кола ни двора, ни рыба ни мясо.

К: Концы в воду видимо.

Фразеологизмы являются средством конструирования информации. Комментаторы с помощью фразеологизмов не только поддерживают общее семантическое пространство обсуждаемого текста, но и определяют направление последующих реакций, основанных на ментальных стереотипах.

Почему женщины терпят домашнее насилие? (Белгород – Билайн).

К: Насильно мил не будешь.

К: Девушкам нравится ощущать себя «как за каменной стеной».

К: Увы, чаще эта «стена» их и придавливает.

К: Не все люди одинаковые, кому-то каменная стена не нужна.

Присутствие в комментариях фразеологизмов демонстрирует включенность в тематическую направленность иницирующего текста, то есть речевые действия комментаторов скоординированы в семантической зоне, которая актуальна для исходного сообщения. Фразеологические аллюзии «стена», «каменная стена» перекликаются с исходным вариантом «как за каменной стеной», в результате коммуникативное взаимодействие приобретает «ветвящийся характер <...>, когда комментарий исходного текста становится авторством для дру-

гого читателя» [Ермоленкина 2021, с. 30]. Знание значения фразеологизма обусловливает ценностно-смысловой вектор взаимодействия комментаторов.

О незаконной приватизации квартиры высокопоставленным чиновником Белгородской области, после разбирательства квартира возвращена в собственность городу (БЭИ Белгород – это интересно).

К: Ложечки нашли, а осадочек остался.

К: Молодец, что расшевелил это змеиное гнездо.

К: Давайте начинать с малого, а дальше ниточка клубочек выведет.

К: Поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Но лучше поздно чем никогда!

К: Хороший адвокат..., а закон – что дышло, куда повернешь, то и вышло.

К: Ворон ворону глаз не выклюет.

К: Итальянский фильм «Спрут» все помнят?

К: Замнут, если еще не замяли дело. Ворон ворону глаз не выклюет.

К: Вор должен сидеть в тюрьме («Место встречи изменить нельзя»).

К: Беги, Форест-разоблачитель, беги.

К: Давно пора, молодец теперь бы не спустили это дело на тормоза.

К: Рыба гниет с головы... .

Конфигурация фразеологизмов в акте коммуникации определяет позицию коммуниканта и детерминирует речевое поведение других пользователей. Доминантная роль в создании тематического единства в развитии обсуждаемой информации отводится авторам комментариев, которые реализуют установку на фатический план общения, что способствует объединению фразеологизмов в целостное коммуникативное пространство. В результате интерпретации фразеологизмов происходит семантическое расширение содержания иницирующего текста.

Таким образом, принцип организации коммуникационного процесса в интернет-комментарии «заключается в том, что информация (редакторский пост, новость) “пропускается” через фильтр мнений, оценок, интерпретаций» [Ермоленкина 2021, с. 30].

Фразеологизмы реализуют контактоустанавливающую, эмотивную, оценочную, прагматическую и другие возможности интернет-комментария, они позволяют выразить мнение относительно чего-либо, эмоционально реагировать, дать оценку информации, интерпретировать события, проявить инициативу в обсуждении.

Присутствие фразеологизмов в интернет-комментариях обусловлено денотатной сферой номинации. Константные и трансформированные фразеологизмы в интернет-комментарии формируют полноценное семантическое про-

странство, в котором присутствуют временные, событийные, культурные, оценочные, характеристики информации. Структурно-семантическая модификация фразеологизмов объективирует реалии, а фоновые знания и феномен прецедентности обеспечивают опознание их исходного варианта.

Фразеологизм как самостоятельная и значимая смысловая единица текста играет большую роль в осуществлении дискурсивных стратегий в интернет-комментарии. Воспроизводимость, модальный смысл, прагматическая и информационная емкость, способность «своим денотативно-сигнификативным и коннотативным содержанием покрывать определенные участки концептуальной картины мира» [Мелерович, Мокиенко 2011, с. 167] не только делают фразеологизмы оптимальным способом выражения мнения, оценки в интернет-комментарии, но и генерируют его основные дискурсивные характеристики.

Литература

1. Белова В. М., Белов В. А. Прагматические функции дискурсивных слов в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 474. – С. 46–57.

2. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2012. – № 1. – С. 48–51.

3. Ермоленкина Л. И. Механизмы дискурсивного воздействия в коммуникативном пространстве конвергентного радио // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 25–33.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987.

5. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология: (семантика – структура – текст) / КГУ им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2011. – 455 с.

6. Мещерякова О. А. Репрезентативный потенциал фразеологизма в коммуникации // Когнитивные исследования языка. – 2022. – Вып. 2(49). – С. 490–493.

7. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014.

8. Третьякова И. Ю. Фразеологическая образность и особенности её окказионального преобразования // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2010. – № 3. – С. 202–206.

9. Хализев В. Е. Теория литературы. – М. : Академия, 2009.

УДК 81.161; 800.7; 81'373.161; 81'374

Гордиенко Ольга Антоновна

кандидат педагогических наук, доцент

Кубанский государственный технологический университет

Россия, Краснодар

gordienko-olga@yandex.ru

Юсупова Юлия Шерзодовна

Кубанский государственный технологический университет

Узбекистан

yusupova.kubstu@mail.ru

Аль-Идриси Мохаммед Салех Абдуллах Халед

Кубанский государственный технологический университет

Йемен

mohammed734488@mail.ru

ОБЩЕНАУЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК КОНТЕНТ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМАТЕ ХАКАТОНА

Работа выполнена при финансовой поддержке в форме субсидии Министерства просвещения Российской Федерации № 073-15-2022-1225 по гранту: «Разработка кейс-проектов и проведение хакатонов в целях популяризации русского языка в рамках межнационального взаимодействия молодёжных рабочих групп с применением технологий компьютерного когнитивного моделирования и искусственного интеллекта».

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы содержания лингвистического контента для игрового внеаудиторного обучения русскому языку как неродному иностранных студентов, обучающихся в инженерных вузах. Представлен контент заданий по словообразованию и анализу текстов научного стиля, содержащих однокоренные слова. Предлагается формат хакатона как лингводидактического средства продвижения русского языка с использованием информационно-коммуникационных технологий обучения. Делается вывод о возможности последовательного введения лингвистического материала в серии командных игровых заданий, проходящих в формате лингводидактического дискурса.*

***Ключевые слова:** общенаучная лексика, подъязыки физики и математики, лингводидактический дискурс, словообразование, текстообразование, контент для игровых заданий.*

Gordienko O. A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Kuban State Technological University

Yusupova Yu. Sh.

Kuban State Technological University

Al-Idrisi M.

Kuban State Technological University

GENERAL SCIENTIFIC VOCABULARY AS THE CONTENT OF LINGUODIDACTIC DISCOURSE IN HACKATHON FORMAT

Abstract. *The article considers the issues of linguistic content content for the game extracurricular teaching of Russian as a non-native language to foreign students studying at engineering universities. The content of tasks on word formation and analysis of scientific-style texts containing single-root words is presented. The hackathon format is proposed as a linguodidactic means of promoting the Russian language using information and communication technologies of learning. The conclusion is made about the possibility of sequential introduction of linguistic material in a series of team game tasks taking place in the format of a linguodidactic discourse. The work was carried out with the grant support of the Ministry of Education of the Russian Federation.*

Keywords: *vocabulary of sublanguages of mathematics and physics, word formation, Russian as a non-native language, discourse, hackathon, game activity, linguodidactics.*

Многонациональный студенческий контингент активно осваивает учебную и научную сферы дискурса на аудиторных и на внеаудиторных занятиях. Если аудиторные занятия при изучении иностранных языков, в том числе и русского как неродного, предполагают выполнение языковых, предречевых и речевых упражнений, то задачи внеаудиторных занятий – развитие публичной речи в ходе делового командного взаимодействия, где каждый участник выполняет свою роль в командной игре и его выступление засчитывается в командный зачёт.

В современном цифровом обществе обучение ориентируется на совместную сетевую деятельность, поэтому в цифровых сетях современные студенты избирают партнёрство как статус обучения. Такое взаимодействие может проходить в виртуальной образовательной среде в формате митапа, хакатона и других современных форм коллективного делового и научного общения [Азимов, Низовая, Аркабаева 2015; Гаирбекова 2021; Шапошникова, Гордиенко 2020; Шапошникова и др. 2022]. Для преподавания русского языка иностранным студентам подходит любой формат дискурса, позволяющий мотивировать обучающегося к свободному выражению своих идей и предложений на иностранном языке при желании играющих понять и обсудить эти сообщения.

Например, митап предполагает обсуждение определённой проблемы в неформальной обстановке в формате «свободного микрофона», когда высказать своё суждение может любой участник. Хакатон предполагает ограничение во времени проведения, жёсткие командные рамки, использование принципа соревнования и установку на результат.

Нами был избран хакатон в целях создания учебных материалов для компьютеризированного обучения русскому языку как неродному [Шапошникова и др. 2022]. Для этого были подобраны темы, разработано их лингвистическое наполнение – учебный контент, который надо было перевести в игровой фор-

мат, использовать одну из предложенных технологий компьютерного когнитивного моделирования, чтобы обучить теме другую команду. Поэтому наше исследование носило лингводидактическую направленность.

В данной публикации мы рассматриваем только одну, лингвистическую часть нашего исследования, проведённого по гранту Министерства просвещения на тему: «Разработка кейс-проектов и проведение хакатонов в целях популяризации русского языка в рамках межнационального взаимодействия молодёжных рабочих групп с применением технологий компьютерного когнитивного моделирования и искусственного интеллекта».

Команды играли парами, условно разделившись на команду учителей и команду учеников. Каждый блок заданий обеих команд был тематически единым, а задания – приблизительно одинаковыми по объёму и по времени выполнения, что позволяло выравнять время подготовки учебных материалов соревнующимися командами. Студенты инженерного вуза, хорошо знающие информатику и уже принимавшие участие в хакатонах, обрабатывали лингвистический контент и предлагали наиболее подходящие, по их мнению, варианты его представления на основе информационно-коммуникационных технологий, заданных создателями сайта. Для пользователей был заложен матричный способ выполнения игровых заданий, принцип дополненной реальности и искусственного интеллекта¹.

В качестве общенаучной лексики, послужившей контентом, была использована лексика подъязыков математики и физики (в основном терминологические слова), то есть лексика тех предметов, которые изучаются всеми студентами из ближнего зарубежья в любом техническом вузе на первом-втором курсах.

Задания располагались в направлении увеличения сложности. Первый этап был посвящён тому, чтобы иностранцы-нефилологи вспомнили части речи. Для этого в качестве комментария предлагалась специальная таблица для определения частей речи. На её основе следовало указать, к каким частям речи относятся предложенные однокоренные слова, входящие в лексическую систему подъязыков физики и математики.

Например: *решить* (глагол), *решение* (существительное), *решая* (деепричастие).

При помощи курсора рядом со словом надо было поставить соответствующее название части речи, заключённое в скобки: (сущ.), (прилаг.), (числит.), (глагол.), (нареч.), (дееприч.). Пример выполнения: *решить* (глагол.) – *решение* (сущ.) – *решая* (дееприч.).

¹ С материалами сайта можно познакомиться по ссылке: <http://hakaton.active-test.tech/dashboard>

Предлагался список слов, которые надо было внести в таблицу (табл. 1):

- 1) *длина, длинный, удлинить, удлинение, удлиняя;*
- 2) *отрицание, отрицательный, отрицательно, отрицать, отрицая;*
- 3) *один, одинаковый, одинаково, одинаковость, единственный;*
- 4) *известный, известно, общеизвестный, известие, известность;*
- 5) *числитель, вычислить, вычислять, вычисление, вычисляя.*

Полученный ответ проверялся машинным способом.

Т а б л и ц а 1

Лингвистический контент для машинной проверки задания
на определение частей речи

1	длина (сущ.)	длинный (прил.)	удлинить (глагол.)	удлинение (сущ.)	удлиняя (дееприч.)
2	отрицание (сущ.)	отрицательный (прил.)	отрицательно (нареч.)	отрицать (глагол.)	отрицая (дееприч.)
3	один (числит.)	одинаковый (прил.)	одинаково (нареч.)	одинаковость (сущ.)	единственный (прил.)
4	известный (прил.)	известно (нареч.)	общеизвестный (прил.)	известие (сущ.)	известность (сущ.)
5	числитель (сущ.)	вычислить (глагол.)	вычислять (глагол.)	вычисление (сущ.)	вычисляя (дееприч.)

На следующем этапе вводился морфемный анализ слова и повторение простейших словообразовательных элементов. Например, предлагалось вспомнить значение приставки *без-/бес-*, указывающей на отсутствие чего-либо, и выполнить задание, построенное на материалах терминологической лексики математики, используя навык определения части речи.

Задание. Постройте лексическую последовательность по типу:

успех – без-успеш-н-ый – безуспешн-о (существительное – прилагательное – наречие).

Используйте производные имена прилагательные с приставкой *без-/бес-*:

безграничный, безразличный, безразмерный, безусловный, бесконечный, бесспорный, также используйте производящие имена существительные: *граница, различие, размер, условие, конец, спор* и производные наречия: *безгранично, безразлично, безразмерно, безусловно, бесконечно, бесспорно*.

На экранах мониторов была представлена таблица, в которой при помощи курсора надо было перемещать слова внутри колонок и между ними (табл. 2).

Лингвистический контент для анализа производной лексики

Имя существительное	Имя прилагательное	Наречие
1) <i>размер</i>	<i>бесспорный</i>	<i>безгранично</i>
2) <i>конец</i>	<i>безразмерный</i>	<i>безразлично</i>
3) <i>спор</i>	<i>бесконечный</i>	<i>безусловно</i>
4) <i>различие</i>	<i>безграничный</i>	<i>бесконечно</i>
5) <i>условие</i>	<i>безразличный</i>	<i>бесспорно</i>
6) <i>граница</i>	<i>безусловный</i>	<i>безразмерно</i>

Полученный ответ проверялся машинным способом:

- 1) *размер* – *безразмерный* – *безразмерно*
- 2) *конец* – *бесконечный* – *бесконечно*
- 3) *спор* – *бесспорный* – *бесспорно*
- 4) *различие* – *безразличный* – *безразлично*
- 5) *условие* – *безусловный* – *безусловно*
- 6) *граница* – *безграничный* – *безгранично*

Следующий этап был посвящён нахождению однокоренных слов в тексте (корневого повтора, используемого для создания связности и цельности текста). Требовалось найти в предложениях однокоренные слова, выписать их в начальной форме, определить часть речи, указать сложные слова, использовать сокращённые варианты названий частей речи: (сущ.), (прилаг.), (сложн. Сущ.), (сложн. Прилаг.). Например: Механика изучает механическое движение. *Механика* (сущ.), *механический* (прилаг.).

Предлагались для анализа следующие предложения, взятые из учебников по физике для первого курса, которые объединены задачей авторов вводить физическое понятие через терминированное слово с использованием грамматической конструкции «что называется (называют) чем».

1. Процесс распространения колебаний в среде называют волновым движением или волнами.
2. Полимеры имеют плохую теплопроводность и электропроводность.
3. Коэффициенты линейного и объёмного расширения очень малы, а изменение объёма тел при нагревании часто невелико.
4. Известно, что действие одного тела на другое всегда вызывает противодействие этого тела.
5. Изменение формы или размеров тела под действием другого тела называется деформацией.
6. Количество теплоты, получаемое от 1 кг топлива при полном его сгорании, называется теплотворностью топлива (или удельной теплотой сгорания топлива).

7. К внутренней энергии тела относится энергия межатомной связи в молекулах, внутриатомная энергия и др.

8. Угловой скоростью равномерного движения точки по окружности называют отношение угла поворота радиуса-вектора к промежутку времени, за который произошёл этот поворот.

Полученный ответ проверялся машинным способом:

1. *Волновой* (прил.) – *волны* (сущ.).
2. *Теплопроводность* (сложн. сущ.) – *электропроводность* (сложн. сущ.).
3. *Объёмный* (прил.) – *объём* (сущ.).
4. *Действие* (сущ.) – *противодействие* (сложн. сущ.).
5. *Форма* (сущ.) – *деформация* (сущ.).
6. *Теплота* (сущ.) – *теплотворность* (сложн. сущ.).
7. *Межатомный* (прил.) – *внутриатомный* (прил.).

Данные задания являются первым этапом в переходе к работе с микро-текстами научного стиля и анализу текстовых словообразовательных гнезд, разворачивающихся в научном тексте, в том числе и с использованием моделей введения грамматических конструкций [Гордиенко 1990, 2021; Доронина 1999; Трубникова 2012].

Задания и пример выполнения. Выяснить путём наблюдения способ организации слов в словообразовательном гнезде с глаголом в качестве исходного слова. Расставить предложенные слова в нужной последовательности. Пользуйтесь алфавитом.

Образец словообразовательного гнезда (запись дана по графическим принципам, принятым в словообразовательном словаре А. Н. Тихонова) [ССРЯ].

Хватать

хватить

вы-хватить

| *выхват-ыва-ть*

о-хватить

| *охват-ыва-ть*

| *охват*

об-хватить

| *обхват-ыва-ть*

| *обхват*

под-хватить

подхват-ыва-ть

подхват

Далее предлагался лингвистический материал для анализа структуры словообразовательного гнезда с глаголом в качестве исходного слова в виде начала словообразовательного гнезда, которое нужно было продолжить, используя предложенную ниже лексику.

Ходить
в-ходить
 | *вход*
вос-ходить
восход

Лексика для размещения в словообразовательном гнезде:

вс-ходить, про-ходить, ходить, у-ходить, вы-ходить, пере-ходить, по-ходить, под-ходить, до-ходить, за-ходить, восход, выход, в-ходить, доход, заход, вход, ис-ходить, об-ходить, от-ходить, при-ходить, исход, переход, проход, уход, поход, вос-ходить, обход, отход, подход, восход, приход.

Т а б л и ц а 3

Материалы для электронной проверки выполненного задания по объединению лексики в словообразовательное гнездо

<i>ходить</i>	<i>вс-ходить</i>	<i>за-ходить</i>	<i>от-ходить</i>	<i>под-ходить</i>
<i>в-ходить</i>	<i>всход</i>	<i>заход</i>	<i>отход</i>	<i>подход</i>
<i>вход</i>	<i>вы-ходить</i>	<i>ис-ходить</i>	<i>пере-ходить</i>	<i>при-ходить</i>
<i>вос-ходить</i>	<i>выход</i>	<i>исход</i>	<i>переход</i>	<i>приход</i>
<i>восход</i>	<i>до-ходить</i>	<i>об-ходить</i>	<i>по-ходить</i>	<i>про-ходить</i>
	<i>доход</i>	<i>обход</i>	<i>поход</i>	<i>проход</i>
				<i>у-ходить</i>
				<i>уход</i>

Наблюдения за структурами русских словообразовательных гнёзд помогут иностранным студентам проанализировать наполнение лексических полей общенаучной лексикой, познакомиться со структурными особенностями её образования, проявленными на уровне словообразования. Последнее поможет при дальнейшем обучении на материале дискурса научной речи соблюдать законы цельности и связности текста, проявленные в тексте на уровне корневых повторов, поможет увеличить уровень порождения текста на 75 %, что было нами экспериментально доказано ранее [Гордиенко 1990, 2021].

Таким образом, общенаучная лексика, представленная системой заданий по словообразованию и текстообразованию и предназначенная для обучения русскому языку как неродному, может быть использована в качестве контента для формата геймификации (игрового уровня обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий лингводидактики). При этом можно предлагать играющим для разработки русскую фразеологию, отдельные

темы, представляющие сложность для студентов из ближнего зарубежья, например: различение семантики наречий (*снова – заново* и др.), различение значения частиц (*-то, -либо, -нибудь, кое-* и др.) и пр. тематику, представленную в разделе «Хакатон» на сайте Кубанского государственного технологического университета¹.

Литература

1. Азимов А. Г., Низовая И. Ю., Аркабаева Г. С. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании РКИ: от тренировочных упражнений к виртуальной образовательной среде // Методика преподавания РКИ: традиции и современность : сб. материалов науч.-практ. конф. (к 40-летию кафедры преподавания РКИ). – М. : Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 5–9.

2. Гаирбекова П. И. Актуальные проблемы цифровизации образования в России // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 2. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30673> (дата обращения: 10.01.2023).

3. Гордиенко О. А. Обучение корневым повторам на основе словообразовательных гнёзд как средству понимания и порождения специального текста (на материале подъязыка физики) : автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.02 / Ленинградский гос. ун-т. – Л., 1990. – 15 с.

4. Гордиенко О. А. Отражение деривационной текстовой организации русского научного текста в гнездовом словообразовательном словаре по физике для иностранных студентов // Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А. Н. Тихонова. – Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2021. – С. 24–27.

5. Доронина Н. И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка: На материале деривационно-ассоциативного эксперимента : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1999. – 23 с.

6. Трубникова Ю. В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2012. – 39 с.

7. Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А. Место электронных образовательных ресурсов в цифровизации преподавания русского языка как иностранного студентам инженерных вузов // Шатиловские чтения: цифровизация иноязычного образования : сб. науч. тр. – СПб., 2020. – С. 436–442.

8. Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Вязанкова В. В., Глухенький И. Ю. Практика использования хакатонов в преподавании русского языка

¹ См.: <http://hakaton.active-test.tech/dashboard>

как неродного // Общество, социология, психология, педагогика. – 2022. – № 10 (102). – С. 163–169.

Словари и справочники

9. ССРЯ: Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. – М. : Русский язык, 1985.

УДК 81'373

Гришанова Валентина Никитична

кандидат филологических наук, доцент

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Россия, Орел

grishanowav@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ В ГОВОРЕ ОДНОГО СЕЛА

Аннотация. В статье рассматривается семантика, коннотация, пути возникновения фразеологических единиц с компонентом–именем собственным, причины употребления антропонимов в составе фразеологизмов, а также сложность выделения ФЕ в речи носителей говора; приводятся примеры живой диалектной речи.

Ключевые слова: фразеологическая единица, антропоним, семантика, коннотация, диалектная речь.

Grishanova V. N.

Candidate of Philological Sciences, associate professor

Orel State University named after I. S. Turgenev

PHRASEOLOGICAL ITEMS WITH ANANTHROPONYM COMPONENT IN THE COUNTRY DIALECT

Abstract. The article deals with semantics, connotation, the origin of phraseological items with a personal name formations, reasons for using anthroponyms in phraseological items, difficulties of phraseological items identification in the speech of dialect speakers; the author gives some examples of living dialect speech.

Keywords: phraseological item, anthroponym, semantics, connotation, dialect speech.

В русском языке нередко встречаются фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом – именем собственным, антропонимом. В свободном употреблении антропоним служит для выделения объекта номинации среди других объектов; индивидуализируя и идентифицируя его, он номинирует объект, не

приписывая ему никаких свойств, но ФЕ с таким компонентом очень часто имеет определённую коннотацию, выступает как яркая оценочная номинация. Вполне естественно, что ФЕ такого типа привлекают внимание исследователей, примером тому могут служить два весьма примечательных издания М. Л. Ковшовой [Ковшова 2019а, 2019б].

Встречаются такие единицы и в русских говорах, в частности орловских. Очень часто эти ФЕ связаны с обозначением христианских понятий: названиями религиозных праздников, дней поминовения святых и под. [Зубова, Костромичёва 2006]. Однако в качестве компонентов диалектных ФЕ выступают и имена собственные, употребляющиеся в бытовом общении. В Словаре орловских говоров зафиксировано не очень много таких ФЕ, реально в говорах их гораздо больше: словарь не может отразить все диалектные явления, поскольку в естественной речи бывает сложно определить фразеологичность словосочетания. Связано это с устной формой существования диалектной ФЕ, с влиянием экстралингвистических факторов, с предельной свернутостью контекста (контекстом для коммуникантов выступает внеязыковая ситуация, так как именно она зачастую определяет употребление ФЕ в диалектной речи), с фоновыми знаниями, не известными собирателю языкового материала и т. д.

Обращение к говору одного села (в данном случае села Борилово Болховского района Орловской области) позволяет расширить представление о таком языковом материале, недаром Н. И. Толстой, описывая культурологическую «лестницу», выделял в ней такую ступеньку, как «микродиалект (культура одного села, небольшого социума)» [Толстой 1995, с. 19]. Описания такого рода увеличивают исследовательскую базу: одни детали, совпадая с уже известными, увеличивают ареал какого-то явления, другие оказываются своеобразными, порой оригинальными и позволяют расширить и углубить его понимание.

Диалектная речь обладает большей степенью фразеологичности, чем литературная, потому что современные носители говоров владеют и литературной формой национального языка (следовательно, и его фразеологией), и диалектной речью, отличающейся яркой образностью и выразительностью, в формировании которых заметную роль играют диалектные фразеологические единицы.

В говоре села Борилово нами отмечено более десяти фразеологизмов с компонентом-антропонимом, что не так уж мало для микроговора. Заметим, что относительно большое количество таких единиц составляет одну из особенностей диалектной фразеологии.

Причины употребления антропонимов в составе ФЕ могут быть разными. Первую группу составляют фразеологизмы, которые формируются на базе свободных словосочетаний, где имя собственное этимологически принадлежит конкретному человеку: *балда́ Ма́шина, как Хи́ма по сара́ю, (как) Фи́ля Фи́ла́тов, (как) на Мала́ньину сва́дьбу, Ива́н Ива́ныча пиджа́к*. Это единицы ло-

кального характера, употребляющиеся представителями именно этого микро-социума.

ФЕ (*как*) на *Маланьину свадьбу* имеет значение ‘очень много (о количестве приготовленной еды)’: *Ух ты, на пять чилавек, а наготовила, как на Маланьину свадьбу. / Да там еды на Маланьину свадьбу.* Значение фразеологизма имеет некоторую негативную эмоциональную окраску – лёгкое осуждение, так как это не просто много, а излишне, неразумно, нерасчётливо много. Видимо, когда-то, отдавая Маланью замуж, родители перестарались с угощением, что вызвало осуждение у селян: для крестьянина неразумность трат, излишество – качества отрицательные.

ФЕ *балда Машина* имеет значение ‘о человеке, совершающем необдуманные, глупые поступки’. *О! балда Машина, што и ты делаешь! Ай ни видишь, куды прёсси?* Но устойчивое сочетание имеет довольно широкий спектр относительно близких значений, объединенных отрицательной оценкой и окраской укоризны или сожаления. ФЕ употребляется по отношению к человеку не очень сообразительному, умному: *Какой раз объясняю, што тут нипанятнава, балда Машина, думай;* – по отношению к неумелому человеку: женщина уронила и разбила чашку, свекровь: *Балда Машина, руками держать надо!*; – по отношению к человеку, совершившему необдуманный поступок: *А ана, балда Машина, вазьмиды и расскажы ему, хто и за язык тинул.* Наличие в составе ФЕ женского имени не препятствует употреблению фразеологизма по отношению к лицу мужского пола: *Эх ты, балда Машина, што и ты ни сабразил, как зделать, тилегу ни видел?*

Как Хима по сараю – ‘без дела, неприкаянно’. *Ну што ты бродишь как Хима по сараю, ай заняцца нечим.* Происхождение фразеологизма явно связано с конкретной ситуацией.

(*Как*) *Филя Филатов* – ‘нелепо выглядящий, перепачканный, в рванье’. Бабушка – внуку, игравшему в индейцев: *Филя Филатов, иде и ты был, што и ты делал!* Женщина – мужу, надевшему старые рваные брюки и телогрейку, чтобы вывозить на огород навоз: *Ну, нарядилси. Как Филя Филатов.*

Устойчивые выражения с компонентом-именем собственным употребляются в речи, хотя никто не помнит, кто такие Маша, Меланья, Серафима, и только один информант 1938 года рождения пояснил, кто такой Филя Филатов. Этот молодой мужчина (умер в пятидесятые годы) могучего телосложения с интеллектом ребёнка был уроженцем соседней деревни, но большею частью слонялся по Борилово. Родных он не имел. Был безобиден, неприхотлив, очень силён, и его часто приглашали помочь выполнить разного рода работу, обычно тяжелую или грязную. За это кормили, давали старую одежду, которая всегда была ему мала, поэтому ходил он в рванье не по росту. Его не обижали, относились с известной долей жалости и сочувствия. Примечательно, что это отно-

шение сохранилось в коннотации фразеологизма: он произносится снисходительно или с лёгкой иронией, но никогда – со злобой или осуждением. Фразеологизм как узелок народной памяти сохранил в коннотации отношение к человеку, которого практически уже никто не помнит, – память языка оказалась сильнее памяти людей. Эмоциональная окраска обычного сравнительного оборота закрепляется в ФЕ, в которую этот оборот со временем превращается.

Сбор диалектного фразеологического материала представляет особую сложность, поскольку крайне трудно, практически невозможно получить фразеологизм в ответ на прямые вопросы, если задавать их информанту. Диалектный фразеологизм можно «поймать» в спонтанной речи и лишь после этого что-то выяснить, уточнить о его семантике, сфере употребления, окраске и т. п. Показателен следующий эпизод. Во время обеда мужчина (1942 года рождения) зачерпнул суп и, увидев на ложке довольно длинный и широкий кусок затолочки, тут же среагировал: «*Во! Иван Иванча пинжак*». *Затолочка* – ‘толчёное мясо для заправки первого блюда’. Кусок мяса (обычно небольшой), на котором приготовлен бульон, вытаскивают, толкут, разделяя на волокна, а затем опускают в приготовленное первое блюдо и размешивают в нём – в каждой тарелке при разливании оказывается небольшое количество мяса. На вопрос, почему это *Иван Иванча пиджак*, информант пояснил: «*Ну, вот ешь што-нибудь, вытащил большое, што тянитца, вот и гаварили: Иван Иванча пинжак. Ну, там вот мяса или кусок листа капустава ниразрезанный*». В последующей беседе выяснилось, что выражение это было широко употребляемо в 50-е годы двадцатого века, «*а теперь* (в 80-е годы) *уже так и ни гаварят*». В ответ на реплику: «Но вот Вы-то сказали» – последовал ответ: «Ды как-то само собой вырвалось». Судя по всему, предыдущее общение, связанное с разговорами о языке, активизировало языковую память человека, и он, как в детстве, спонтанно отреагировал на возникшую ситуацию.

В этом эпизоде отразилась важная особенность диалектной фразеологии – относительно быстрая её изменяемость. Возникновение фразеологизма в пределах узкого социума зачастую связано с известной всем яркой ситуацией, название которой получают другие ситуации, чем-то похожие, или с предметом, связанным с такой ситуацией, название которого в результате метафорического переноса получают другие предметы. Ситуация забывается – фразеологизм уходит из употребления. Хотя происходит это не всегда. Примером тому могут служить другие ФЕ с компонентом– именем собственным.

Вторую группу составляют фразеологизмы, появившиеся в говоре в результате редукции поговорки или присловия, в которых имя собственное чаще всего возникает как элемент ритмизации в результате совпадения звучания частей слов, порождающего своеобразную внутреннюю рифму: *не пора ли, Пантелей, постыдиться людей; квас Селиван, семь раз наливан; хороша Маша, да не*

наша; Федот, да не тот; нашей Кате всё кстати; бог не Микитка, он всё видит. Впрочем, и речения такого рода, как известно, некоторые лингвисты относят к фразеологии.

Фразеологическая единица с компонентом-антропонимом формируется в говоре зачастую на основе такого устойчивого комплекса. Так, выражение *не пора ли, Пантелей, постыдиться людей* чаще всего употребляется как обращение к долго спящему человеку независимо от его пола: *Ни пара ли, Пантелей, постыдитца людей, десятый час уже, добрые люди абедавать сабираютца.* Поговорка редуцируется в сокращенный вариант, превращаясь в ФЕ, и получает значение ‘давно пора сделать (что-либо)’. Внук обещал бабушке помочь, но “завис” в интернете. Бабушка: «*Не пора ли, Пантелей?*» Заметим, что человек, незнакомый с функционирующей в говоре поговоркой, вопрос не воспринимает как фразеологизм: студентка, находившаяся в селе на диалектологической практике, удивилась: «Какое древнее имя у мальчика». Между тем мальчишка не отрывается от компьютера и бабушка, потеряв терпение, уже не намекает ему с помощью фразеологизма, а раздраженно бросает: «*Саш, скока раз заварить!*» – чем окончательно приводит студентку в недоумение. «*Апять лужа в сарае паслядажжа, крыша худая,* – тирада тёщи обращена к зятю, который делает вид, что это его не касается, и она выдаёт раздражённо: *Ни пара ли, Пантелей?!*»

Точно так же превращается во ФЕ в результате редукции присловие *квас Селиван, семь раз наливан.* Оно употребляется, когда речь идёт о квасе, который приготовлен не по правилам, а наспех: в гущу, оставшуюся от слитого кваса, просто добавлена вода. В результате редукции возникает фразеологизм *квас Селиван* со значением ‘напиток плохого качества’, употребляющийся по отношению не только к квасу: *То ли жадная, то ли иканомная. Чай никада ни заварить, придешь – а у ней квас Силиван./ Мань, ай заварки нету? У чайнике квас Силиван.*

Фразеологическая единица *бог не Микитка* употребляется в значении ‘когда-нибудь придётся ответить за содеянное или сказанное’. *Ох, Нюшка, ни пажылей патом, бог ни Микитка.* Фразеологизм представляет собой редукцию бытующего в селе выражения *бог не Микитка, он всё видит.*

Получать обобщенно-переносное значение, то есть фразеологизироваться, могут устойчивые выражения и без редукции. Так, присловие *нашей Кате всё кстати* употребляется в значении ‘всё пригодится (обычно о том, что достаётся даром)’. – *Агурцов пропасть, ни знаю, куда дивать. Вам ни нада? – У, давай, нашей Кате всё кстати.*

При наличии имени человека в выражении бывает довольно сложно уловить его фразеологический характер, особенно не зная широкого ситуативного контекста. На скамейке сидят мужчины, к соседнему дому подъезжает иномарка,

из которой выходит молодая женщина – задумчивый голос: «*Да-а, хороша Ма-ша...*». Человек, не посвященный в ситуацию, считает, что это реакция на появление женщины, между тем словосочетание *хороша Маша* употреблено не в прямом, а в переносном значении и выражает оценку не человека или каких-либо его качеств, а оценку предмета (иномарки), представляет собой редукцию выражения *хороша Маша, да не наша*. Точно так же для оценки неодушевленных предметов, но только отрицательной, употребляется выражение *Федот, да не тот*.

Обращение к говору только одного села сужает круг рассматриваемого материала, что, с одной стороны, ограничивает возможность обобщений, но, с другой стороны, всё же позволяет предположить, что в одном говоре отражены общие особенности функционирования диалектных фразеологических единиц.

Литература

1. Зубова Ж. А., Костромичёва М. В. Отражение во фразеологии орловских говоров народных праздников, обрядов, обычаев и суеверий // Экология культуры и языка: проблемы и перспективы : Междунар. науч. конф., посвященная 100-летию Д. С. Лихачева : сб. науч. докл. и ст. – Архангельск, 2006. – С. 224–229.

2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М. : URSS, 2019а.

3. Ковшова М. Л. Словарь собственных имён в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. – М. : Ленанд, 2019б.

4. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Изд. 2-е, испр. – М. : Индрик, 1995.

УДК 81.373.7'23:801.8

Дехтярева Елена Витальевна

кандидат филологических наук, доцент

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Россия, Симферополь

dehtyaryova@rambler.ru

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме фразеологической стилистики – функционированию диалектных фразеологизмов в художественных текстах на примере произведений украинских писателей конца XIX – начала XX века. На основе изучения диалектного фразеологического состава исследуемых текстов установлено, что диалектные

фразеологизмы выполняют разнообразные функции, являются одним из средств создания эмоциональной основы произведений, разнообразят речь персонажей, подчеркивают мельчайшие детали явлений, предметов, реалий окружающей среды.

Ключевые слова: *диалектная фразеологическая единица, диалектный фразеологизм, художественный текст, функция, язык художественной литературы.*

Dekhtyareva E. V.

Candidate of Philology, Associate Professor

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

ABOUT SOME FUNCTIONS OF DIALECT PHRASEOLOGICAL UNITS IN LITERARY TEXTS

Abstract. *The article is devoted to the actual problem of phraseological stylistics – the functioning of dialect phraseological units in literary texts based on the example of the Ukrainian writers' late XIX – early XX century works. Based on the study of dialect phraseological texts composition, it was established that dialect phraseological units perform various functions, are one of the means of creating the emotional basis for works, diversify the speech of characters, emphasize the smallest details of phenomena, objects, realities of the environment.*

Keywords: *one dialectal phraseological unit, dialectal phraseological unit, literary text, function, the language of fiction.*

С активизацией исследований в области фразеологии возрастает интерес ученых к фразеологическому фонду, зафиксированному в художественных произведениях писателей, являющихся носителями живой диалектной речи. Пополнение и обогащение литературного языка любого народа новыми выразительными возможностями и средствами происходит во многом благодаря диалектным фразеологическим единицам (далее ДФЕ), поскольку диалектный фразеологизм, попадая в авторский текст, придает ему ту энергию, которая сформировалась и закрепилась в этой единице на протяжении длительного функционирования в языке.

В. В. Грещук обращает внимание на то, что «изучение языка беллетристики в его связях с местными говорами имеет не только самодостаточную ценность, оно важно также для определения соотношения и взаимодействия литературно-нормативного и территориально-диалектного» [Грещук 2009, с. 347].

Художественный текст – это реализация, материализация языка, поэтому необходимым условием для исследования функциональных свойств ДФЕ в языке того или иного писателя является анализ конкретных текстов.

Цель статьи – проанализировать и описать функции диалектных фразеологизмов в художественной прозе украинских писателей конца XIX – начала XX века.

Материалом для исследования послужили произведения Леся Мартовича, Василя Стефаника, Гната Хоткевича, Марко Черемшины.

Следует отметить, что изучение диалектных фразеологизмов вне контекста не дает полного представления о разнообразных связях, в которые они вступают в тексте. С другой стороны, употребление таких единиц в художественных произведениях является органичным только в том виде, в каком это нужно для осуществления авторского замысла, то есть всегда происходит их творческая обработка. Контекст способствует не только реализации семантики диалектных фразеологизмов, но и созданию условий для новой сочетаемости. ДФЕ может оказаться в непривычном для нее контекстном окружении, что приведет к возникновению новых оттенков в значении. Поэтому сам факт органичного введения диалектных фразеологизмов в ткань произведения является важнейшим фактором актуализации художественной структуры текста.

Наблюдая за функционированием диалектизмов в художественной литературе 60-х годов XX столетия, Г. О. Козачук отмечает, что стиль художественной литературы имеет способность надолго задерживать и даже активизировать в себе внелитературные языковые элементы, использовать со стилистической целью те языковые явления, которые со временем могут стать литературной нормой [Козачук 1971, с. 52].

Ученые выделяют такие функции диалектизмов в языке художественной литературы, как коммуникативную, этнографическую и экспрессивно-выразительную [Зеленько 1982, с. 39].

Коммуникативная функция особенно четко прослеживается в творчестве украинских писателей XIX – начала XX в. и состоит в том, что писатели, употребляя диалектные лексемы родного говора в речи персонажей и автора, сознательно или подсознательно использовали их вместо слов литературного языка. Б. В. Кобылянский отмечает, что Василий Стефаник с детства говорил своим родным покутским говором, как и Марко Черемшина – гуцульским. «Как говорили, так (с незначительными изменениями) они и писали... Начиная свою литературную деятельность, В. Стефаник и М. Черемшина иначе и не думали писать» [Кобылянский 1960, с.44].

Суть этнографической и связанной с ней этнической функции состоит в том, что «лексические диалектизмы передают определенные сведения о материальной культуре жителей той или иной местности» [Зеленько 1982, с. 39].

Экспрессивно-выразительную функцию диалектизмов в художественных текстах используют с целью типизации и индивидуализации речи персонажей, для характеристики реалий, изображенных в произведении.

Диалектные фразеологизмы подчеркивают мельчайшие детали явлений, предметов, окружающей среды, что позволяет максимально приблизить читателя к действительности, описать жизнь во всех подробностях, передать местный колорит, типизировать характер представителей разных социальных слоев. В разговорной речи они являются средством свободного, непринужденного

общения людей – носителей определенного говора. Для изображения этого типа речи ДФЕ используют в художественной литературе.

Следует отметить, что функции диалектных фразеологизмов в художественном тексте чрезвычайно разнообразны, предопределены их сущностью, поэтому рассмотрим некоторые из них.

Познавательная функция. Мастера слова вносят в литературно-художественный текст колорит определенной местности, используя ДФЕ, которые, в свою очередь, выполняют познавательную функцию, поскольку знакомят читателя с предметами быта, хозяйствования, обычаями, с растительным и животным миром края, особенностями рельефа и другими явлениями окружающего мира. Семантика таких единиц становится понятной в контексте.

Среди проанализированных ДФЕ выделяется небольшая группа фразеологизмов церковно-религиозного происхождения, характерная для галицко-буковинских говоров, на территории распространения которых долгое время существовала церковная уния. Примером может послужить междометная ДФЕ *Єзус-Марія* (*господи, боже мой*), употребляемая героями произведений для выражения восхищения, удивления, отчаяния, возмущения, отвращения, недоумения и т. д.: *Єзус-Марія! Хто це тут? – розітнувся нараз жіночий крик майже над вухом Єлени* (Хотк., с.11); *Єзус! Марія! Перестань уже, Микольцю, бо мене вуха болять! – перебила Галя* (Март., с. 363).

Одним из символов культуры христианской религии является крест. Важнейшее христианское таинство – это крещение. Украинцы свято верят в то, что через крещение душа очищается от первородного греха и на человека сходит божья благодать. Во время крещения человек отрекается от дьявола, ребенок получает имя, и за него крестятся крестные родители, поэтому неслучайно в художественных произведениях находим ДФЕ *до хресту тримати* (*держати, носити*) – быть крестным отцом или матерью [СБГ 2005, с. 552]: *Бо дяк був його верствак, і приятель вірний, і пораdnий певний, та й його одинака Петра до хресту тримав* (Черемш., с. 176).

Крестные родители должны молиться о ребенке на протяжении всей жизни. Если с родными родителями что-то произойдет, то крестные берут ребенка на воспитание: *Хаті сорок шість, а дідові сімдесят років, то вже старому гляба діти до хресту держати* (Черемш., с. 191).

Функция речевой характеристики персонажей. ДФЕ в составе речевого портрета могут характеризовать говорящего с социально-исторической позиции, то есть как представителя социально-культурного типа, со стороны рода занятий, образа жизни. При этом ДФЕ отражают природный колорит общения людей, живущих на территории распространения определенного диалекта: – *То ці вороги тановлять мене у бульбону, а мого адвоката заніміло* (Черемш., с. 214), диал. *тановлять* (*толкают*), *бульбона* (*пропасть, трясина*) [СБГ,

с .42] – сравн. с лит. ФЕ *штовхати в прірву* – ‘действиями, поступками доводити кого-либо к нежелательным, неприятным последствиям; губить’ [ФСУМ, с. 968].

Важной функцией ДФЕ в языке художественной литературы является их роль в художественной убедительности и этнографической достоверности отображения быта, социума, обстановки. Для создания желаемого контекста, посредством которого передается атмосфера происходящего, рисуются образы персонажей и их характеры, авторы произведений используют весь спектр устойчивых выражений в речи героев, мастерски подбирая их в соответствии с их социальным положением и индивидуальными чертами: *Таже він як узяв до мене сапище, як мене хомнув по голові, то я трохи в лежу не впала* (Март., с. 64), где *упасти в лежу, мати лежу* – ‘тяжело заболеть’ [СБГ, с. 256].

Значительная часть зафиксированных фразеологизмов указывает на реалии жизни народа, например, ДФЕ *іти / ніти (пускати, викликати) на бубен (бубень)* – продажа с торгов имущества должников: *Заліз у банок, рат не поповнив; та не пішло все господарство на бубен? Пішло* (Март., с. 35); *Спит на приспі та крізь сон гукає: аді, аді, вже ліцють, вже б'ють печытки, вже на бубень викликають* (Стеф., с. 81). Происхождение ДФЕ связано с тем, что во время продажи с торгов били в бубен, чтобы созвать покупателей.

Эмоционально-экспрессивная функция. Эмоционально-оценочный и экспрессивный потенциал ДФЕ используется для описания душевного состояния персонажа, для описания чувств говорящего, что способствует эмоциональному насыщению текста: *У мене би так не було. Маєш робити, що я звелю. А не хочеш – на всі штири вітри, н'єтий шум* (Хотк., с. 31) – ‘куда угодно, куда хочется; вон’ [ФСУМ, с. 132].

Безусловно, ДФЕ выполняют важную эстетическую роль, усиливая образительно-выразительные возможности украинского литературного языка: *шукати гудза* – ‘искать беду, напасть, причину для ссоры’ [СБГ, с. 87]: *Чьо ти собі гудза за мнов шукаєш? Як я тобі зав'єжу гудз, то ти его не роз'єжиш, я тобі дам гудза* (Стеф., с. 33).

ДФЕ выступают в художественном тексте средством создания образа, характеризуют речь персонажа как носителя определенной ментальности, вербализованной в диалектных единицах разного типа, например, фонетических: *Не бійтеси, ми йго добре шкробнули, дві гарматі відобрали-сми, буде нас мати в темці, – гордувались вояки* (Черемш., с. 140); *Один одного в лижці води втопив би* (Черемш., с. 135); *Памнеть коротка якас* (Стеф., с. 185).

Оценочная функция. Благодаря стилистическому потенциалу диалектных фразеологизмов, автор художественного текста может дать оценочную характеристику своему герою или его действиям, поступкам: *Але, ек еккийс казав: дуріют, бо мают з-за чого дуріти, а на свіжім люхті то ше гірше йде їм дур до*

голови (Черемш., с. 44); *Бувало, що озме в руки, та й горит му у тих руках* (Стеф., с. 18).

ДФЕ позволяют писателям кратко и лаконично, но в то же время эмоционально выразить мысль или точно передать эмоции персонажей, например, ДФЕ *іти на зломану голову* – ‘убираться вон’ [СБГ, с. 177]: *Іди на зломану голову, гадає, що я гроші кую або краду!* (Стеф., с. 125).

Функции часто в художественных произведениях выступают в комплексе: одновременно выражают коммуникативное намерение говорящего, характеризуют его, привлекают внимание читателя, формируют его восприятие и оценку, например: *Славко мовчав, але видко було понім, що аж дрижить із зденеровання. Та се для панотця було замало: – Я виджу, що ти собі це в лексі маєш, а я не жартую: не дам ані крейцара... Не маю відки, хоч бери мене на муки* (Март., с. 307), где *мати в лексі* – пренебрегать [Онишк., с. 433].

Художественный эффект использования ДФЕ в литературном произведении достигается противопоставлением диалектного, регионального – литературному, нормативному. Поэтому диалектологи стараются внимательно фиксировать каждую ДФЕ, которая используется в художественных текстах и отличается от ее литературного аналога. Например, *уру мати* (диал. *ура* – ‘гнев, обида’ [СБГ, с. 569]): *Єк заступник віта на твого сина уру має, то ти собі Митрику, бійси, кілька хочеш, але села не рунтай, чєліди не положи* (Черемш., с. 139) – сравн. с лит. *мати зуб* – ‘сердиться, гневаться на кого-нибудь’ [ФСУМ, с. 471].

Таким образом, в произведениях художественной литературы ДФЕ чаще всего используются писателями для следующих целей: для реалистического изображения быта (создания «местного колорита»); речевой характеристики действующих лиц; как средства выразительности.

Диалектные фразеологические единицы являются гармоничным и многогранным элементом художественных произведений. Это один из неисчерпаемых источников усиления экспрессивности, благодаря которому писатель передает свое отношение к изображаемым событиям, окружающей действительности; раскрывает читателям внутренний мир, настроение, мировоззрение персонажей.

Художественная значимость ДФЕ в языке литературных произведений непосредственно связана с особенностями их использования, степенью насыщения, последовательностью и полнотой их употребления в языке персонажей и в авторской речи, характером литературно-диалектного взаимодействия в языке художественного произведения.

Литература

1. Грещук В. В. Студії з українського мовознавства : вибрані праці / упоряд. Р. О. Бачкур. – Івано-Франківськ : Місто НВ, 2009.
2. Зеленько А. С. Про деякі функції діалектизмів у мові художньої літератури // Культура слова. – Вип. 22. – Київ : Наук. думка, 1982.

3. Кобилянський Б. В. Діалект і літературна мова. – Київ : Радянська школа, 1960.

4. Козачук Г. О. Діалектизми в сучасній прозі // Рідне слово. – Київ : Наук. думка, 1971. – Вип. 5.

Словари, справочники

5. ГГ: Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича / уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін. – Львів, 1997.

6. СБГ: Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005.

7. ФСУМ: Фразеологічний словник української мови : у 2 кн. / упоряд. В. М. Білоноженко та ін. – Київ : Наук. думка, 1993.

8. Онишк.: Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок : у 2 ч. – Київ : Наук. думка, 1984.

Источники языковых материалов

9. Март.: Лесь Мартович. Твори. – Київ : Дніпро, 1976.

10. Стеф.: Стефаник В. Повне зібр. творів : у 3 т. – Київ, 1949. – Т. 1.

11. Хотк.: Хоткевич Г. Довбуш: [повість]. – Київ : Дніпро, 2004.

12. Черемш.: Черемшина М. Твори: у 2 т. – Київ : Наук. думка, 1974. – Т. 1.

УДК 811.161.1.37

Золотых Лидия Глебовна

доктор филологических наук, профессор

Сычуаньский университет

Китай, Чэнду

zolotyhlg@yandex.ru

Космачёва Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Россия, Астрахань

olga_ast@list.ru

СОМАТИЧЕСКАЯ ЭНЕРГЕТИКА ФРАЗЕОЛОГИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация. В статье анализируются когнитивно-коммуникативные условия репрезентации семантики фразеологических единиц с соматическим компонентом как отличительной черты поэтического языка Серебряного века. Представлены особенности употребления фразеологических единиц с компонентами-соматизмами с учётом творческой манеры по-

эта, которая определяется стилевой доминантой. Показана диалектическая взаимосвязь элементов наглядно-чувственной и абстрактно-логической мыслительной деятельности человека, соматических интенций и интуиции посредством косвенно-производной номинации в поэтическом тексте.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, соматический компонент, образ, ассоциативно-смысловые связи, фразеологическая семантика, модифицированная фразеологическая единица, поэтический текст, художественный дискурс.*

Zolotykh L. G.

Doctor of Philological Sciences, Professor
Sichuan University

Kosmacheva O. Yu.

Candidate of Philological Sciences
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

SOMATIC ENERGY OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SILVER AGE POETIC TEXT

Abstract. *The article analyses cognitive and communicative conditions for the semantics of phraseological units representation with a somatic component as a hallmark of the Silver Age poetry language. The features of the use of phraseological units with somatic components considering a poet's creative manner determined by stylistic dominant are presented. Relational dialectics of a person's visual-sensual and abstract-logical mental activity elements, somatic intentions, and intuition is shown through an indirectly derivative nomination in a poetic text.*

Keywords: *phraseological unit, somatic component, image, associative and semantic connections, phraseological semantics, modified phraseological unit, poetic text, artistic discourse.*

Труды Алины Михайловны Мелерович входят в «алмазный фонд» исследователя фразеологии и передаются от Учителей к Ученикам. Вот и для меня в начале работы над кандидатской диссертацией концепция Алины Михайловны Мелерович о внутренней форме фразеологизмов стала путеводной звездой, а в докторском исследовании послужила основой для соответствующих образных обобщений, определила новые перспективы в изучении начальной стадии когнитивно-дискурсивного фразеомообразования. Научные издания, представляющие результаты колоссального труда профессора А. М. Мелерович, переходили из моей библиотеки в руки уже моих учеников, и монографии, словари, журналы так и задержались на их книжных полках. И кто-то ощущает то же неопределимое чувство, что нашёл точку опоры для своих исследований в научных повествованиях, описаниях и размышлениях Алины Михайловны Мелерович, то же самое чувство, которое я ощутила впервые более четверти века назад.

Счастливые моменты личного общения с Алиной Михайловной хранятся в моей памяти, их душевность греет моё сердце. Преклонение перед А. М. Мелерович – всемирно известным учёным, создателем неординарных

лексикографических трудов – дополняется преклонением перед светлым образом Алины Михайловны Мелерович, излучающим доброту, искренность, отзывчивость, внимательность, внутреннюю интеллигентность, женское обаяние – все ценностные смыслы, репрезентирующие концепт «ЧЕЛОВЕК»...

С глубочайшим уважением и почтением,
Золотых Лидия Глебовна,
доктор филологических наук, профессор,
Сычуаньский университет (Китай, г. Чэнду)

В поэтическом тексте фразеологические единицы (далее – ФЕ) имеют многогранный статус, способствующий, с одной стороны, определённому эмоциональному звучанию и определяющий демократизацию поэтического произведения. С другой стороны, художественный дискурс расширяет семантический диапазон посредством вербализации ФЕ произвольности ассоциаций и образов. «В системе поэтического текста содержание слова мотивируется всеми образующими его элементами. ФЕ в поэтическом произведении создают своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов-компонентов» [Мелерович 2011, с. 132].

Смысловая множественность, неоднородность ФЕ вызывает преобразование существующих концептуальных структур и инициирует процесс познания и мышления, стимулируя диссоциацию актуальных связей в концептуальной структуре и дальнейшую концептуализацию в области сознания. Изображение человека в его конкретной телесности в поэтическом дискурсивном пространстве Серебряного века отличалось прежде всего смелым экспериментированием в области поэтической семантики, расширением экспрессивных и предметно-образительных возможностей слова, образно-ассоциативных рядов, способных создавать дополнительные значения, неназванные представления.

В основе восприятия любого художественного текста вне зависимости от формы выражения лежит образное мышление. Образ как «категория сознания» есть ключевое понятие для всех когнитивных процессов, связанных с ассоциативными отношениями, моделирующими художественную картину мира. В поэтическом тексте прослеживается яркое проявление ассоциативно-смысловых связей ФЕ, репрезентирующих «идеографическую характеристику идиом» и являющихся «основной формой “упаковки” и хранения в памяти знаний об объективной действительности» [Эмирова 2020, с. 23]. Ср.: *Но вот приходят дни цветенья, / И липы в поясе оград / Разбрасывают вместе с тенью / Неотразимый аромат. / Гуляющие в летних шляпах / Вдыхают, кто бы ни прошёл, / Непостижимый этот запах, / Доступный пониманью пчёл. / Он составляет в эти миги, / Когда он за сердце берёт, / Предмет и содержанье книги, / А парк и клумбы – переплёт* (Б. Пастернак. «Липовая аллея»). Широкая семантическая

палитра ФЕ *брать (хватать) за душу (сердце)* – ‘сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить; вызывать щемящую тоску, боль или радость, умиление и т. п.’ – в реализации семантического варианта *за сердце берёт* кумулирует обилие информации коннотативного, ассоциативного типа, связанной с константами всего творчества Б. Пастернака – «Мир (Вселенная)», «Творчество», «Природа», «Душа», «Вечность».

Путём конкретизации обыденных понятий и спецификации познаваемого объекта раскрывается «яркий и неожиданный образ, возникший и функционирующий в индивидуальном сознании как образная мотивировка, как деривационная база фразеологического значения» [Мелерович, Мокиенко 2016, с. 136], формируя обобщённый образ, вербализованный в стихотворении Б. Пастернака лексическим рядом: «дни цветенья», «неотразимый аромат», «непостижимый запах». Слова опираются на самые разные ассоциативные структуры, хранящиеся в образной памяти человека: «аромат» – душистый цветок; «вдыхать» – дышать глубоко; «запах» – дыхание весны. Все ассоциации связаны с образом души как средоточием чувств человека. Состояние природы отражает состояние души – души творческой личности со своими ассоциациями, на которые поэт, как бы помня, что представления у разных людей могут и не совпадать, указывает сам: буйное цветение, одурманивающий аромат есть «предмет и содержание книги», «а парк и клумбы – переплёт». Поэтический текст как эмоциональный тип текста концентрирует человеческое чувство и человеческую мысль, в процессе его восприятия и понимания актуализируется эмоциональная сфера интеллекта. Символом переживаний, чувств, настроений человека является сердце. ФЕ *за сердце берёт* позволяет преодолеть смысловые и прагматические ограничения прямой номинации и является оптимальной, то есть лучшей из возможных способов оязыковления новых результатов познания действительности.

Среди отличительных черт поэтического языка Серебряного века проявляются такие, как наличие особой поэтической номинации, допустимость неоднозначности и суггестивность. Семантика ФЕ с соматическими компонентами содержит в себе диалектически взаимосвязанные элементы наглядно-чувственной и абстрактно-логической мыслительной деятельности человека, что обусловлено внутренней формой и языковой мотивировкой ФЕ как важнейшими аспектами, определяющими семасиологическую связь фразеологической семантики и материального представления ФЕ [Мелерович, Мокиенко 2011]. Концептуализация практически всех органов чувств человека фразеологической семантикой генетическими корнями связана с древнейшей языковой картиной мира – отражением психофизиологической сферы человека. Соматические интенции и интуиции посредством косвенно-производной номинации в поэтическом тексте обогащены опытом интеллектуально-эмоционального ос-

воения автора и наделены особыми функциями, направленными на отражение внеязыкового мира. Коннотативная насыщенность импликационала фразеологической семантики предопределяется когнитивно-коммуникативной аурой дискурсивного поля, в центре которого – человеческое тело как сложная семиологическая структура. В итоге соответствующие смысловые связи ассоциативно-образного характера приобретают в структуре языкового сознания статус экспрессивно-образной доминанты и переводятся из импликационала словосочетания-прототипа в интенционал фразеологического значения.

При анализе когнитивно-коммуникативных условий реализации фразеологического значения в поэтической речи необходимо учитывать творческую манеру художника, которая определяется стилевой доминантой. Например, контекстуальное расширение границ сочетания ФЕ *молоть языком* – ‘пустословить’ – у Б. Пастернака происходит за счёт однородного дополнения ср.: *Кем это мелются, / Языком ли, душой ли / Этот плеск, эти прелести?* Обычно эта ФЕ дополняется ещё и существительным *чепуха*, но в стихотворении «Пара форточных петелек...» действие направлено на совершенно иные объекты: на *плеск* и *прелести*. В связи с этим и вся фраза приобретает новый смысл: «Кем обруганы этот плеск, эти прелести?».

Ярко выраженная принадлежность большинства ФЕ к существующим в языке функциональным стилям делает их незаменимым характерологическим средством, средством индивидуализации и типизации речи персонажей. В поэтическом контексте Серебряного века наиболее ярким средством речевой характеристики персонажей является одновременное употребление в одном стихотворении ФЕ различной стилистической окраски, где «ассоциативные образы могут получать вербальную экспликацию в границах определённых единиц текста и осознаваться как смысловая мотивация, приобретая статус народной этимологии» [Мелерович, Мокиенко 2016, с.137]. Примеры разговорно-просторечных ФЕ иллюстрируют их употребление авторами 1) в характерологических целях, как средство выявления социальной принадлежности персонажа, ср.: *поет бухгалтер соловьем: «Кто на кредитки пялит зенки?»* (О. Мандельштам. Баллада о горlinkах); 2) в целях стилизации, создания языкового колорита описываемой в стихотворении эпохи, ср.: *За море Чёрное, за море Белое / В чёрные ночи и в белые дни / Дико глядится лицо онемелое, / Очи татарские мечут* огни (А. Блок. Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?); 3) как средство речевой характеристики персонажа из народной среды или как средство стилизации речи поэта под народную речь, когда лирическое повествование ведётся от лица рассказчика – представителя народной среды, ср.: *отец его с утра до вечера гнул спину <...> И гуляли детки малые / По раздолью по широкому, / А лебёдка белоснежная / Не спускала глаз, дозорила* (С. Есенин. Лебедушка); 4) как средство фольклорной стилизации, ср.: *буйну голову сло-*

жить (А. Блок. Двенадцать). Поскольку сама поэтика русской народной лирики основывается на устойчивых языковых конструкциях, действенным средством фольклорной стилизации являются ФЕ, имеющие народнопоэтическую окраску, что подтверждает генетическую взаимообусловленность и эволюционную взаимонаправленность поэтики и фразеологии.

Как средство стилизации могут выступать не только разговорно-просторечные и народнопоэтические выражения, но и ФЕ с архаичным соматическим компонентом, имеющие книжную окраску и употребляющиеся в основном в стихотворениях с исторической тематикой с целью воссоздания языкового колорита эпохи и придания стихотворной речи определённой торжественности и патетики. Например, у А. Блока – *бить челом; очей не сомкнуть; не сходит с уст*. Ср.: *А между тем – кругом молчанье, / Мой кубок пуст, / И смерти раннее призванье / Не сходит с уст* (А. Блок. 31 декабря 1900 года).

Многие ФЕ, отражающие внутреннее состояние человека, преобразуются в поэтической речи А. Блока, например: *мне сердце режет каждый звук; в ус себе не дует; опять кружится голова* и т. п. Первый пример, приведённый в этом ряду, – это результат контаминации двух косвенно-производных единиц: *слух резать* и *сердце разрывать*. Семантическое обыгрывание их в контексте усиливает мотив скорби, печали, ср.: *Мне сердце режет каждый звук, / О, если б кончились страданья, / О, если б я от этих мук / Ушёл в страну воспоминанья* (А. Блок. Мне сердце режет каждый звук...).

Интересен факт использования А. Блоком ФЕ с соматическим компонентом *глаза*. Символисты видели в глазах отражение человеческой души, и потому становится понятным тот факт, что поэт использовал ФЕ с компонентом *глаза* для представления характера лирического героя: *не упусти его из глаз; всю ночь очей вам не сомкнуть; зелёные очи горят на распутье; очи татарские мечут огни*. Следует заметить, что вследствие замены старославянским вариантом *очи* или расширением компонентного состава проявляется окказиональный смысл ФЕ с соматическим компонентом *глаза*. И. Ю. Третьякова отмечает, «что приём расширения компонентного состава фразеологизмов с соматизмом *глаза* используется наиболее часто в сравнении с другими приёмами окказионального преобразования данной группы фразеологизмов» [Третьякова 2017, с. 185].

Основой образного стержня всего стихотворения могут быть и ФЕ, модифицированные поэтом. Необычна переработка М. Цветаевой ФЕ *волосы (шерсть) дыбом* в стихотворении «Стихи о Москве»: *Вздываются не волосы, а мех, / И душный ветер прямо в душу дует. / Сегодня ночью я жалею всех, – Кого жалеют и кого целуют* (М. Цветаева. Стихи о Москве). Такое значительное окказиональное преобразование происходит в результате

изменения грамматического состава ФЕ: наречие заменяется глагольным компонентом, а субстантивный компонент представлен как прямое противопоставление двух слов, одно из которых характеризует человека, а другое – животное. Общеизвестный факт объективности фразеологического значения вступает в противоречие с установкой автора и способностью читателя интерпретировать текст, от чего зависят основные семиотические характеристики как на структурном, так и на семантическом уровне, что предопределяется взаимосвязью физического и культурного мира.

Поэты начала XX века не только активно вовлекают ФЕ в свои стихотворные тексты, но и стремятся к наиболее полному использованию потенциальных возможностей фразеологии. Одним из продуктивных приёмов такого использования являются разного рода семантические повторы, возникающие при параллельном употреблении в одном контексте синонимических ФЕ. В целях усиления эмоционально-экспрессивного звучания стихотворного текста поэты прибегают к столкновению в нём ФЕ с его контекстуальным вариантом. Так, повторяющееся несколько раз в стихотворении видоизменённое сочетание или его компоненты имеют в тексте стихотворения М. Цветаевой одну и ту же функциональную нагрузку и одинаковое смысловое содержание, ср.: *дом., из которого души во все очи глядят, во все окна* (метафорическое фразеологическое образование). ФЕ может стать основой композиции стихотворения и тогда, когда сопологающиеся в одном ряду семантически близкие устойчивые сочетания постепенно развертывают сюжетную канву стихотворения.

У Б. Пастернака стилистический повтор усиливает образность текста, а художественный дискурс претерпевает прямое нарушение того, что фиксировано сознанием как вероятностная норма действительного мира. Ср.: *В посадке, куда ни одна нога / Не ступала, лишь ворожеи да вьюги / Ступала нога, в бесноватой округе, / Где и то, как убитые, спят снега, – / Постой, в посадке, куда ни одна / Нога не ступала, лишь ворожеи / Да вьюги ступала нога, до окна / Дохлестнулся обрывок шальной шлеи <...>* (Б. Пастернак. Метель). Реальность подтекстов, настроений, впечатлений и ощущений, реальность разночтений и многомерности объёма художественного дискурса обуславливает переплетение художественных концептов, наложение в дискурсе друг на друга интерпретационных полей концептов, ср.: *А немного спусть / И светя, точно блудному сыну, / Чтобы шею себе / Этот день не сломал на шоссе. / Выйдут с лампами в ночь...* (Б. Пастернак. Отцы).

Новая, непривычная форма косвенно-производной номинации сама по себе создаёт особую экспрессию, поскольку такого рода выделение и обыгрывание выражения в стихотворении увеличивает его образность и способствует оживлению всех его признаков. Соседство

общеупотребительной ФЕ и её преобразованного варианта не только наиболее наглядно и отчётливо проявляет свои образные и экспрессивные качества, но и демонстрирует семантические сдвиги в контекстуальном своём значении. Например, использование у Б. Пастернака в одном синонимическом ряду ФЕ *со всех ног* с её контекстуальным вариантом *со всех лодыг* способствует интенсификации смыслового и образного содержания ФЕ. Ср.: *Ты спал, прижав к подушке щеку, / Спал, – со всех ног, со всех лодыг / Врезаясь вновь и вновь с наскоку / В разряд преданий молодых* (Б. Пастернак. Смерть поэта). Так в небольшом стихотворном тексте концентрируются несколько однородных косвенно-производных единиц, направленных на раскрытие одной темы. Ключевое устойчивое сочетание поэтического текста, вступая в различные отношения с окружающими его однородными ФЕ, создаёт в стихотворении смысловую и стилистическую тональность, что вызывает у читателя соответствующие ассоциации.

Творчество Б. Пастернака очень сложно для понимания, поэтому ФЕ, в частности с соматическим компонентом, в его текстах выполняют частично функцию демократизации речи поэта, сближая письменную и разговорную разновидности языка: *глаз хоть выколи; на улице ни зги; стынула кровь; зуб за зуб* и другие. Большинство ФЕ в его стихотворениях принадлежит к разговорному стилю и даже содержит в себе ярко выраженные «народные» формы: например, *сердце ёкает* – выражение, где общеязыковой глагольный компонент *обрывается* заменён на просторечную форму *ёкает*, актуализируя физиологическое ощущение. Даже книжные ФЕ поэт перерабатывает, словно объясняя их значение. Ср.: *Не как люди, не еженедельно, / Не всегда, в столетье раза два / Я молил тебя: членораздельно / Повтори творящие слова. / И тебе ж невыносимы смеси / Откровений и людских неволь. / Как же хочешь ты, чтоб я был весел? / С чем бы стал ты есть земную соль?* (Б. Пастернак. Не как люди, не еженедельно). Много у Б. Пастернака ФЕ, построенных как сравнительные конструкции, что позволяет укрепить образную систему произведения, сделать её более насыщенной: *спит, как убитая, Тверская; как воды набрала в рот; как снег на голову; как на ладони; как вкопанный* и т. п. Например: *Вся душевная бурда / Из зачатий и агоний / В снеге, слякоти и звоне / Перед ним, как на ладони* (Б. Пастернак. Лейтенант Шмидт).

У А. Ахматовой, ярчайшей представительницы акмеизма, в большей степени в произведениях употребляется традиционная фразеология. Например: 1. *Углем наметил на левом боку / Место, куда стрелять, / Чтоб выпустить птицу – мою тоску / В пустынную ночь опять. / Милый! Не дрогнет твоя рука, / И мне недолго терпеть. / Вылетит птица – моя тоска, / Сядет на ветку и станет петь* (А. Ахматова. Углем наметил на левом боку...). 2. *И скупо оно и богато, / То сердце... Богатство твое! / Чего ж ты молчишь виновато? /*

Глаза б не глядели мои! (А. Ахматова. Вереница четверостиший). Преобразованные, трансформированные ФЕ у А. Ахматовой за счёт окказионального расширения компонентного состава, иллюстрируют «валентностные (семантические и грамматические) возможности языковых единиц», что доступно восприятию любому носителю языка [Третьякова 2018, с. 298–299]. Ср.: *О своём я уже не заплачу, / Но не видеть бы мне на земле / Золотое клеймо неудачи / На ещё безмятежном челе* (А. Ахматова. Вереница четверостиший).

Основное назначение элементов разговорной речи проявляется у таких поэтов, как Б. Пастернак, М. Цветаева, А. Ахматова, в трансляции духа живого общения, интонации непринуждённости, доверительности авторов, «интимизации» звучания поэтического текста. Естественно, что у этих поэтов разговорность, как правило, не доходит до просторечности. Даже если ФЕ и не отличается особой эмоциональной нагруженностью, то всегда таит в себе предпосылки для возникновения этого стилистического эффекта. Поэтому одной из основных функций ФЕ в поэтическом тексте является эмоционально-экспрессивное и стилистическое наполнение художественного произведения.

Проникновение разговорной фразеологии в стихотворную речь не только способствует её демократизации (наряду с синтаксическими разговорными конструкциями), но и усиливает эмоционально-экспрессивное звучание. Активное обращение поэтов Серебряного века к фразеологическим единицам с соматическим компонентом обусловлено, очевидно, не только тем, что искусное сочетание косвенно-производных единиц с другими словами контекста пробуждает скрытые стилистические возможности, но также и своеобразием фразеологической семантики, тем, что ФЕ оценочно характеризуют широкую сферу чувств человека, сферу его эмоциональной, внутренней жизнедеятельности.

Литература

1. Мелерович А. М. Опыт фразеографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии (задачи и принципы построения словаря «Фразеологизмы в русской поэзии») // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 4. – С. 130–131.

2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 455 с.

3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Опыты фразеографической фиксации и систематизации фразеологии в художественном и публицистическом дискурсах русской речи // Современная фразеология:

тенденции и инновации: монография / отв. ред. А. П. Василенко. – М., СПб., Брянск : Новый проект, 2016. – С. 123–195.

4. Третьякова И. Ю. К вопросу об окказиональном преобразовательном потенциале фразеологических единиц: трансформационная активность фразеологизмов с соматизмом *глаз* // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 184–188.

5. Третьякова И. Ю. Преобразовательный потенциал фразеологизмов-компаративов // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А. М. Мелерович / отв. ред. и сост. И. Ю. Третьякова. – Кострома : Костром. гос. ун-т, 2018. – С. 296–307.

6. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении : монография. – Симферополь : Научный мир, 2020. – 228 с.

УДК 811.33

Королькова Анжелика Викторовна

доктор филологических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Россия, Москва

lika.korolkova@bk.ru

АФОРИСТИКА БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Аннотация. Творческое наследие Бориса Пастернака обширно. Афоризмов у Пастернака немного (в сравнении со всем объемом творческого наследия), однако это делает их более значимыми и ценными для исследования. Афоризмы и афористические высказывания Пастернака и парадоксальны, и противоречивы, но в то же время они выражают его серьезные воззрения, эмоциональные переживания. Тематика афористики Пастернака позволяет по-иному взглянуть на его творческий мир, глубже понять переживания поэта, открыть новые грани его творчества.

Ключевые слова: афоризм, афористика, афористическое наследие Бориса Пастернака.

Korolkova A. V.

Doctor of Philology, Professor

Moscow Pedagogical State University

APHORISTIC LITERATURE BY BORIS PASTERNAK

Abstract. Boris Pasternak has left a vast body of writings behind. His aphorisms are not many (compared to the whole of his writings) but therefore more significant and of greater worth for re-

search. His aphorisms and aphoristic statements are paradoxical and controversial but express at the same time his serious beliefs and emotion. The thematic study of Pasternak's aphoristic literature allows to look with a fresh eye on his writings, to go in-depth in his feelings and consequently to discover new rims of his imaginative mind.

Keywords: *aphorism, aphoristic literature, aphoristic legacy of Boris Pasternak.*

Борис Пастернак является одним из самых значительных художников слова России первой половины XX века. Его произведениям (прозаическим и поэтическим) свойственен проникновенный лиризм, тончайшая психологическая детализация, отсутствие прямых авторских оценок. И в прозе, и в поэзии Пастернак не навязывал своего видения читателям, внешне оставался отстраненным, глубоко переживая все выстраданное и высказанное в слове. О всех его произведениях присутствует особое нравственное начало, составляющее одну из индивидуальных черт творческого наследия.

Прежде чем говорить об афористическом материале Бориса Пастернака, необходимо сделать небольшие пояснения по поводу теории афоризма. Мы полагаем, что **афоризм** – это сложное лингвистическое явление фразеологического порядка, афоризм обладает обязательными свойствами и признаками, такими как наличие в структуре слов-концептов, краткость (не более трех предложений), паспортизированность, воспроизводимость [Королькова 2018]. В качестве факультативных признаков афоризмам свойственны: оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин и пр. [Ваганова 2002, с. 37].

Афоризмы амбивалентны по своей природе и могут рассматриваться как литературный жанр, что не мешает их лингвистическому исследованию.

Афористика издавна известна в мировой культуре в целом (и в русской в частности) как краткое и общепонятное изложение глубоких философских истин и ценностных концепций авторов. Нужно особо отметить, что афоризмы несут большую информацию об авторе, отражая его мировоззрение и духовно-нравственные ценности.

Можно говорить об афористичности творчества того или иного писателя, поэта, литературного критика, историка и даже общественного деятеля. В теории афористики не оспаривается утверждение о том, что в творческом наследии отдельных авторов можно выделить афористические тексты, содержащие собственно афоризмы, группы афоризмов и потенциальные афоризмы, которые можно выявить только на фоне широкого контекста творчества автора.

Творческое наследие Бориса Пастернака обширно. Афоризмов у Пастернака немного (в сравнении со всем объемом творческого наследия), однако это делает их более значимыми и ценными для исследования. Исключение, пожалуй, составляют книги «Люди и положения» и «Доктор Живаго», в которых множество афоризмов и афористических высказываний. Афористика Пастерна-

ка многопланова в тематике, проблематике, синтаксической структуре изречений.

Пастернак не обращался специально к такой форме изложения мысли, как афоризм, поэтому вся его афористика является вводной, то есть его изречения необходимо извлекать из художественных прозаических и поэтических текстов, иногда и из его переписки. Лишь небольшое количество изречений Пастернака широко известны и стали крылатыми выражениями. Среди них:

Быть знаменитым некрасиво.

Не это поднимает ввысь.

«Быть знаменитым некрасиво...»

Или:

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.

Из стихотворения «Гамлет»

Авторство Пастернака к настоящему времени постепенно утрачивается, фраза приобретает свойства крылатого выражения.

Или еще один пример:

И дольше века длится день,

И не кончается объятье.

Из стихотворения «Единственные дни»

Не случайно в 1980 году Чингиз Айтматов опубликовал свой роман с таким же названием «И дольше века длится день», аллюзия на текст Пастернака очевидна. В настоящее время это крылатое выражение утратило авторство и активно используется в публицистике. В тех случаях, когда афоризм становится общеизвестным, широкоупотребительным и превращается в крылатое выражение, авторство постепенно перестает быть важным. Однако у афоризма (одновременно являющегося крылатым выражением) все же остается «семантический довесок» в виде памяти об авторе.

Основой любого афоризма является ключевое слово, именно ключевые слова позволяют извлекать из текста афоризмы. Вокруг ключевого слова, фиксирующего тему афоризма, строится все изречение. Самыми распространенными (частотными) в афористике Пастернака являются ключевые слова: *жизнь (жить), бессмертие (смерть), женщина, художник (поэт), поэзия, любовь, красота, Россия, добро, судьба, душа.*

Изречения с этими ключевыми словами обладают особой ценностью, освещают актуальные темы часто с неожиданной стороны.

Например, развитие фразеосемантического поля «Жизнь, смерть, бессмертие». С одной стороны, жизнь страшна, непредсказуема, в жизни человека могут окружать не самые порядочные люди, с другой стороны, стоит жить ради любви, искусства, высоких нравственных идеалов.

*Этим и страшна **жизнь** кругом. Чем она оглушает, громом и молнией?
Нет, косыми взглядами и шепотом оговора. В ней все подвох и двусмыслен-
ность. Отдельная нитка, как паутинка, потянул – и нет ее, а попробуй вы-
браться из сети – только больше запутаешься.* (Из «Доктора Живаго»)

* * *

*Сестра моя – **жизнь** и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.*

И в то же время, настоящая жизнь – это жизнь не ради себя, но ради дру-
гих людей, ради искусства, ради любви и высоких целей.

* * *

***Жизнь** ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.*

Из стихотворения «Свадьба»

* * *

***Жить** и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею **жертвой** путь прочертишь.*

Из стихотворения «Смерть сапера»

В приведенных афоризмах в творческом сознании Пастернака сплелись
жизнь, смерть и бессмертие.

Эти темы прямо или опосредованно становятся одними из главных в его
творческом сознании. В этом отношении афористика Пастернака является по-
казательной в русской афористике XX века, где на первое место выходит тема
гражданственности.

Нужно отметить, что в целом круг тем афористики Пастернака встраи-
вается в парадигму русской афористики XX века [Королькова, Ломов, Тихо-
нов 2007]. Главной темой русской афористики XX века является тема траги-
ческого восприятия действительности, в афористике Пастернака она также
присутствует.

*Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Одним карать и каяться.
Другим – кончать **Голгофой**.*

Из поэмы «Лейтенант Шмидт»

* * *

*Как непомерна разница
Меж именем и вещью!
Зачем **Россия** красится
Так явно и злоеще!*

Из поэмы «Лейтенант Шмидт»

* * *

*...**Война** явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления... Ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы (Из «Доктора Живаго»).*

Как каждый большой художник слова, Пастернак опирается на традиции русской классической литературы, а значит и русской афористики XVIII–XIX вв. Примером этому может служить универсальное для русской афористики фразеосемантическое поле «Любовь».

***Любят** все, не замечая небывалости чувства.*

* * *

***Нелюбовь** почти как убийство.*

* * *

***Любить** иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Загадке жизни равносильна.*

«Любить иных – тяжелый крест...»

* * *

***Любимая**, – жуть! Когда любит **поэт**,
Влюбляется бог неприкаянный.*

«Любимая, – жуть...»

* * *

*Все в **жизни** может быть издержано
Изведаны все положенья,
Следы любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.*

Из стихотворения «Смерть сапера»

* * *

*Не надо **любить** так запашливо и торопливо, как бы из страха, не пришлось бы потом полюбить еще сильнее. (Из «Доктора Живаго»)*

В корпусе русской афористики XIX–XX вв. существует фразеосемантическое поле «Подлость, подлец», которое не является объемным по количеству

афористических единиц, оно представлено афоризмами В. Г. Белинского, В. К. Кюхельбекера, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, А. М. Горького, Ю. П. Мориц, В. С. Высоцкого, А. В. Вампилова. Это фразеосемантическое поле имеет в своем составе замечательный афоризм Бориса Пастернака:

Нельзя быть злодеем другим, не будучи и для себя негодяем. Подлость универсальна. Нарушитель любви к ближнему первым из людей предаёт самого – себя.

В афористике Пастернака интересны изречения, наполняющие фразеосемантическое поле «Отрицательные свойства и качества человека»: о невеждах, подхалимах, о неударенных людях, о «стадности».

*Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, –
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.*

Из стихотворения «Ветер» о Блоке

* * *

И всегда рядом с неряшливою щедростью самородка следует что-нибудь завистливо рядовое и посредственное. Дела и поступки счастливого соперника кажутся ему чудачеством и безумием. Невежда начинает с поучения и кончает кровью... (Из очерка «Поездка в армию»)

* * *

Всякая стадность – прибежище неударенности, все равно верность ли это Соловьеву, или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно (Из «Доктора Живаго»)

Темы поэта, художника слова, поэзии также частотна в афористическом наследии Пастернака. Поэзия, по Пастернаку, – это трагическое отражение жизни, охватывающее все жизненные явления. Поэзия всегда выражает моральное-нравственное начало жизни общества, возвышает человека, заставляет испытывать катарсис.

*Поэзия, не поступайся ширью.
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся точками в пунктире
И зерен в мере хлеба не считай.*

Из поэмы «Спекторский»

* * *

*Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.*

Из стихотворения «После грозы»

* * *

*Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*

Из стихотворения «Быть знаменитым некрасиво...»

В русской афористике, начиная со времен древнерусской литературы, активно развивается и постоянно пополняется фразеосемантическое поле «христианское восприятие действительности». Борис Пастернак, будучи по духу близким к христианскому миропониманию жизни, бессмертия души, пополнил своими изречениями это поле.

*Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.*

Из стихотворения «Душа»

* * *

*Непобедимым многолетье,
Прославившимся исполать!
Раздолье **жить** на белом свете,
И без конца морская гладь.*

Из стихотворения «Неоглядность»

Необходимо отметить, что структурно афоризмы Пастернака чаще всего представляют собой одно или два простых неосложненных предложения. В стихотворных текстах, из которых извлечены изречения Пастернака, афоризмы композиционно находятся либо в начале, либо в конце текста, что еще раз свидетельствует об особой семантической важности этих строк и законченности мысли.

В функционально-семантическом аспекте изречения Пастернака, скрытые в его художественных и публицистических текстах, обусловлены семантической структурой текста и являются частью компликативных моделей. Функционально-семантическая компликативность свойственна всем афоризмам Пастернака.

Е. Ю. Ваганова в работе «Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности» отмечает, что «отличительными признаками афоризма являются: генерализованность сообщаемого, высокая степень имплицитной (грамматической и / или семантической) информации и экспрессивность, созданная лингвистическими средствами и стилистическими приемами» [Ваганова 2002, с. 28–29]. Именно лингвопрагматическая целесообразность отражается в композиционных особенностях включения изречений в поэтические тексты Пастернака.

В афористическом наследии Пастернака встречаются не только собственно афоризмы, но и афористические высказывания, представляющие собой сложное синтаксическое целое из нескольких предложений.

Например: *Под посредственностью обычно понимают людей рядовых и обыкновенных. Между тем обыкновенность есть живое качество, идущее изнутри и во многом, как это ни странно, отдаленно подобное дарованию. Всего обыкновеннее гениальные люди... И еще обыкновеннее, захватывающе обыкновенна – природа. Необыкновенна только посредственность, то есть та категория людей, которую составляет так называемый «интересный человек». С древнейших времен он гнушался делом и паразитировал на гениальности, принимая ее как какую-то лестную исключительность, между тем как гениальность есть предельная и порывистая, воодушевленная собственной бесконечностью правильность* (Из книги «Люди и положения»).

Стилистическая природа афоризмов Пастернака связана со средствами, которые он активно использовал. Цельность его афоризмам придает широкое использование тропов и стилистических фигур, таких, как: необычные эпитеты, яркие метафоры и сравнения, риторические восклицания, риторические вопросы и пр.

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!*

Из стихотворения «О, знал бы я, что так бывает...»

* * *

*Что сравнится с женскою силой?
Как она безумно смела!*

Из стихотворения «Город»

Афоризмы и афористические высказывания Пастернака и парадоксальны, и противоречивы, но в тоже время они выражают его серьезные воззрения, эмоциональные переживания.

Особенно яркими являются изречения Пастернака, касающиеся актуальных для него проблем, когда у него нет другой возможности выразить собственные ощущения и переживания, это своего рода прагматическая устремленность. Так, например, это произошло с афоризмом:

*Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.*

Из стихотворения «Нобелевская премия»

Тематика афористики Пастернака позволяет по-иному взглянуть на его творческий мир, глубже понять переживания поэта, открыть новые грани его творчества.

Литература

1. Ваганова Е. Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности. На материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2002.
2. Королькова А. В. Афористика в контексте русской культуры. – Смоленск : СмолГУ, 2018. – 225 с.
3. Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н. Словарь афоризмов русских писателей / под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Русский язык: Медиа, 2007. – 685 с.

Источники языковых материалов

4. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. – М. : Слово, 2003–2005.

УДК 811.161.1'373.611(470.332)

Кочкина Юлия Леонидовна

кандидат филологических наук

Смоленский государственный университет

Россия, Смоленск

kochkinayl@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ НАЗВАНИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ И ПРАЗДНИЧНЫХ ДНЕЙ В СМОЛЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются наименования, обозначающие религиозные праздники и праздничные дни смоленского диалекта. Изучение подобных лексических единиц позволяет выявить национальные языковые особенности, определить взаимодействие языковой личности и диалектной картины мира.

Ключевые слова: смоленские говоры, смоленский диалект, лексика, наименования праздников, религиозные и народные представления.

Kochkina Yu. L.

Candidate of Philological Sciences

Smolensk State University

STUDYING THE NAMES OF RELIGIOUS HOLIDAYS AND HOLIDAYS IN THE SMOLENSKY DIALECT

Abstract. The article deals with the names denoting religious holidays and holidays in the Smolensk dialect. The study of such lexical units makes it possible to identify national linguistic features, to determine the interaction of a linguistic personality and a dialectal picture of the world.

Keywords: *Smolensk dialects, Smolensk dialect, vocabulary, names of holidays, religious and folk ideas.*

Лексическая система смоленского диалекта крайне разнообразна. Например, особую группу слов составляют наименования, так или иначе связанные с религиозными праздничными днями или с праздниками. Интересно, что такие дни совпадают с представлениями наших предков о церковном календаре. В говорах, с одной стороны, присутствуют слова, отражающие христианскую жизнь человека, а с другой – есть группа слов, отражающая народные представления. Каждая лексическая единица представляет собой неотъемлемую часть языка и влияет на его современное состояние. Г. Г. Мельниченко считал, что определенную ценность для науки представляет каждое слово, «независимо от того, входит ли оно в литературный язык или является только принадлежностью какого-либо местного говора, ибо оно появилось в речи народа для того, чтобы обозначить, назвать какую-то часть действительности» [КЯОС, с. 7].

В группе смоленских говоров можно выделить наименования праздничных дней – религиозных праздников Русской Православной Церкви. Их мы будем рассматривать начиная с января, в соответствии с календарем.

Так, слово *свято* в диалекте обозначает праздник. В литературном языке лексема *святОй* имеет следующие значения: 1. В религиозных представлениях: обладающий божественной благодатью. 2. Проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный (высок.). 3. Истинный, величественный исключительный по важности (высок.). 4. В христианстве и некоторых других религиях: человек, посвятивший свою жизнь церкви и религии, а после смерти признанный образцом праведной жизни и носителем чудодейственной силы [ТСРЯ, с. 650]. В данном случае связь диалекта и литературного языка очевидна. Лексеммы, встречающиеся в говорах (*святковАть* – праздновать святки, *свЯтковский* – святочный), представляют собой семантически связанные единицы. А. Н. Тихонов считает, что «в семантической структуре слова все типы значений взаимосвязаны и тесно взаимодействуют в процессе его функционирования» [Тихонов 2006, с. 46]. Как известно, святки или святые дни – это временной период с 7 по 17 января включительно между Рождеством Христовым и Крещенским сочельником. Закончились *говЕины* – 1. Великий пост, говенье. 2. Религиозный праздник после поста. *ГовЕльщики* – люди, которые говели, выходят из поста. С этого момента начинались праздничные дни для православных, которые называют святыми вечерами. *Молодёны* – второй день Рождества, 8 января. С этого времени в соответствии с русской традицией люди ходили в гости, праздновали Рождество Христово, радовались сами и делились радостью с близкими. В святочные дни на улицах устраивались сценические представления, разыгрывались сценки из жизни. Именно в святки люди колядовали,

то есть ходили по домам и рассказывали рождественские колядки. Как правило, колядовали дети.

В смоленском диалекте представлено целое лексическое гнездо – группа слов, происходящих от одного корня или объединяемых современными морфологическими или семантическими связями [СЛТ, с. 105], возглавляемое именами существительными *коляд* – святки и *коляда* – нищий. В это гнездо входят лексемы: *колядовАть* – нищенствовать, просить милостыню, *колядовАться* – нищенствовать, просить милостыню, *колядОвня* – сбор подаяний, *колядОвщик* – нищий, *колидОвщица* – нищая, *колядУшки* – нищенствовать, просить милостыню, *колядУшник* – нищий, *коляды* – святки, *колядь*: *по коляди ходить* – нищенствовать, просить милостыню, *поколядовАть* – 1. Совершить старинный рождественский обряд хождения ряженных по домам с песнями и плясками, собирая подарки. 2. Попросить милостыню [ССГ, с. 96].

Святки в представлении наших предков содержали в себе рудименты языческих верований, когда люди наряжались в шутовские наряды, примеряли на себя различные роли, устраивали представления. Такого рода реалии также отражены в смоленском диалекте. *ПересвятковАть* – провести святки. Пересвятковывал русский народ действительно весело, игриво. Активно устраивались игры, где обязательно был *бАхУр* – главный распорядитель святочных игр, либо *бАхУра* – распорядитель, заводила на святочных играх. При этом религиозные традиции сочетались с языческими. Люди *рождествИли* – колядовали, собирали дары с прихожан на Рождество или Пасху, *роженИли* – пели на Рождество, играли в *птИчки* – зимние хороводные (чаще святочные) игры с припевками. На святках всегда были *чУдо* или *шантОпик* – ряженные. Чудо и шантопик ходили с *христОсиком* – сумкой для подаяния. Такую же сумку носил и сам *христосЛав* – человек, который ходил из дома в дом и славил Христа на Рождество.

Следующее так называемое праздничное употребление в диалектах представляет религиозный праздник сретенье (1 февраля по новому календарю). Обозначается лексемой *встрЕченье*. Такие словоупотребления указывают на религиозный и народный характер. С одной стороны, сретенье – это встреча Иисуса Христа с праведным Симеоном и пророчицей Анной, а с другой стороны, у восточных и западных славян – первая встреча весны, время между серединой зимы, граница зимы и весны. Так как одно и другое значения обозначают встречу, то в говорах и используется *встрЕченье*.

Еще один обрядовый религиозный праздник – день Сорока мучеников, а в народе – начало весны – *сОроки*. В данном случае диалектное употребление совпадает с литературным. Как и большинство слов, *сОроки* соотносится с религиозными и народными представлениями людей. В этот день принято печь печенье в виде птиц и солнца. В смоленском диалекте *орЕх* – обрядовая выпеч-

ка в виде шариков; приготавливалась на Сороки. Уменьшительное наименование – орЕшек. Орех по своему виду напоминал не только шарик, но и солнце. В литературном языке одним из значений *ореха* является плод некоторых деревьев или кустарников со съедобным ядром в твердой оболочке [ТСРЯ, с. 418].

Интересным является тот факт, что Рождество Христово и Пасха – это общие для всех христиан праздники. Но в отличие от Рождества Христова Пасха в качестве лексического гнезда в говорах представлена в значительно меньшей степени. Хотя Пасха и является важнейшим праздником, лексем, связанных этим наименованием, фактически нет. Единственным употреблением является *ХристОс* и выражение *Христа кричать* – петь пасхальные песни. Других вариантов вовсе не встречается. Но о том, что Пасха – христианский праздник и без него не могут существовать другие праздничные дни, говорят нам лексемы, значения которых связаны с самой Пасхой.

После Пасхи на девятый день выпадает Радоница, день поминовения усопших. В диалекте ее называют *рАдункой* или *рАдушной*. Славяне этому празднику радовались и совершали обряды на могилах своих близких.

ПереплАвный – в религиозном обряде относящийся к празднику Преполовления. Преполовление Пятидесятницы – это подвижный Господский праздник, который выпадает на среду 4-й недели после Пасхи и имеет 7 дней празднества. С точки зрения христиан этот день объединяет Пасху и Троицу, потому что приходится на середину Святой Пятидесятницы.

В смоленском диалекте встречается *бабий праздник* – название обрядового праздника (День жён мироносиц). Как известно, такой день отмечается по церковному календарю во второе воскресенье после Пасхи. Следовательно, Пасха как понятие в диалекте существует и как праздник отмечается. День жен мироносиц – это праздник женского служения, в говорах получивший название как *бабий*, то есть относящийся к *бабе* – женщине.

Летние праздничные дни в достаточной степени представлены в говорах.

Особое место, например, занимает Духов день или День Святого Духа. В христианской традиции это день в честь Святого Духа, который отмечается на 51-й день после Пасхи, то есть на следующий день после Пятидесятницы, всегда в понедельник. По-другому этот праздник называют Духов понедельник, который идет после Святой Троицы. Но, как и большинство представленных праздников, Духов День в диалектах не имеет ничего общего с христианскими традициями, а относит нас к языческим корням. Об этом свидетельствует лексика говоров. Слово *брезжИны* обозначает неделю после церковного праздника Святого духа, в которую строго запрещалось сеять яровой хлеб. *КумИть*, *кумИться* – совершать обряд, заключающийся в том, что на Духов день в лесу

пожилая женщина (кума) продевает через голову девушек венки, свитый из березовых веток, в знак крепкой дружбы, либо совершать обряд на Духов День, символизирующий верность дружбе девушек, их духовное родство, во время праздничного гуляния в лесу. Все значения утверждают веру славян в приметы. В Духов День славяне отмечали именины матушки-земли. В это время нельзя было работать, стирать, убирать, нужно было отдыхать, ходить в церковь, молиться. *Маем* называли молодые лиственные деревья (чаще березу) и ветви их, которыми в Духов и Троицын Дни украшались дома внутри и снаружи. Одной из обрядовых традиций была встреча девушек в лесу, так называемый «бабский пир», что и отражено в говорах.

Праздник памяти святых апостолов Петра и Павла также представлен в смоленском диалекте. Так, *ПетрО* – религиозный праздник в честь апостола Петра, *петрОвщина* – 1. Сборы церковников с населения натурой во время Петровского поста (в июне по старому стилю). 2. Праздник пастухов в день Петра и Павла.

Другой летний языческий праздник – день Ивана Купалы или Иванов день, который отмечается 7 июля по новому стилю, в говорах назван *купАленкой* и посвящен Иоанну Крестителю (Ивану Купале). Название *купАленка* объяснимо, так как в этот день люди умывались росой, купались ночью, очищались купальским огнем. Каждый верил, что если совершить все эти обряды, то в будущем человек обретет здоровье и красоту. Люди *купАлили* – отмечали праздник, посвященный Иоанну Крестителю.

16 августа христиане отмечают церковный праздник, посвященный Антонию Римлянину и Антону Вихровею. Антоний Римлянин – новгородский чудотворец, живший в XI–XII веках. 16 августа называют и днем Вихровеем, потому что по народным приметам в этот день дующие ветра превращались в вихри. В говорах праздник 16 августа называют по-разному: *бороздЕнь*, *брЯзже*. Корень *борозд-* сохраняется в литературном языке и обозначает взрыхленную почву. Корни *вихр-* и *борозд-* пересекаются по своим значениям, потому что оба смысловых значения связаны с вращением и каким-либо перемещением.

19 августа отмечается религиозный праздник Преображения Господня. Такого словоупотребления в диалекте не представлено. Есть слова *спАсовка*, *спАсовский*, обозначающие двухнедельный пост перед праздником Спаса и имеющий отношение к Спасу, религиозному празднику 19 августа. В народе, и в говорах тоже, Преображение Господне именуется Яблочным Спасом. В это время верующие приносят в церковь плоды и освящают их. Согласно традициям, 19 августа люди придерживаются определенных примет и следуют сложившимся обычаям.

Таким образом, изучение названий религиозных праздников и праздничных дней Смоленского края свидетельствует о том, что в лексической системе диалекта отразились черты, присущие народным и религиозным представлениям людей. Данные изучаемые лексические единицы отражают картину мира в диалекте, указывают на национальные особенности и являются неотъемлемой составляющей современного русского языка.

Литература

1. Тихонов А. Н. Лексическое гнездо в современном русском языке : монография. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – 270 с.

Словари, справочники

2. СЛТ: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

3. КЯОС: Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. – Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1961.

4. ТСРЯ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999.

5. ССГ: Словарь смоленских говоров / под ред. Л. З. Бояриновой, А. И. Ивановой. – Смоленск : СГПУ, 1974–2005. – Вып. 11. – 2005.

УДК 811.161.1'37

Недельчо Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственной университет

Россия, Кострома

elenanedelcho@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ОДНОСТИШИЯХ Н.РЕЗНИК

Аннотация. В статье рассматриваются одностишия Н. Резник, комический эффект в которых обусловлен структурно-семантическими трансформациями фразеологических единиц.

Ключевые слова: Н. Резник, одностишие, моностих, фразеологическая единица, пословица, трансформация, семантические и структурные преобразования фразеологизмов.

Nedelcho E. V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Kostroma State University

PHRASEOLOGICAL MEANS OF CREATING A COMIC IN ONE-LINES OF N. REZNIK

***Abstract.** The article deals with N. Reznik's one-liners, the comic effect of which is due to structural and semantic transformations of phraseological units.*

***Keywords:** N. Reznik, single-line, monostih, phraseological unit, proverb, transformation, semantic and structural transformations of phraseological units.*

Изучение комического как эстетической категории в лингвистическом аспекте является актуальным в современной науке. Одним из важных и интересных является направление, связанное с исследованием средств создания комического эффекта в речевых произведениях, в том числе – в литературных жанрах малого объёма, таких, как, например, одностишия, написанные Н. Резник.

Поэтесса Наталья Резник родилась в Ленинграде, окончила Ленинградский политехнический институт, по образованию – инженер. Её стихи публиковались в журналах «Фонтан», «Невский альманах», «Чайка», «Иностранная литература» и других изданиях. Наталья Резник – призёр ряда конкурсов. Наибольшую популярность Наталье Резник принесли оригинальные ироничные одностишия.

Одностишие (иначе – моностих, однострок, однострочие) – литературная форма, произведение, состоящее из одной строки, хотя специалисты отмечают отсутствие полной тождественности этих терминов и подчёркивают тот факт, что это явление противоречивое и до сих пор вызывающее филологические дискуссии [Степанов 2009].

Исследователи этого жанра отмечают в нём высокую концентрацию смысла, говоря о том, что обычно моностих содержит одну мысль либо одну метафору. За счёт концентрации смысл становится более выпуклым, что дополнительно сближает моностих с афоризмом. Несмотря на концентрацию смысла, за счёт отсутствия рифмы одностишие всегда сохраняет интригу. Это добавляет ему, наряду с основным смыслом, некую двусмысленность [Карпов 2016].

Существует три варианта построения юмористических одностиший. Они могут быть построены на известном выражении, поговорке, пословице, фразе, на двусмысленности слов, на неожиданной ситуации [Лис 2021]. Одностишия Натальи Резник представляют собой богатый материал для анализа языковых средств, создающих комический эффект. Важными средствами создания коми-

ческого эффекта, используемыми Н. Резник, являются фразеологические единицы, которые подвергаются трансформации – семантическим и структурно-семантическим преобразованиям:

«*Стихи пишу не в стол, а сразу в урну*», «*Путь к сердцу на желудке оборвался*», «*Я сражена... Не наповал, но на пол*», «*Ума палата с крышей набекрень*», «*Любить до гроба? Это я устрою...*», «*Продам дрова. Недавно наломала*», «*Насильно быть здоровым не заставишь*», «*“Ты действуй. Я посплю”*», – *сказала совесть*», «*Как говорится, победителей не сажают...*», «*Уйду в политику. Там руки мыть не надо*», «*Совсем некстати вы залезли в душу...*» и др.

Частотными приёмами трансформации, используемыми Н. Резник, являются замена компонента исходной фразеологической единицы, изменение в расположении компонентов, синтаксическая инверсия, расширение компонентного состава, буквализация значения и двойная актуализация фразеологизма. Важно отметить, что зачастую одностишия Н. Резник характеризуются использованием нескольких приёмов трансформации одновременно.

Так, в основе моностиха «*Продам дрова. Недавно наломала*» лежит фразеологизм *наломать дров*. Данное устойчивое сочетание трансформируется: компоненты исходной единицы становятся компонентами разных предложений, то есть дистанционно расположенными. Словосочетание преобразуется в два отдельных предложения, что создаёт дополнительную пропозицию, проявляющуюся в указании на новое событие, ситуацию. Первая фраза в отрыве от второй представляет собой типичное объявление, которое часто встречается в нашей жизни и которое не имеет комического эффекта, но за счёт второй фразы – своеобразного пояснения к первой (вспоминается: *Откуда дровишки?*) – происходит актуализация фразеологического значения, в результате чего возникает комический эффект. Грамматическая структура, таким образом, участвует в формировании комического эффекта: первая фраза – односоставное предложение, в котором не важен субъект и всё внимание направлено на действие, а вторая фраза – двусоставное неполное предложение, в котором важным оказывается и субъект (*я*), и объект за счёт сильной грамматической связи глагола (*наломала чего? дров*).

Н. Резник нередко сочетает приём двойной актуализации с другими приёмами преобразования фразеологических единиц. Так, например, в одностишии «*Ума палата с крышей набекрень*» автор применяет такие приёмы, как двойная актуализация и расширение компонентного состава.оборот *ума палата* имеет значение ‘кто-либо очень умён’ [ФСРЯ, с. 308] и характеризует лицо, обладающее выдающимися умственными способностями, однако часто употребляется с иронией по отношению к глупому человеку. Ироничность обусловлена тем, что выражение *ума палата* представляет собой первую часть посло-

вицы *Ума палата, а ключ потерян*, которую употребляют, когда говорят о человеке, который кажется себе очень умным, а на самом деле это не так.

Расширение единицы за счёт компонента *с крышей набекрень* усиливает отрицательную оценку, что обусловлено значениями этих компонентов. Наречие *набекрень* (разг.) означает ‘с наклоном на бок, сдвинув на одно ухо’ (о ношении головного убора (*Шапка набекрень*)), а также так говорят ‘о человеке с придурью, странном, легкомысленном, опрометчивом в суждениях’ (*Мозги набекрень*) (прост., шутл.) [ТСРЯ, с. 301]. Кроме того, употребление слова *крыша* относит к устойчивому выражению *крыша поехала*, которое употребляется, когда у кого-либо теряется способность понимать, рассуждать, разумно действовать, нарушается адекватность восприятия, правильность оценки происходящего. Возможность расширения состава исходной единицы обусловлена ассоциативной связью компонентов *палата – крыша*. Возможно, компонент *крыша* позволяет говорить и о контаминации фразеологических единиц.

В основе моностиха «*“Ты действуй. Я посплю”, – сказала совесть*» лежит устойчивое сочетание *совесть спит* (подразумевается *у кого-то*), характеризующее человека бессовестного. По структуре данное одностишие представляет собой предложение с прямой речью, где лексема *совесть* сочетается с глаголом речи. Олицетворение, которое было в исходном устойчивом сочетании, сохраняется и в одностишии Н. Резник, но действительно *совесть* приобретает значение активного субъекта, а в прямой речи, представляющей собой два простых предложения, характеризующихся синтаксическим параллелизмом и антитезой (*действуй – посплю, я – ты*), подчёркнуто противопоставление разных субъектов: *я – ты*. Таким образом, комизм возникает в результате того, что *совести* человек воспринимаются как два разных действующих лица, *совесть* активна в том, что она принимает решение, самоустраняется, и от человека не зависит то, что он поступает не по совести.

В одностишии «*Я честь отдам, но большего не требуй...*» происходит буквализация фразеологической единицы *отдавать/отдать честь*. Данный оборот употребляется в двух значениях: 1) ‘приветствовать кого-нибудь по-военному’; 2) ‘оказывать / оказать должное уважение, удостоивать / удостоить вниманием’ (шутл.) [Ушаков, с. 1268]. В одностишии Н. Резник этот оборот подвергается индивидуально-авторской трансформации: инверсия выделяет в интонационном и смысловом плане компонент *честь*, в результате чего возможно понимание словосочетания в составе предложения как свободного сочетания: *отдам (что?) честь, отдам* – значит, ‘себя этого лишу, себе не оставлю’, что создаёт совсем другие ассоциации в отношении лексемы *честь* – непорочности, целомудрия женщины; морального или социального достоинства, того, что вызывает, поддерживает уважение; самого драгоценного, того, чем гордятся [Ушаков, с. 1267–1268]. В этой связи вторая часть одностишия человеком,

знакомым с понятием «честь», воспринимается как алогизм, ибо *большого* просто нет. Двучастность конструкции с противительно-ограничительными смысловыми отношениями приводит к формированию значения (готовности поступиться тем, что для кого-либо менее важно, представляет меньшую ценность), характеризующего человека определённых качеств и выдвигающего тем самым на первый план отрицательное и аморальное.

Замену компонента фразеологической единицы в целях создания комического можно видеть в одностишии «*Как говорится, победителей не сажают...*». Фразеологизм *победителей не судят*, лежащий в основе данного моностиха, подвергается индивидуально-авторской трансформации: глагольный компонент *не судят* (в значении 'не критикуют') заменяется на компонент *не сажают*. Глаголы имеют практически тождественный фонемный состав, за исключением одной фонемы, что меняет значение фразы и создаёт комический эффект: если изначально подразумевалось, что для достижения победы допустимы все средства, честные и бесчестные, то в семантике авторского выражения главной становится отрицательная коннотация, так как имеется в виду, что победитель использует только бесчестные средства, за которые, без сомнения, можно «*посадить*».

В основе моностиха «*Я сражена... Не наповал, но на пол*» лежит фразеологизм *сразить наповал*. Исходная единица используется в трансформированном виде: автор применяет ряд приёмов – парцелляцию, переход утвердительной формы в отрицательную и расширение компонентного состава, причём расширение происходит за счёт характеризующихся противительно-уступительными смысловыми отношениями членов, воспринимающихся как однородные (*наповал – на пол*), которые имеют сходный фонемный состав, в результате чего их можно считать паронимами, что создаёт комичность значения.

В одностишии «*Насильно быть здоровым не заставишь*», которое можно охарактеризовать как окказиональную фразеологическую единицу, образованную по структурно-семантической модели известного выражения, трансформируется узуальная единица *Насильно мил не будешь*. Эта пословица означает, что человек против своей воли не сможет полюбить кого-либо/что-либо. Употребляя это выражение, обычно подразумевают отношения между мужчиной и женщиной. Грамматическая структура исходной единицы в одностишии Н. Резник сохраняется. И узуальный, и трансформированный варианты тождественны по структуре: это односоставные обобщённо-личные предложения, состоящие из трёх частей: наречие *насильно* на первом месте, которое сохраняется при трансформации, указание на признак (качественные прилагательные *мил – здоровый*) и глагол в форме 2 лица единственного числа. Однако изменение главного компонента – глагола – меняет значение всей единицы и создаёт

комический эффект. Смысл узуального варианта логичен (нельзя приказом повлиять на чувства человека), а окказионального – и логичен, и алогичен одновременно: нелогично не хотеть быть здоровым, но логично, что нельзя заставить вести здоровый образ жизни, чтобы быть в результате здоровым.

В целях создания комического Н. Резник обращается к устойчивым выражениям различного характера. В основе одностишия «*Под шубой оказалась не селедка*» используется название известного всем салата «Селедка под шубой». В этом названии есть метафора (*шуба* – ‘несколько слоёв овощей’) через сходство с *шубой* – ‘зимней верхней одеждой на меху или на вате’ [ТСРЯ, с. 827]. Изменение порядка слов и положительной конструкции на отрицательную актуализирует ассоциации, которые рождает предложно-падежная форма *под шубой*: нечто закрытое, скрытое от всех, неявное, что создаёт некую интригу. Метафоричность исходного выражения подвергается далее художественному переосмыслению. Субстантивные компоненты переосмысливаются иначе, «обмениваются» метафоричностью: метафора *селёдка* и не-метафора *шуба*. Именно этой метафоричностью и особенностью синтаксической конструкции создаётся комический эффект одностишия.

Таким образом, Наталья Резник в своём творчестве часто обращается к фразеологическим средствам русского языка, трансформируя их при создании своих произведений. Н. Резник подвергает устойчивые обороты и выражения различным структурно-семантическим преобразованиям, что приводит к созданию комического эффекта и позволяет автору смеяться над различными явлениями действительности, человеческими отношениями и характерами.

Литература

1. Степанов Е. В. Современный русский моностих и однострочная поэзия // Дети Ра. – 2009. – № 9(59). – URL: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=10488> (дата обращения: 05.03.2023).
2. Лис А. Размышления о жанре. Юмористические одностишия, 2021. – URL: <https://litgalaktika.ru/publ/71-1-0-7938> (дата обращения: 20.02.2023).
3. Карпов И. Одностишье, моностих, однострок и пр., 2016. – URL: <https://stihi.ru/2016/06/05/9550> (дата обращения: 01.03.2023).

Словари, справочники

4. ТСРЯ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1986.
5. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров ; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986.

6. Ушаков: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.).

Источники языковых материалов

7. Одностишия Н. Резник. – URL: /dzen.ru>a/YNfmKMNEHkb1J1fS (дата обращения: 01.03.2023).

УДК 81'42

Рябцева Екатерина Сергеевна

кандидат филологических наук

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Россия, Екатеринбург

e.s.riabtseva@urfu.ru

ДИСКУРС ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ФРАЗЕОЛОГИИ

***Аннотация.** В работе рассматриваются речения диалектоносителей, содержащие мета-языковую рефлексию относительно фразеологических единиц. Анализируется отражение параметров фразеологических единиц в дискурсе; рассматриваются особенности контекстов, содержащих мотивировки единиц; даются наблюдения за высказываниями, демонстрирующими языковую догадку диалектоносителей о семантике фразеологизмов.*

***Ключевые слова:** фразеология, дискурс, диалект, параметры фразеологизмов, наивная этимология.*

Riabtseva E. S.

Candidate of Philological Sciences

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

DIALECT DISCOURSE AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT PHRASEOLOGY

***Abstract.** The paper considers the speeches of dialect carriers containing metalinguistic reflection on phraseological units. The reflection of the parameters of phraseological units in discourse is analyzed; the features of contexts containing the motivations of units are considered; observations are made of statements that demonstrate the linguistic guess of dialect speakers about the semantics of phraseological units.*

***Keywords:** phraseology, discourse, dialect, parameters of phraseological units, naive etymology.*

Антропоцентрический подход, являющийся в последние десятилетия доминантным для фразеологических исследований, имеет множество направлений: связь фразеологии с культурой [Ковшова 2019; Мокиенко 2012а; Телия 1999 и др.], авторские модификации устойчивых выражений и в целом фразеологический идиостиль личности [Ломакина 2019]; фразеологическая неологика [Вальтер 2011; Мокиенко 2014, 2019; Третьякова 2009] и др. Обширнейшее поле для исследований представляет также изучение функционирования фразеологических единиц (далее ФЕ) в дискурсе.

В последней области внимание исследователей сосредоточивается на специфике бытования фразеологизмов в потоке речи: трансформациях [Доброва 2018; Третьякова 2020], особенностях семантики [Казеннова 2009], потенциале воздействия [Колышкина, Шустина 2018] и др.

В данной статье рассматривается диалектный дискурс, содержащий фразеологические единицы. Дискурс понимается как «интегративная совокупность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в функционально-речевом отношении» [СЭС, с. 53–54]. Выбор диалектного дискурса обусловлен отсутствием нормы, наиболее «живым», незакрепощённым использованием языка, что позволяет непосредственно взглянуть на ряд процессов, связанных с функционированием фразеологии в речи и с особенностями существования устойчивых единиц в языковом сознании.

Материал представляет собой полевые записи Топонимической экспедиции УрФУ. Сбор материала осуществлялся методом сплошного просмотра электронной картотеки Топонимической экспедиции УрФУ и составил около 500 контекстов. В основном представлены данные по Костромской области, единично приводятся факты архангельских и вологодских говоров (имеющиеся в электронной картотеке).

Основной рассматриваемой дискурсивной ситуацией является языковая рефлексия диалектоносителя относительно фразеологической единицы. Таким образом, выбранный аспект исследования является более узкой областью общего научного направления по изучению метаязыковой рефлексии диалектоносителя (представленного в трудах Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко, Е. В. Головки, В. Е. Гольдина, О. Ю. Крючковой, А. Н. Ростовской и др.).

Как отмечают С. К. Соколова и А. А. Шумилова, «“диалектная личность” обладает не меньшей степенью рефлексивности, чем “литературная личность”, лишь с тем существенным различием, что рефлексия “диалектной личности” в большей степени опирается на интуитивное знание о языке» [Соколова, Шумилова 2016, с. 202]. Рефлексия может возникать естественным образом, будучи спровоцированной употреблением ФЕ в контексте высказывания, а может быть вызвана вопросами собирателя. Употребление ФЕ вызывает некоторую

«фиксацию» говорящего на ней, и таким образом единица становится центром, отправной точкой организации дискурса.

А. Н. Ростова, рассматривая диалектное метаязыковое сознание, приходит к выводу, что слово представлено в нём «нерасчлененно, в совокупности всех его свойств, признаков и характеристик <...>. Каждое из этих свойств может “всплыть” на поверхность сознания и оказаться объектом рефлексии» [Ростова 2000, с. 36]. Изучение отраженных в диалектном дискурсе свойств ФЕ и процессов, происходящих с ними, помогает отчетливее проявить собственно языковые свойства и особенности функционирования единиц в сознании и речи.

1. Параметры фразеологизма в зеркале дискурса диалектоносителей

Диалектный дискурс, содержащий рефлексии над ФЕ, отображает **свойство устойчивости** как «абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов “в готовом виде”» [Телия 1996, с. 56], определенную их фиксированность в сознании носителя языка в виде целого в противоположность ситуативной конструируемости. На эту особенность указывают метаязыковые обозначения, применяемые диалектоносителями к ФЕ:

– приставка: костр. шар. *Сидели-сидели, разговаривали, а он вдруг вскочил и побежал, о нем скажут, как Митька прял. Соскочил, убежал и Митька прял <...> Не знаю, почему Митька, это как приставка.* Характеристика «приставка» указывает, как кажется, на стёртость внутренней формы ФЕ для диалектоносителя, характеризуя при этом такую степень слитности словесного комплекса, при которой выражение воспринимается как единство и «приставляется» к речи¹;

– поговорка: костр. вохом. *Мы начинали только дом строить – к колу прививались. Это поговорка такая, раз колы сначала вбивают;* костр. вохом. *Как от падины будет пахнуть, если курить будешь. Это такая поговорка;*

– пословица: костр. вохом. *Дак пословица есть: «как тукан стоит», ему говоришь, а он как тукан стоит, ничего не говорит и не движется, он не бойкий;* костр. пыщ. *В Никольском районе есть пословица «через Дор на Плаксино». Это когда человек идёт не туда, куда надо, и вообще делает не так, как надо;* костр. вохом. *«Чуру не знает» – дак это старинная пословица. Пьют – дак и чуру не знают.*

Два последних обозначения объединяют ФЕ с паремиями, что свидетельствует о существовании в метаязыковом сознании диалектоносителей единого класса устойчивых неоднословных единиц.

Постепенная деэтимологизация, являющаяся следствием устойчивости, также находит отражение в речи диалектоносителей. Довольно часто наблюдается подчеркивание говорящим своей неосведомленности относительно моти-

¹ Ср. аналогичное употребление в речи того же информанта: костр. шар. *Ну, какого синего тебе еще надо, как поговорка, приставка.*

вировки (*не знаю, почему так говорят* и др.), часто выступающее в комплексе суказаниемна традицию употребления ФЕ, отсылкой к опыту предыдущих поколений: костр. шар. *Ябеда человек, ябедник, он наговорит четвергов в неделю* <...> *Почему четвергов, этого не знаю, это задолго до нас было, очень старое выражение*; костр. с-слав. *Чего смеёшься, как Машка Мёдиха, невпопад значит, не к месту. А кто она такая эта Машка, никто не знает*; костр. вохом. *Дикое бало* называли, кто шалит. *Дикое бало* батька раньше называл. Вероятно, в данном случае следует также предположить общую тенденцию апелляции к предыдущим поколениям для подчеркивания достоверности информации (аналогичное речевое поведение отмечается, в частности, в эсхатологических рассказах о «ранешней Библии» [см.: Громов 2003, с. 43]).

Экспрессивность, которую некоторые исследователи включают в состав собственно фразеологических свойств (см., напр., Мокиенко 2012б, с. 102; Бирх 2017, с. 56), проявляется в обозначениях:

– анекдот (влг. кад. *Куда пошла на веретейку? В виде анекдота говорят, не туда пошла, значит*);

– насмешливое слово (костр. шар. *Если они несуразные такие, вот и говорили, что как Афоня с Марфой. Это просто насмешливое слово, подтрунить если надо над кем-то*). В этом же обозначении проявляется также эквивалентность ФЕ слову в функциональном и семантическом аспектах [см., напр., Алефиренко, Семененко 2009, с. 16; Телия 1996, с. 75].

Большое количество контекстов дает представление о **фразеологической модельности** (в первую очередь, грамматической, когда один из компонентов единицы может варьироваться): влг. баб. *Вот неуёмный, что-то делает, носится: «Леший тебя носит, пинит или водит*; костр. окт. *На свой кокряк, на свой хохряк, на свой одур ладит, никого не слушает*. Представляет интерес и контекст, показывающий модельность не самой ФЕ, а ее «расширителя»: арх. лен. *Дома ести нечего, нужда села на шесток и ножки свесила, даже хлеба нет*, где усиливающий экспрессивность добавочный компонент *и ножки свесила* – такой же, как общенародном выражении *сесть на шею (и ножки свесить)*.

2. Стратегии наивной этимологизации ФЕ в диалектном дискурсе
Утрата фразеологической единицей прозрачности своей внутренней формы вступает в противоречие с когнитивным стремлением человека понимать свой язык. А. Н. Ростова отмечает в качестве особенности метаязыкового сознания диалектоносителя ориентированность на отражение внутренней формы слова [Ростова 2000, с. 35] – это же справедливо и по отношению к ФЕ.

Представляется возможным выделить несколько «сценариев», по которым происходит объяснение мотивировки выражений диалектоносителями. Первый из них – «наивная этимологизация» на базе созвучия: костр. окт. *Пав-*

линья годоська – это оскорбление, вредный человек это. Годоська – гад, я думаю.

Другой сценарий демонстрирует попытку объяснить ФЕ через развернутое описание-предположение ситуации, лежащей в основе образности: костр. окт. *Заберёшь карточку – потом ищи на Моке лапти. Мока – имя у парня, а он в лаптях был.*

Совмещение этих двух стратегий проявляется в контексте влг. кад. *Ванька прял, что не умеет прясть, а только прясть хватилась, а Ванька прял. Вот я положила, а он был и Ванька прял – уже и нету, Ванька унёс*, дополняющем приведенный Л. А. Феоктистовой онежский контекст (*Позвонила, а тебя митька прял. Значит, нету её. Разве будет Митька долго сидеть за прялкой?*). Как отмечает В. Е. Гольдин, основными чертами сельской речевой культуры являются событийность, антропоцентричность и эгоцентричность, связанные с отношением к знанию: «...важным и достоверным представляется не услышанное в чьем-либо рассказе или тем более – пересказе, а виденное, воспринятое и прочувствованное самим человеком в качестве участника соответствующих событий» [Гольдин 2009, с. 5]. И эта же «я-ситуация» в данном случае показывает, что речь идет не о реальном случае, а о довольно умозрительном. Ре-этимологизация же происходит на базе сближения *прясть* ‘делать нить’ и *прясть* < *прянуть* [см. Феоктистова 2019, с. 95; Березович, Рут 2016, с. 82].

Наличие подобных контекстов, в которых конструируемый сознанием персонаж ведет себя как реальный человек в конкретных ситуациях, позволяет, как кажется, иначе взглянуть на ряд других фразеосодержащих контекстов и объяснять их без опоры на предполагаемую ситуацию (которая не существовала в действительности), выводя на первый план мотивировку именно языковыми свойствами онима: костр. вохом. *Ну, говорят, как немытая Орина, всё время как Орина немытая. Была женишина такая грязная, она на речку не ходила, худо умывалась, как, говорят, Орина немытая.* Следует обратить внимание на различное функционирование онима во ФЕ, опирающихся на реальную ситуацию, и на объясняемых диалектоносителями через квазиситуацию. В первом случае оним, как правило, включает конкретизирующий атрибутив – производное от фамилии, отчества или топонима (ср.: костр. вохом. *У нас тут ещё одна ходила, как блаженная. Дуня Касимовская. Вся юбка в пуговицах. Разные все и везде поашиты. Ну и когда одета так не пойми чего, говорят: «Ну, чего ты как Дуня Касимовская!»*, *Марина Панкратова всё по беседкам бегала, дак сейчас скажут: «Ну, как Марина Панкратова!»*. *Дома не сидела. У неё одиннадцать детей было, а дома всё равно не сидела. Это всегда, какого человека в деревне не слюбят, тем и будут попрекать*; костр. буй. *Ты дурачок, как Стёпка Масловский. Был Стёпка-дурачок в Маслове. Парень или мужчина дурачок, говорили: «Ну, ты как Стёпка Масловский»*. *Стёпка возил молоко*

в *Маслове* и др). При домысливании ситуации оним в составе ФЕ лишен подобного атрибутива, указывающего на реальность прототипа. А сама квазиситуация отличается большей абстрактностью (ср. «худо умывалася» vs «у неё одиннадцать детей было» или «возил молоко»).

Вероятно, можно трактовать объяснения такого рода как особенность диалектного сознания – стремление его к конкретности, связи с ситуацией или событием. Как отмечают В. Е. Гольдин и О. Ю. Крючкова, в диалектном дискурсе явления обычно характеризуются «с помощью иллюстрирующих их конкретных ситуаций» [Крючкова, Гольдин 2016, с. 134]. Проявлением этой же тенденции представляется объяснение ФЕ через прецедентную ситуацию (костр. вохом. *Ещё выражение есть «Орина – привязали хвостом за рябину». У Пушкина няня была Орина – так он про её придумал. Она, вишь, шибко привязана была к ему и замуж не вышла. Когда кто шибко привязан к кому – к дому да ко всему. Ничего не держит, а и хвоста-то нет – вот и Орина, привязали хвостом за рябину*) и «осваивание» общенародных выражений при помощи местнозначимых онимов (костр. вохом. *Много наносят на стол, как, говорят, на маланьину свадьбу. Была тут Маланья, вот и прозвали. Я даже её немножко помню; костр. парф. Говорят «когда рак на горе свистнет», а у нас «когда рак на Акуловой горе свистнет»* и др.).

3. Языковая догадка диалектоносителей как маркер идеографической системы ФЕ

В ходе полевой работы топонимической экспедиции УрФУ было зафиксировано некоторое количество контекстов, в которых диалектоносители предполагают значение ФЕ, неизвестной им. Эти высказывания возникают в ситуации такого вида опроса, когда собиратель материала спрашивает, знает ли диалектоноситель то или иное слово или выражение. Чаще всего диалектоносители, не будучи знакомыми с языковым фактом, констатируют это, однако некоторые оказываются склонны предполагать семантику слова / выражения, напр.: костр. парф. *Скачет как егарма. А что значит «егарма»? Вроде шибко что ли;* костр. вохом. *Как миндра идёт – голову подняла, идёт как пава, модная;* костр. окт. *Это я слыхала – павлина годоська. Ну, значит, она некрасивая, плохая, неухоженная. Нехорошая женщина была. Годоська – это деревня была, называлась, по-моему, Годовка. Павлина – ну, я как поняла, Павла;* костр. вохом. *Лутошные глаза – лутошко-то дерево такое есть. Это как понять, они лутошные. Значит, наверно, нехорошие глаза.*

Основанием для языковой догадки о семантике ФЕ могут служить два фактора. Первым из них является фоносемантика единицы, звуковой облик слова, связываемый с определенным эмоциональным или даже семантическим комплексом. Однако установить определенные закономерности между звуко-комплексами и семантикой не представляется возможным.

Вторым фактором, влияющим на возникновение языковой догадки, служит внутреннее свойство фразеологической системы. В приведенных контекстах видно ощущение диалектоносителями того факта, что ФЕ обычно номинируют ситуации отклонения от нормы, и, как правило, такие отклонения оцениваются негативно [см., напр., Хайруллина, Созинова 2011, с. 1115]¹. Так в ситуациях контекстов костр. *вохом. Как миндра идёт – голову подняла, идёт как пава, модная»* и костр. *вохом. Лутошные глаза – лутошко-то дерево такое есть. Это как понять, они лутошные. Значит, наверно, нехорошие глаза* говорящий явно не владеет семантикой единицы², но предполагает заведомую отрицательность характеристики.

Представляется также, что приведенные высказывания обнаруживают наличие определенной идеографической сетки, интуитивно ощущаемой носителем языка: говорящий выбирает из всех возможных для номинации идеограмм те, которые наиболее склонны к фразеологическому обозначению: ‘скакать интенсивно’ (но, скажем, не *из стороны в сторону, *слабо, *ритмично); ‘идти, важничая’ (при возможных фразеологических воплощениях ‘идти, прихрамывая / вразвалку / быстро / медленно / важничая’, но не *отвлекаясь, *вприпрыжку и т. п.). То есть кажется возможным предположить существование определенного счетного количества идеограмм, наиболее склонных к фразеологическому выражению, из которых говорящий выбирает то, что, как ему кажется, соответствует звуковой форме.

Анализ высказываний, в которых функционируют фразеологические единицы, позволяет дополнить представление о языковых свойствах ФЕ, охарактеризовать процессы деэтимологизации и реэтимологизации идиом, а также обозначить основные когнитивные «ходы» наивной реэтимологизации. Комплексный анализ контекстов и их компонентов дает возможность увидеть парадигматические связи между единицами и на их основании уточнить интерпретации фразеологических мотивировок, а также точнее «откалибровать» идеографическую сетку диалектных ФЕ.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М. : Флинта : Наука, 2009.

2. Березович Е. Л., Рут М. Э. Заметки на полях экспедиционных блокнотов (Волго-Двинское Междуречье) // Финно-угорская мозаика : сборник статей к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен. STUDIA NORDICA I / отв. ред.

¹ Об аналогичной асимметрии положительной и негативной оценки в лексике – см., напр., [Скворцова 2012, с. 5].

² Ср.: *миндра* – мелкие насекомые’ и фиксирующееся у других информантов *как миндра идти* – идти медленно; тащиться’; *лутошные глаза* ‘о бессовестном человеке’.

О. П. Илюха. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. – С. 80–91.

3. Бирих А. Русская субстандартная фразеология в современных СМИ // Die slawische Phraseologie in den modernen Massenkommunikationsmitteln (Publizistischer Diskurs). Kollektivmonografie // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс : монография /отв. ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Ж. Финк. – Грайфсвальд : Ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2017. – С. 54–62.

4. Вальтер Х. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное // Мир русского слова. – 2011. – № 2. – С. 11–19.

5. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 1. – С. 3–7.

6. Громов Д. В. Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. – 2003. – № 1. – С. 42–44.

7. Доброва М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект. DISERTAČNÍ PRÁCE. – Оломоуц, 2018. – URL: https://theses.cz/id/mwdq3r/Dobrova_Disertace.pdf (дата обращения 15.08.2022).

8. Казеннова О. А. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе (на материале спортивных репортажей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.

9. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М. : ЛЕНАНД, 2019.

10. Кольшклина Т. Б., Шустина И. В. Идиомы как средство воздействия на целевую аудиторию в политической рекламе // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни : сборник научных статей к юбилею профессора А. М. Мелерович / отв. ред. и сост. И. Ю. Третьякова ; предисл. А. Е. Якимов. – Кострома : КГУ, 2018. – С. 152–160.

11. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 9–10(113). – С. 133–138.

12. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. – М. : РУДН, 2019.

13. Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник КемГУ. – 2014. – Т. 4, № 4 (52). – С. 59–62.

14. Мокиенко В. М. Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации: общее и различное // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : материалы

Международ. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 22–24 марта 2012 г.) / под науч. ред. А. М. Мелерович. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012а. – С. 9–13.

15. Мокиенко В. М. Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.). – Екатеринбург : УФУ, 2019. – С. 216–219.

16. Мокиенко В. М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Сер.: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012б. – Т. 25(64), № 2 (1). – С. 100–109.

17. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2000.

18. Скворцова Е. В. Лексико-семантические аспекты асимметрии положительной и отрицательной зон оценки: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2012.

19. Соколова С. К., Шумилова А. А. Пропозиционально-фреймовый словарь звучащей и фиксированной народной речи (интегративный подход) // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 200–207.

20. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

21. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996.

22. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология в публицистическом стиле // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 1. – С. 116–119.

23. Третьякова И. Ю. Проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсе // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации) : материалы Международ. науч.-практ. конф. – Кострома, 2020. – С. 23–27.

24. Феоктистова Л. А. «Хитрый Митрий»: системно-языковые и культурные коннотации одного личного имени // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 83–107.

25. Хайруллина Р. Х., Созинова Э. М. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 6, № 3 (1). – С. 1114–1116.

Словари, справочники

26. СЭС: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта, Наука, 2006.

УДК 811.161.1'373.72

Синельникова Лара Николаевна

доктор филологических наук, профессор

Луганский государственный педагогический университет

Россия, Луганск

Prof.sinelikova@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ

***Аннотация.** В статье на значительном эмпирическом материале определены особенности структуры и функций мифологических фразеологизмов в поэтическом дискурсе. Обращается внимание на роль мифологического события, признаки которого включены в актуальную событийную сферу стихотворения, на аллюзивный процесс текстопорождения, представленный в форме генитивной метафоры и в других видах редукции фразеологизма, повышающих уровень ассоциативности в восприятии и понимании стихотворения. Отмечена высокая степень продуктивной реализации семантики понятия нить, составляющего концептуальную основу мифологического фразеологизма нить Ариадны.*

***Ключевые слова:** мифологический фразеологизм, поэтический дискурс, дискурсивная мотивированность, претекст, аллюзия, редукция, трансформационная активность.*

Sinelnikova L. N.

Doctor of Philological Sciences, Professor

Lugansk State Pedagogical University

DISCOURSE MOTIVATION OF MYTHOLOGICAL IDIOMS IN VERSE TEXTS

***Abstract.** The article determines the structural and functional features of mythological idioms in poetic discourse based on considerable empirical material. Attention is given to the role of the mythological event in a lyrical plot based on the inclusion of the mythological event in the actual event sphere of the poem, to the allusive process of text creation represented by genitive metaphors and other types of idiom reductions which increase the level of associativeness in the perception and understanding of the poem. The article points out the high degree of the semantic realisation of the concept thread, which constitutes the conceptual foundation of the mythological idiom Ariadne's thread.*

***Keywords:** mythological idiom, poetic discourse, discourse motivation, pretext, allusion, reduction, transformational activity.*

Мифологические фразеологизмы (далее МФ) – это фразеологизмы, пришедшие из античной мифологии как универсального источника, оказавшего влияние на мировую культуру в самых разных её проявлениях. Группу МФ свя-

зывает общий мотивационный стержень – мифологические события, на фоне которых формировалось их целостное обобщённое значение. МФ проявляют устойчивость мифологического сознания и продолжают участвовать в конструировании образа мира и образа жизни, что подтверждается их присутствием в текстах разных жанров и в разных дискурсивных практиках.

Претекст как первичный мифологический сюжет обуславливает инвариантное значение фразеологизма и даёт возможность вариативной текстовой реализации того или иного сегмента мифологического нарратива. Инвариантная (категориальная) семантика МФ сформировалась в результате отрыва от деталей мифологического события и перехода к когниции «что означает»: *открыть ящик Пандоры* означает ‘выпустить на волю беды и несчастья’, в текстах утвердилось значение предостережения, запрета на выполнение опасного по своим последствиям действие; *прокрустово ложе* – это узкие рамки, жесткие границы, искусственные мерки, под которые подгоняют реальную жизнь, творческие идеи и под.; *троянский конь* – подарок с двойным дном, коварные дары, несущие гибель для тех, кто их получает, тайный замысел, хитрая ловушка; *авгиевы конюшни* – место, где царит беспорядок, хаос, неразбериха etc. Когниция «даёт процедурный ключ к пониманию и целого текста, и его частей» [Демьянков 2005, с. 6]. Вариативное в семантике МФ проявляется в случаях изменения отношения к деталям мифологического события, что отражается на формально-содержательных характеристиках МФ в текстах. С инвариантной семантикой МФ согласуется понятие «конвенциональная мудрость» – термин, который используется для описания феноменов, принимаемых обществом в целом как верные, не нуждающиеся в экспертной проверке, поскольку они являются носителями кодифицированных и проверенных временем норм. С вариативной семантикой согласуется установка на творческое преобразование фразеологизмов, использование потенциала контекстной экспрессивности. (О видах вариативности фразеологизмов с элементом-антропонимом в разных языках см.: [Ковшова, Дронов 2022].)

Общепризнано, что закономерности обнаруживаются на большом материале. Мы использовали материалы объёмной личной картотеки и данные поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>). Активное использование МФ фиксируется в двух институциональных дискурсах – политическом и поэтическом. О принципиально разной дискурсивной мотивированности свидетельствует «набор» предпочитаемых МФ. Так, в политическом дискурсе с его установкой на состязательность в борьбе за власть (в том числе с помощью слова, экспрессивного оценочного образа) востребованы такие фразеологизмы мифологического происхождения: *троянский конь, дары данайцев, рог изобилия, яблоко раздора, петь дифирамбы, витать в эмпиреях, колосс на глиняных ногах, меж-*

ду *Сциллой и Харибдой*. Активны в этом дискурсе фразеологизмы с компонентом-мифонимом: *ящик Пандоры, нить Ариадны, Гордиев узел, пиррова победа, быть под эгидой, кануть в Лету, Ахиллесова пята, прокрустово ложе, авгиевы конюшни, сизифов труд, дамоклов меч, Геркулесовы столпы, двуликий Янус, жрецы Фемиды*. Названные МФ как готовые эмоционально-интеллектуальные блоки используются в качестве прецедентных в разных лингвокультурах [Беспалова 2021; Рубцова 2020].

Поэтический дискурс имеет свои особенности, которые определяют закономерности функционирования МФ в стихотворных текстах. Этот вид дискурса представляет собой «общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [Карасик 2009, с. 326]. Внимание к проблемам креативной прагматики позволило определить поэтический дискурс как «совокупность поэтических высказываний (текстов), которые характеризуются специфической референцией к художественной реальности и плану выражения, особой формой поэтического “Я”, комплексными стратегиями субъективации и адресации» [Сokolova, Захаркив 2021, с. 90].

Предпочтение определённых групп МФ подтверждает роль фразеологизмов в идентификации не только функциональных стилей, но и институциональных дискурсов. Так, МФ *ящик Пандоры, авгиевы конюшни* в стихотворных текстах не представлены, в то время как в газетном подкорпусе зафиксированы соответственно 291 и 118 примеров; МФ *прокрустово ложе* в газетном подкорпусе представлен 129 примерами, в поэтическом – только двумя; МФ *троянский конь* в газетном корпусе иллюстрируется 131 примером, в поэтическом – только одним; МФ *двуликий Янус* в газетном подкорпусе зафиксирован в 25 примерах, в поэтическом – в четырёх; МФ *Гордиев узел* в газетном подкорпусе фиксируется в 191 примере, в поэтическом представлен тремя примерами.

Выборочное сопоставление подтвердило потенциал поэтического дискурса применять МФ в образной коннотации через тропы: сравнения (*И брошенная, как троянский конь, Европа* – Ю. Домбровский), метафоры (*Гордиев узел противоречий* – А. Дорогойченко; *Белогвардейцы! Гордиев узел / Доблести русской* – М. Цветаева), перифразы (*Двуликий Янус, твоё лицо – к жизни одно и к смерти одно* – И. Бродский; *двуликий Янус – ученья все, добро и зло* – А. Баркова). Активизация звукового образа представлена в строке: *Завязи горла завязали в гордиев узел* (Б. Кушнер).

Когнитивно-дискурсивный подход к МФ даёт возможность оценивать все формы их текстовой реализации в условиях процесса перехода от значения к смыслу, определять последовательность трансформаций, сохранение исходно заданной семантики или придание фразеологизму новых коннотаций. В тексте МФ представляет структуру, которая может подвергаться разным видам когни-

тивной обработки, но всегда свидетельствует об имманентности мифологического сюжета сознанию поэта.

В поэтическом дискурсе реализуются «вечные темы» (мотивы) лирики, к числу которых относится тема жизни и смерти. В передаче движения жизни лидирующие позиции занимает МФ *нить Ариадны*. В древнегреческой мифологии Ариадна помогла Тесею выбраться из лабиринта чудовища Минотавра с помощью клубка нити, подаренного ему. Номинации *лабиринт* и *клубок нити* оказались ключевыми словами этого мифа, по которым можно диагностировать МФ, который может быть представлен в самых разных формах – от использования в стихофразе [Попова 2022] до организации лирического сюжета стихотворения, от полной формы МФ до аллюзивного косвенного намёка.

Для лирического сюжета важно не столько прецедентное имя, сколько прецедентная ситуация. МФ, как носители признаков мифологического события, предрасположены к употреблению в формате «текст в тексте». Диалог текстов в стихотворении проявляет себя как диалог событий – мифологического и актуального. При этом именно МФ задаёт интерпретационную программу стихотворения. Двусобытийность – основополагающая когнитивная характеристика стихотворных текстов, включающих МФ: событие, существовавшее в мифологической картине мира и свернутое в идиому, соплагается и даже переплетается с событием стихотворения. Пример поэтической «реконструкции» мифа, события которого проектируются на жизнь и судьбу человека, представлен в стихотворении В. Степанова:

Нить Ариадны, данная мне,
Вдруг зацепилась за щель на стене.
Дернул клубок – оборвалася нить,
Что ж теперь делать, как же мне быть?
Значит, закрыта дорога назад,
В черных стенах лабиринта зажат.
Я, как и прежде, шагаю во тьме,
И минотавр меня ждет в тишине.
Что ж, Минотавр, ты силен и могуч,
Вера во мне – исчезающий луч,
Пусть не удастся ничто изменить,
Взгляд Ариадны – мне светоч и нить.
С ним лабиринты мне нипочем...
Пал людоед под счастливым мечом.
Схватка окончена – он побежден,
Здесь в лабиринте все грани времен.
Нет Минотавра – повержен мой враг,
А лабиринт – это мой саркофаг.

Жалко, что ниточка была слаба,
Так неужели это судьба?
Это неправда! Я выйду живой!
Взгляд Ариадны не гас надо мной.
Взгляд Ариадны покажет мне путь,
Ниткой заветной станет он пусть.
Взгляд, как он много может сказать,
Многое могут любимой глаза.
Стал лабиринт светлым, как из стекла.
Мигом исчезла крошечная мгла.
Словно стираются грани времен.
Нитку нашел я, значит, – спасен,
К свету, к свободе веди и зови,
Светлая, крепкая нитка любви.

Аттракция двух событий: мифологического и текстового – меняет свойства событийности, что проявляется, в частности, в амбивалентной семантике глаголов, которые могут описывать событие и одновременно представлять ментальные сущности, то есть процессуальности материального придаётся значение идеального: *нить зацепилась, оборвалась, нитку нашёл* – всё это проецируется на события жизни.

Индивидуальная авторская «обработка» МФ проявляется по-разному: в одних случаях в стихотворении происходит дискурсивное сближение событий через их отождествление и (или) сравнение, в других – событие «сворачивается» в аллюзию. Очевидна корреляция понятий «аллюзия» и «редукция»: оба явления связаны с процессами трансформации фразеологических единиц. Аллюзивное слово – это элемент претекста, и цель аллюзии – предельно сократить объём информации о мифологическом событии через применение разных форм текстовой редукции: эллипсиса, замены и варьирования компонентов, изменения грамматической формы, стилистических модификаций и многого другого. Редукция в условиях текста может рассматриваться как когнитивный механизм продуцирования ассоциаций вариативного характера. Вычленение слова из МФ вносит в стихотворение импликационные изменения, в связи с чем для полноценного понимания стихотворения и для профессиональных интерпретационных решений необходимо знание полного состава МФ. В стихотворных текстах структурное упрощение сопровождается когнитивным усложнением, мотивированным знанием мифологии, фразеологизмов, её представляющих, и принципа аллюзивности как особой формы интертекстуальности.

МФ *нить Ариадны* обнаруживает высокую степень трансформационной активности (о трансформационной активности фразеологизма *проходить красной нитью* см.: [Третьякова 2022].) Оказиональный преобразовательный

потенциал этого фразеологизма основывается на семантике опорного компонента – *нити*. Образ нити, отсылающий к МФ *нить Ариадны*, может реализоваться как в одной метафоре, так и в серии генитивных метафор, превращающих текст стихотворения в аллюзивный процесс: *Я нить за нитью обрываю... Вот нить суровой дружбы нашей... А это нить любви... А это просто нить привычек... Ещё, ещё, ещё одна* (Н. Старшинов. Стихи о бывшей любви).

Аллюзию, связанную с нитью, можно отнести к числу дискурсивных, то есть таких, которые проявляют высокую степень активности именно в поэтическом дискурсе. Имплицитная связь сМФ сохраняется и при стилистической трансформации *нити* в *нитку*: *Поиск фона, поиск тона / Для земли, для небосклона, / Для деревьев и травы, / Поиск нужного наклона / Непокорной головы. / А пока набросок, проба, / Вариант – и так до гроба, / Ярче всех, темнее низ. / Годы жара и озноба, / А в итоге лишь эскиз, / Лишь этюд, **дороги нитка**, / Некто, нечто, дом, калитка, / Сад, готовый отцвести, – / Бесконечная попытка / Скоротечное спасти.* (Л. Миллер. Всё как будто не фатально...)

Нить жизни прерывают Парки – три богини судьбы: одна тянет пряжу, прядёт нить человеческой жизни; другая наматывает пряжу на веретено, распределяя судьбу; третья перерезает нить, заканчивая жизнь человека. Связь антропонимов *Ариадна* и *Парка* обеспечивают слова *нити*, *пряжа*, *клубок*, семантика которых расширяется и согласуется с общим значением МФ, что отражено в поэзии: *Держи клубок, здесь Ариадны мудрой нить* (Е. Савич-Астахова); *Парка с истлевшей пряжей* (Н. Горбаневская); *Время клубком играло, / а Парка клевала носом* (Д. Бобышев); *Беззубая Парка / сучит свои нити* (П. Антокольский); *О, Парка, Парка, сумрачная пряжа, / Повремени, помедли хоть часок* (А. Галич). *Я чувствую нутром, как Парка нитку треплет* (И. Бродский); *Я летала во все времена, / Я всегда что-нибудь затевала. / Я у дремлющей Парки в руках / Нить твою задевала впотьмах, / И она смертный стон издавала* (Ю. Кузнецов); *Так и будет. Да так и бывало. / Тянет Парка крученую нить. / Все истории кажется мало, / все чего бы еще учудить* (П. Кошель); *Увы, разиня и неряха, / Замызгал нить, какую пряжа / Любовно прядла для тебя. / Ее без толку теребя, / Замызгал нить и замусолил, / Глаза пространству намозолил, / запнулся и, теряя нить, / С тоскою выдохнул: «Не жить»* (Л. Миллер).

Аллюзивные связи с мифологическими событиями могут проявляться на глубинном уровне текста, находясь «под прикрытием» глаголов с прагматической нагруженностью. *Ночью вытащил я изо лба / Золотую стрелу Аполлона* (Ю. Кузнецов). Стрела Аполлона, согласно мифам, это и поражающее орудие, и нечто животворящее, подобно тем же лучам солнца. *Кому*

какое дело, что не спится по ночам / известному советскому поэту, – / пусть больше переводит поляков, англичан / через пограничную речонку Лету (О. Хлебников). В древнегреческой мифологии Лета – река забвения, одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида.

Поэтический дискурс проявляет широту интертекстуальных связей разного рода. Интересен пример интертекстуального синкретизма – сочетания аллюзии на МФ и на художественное произведение, соотносимое по тематике с мифологическим событием: *Так легко по подземному / кругу, / Да иные круги впереди* (А. Прасолов). *Подземный круг* включает фразеологизм *подземный мир* (у греков – это потусторонний мир, в который души попадают после смерти), *круг* ассоциируется с кругами ада из «Божественной комедии» Данте.

Итак, мифологическая модель мира остается значимой для поэтического дискурса. МФ включаются в актуальную текстовую ситуацию как в целостном структурном оформлении, так и в трансформированном виде. Событие, лежащее в основе МФ, продуцирует разные сущности и разные виды знаний, расширяет поле ассоциаций, необходимых для установления совокупных признаков стихотворного текста. В поэзии свойства МФ акцентируются через расширение презентационного контекста в виде сравнения, метафоры, множества аллюзивных отсылок. Ассоциативно-семантические свойства МФ формируют ментально значимые связи между словами и образами стихотворного текста. Сохранность МФ в поэтическом дискурсе обеспечивается их аксиологическим потенциалом, который должен коррелировать с ассоциативным ресурсом читателей.

Литература

1. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом – прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 69. – С. 39–46.

2. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 5–10.

3. Карасик В. И. Языковые ключи. – М. : Гнозис, 2009.

4. Ковшова М. Л., Дронов П. С. Вариативность русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Русистика. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 269–283.

5. Попова А. Р. Фразеологическая единица как основа поэтического текста: жанр стихофразы // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 150–156.

6. Рубцова С. Ю. Модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом в англоязычных СМИ // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 210–224.

7. Соколова О. В., Захаркив Е. В. Креативная прагматика поэтического дискурса // Критика и семиотика. – 2021. – № 2. – С. 88–106.

8. Третьякова И. Ю. Трансформационная активность фразеологических единиц с компонентом-колоративом // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 205–211.

УДК 821.161.1.09“20”

Фокина Мадина Александровна

доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет
Россия, Кострома
madi.fokina@mail.ru

Шохра Мохаммед

Костромской государственной университет
Россия, Кострома
med.chohra02@gmail.com

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«ВЛАСТЬ» В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА**

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические компоненты семантического поля «Власть» в двух романах писателя, посвящённых изображению руководителей, сильных исторических личностей. Устойчивые обороты входят в состав ядерных микрополей, характеризуют героев и события, эксплицируют концептуальное содержание произведений.

Ключевые слова: семантическое поле, фразеологическая единица, ядро и периферия, микрополе, повествовательный дискурс.

Fokina M. A.

Doctor of Philological Sciences, Professor
Kostroma State University

Shohra M.

Kostroma State University

**PHRASEOLOGICAL COMPOSITION OF THE SEMANTIC FIELD
“POWER” IN NARRATIVE DISCOURSE
VLADIMIR MAKSIMOV**

Abstract. The article deals with the phraseological components of the semantic field “Power” in two novels of the writer, dedicated to the image of leaders, strong historical figures. Steady turns

are part of the nuclear micro fields, characterize the characters and events, explicate the conceptual content of the works.

Keywords: *semantic field, phraseological unit, core and periphery, micro field, narrative discourse.*

В романах Владимира Максимова (Льва Самсонова), известного русского прозаика второй половины XX века, изображаются реальные исторические лица – Иосиф Виссарионович Сталин и Александр Васильевич Колчак. Писатель характеризует их как сильных, властных руководителей, а также показывает человеческие слабости и недостатки. Партийный и государственный вождь Сталин является эпизодическим персонажем романа «Ковчег для незваных» (1976–1978), адмирал Колчак, Верховный правитель Всероссийского правительства в Омске, лидер белогвардейского движения – главный герой романа «Заглянуть в бездну» (1986). Автор активно использует различные средства образной речи, включает в художественное повествование устойчивые обороты и прецедентные имена, опирается на библейские мотивы. Смысловым центром произведений писателя является семантическое поле «Власть», которое включает лексические, фразеологические и синтаксические компоненты, репрезентирующие концептуальное содержание романов.

Семантическое поле представляет собой совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Кузнецов 1990, с. 380]. Семантическое поле имеет ядро и периферию, может состоять из нескольких микрополей. Разновидностью семантического поля в художественной речи является метафорическое поле, которое объединяет «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста» [Абрамов 2019, с. 288]. Структура и семантика поля в художественном тексте обусловлены темой и идеей произведения, его сюжетно-композиционными особенностями и образным строем, спецификой языковой личности писателя. В романах Владимира Максимова в компонентный состав семантического поля «Власть» активно входят фразеологические единицы, которые характеризуют героев, события и явления изображаемой действительности, создают психологизм повествования и отражают авторскую позицию. Рассмотрим последовательно фразеологический состав полевых структур и выявим особенности функционирования ключевых устойчивых оборотов в двух романах писателя.

В романе «Ковчег для незваных» представлено художественное осмысление проблемы власти и личности, а также нравственного выбора человека в условиях социального влияния политической идеологии и укрепления духовно-религиозных ценностей в сложный период послевоенного времени. В произведении рассказывается о переселении тульских деревенских жителей на Курильские острова. Автор показывает, как простые русские люди преодолевают

дальний путь и начинают обживать чужую землю. Использование библейских образов и советизмов, характеризующих сталинскую эпоху, создает жизненные контрасты: бесчеловечной административной власти советских руководителей противопоставляются гуманистические христианские идеи. Поэтому семантическое поле «Власть» включает два ядерных микрополя: микрополе-1 «Государственная и партийная власть», микрополе-2 «Божественная сила». Фразеологические единицы входят в компонентный состав микрополя-1: *шапка Мономаха*; *место под солнцем*; *маленькие люди*; *избранный круг (высший круг)*; *сотая спица в колеснице (последняя спица в колеснице)*; *мелкая сошка* и др. Символом власти является устойчивый оборот *шапка Мономаха*. С его помощью характеризуется тяжесть и ответственность власти Сталина. Молодой чиновник видит пожилого, утомлённого вождя, неожиданно прослезившегося после просмотра кинофильма, и искренне ему сочувствует: «Вот те на, *и на старуху бывает проруха*. *Тяжела ты, шапка Мономаха...*» [Максимов 1994, с. 26]. В контексте осуществляется контактное смысловое взаимодействие двух фразеологизмов, создающих иронию: паремии *И на старуху бывает проруха* («и опытный, бывалый человек может ошибиться; говорится в оправдание чьей-либо оплошности, промаха») [СРПП, с. 131–132] и крылатой фразы *Тяжела ты, шапка Мономаха* – «о тяжёлом бремени обязанностей, сопряжённых с высоким постом и большой ответственностью» [БСКСРЯ, с. 505].

В романе «Заглянуть в бездну» символом власти является метафорическое выражение *маршальский жезл* (*жезл* перен. «палка или посох особой формы, служащие символом какого-либо звания, положения, чина и т. п.») [СРЯ, том 1, с. 475]. Ключевая метафора семантически взаимодействует с фразеологизмами, являющимися компонентами поля «Власть»: *из князи в грязи*; *табель о рангах*; *хозяин положения*; *сильные мира сего*; *найти своё место*; *сильная рука*; *чёрная кость* и др. В полевой структуре романа выявляются два микрополя, характеризующие военную власть правительства Колчака и официальную советскую власть, установленную партией большевиков во главе с Лениным. Писатель изображает столкновение двух противоборствующих сил.

В ядро семантических полей двух романов входят фразеологизмы, которые обозначают людей различного социального положения, отражают иерархию власти: *маленькие люди*; *сотая спица в колеснице*; *мелкая сошка*; *чёрная кость* (представители низших слоёв общества, простые люди, вынужденные подчиняться начальству); *избранный круг*; *хозяин положения*; *сильные мира сего*; *сильная рука* (представители различных уровней власти, руководители).

Одну из зон смыслового пересечения двух полей создают также фразеологизмы с общим компонентом *место*: *место под солнцем* («Ковчег для незваных») и *найти своё место* («Заглянуть в бездну»). Эти устойчивые обороты от-

ражают жизненные поиски амбициозных героев, стремящихся к высокому социальному статусу во властных структурах.

В романе «Ковчег для незваных» одним из главных героев является молодой партийный чиновник Илья Золотарёв. Он перспективный руководитель, успешно продвигается по служебной лестнице:

«Когда Золотарёв впервые сел за письменный стол, ощутил под собой твёрдую устойчивость стула, вдохнул бессмысленно хлопотной атмосферы *присутственного места*, он вдруг ликующе осознал, что наконец-то обрёл спасение. Здесь, где авторитет решался не кулаками или лужёной глоткой, а тонким умением вовремя промолчать и так же вовремя высказаться, он очутился в родной ему стихии, и ничто отныне, кроме нового светопреставления, не могло бы выбить его с занятой позиции. И он *тихой сапой* дрался *не на жизнь, а на смерть* за каждую пядь своего *места под солнцем*, расталкивая локтями близстоящих, а иногда и перешагивая через них, пока, лихо меняя очередной стул на лучший, не пересел в номенклатурное кресло и не пророс в него всеми своими конечностями и корешками» [Максимов 1994, с. 21].

Описание карьерного роста героя содержит выразительный фразеонабор. Фразеологизмы *присутственное место* – устар. ‘государственное учреждение; департамент, канцелярия, контора и т. п.’ и *место под солнцем* – книжн. высок. ‘прочное, высокое положение в обществе’ [ФСРЛЯ, том 1, с. 75] создают авторскую иронию и актуализируют в контексте семы ‘престижная должность; солидный социальный статус’. Символами власти здесь являются лексемы *стул – кресло*. Метафора *номенклатурное кресло* восходит к советизму *номенклатура* – собир. ‘руководящие партийно-правительственные работники, имеющие привилегии во всех областях жизни’ [ТСЯС, с. 376]. Духовная деградация героя, активно продвигающегося по служебной лестнице, характеризуется с помощью фразеологизмов *тихой сапой* – разг. ирон. ‘исподтишка, скрытно, незаметно (действовать, добиваться чего-либо)’; *не на жизнь, а на смерть* – ‘не щадя своей жизни; жестоко, яростно’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 214, 234].

В романе «Заглянуть в бездну» адмирал Колчак понимает сложность политического противостояния, ему нелегко решиться возглавить белогвардейское движение в Сибири и на Дальнем Востоке, но он осознает неизбежность такого рискованного и ответственного шага:

«Прежде он как-то не задумывался, где, как и с кем ему придётся участвовать в отчаянной попытке восстановления законности и порядка в обескровленной мировой и гражданской войнами стране. Наверное, он знал только одно, что не останется в стороне, что *найдёт свое место* и что другого пути у него нет, но к какой-то особой роли себя не готовил. Политика всегда была чужда его интересам...

Теперь же... перед ним в упор встал вопрос: в чём конкретно он видит свою личную роль в создавшейся в стране ситуации? Где, в каком качестве, он – кадровый моряк по профессии и учёный по призванию – сможет найти себе применение в этом беспорядочном столкновении самых взаимоисключающих политических стихий? И как отнесутся стороны к его внезапному и никем не предвиденному вмешательству?» [Максимов 1994, с. 215].

Фразеологическая конфигурация представляет собой фрагмент авторского повествования с включением несобственно-прямой речи персонажа. Контекст содержит несколько вопросительных предложений, отражающих острые социальные проблемы переломного времени и внутренние сомнения героя. Фразеологизм *найдёт своё место* создаёт психологизм повествования, передаёт тревожные размышления адмирала Колчака, его мучительные поиски жизненного предназначения (*найти своё место в жизни* – ‘правильно определить своё призвание, свои способности, наклонности’) [ФСРЛЯ, т. 2, с. 12]. Для зрелого героя, который уже состоялся как известный военачальник и учёный, *найти своё место* означает «решиться стать лидером антибольшевистского движения, возглавить белогвардейский мятеж».

В компонентный состав семантических полей двух романов входят также фразеологические единицы с процессуальной семантикой, характеризующие административную деятельность руководителей и их взаимодействие с подчинёнными: *наводить суд и порядок; держать в страхе; выйти из игры; взвалить ношу на плечи; взять за шивороты* др. («Ковчег для незваных»); *поставить на карту; играть в политические бирюльки; нести крест; взять на себя ношу* и др. («Заглянуть в бездну»). Зоной смыслового пересечения двух полей являются фразеологизмы с компонентами *нести, взвалить; голова, груз, ноша, плечи*. В романе «Ковчег для незваных» характеризуются руководители разного уровня: «*не сносить тебе головы, свою ли ношу на плечи берёшь!*» – о взводном командире (*не сносить головы* – прост. ‘не миновать наказания, расправы’; *взвалить на плечи* разг. – ‘обременить работой, хлопотами’); «оказываем тебе доверие, прикрепляем к ответственному товарищу из Москвы, гляди в оба, если что, с нас за него *голову снимут*» – курильский кадровик (*снять голову* – разг. ‘строго наказать; расправиться’) [ФСРЛЯ, т. 1, с. 74; т. 2, с. 259]. В романе «Заглянуть в бездну» передаются переживания адмирала Колчака, осознающего своё поражение: «он был рождён для любви и науки, но судьба *взвалила* ему *на плечи* тяжесть диктаторской власти и ответственность за будущее опустошённой родины»; «зачем он *взял на себя эту ношу*, не веря в конечный результат, повёл за собой других на верную гибель»; «*груз*, который ему выпало *нести на себе*, становился ему не по силам» (*нести на своих плечах* – ‘выдерживать без чьей-либо помощи, без содействия всю тя-

жесть испытаний, трудностей’) [ФСРЛЯ, т. 2, с. 27]. Писатель изображает тяготы ответственной и сложной работы руководителей, находящихся у власти, показывает драматические повороты их нелёгкой судьбы. Процессуальные фразеологизмы участвуют в создании динамики событий, развитии действия в пространстве и времени.

Семантические поля «Власть», представленные в романах Владимира Максимова «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну», содержат в компонентном составе фразеологические единицы, которые характеризуют людей разного социального статуса и взаимоотношения руководителей и подчинённых, участвуют в изображении карьерного роста героев и особенностей их административной деятельности, создают иронический контекст и психологизм художественного повествования, образуют зоны смысловых пересечений двух полевых структур, что отражает авторскую позицию и эксплицирует концептуальное содержание произведений, объединённых в общий повествовательный дискурс писателя.

Литература

1. Абрамов В. П. Семантические поля русского языка. – М. : Флинта : Наука, 2019. – 333 с.

2. Кузнецов А. М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 380–381.

Словари, справочники

3. БСКСРЯ: Большой словарь крылатых слов русского языка / сост. В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2005. – 623 с.

4. СРПП: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.

5. ТСЯС: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

6. СРЯ: Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1985–1988.

7. ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 томах / сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997.

Источники языковых материалов

8. Максимов В. Е. Ковчег для незваных : романы. – М. : Воскресенье, 1994. – 368 с.

УДК 811.161.1

Хабарова Мария Сергеевна

кандидат филологических наук

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты

имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

Россия, Кострома

maria.khabarova21@mail.ru

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается вопрос об изучении лексики и фразеологии научного стиля речи иностранными военнослужащими. Рассматриваются различные приёмы работы с химическими терминами. Основное внимание уделяется фразеологизмам научной речи, определение семантики которых является для иностранцев наиболее трудным.*

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный, термины, фразеология, научный стиль речи.*

Khabarova M. S.

Candidate of Philological Sciences

Military Academy of Nuclear, Biological and Chemical Defence

named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko

VOCABULARY AND PHRASEOLOGY OF THE SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

***Abstract.** This article discusses the issue of studying the vocabulary and phraseology of the scientific style of speech by foreign military personnel. Various methods of working with chemical terms are considered. The main attention is paid to the phraseological units of scientific speech, the definition of the semantics of which is the most difficult for foreigners.*

***Keywords:** Russian as a foreign language, vocabulary phraseology scientific style of speech.*

В Военной академии обучаются не только русские курсанты, но и иностранные военнослужащие. Задача преподавателя русского языка как иностранного – подготовить курсантам к профессиональной коммуникации. Язык специальности отличается от языка общего владения. Его основой является научный стиль речи, который принадлежит к числу книжных стилей русского литературного языка и имеет определённые языковые особенности. Главной коммуникативной задачей общения в научной сфере является изложение научных понятий и умозаключений. Мышление в этой области носит обобщенный, абстрагированный, логический характер. Этим обусловлены специфические черты

научного стиля: логичность, конкретность, смысловая точность, сжатость, обобщённо-отвлечённый характер информации, объективность, отсутствие образности и эмоциональности. Лексику научной речи составляют три основных пласта: общеупотребительные слова, общенаучные слова и термины. Термин является основной лексической и понятийной единицей научной сферы. «Насыщенность текста терминологической лексикой, выступающей в своей основной, дефинитивной, функции, позволяет отнести его к научному стилю» [Митрофанова 1973, с. 68.]. Каждая отрасль науки оперирует собственными терминами, то есть существует узкоспециальная терминология, которая приводит к тому, что для неспециалистов в данной области знаний «специальный язык» не является общедоступным. Одним из важных учебных предметов в Военной академии является химия. Немногие иностранцы хорошо знают химическую номенклатуру и символику, владеют специальной терминологией. Сразу появляется много проблем, приходится учиться говорить на новом «химическом» языке. На подготовительном курсе курсанты изучают химические термины следующих тематических групп: основные химические понятия (*химия, атом, масса атома, металл/неметалл, щёлочь, смесь*), вещества по агрегатному состоянию (*жидкость, газ*), инструменты, приборы (*колба, пробирка, стойка-штатив* и др.), наименования химических элементов (*цинк, йод, бром, медь, ртуть* и др.), химические величины и единицы измерения (основной химической величиной является *количество вещества (n)*, а основной единицей ее измерения – *моль*; *коэффициент, давление, заряд, объёмы* др.), свойства веществ (*инертность, электропроводность, теплопроводность, тугоплавкость, легкоплавкость*), химические процессы (*ферментация, сплав, коагуляция, коррозия, гидролиз, ионизация, осадок*). Лексическая работа начинается с записи каждого нового химического термина на доске. Каждое слово разделяется на морфемы, которые четко проговариваются. Это способствует правильному написанию терминов, повышает грамотность обучающихся. Запись сопровождается объяснением значения и этимологическим анализом слова. Целесообразно проводить в начале каждого занятия небольшие терминологические диктанты. Такой приём работы позволяет проконтролировать, насколько правильно иностранцы воспринимают термины и названия «на слух» и записывают их. Можно использовать самые разные виды терминологических диктантов. При изучении тем «Чистые вещества и смеси», «Физические и химические явления», «Простое вещество и сложное» обучающиеся записывают слова в разные колонки в зависимости от их принадлежности к той или иной группе. Хороший результат дают диктанты с пропущенными терминами, направленные на толкование слов. См: ... – это наука о веществах, составе и свойствах веществ, а также превращениях между ними; ... – это определенный вид атомов, имеющих одинаковый размер, массу и свойства; ... – это наименьшая частица вещества, являющаяся носителем его свойств.

Хорошим помощником при обучении языку специальности является учебный словарь. Кафедра русского языка Военной академии создала «Терминологический словарь по химии», предназначенный для курсантов специального факультета. Словарь включил лексический материал на шести иностранных языках: английском, арабском, лаосском, монгольском, португальском, французском. В ходе составления словника преподаватели русского языка тесно сотрудничали с преподавателями-предметниками, а также привлекали к работе большое количество справочной литературы. Термины для словника были отобраны с учетом национальных групп, трудностей в восприятии, а также с учетом необходимости и первостепенности их изучения в курсе химии на подготовительном и первом курсах.

В научных текстах встречаются не только термины, но и фразеологические единицы. Исследователи придерживаются разных мнений относительно того, что следует считать фразеологизмом научной речи. По мнению В. М. Мокиенко, фразеологические единицы (ФЕ) – это «относительно устойчивые, воспроизводимые, экспрессивные сочетания лексем, обладающие (как правило) целостным значением» [Мокиенко 1989, с. 5]. А. Д. Шмелёв также относит «к характерным свойствам ФЕ экспрессивность и фразеологическую образность» [Шмелёв 2002, с. 97]. Таким образом, хотя бы один из компонентов фразеологизма должен обладать переносным, метафорическим значением. Научный текст предназначен для изложения научного знания, его отличает однозначность выражения мысли и отсутствие эмоций. Это означает, что в научной речи ФЕ отсутствуют. Однако среди лингвистов существует более широкое понимание фразеологизмов. А. И. Ефимов относит к фразеологическим средствам языка все виды устойчивых сочетаний: не только идиомы, но и устойчивые формулы, обороты научно-терминологического характера, некоторые канцелярские штампы, производственно-технические выражения и т. д.» [Ефимов 1969]. Б. Н. Головин считал, что «речевые единицы такого типа должны рассматриваться в ряду известных в языкознании видов словосочетаний – свободных, устойчивых или фразеологических» [Головин, Кобрин 1987, с. 47]. Он называл их терминологическими словосочетаниями или составными терминами.

Фразеологизмы научного стиля речи отличаются от ФЕ других стилей тем, что не имеют синонимов и в тексте прежде всего выполняют номинативную функцию. Одна из основных целей использования фразеологизмов в научной речи – это «укрепление доказательной базы того или иного суждения: свойственная ФЕ экспрессивность играет в данном случае роль «усилителя» значимости приведённых фактов» [Лескова 2022, с. 31].

Среди фразеологизмов научного стиля речи можно выделить несколько групп: терминологические, или собственно научные, ФЕ (*периодическая система, ценная реакция, дисперсные системы*). Эти фразеологизмы представляют

наибольшую трудность для обучающихся. Преподаватели используют различные способы работы с такими единицами языка. Это подбор антонимов (*простые вещества – ..., физические свойства – ..., обратимая реакция – ...*), определение сферы использования каждой группы терминологических словосочетаний (*мёртвая голова, пастушья сумка, сенная палочка – биология; очаг заболевания, грудная клетка, врачебная тайна – медицина; множественное число, отрицательная частица, сложное предложение – русский язык; химический элемент, порядковый номер, атомная масса, периодическая система – химия*).

Речевые клише служат для оформления научной мысли. Они используются курсантами в письменных работах: конспектах, аннотациях, рефератах, дипломах. Например.: *заключается в..., представляет собой..., состоит из..., применяется для...* и пр.

Третья группа состоит из общеязыковых фразеологизмов. Нередки примеры, когда терминологические словосочетания приобретают обобщённо-образный смысл и переходят в разряд общеязыковой фразеологии (см.: *абсолютный нуль, цепная реакция, рациональное зерно, точка кипения, коэффициент полезного действия* и др.). См. пример из «Словаря современного русского литературного языка»: *Абсолютный нуль. В физике – температура, отсчитываемая от наиболее низкой температуры – от 237,16 °С; о ничтожном, совершенно бесполезном в каком-либо деле человеке* [ССРЛЯ, т. 2, с. 50]. В «Словаре русской фразеологии» под редакцией В. М. Мокиенко также есть примеры фразеологизмов научной речи. См.: *Лакмусовая бумажка – чаще публ. «критерий проверки, показатель чего-либо». Фразеологизм терминологического происхождения. Лакмус – красящее вещество, добываемое из некоторых видов лишайников и применяемое как индикатор. В кислой среде лакмус окрашивается в красный цвет, в щелочной – в синий. Словосочетание «лакмусовая бумажка» используется как химический термин, а в переносном значении становится фразеологизмом* [СРФИЭС, с. 62]. Около 80 фразеологизмов (из 2000 единиц словаря) отмечаются с указанием на их терминологическое происхождение.

В современном мире усилилась роль научного знания, которое служит развитию общества. Поэтому владение научным стилем речи является обязательным для подготовки специалиста любого профиля. Для научного стиля характерны некоторые лексические, грамматические и синтаксические особенности. В работе с лексикой могут быть использованы различные приёмы: лексический разбор слова, терминологические диктанты, обучение работе со словарями и энциклопедиями. Особое внимание необходимо уделять фразеологизмам научной речи, определение семантики которых является для иностранцев наиболее трудным.

Литература

1. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М. : Высшая школа, 1987.
2. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. – М. : Просвещение, 1969.
3. Лескова Е. В. Фразеология в научном тексте и особенности её изучения на занятиях по РКИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – № 2. – С. 30–36.
4. Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. – М. : МГУ, 1973.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для студ. филол. фак. вузов. – М. : Высшая школа, 1989.
6. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая деятельность. – М. : Языки славянской культуры, 2002.

Словари, справочники

7. СРФИЭС: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. В. М. Мокиенко. – СПб. : Фолио-Пресс, 2001.
8. ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / под ред. К. С. Горбачевича. – М. : РАН, Институт русского языка. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1991–1993. – Т. 1–6.

УДК 811.161.1

Хуснутдинов Арсен Александрович

доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
Россия, Иваново
arsen1418@mail.ru

Богданова Александра Арсеновна

Россия, Санкт-Петербург
89106953070@mail.ru

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СООТНОШЕНИЕМ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, СВЯЗАННЫХ ДЕРИВАЦИОННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности соотношения слов и фразеологизмов, связанных между собой деривационными отношениями. Эти особенности показываются на основе языкового материала, отражающего употребление идиом в речи коренного сельского жителя Ивановской области. Целью статьи является введение в обиход языкового материала из фразеологического лексикона «рядового» носителя языка с научным комментарием

к нему. Представленные в статье материалы даются в сопоставлении с данными, характеризующими использование таких лексических и фразеологических единиц в русском языке в целом.

Ключевые слова: русский язык, лексика, фразеология, идиоматика, фразеологическая деривация, оффразеологическая лексика, трансформированное употребление фразеологических единиц, фразеологический лексикон личности, авторское употребление языковых единиц.

Khusnutdinov A. A.

Doctor of Philology, Professor

Ivanovo State University

Bogdanova A. A.

Russia, Saint-Petersburg

FROM OBSERVATIONS ON THE RATIO OF LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS LINKED BY DERIVATIONAL RELATIONS

Abstract. *The article discusses the features of the correlation between words and phraseological units, interconnected by derivational relations. These peculiarities are shown on the basis of linguistic material which reflects the use of idioms in the speech of a native rural resident of the Ivanovo region. The purpose of the article is to introduce into use the language material from the phraseological lexicon of the "ordinary" native speaker, with a scientific commentary to it. The materials presented in the article are given in comparison with the data characterizing the general use of such lexical and phraseological units in the Russian language.*

Keywords: *Russian language, lexis, phraseology, idiomatics, phraseological derivation, off-phraseological vocabulary, transformed use of phraseological units, personal phraseological lexicon, author's use of language units.*

Вопрос о соотношении слова и компонента фразеологической единицы всегда привлекал внимание исследователей, так как решение его является важным не только для определения статуса самих фразеологических единиц как словных или несловных образований, характеристики процессов фразеологического образования от словосочетания-прототипа или отдельного слова до идиоматического выражения, но и для установления соотношения лексики и фразеологии в словарном составе языка как на уровне лексико-фразеологической системы в целом, так и на уровне отдельных единиц и групп единиц. Этот вопрос важен и для научной квалификации формальных и содержательных сторон, а также особенностей употребления в речи фразеологических единиц при их описании в научных сочинениях и словарях. Естественно поэтому, что этот вопрос рассматривается учеными с разных сторон, предлагаются разные подходы и решения.

Так, решение вопроса о словности / несловности компонента фразеологической единицы имело принципиальный характер при определении самой фразеологической единицы как единицы языка и, соответственно, объекта и пред-

мета самой фразеологии как особой научной дисциплины. Как известно, в лингвистической науке решение этого вопроса привело к существенным расхождениям в понимании фразеологии языка: одни исследователи рассматривали фразеологическую единицу как словное образование, то есть как сочетание, состоящее из слов, другие – как образование несловное, состоящее не из слов, а из компонентов, которые являются словами лишь генетически, «этимологически» (Б. А. Ларин), или похожи на слова только «по звуковому облику» (А. И. Молотков) [Молотков 1977]. При этом даже сторонники одного подхода расходились во мнениях. Например, среди исследователей, считавших фразеологизм сочетанием слов, одни ученые, вслед за Е. Д. Поливановым, предлагали рассматривать в качестве объекта фразеологии все без исключения сочетание слов [Копыленко 1973; Копыленко, Попова 1978 и др.], другие, вслед за В. В. Виноградовым, во фразеологический состав языка предлагали включать только те сочетания, которые характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью [Архангельский 1964; Шанский 1985 и др.]. С другой стороны, среди исследователей, поддерживающих мнение о компонентном строении фразеологической единицы, высказывалась мысль о разной степени «десемантизации» слова в составе фразеологических единиц, то есть о полной и частичной утрате словом своих качеств (значения, грамматических и др. свойств) в составе идиомы (см., например, [Жуков 1986]).

Большой вклад в решение обсуждаемой проблемы внесли наблюдения А. М. Мелерович, показавшие соотносительность формальной и содержательной (смысловой) структуры фразеологических единиц [Мелерович 1980]. Перспективность такого подхода показали и дальнейшие исследования в этом ключе, в том числе и в лексикографической практике ([Мелерович, Мокиенко 2006] и др.). Особое значение такие исследования имели для научной характеристики трансформированного употребления фразеологических единиц. Эти исследования и словарные проекты (и в первую очередь словарь «Фразеологизмы в русской речи» [ФРР]) показали, что способность к трансформации есть свойство самих фразеологических единиц, которое тем или иным образом реализуется в авторском употреблении, и что каждый фразеологизм обладает определенным потенциалом, определяющим возможности его преобразования [Третьякова 2011]. Как закономерный определен и процесс пополнения лексического фонда языка за счет результатов фразеологической деривации (так же, как и процесс обратный – от слова к фразеологической единице) [СОЛСРЯ]. Результаты таких исследований значительно продвигают нас на пути к решению обсуждаемой проблемы. Однако все еще осознается недостаток языкового материала из разных источников (в первую очередь таких языковых фактов, которые должны обязательно учитываться при разработке данной проблемы) и научного комментария к нему. Целью данной статьи является анализ языкового

материала, собранного в результате наблюдений над речью коренного сельского жителя Ивановской области, который позволяет увидеть некоторые особенности соотношения слов и идиом в речи «рядового» носителя языка (большая часть этого материала представлена во «Фразеологическом лексиконе...» [ФЛ]).

Языковой материал собран в ходе наблюдений за речью коренного сельского жителя Ивановской области с 1985 года по 2022 год. Основная часть этого материала собрана путем непосредственной фиксации устной речи информанта в различных ситуациях общения: в общении официальном и неофициальном, публичном и непубличном, с широким кругом разных по социальным признакам людей. Круг общения информанта весьма широк, так как он всю жизнь живет в родном селе, работал ветеринарным врачом, активный общественник, внештатный корреспондент районной газеты «Родниковский рабочий», охотник, рыболов, грибник (подробнее см. в предисловии к словарю «Фразеологический лексикон...» [ФЛ, с. 5–6]).

В речи коренного сельского жителя Ивановской области зафиксировано более 1200 идиоматических выражений. Среди них есть выражения, которые используются в общеупотребительных формах и значениях (они фиксируются словарями русского языка), есть выражения, имеющие локальное употребление (только в регионе проживания информанта), отмечаются также случаи трансформированного употребления, причем трансформации довольно многочисленны и разнообразны по способам преобразования. Результат одного из видов трансформации, который интересует нас в данном случае, в словаре А. М. Меллерович и В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» определяется следующим образом: «2.1. Окказиональные слова, образованные на базе ФЕ <...>» [ФРР, с. 27]. В словаре М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусовой и О. И. Литвинниковой такие единицы определяются как «отфразеологическая лексика» – «слова, которые находятся в отношениях формально-структурной и семантической производности с производящим фразеологизмом (*очертя голову* → *очертяголовничать*, *нести белиберду* → *белибердоносец*, *мокрое дело* → *мокруха* и под.) [СОЛСРЯ, с. 5]. Использование данного способа трансформации фразеологической единицы отмечается и в речи нашего информанта. Анализ этого материала позволяет выделить несколько разновидностей такого способа преобразования, которые можно систематизировать следующим образом.

1. Первый случай можно определить как использование компонента идиомы в качестве заместителя всего выражения в целом. В этом случае в речи используется слово, которое является компонентом фразеологической единицы. Это слово-компонент как бы «представляет» сам фразеологизм, показывает, что здесь за словом стоит фразеологизм, и этот фразеологизм в данном контексте может быть легко восстановлен и употреблен в полном виде, ср.: **болтать**

и **болтать языком, может и может быть, словом и одним словом** и т. д. И здесь можно выделить несколько разновидностей.

1.1. В первую очередь следует выделить случаи сокращения состава двухкомпонентных фразеологизмов до одного слова-компонента, при котором слово-компонент полностью замещает саму фразеологическую единицу со всеми ее особенностями, за исключением компонентного состава, ср. (здесь и далее в качестве иллюстраций приводятся словарные статьи из [ФЛ], что, на наш взгляд, дает возможность увидеть особенности трансформации фразеологизмов с привлечением необходимого для этого объема информации):

АЗА. • **НИ АЗА'** *не знать*, местоим., разг. Совершенно ничего (не знать). # *Про старые болезни нынешние врачи не знают ни аза. Коклюш вон, Серёжа говорит, теперь даже в институте не учат.* # *Я в твоей фразеологии ни аза не знаю, объясняй уж сам.* ▼ **АЗА'.** # *Аза ведь не знаешь, а лезешь с советами!* 📖 «**НИ АЗА <В ГЛАЗА>**. Разг. Экспрес. То же, что *а за в глаза*» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 16]; «**АЗА В ГЛАЗА**. Разг. Экспрес. Со всем ничего (не знать, не понимать)» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 16]; «**НИ АЗА <В ГЛАЗА>**. Совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т. п.)» [ФСРЯ, с. 30];

БОЛТАТЬ. • **БОЛТА'ТЬ ЯЗЫКО'М**, глаг., прост., неодобр. **1.** Излишне много разговаривать; говорить вздор, чепуху. # *Да я с тобой и говорить не буду. Ты ведь только языком болтать умеешь.* # *Она ведь больше языком болтает, чем что-то делает.* ▼ **БОЛТА'ТЬ. БОЛТУ'ШКА.** # <При игре в карты:> *Я вот дам ей по языку, чтобы не болтала. Давай язык сюда!* # *Что за болтушка? Второй час болтает ни лес ни небо<при просмотре телепередачи>*. **2.** Говорить зря, попусту. # *Геля ведь только языком болтает, а делать не будет.* # *Да ладно! Ты ведь это только языком болтаешь.* 📖 «**БОЛТАТЬ ЯЗЫКОМ**. Прост. **1.** Слишком много говорить; говорить вздор. <...> **2.** Пустословить» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 40]; «**БОЛТАТЬ ЯЗЫКОМ**. Прост. **1.** Излишне много разговаривать; говорить вздор, чепуху. <...> **2.** Говорить зря, попусту» [ФСРЯ, с. 42]. – Ср. **ТРЕПАТЬ ЯЗЫКОМ**;

МОЖЕТ. • **МО'ЖЕТ БЫ'ТЬ**, модальн., разг. Возможно, вероятно, по-видимому. Выражение предположительности или неуверенности в достоверности сообщаемого. # *Приезжайте в пятницу. Может быть, и Сережа приедет. Навоз надо возить на картофельник.* # *Может быть, и рано ещё лук убирать.* ▼ **МО'ЖЕТ.** # *А, может, так хорошо?* # *Вот дуру спорол! Надо было машину с вечера в мастерскую отвезти. Может, сейчас уже сделали бы.* # *Нога не ступит? Может, так и говорят, а мы говорим «нога не ступала» про место, где никто не был.* # *Я уже два раза под ножом у хирургов был. Может, ещё попаду.* 📖 «**МОЖЕТ СТАТЬСЯ**. Устар. Вероятно, возможно» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 381]; «**Быть может, может быть** и (устар.) *может стать, стать может*. В знач. вводн. сл. **а)** Выражение неуверенного подтверждения; вероятно, по-видимому. <...> **б)** В вопросительных и побудительных предложениях – обычно для смягчения категоричности вопроса, побуждения» [БАС, т. 10, с. 453–454];

СЛОВОМ. • **ОДНИ'М СЛЮ'ВОМ**, модальн., разг. Короче говоря. # *Одним словом, забирайте всё, не оставляйте здесь ничего.* # *Одним словом, он меня отругал тогда. Придрался, что у меня две коровы сдохло. А я ему: «Вы виноваты, вы мне тогда акт <на вынужденный забой> не подписали». Тогда, в пятьдесят шестом году, без их подписи ничего нельзя было забивать.* ▼ **СЛЮ'ВОМ.** # *Приедут они вечером, автобусом, если мы не встретим. Словом, жди, мать, гостей!* 📖 «**ОДНИМ СЛОВОМ**. Разг. Короче говоря» [ФСРЛЯ, т. 2, с. 250]; «**ОДНИМ СЛОВОМ**. Короче говоря» [ФСРЯ, с. 432–433];

ФУФУ. • **НА ФУФУ'**, адverb., прост. **1.** Без старания, прилежания, неосновательно, кое-как (делать что-либо). # *Лоток на нашем пруде вода промыла. А что? Раз там всё на фуфу было сделано.* # *Теперь частники. Они всё делают на фуфу. Лишь бы денег заработать. Жульничают, прощя говоря.* **2.** Безрезультатно, напрасно, впустую (сделать что-либо). # *Там, на той поруби, ягод не должно быть. Проедем только на фуфу. Заросла порубь-то.* # *Грибов нет, слой прошел. Проходите там на фуфу. Разве если в Ведрово, к реке съездить.* **2.** Жульничая, пытаюсь обмануть (сделать что-либо). # *Ты на фуфу решил со мной <в карты> сыграть. Но мы тоже не лыком шиты. Всё твоё фуфу мы насквозь видим.* ▼ **ФУФУ'**. Обман, жульничество. # *Ты на фуфу решил со мной <в карты> сыграть. Но мы тоже не лыком шиты. Всё твоё фуфу мы насквозь видим.* 📖 «**НА ФУФУ.** Прост. Экспрес. 1. Ирон. Несерьёзно, неосновательно, кое-как (делать что-либо). <...> 2. Обманув, жульнически. <...> 3. Безрезультатно, неудачно (прошло, пойдёт и т. п.)» [ФСРЛЯ, т. 2, с. 340]; «**НА ФУФУ.** **1.** Легкомысленно, неосновательно, кое-как (делать что-либо). <...> **2.** Обманным путем, жульнически, нахрапом (делать что-либо). <...> **3.** Впустую, неудачно (пойдет, пошло и т. п.). О чем-либо неудавшемся, несостоявшемся и т. п.» [ФСРЯ, с. 503]; «**На фу-фу,** в зн. нареч. *Насмешл. неодобр. жарг.* **1.** Легкомысленно, кое-как, неосновательно. <...> **2.** Обманом, жульничеством, нахрапом» [БСР, с. 660]; «**Фуфу** сщ. нескл. или нар. Обман, плутовство, надувательство. *Поддеть на фуфу. Брать, выезжать на фуфу. Он бьет на фуфу, надует*» [Даль, т. 4, с. 539].

Как видно из примеров, в качестве «заместителя» фразеологизма выступает слово-компонент, которое в наибольшей степени способно передать особенности исходной фразеологической единицы. Очевидно при этом, что слово-компонент (**аза, болтать, может, словом, фуфу**) сохраняет не свойства слова, а свойства компонента фразеологической единицы. Таким образом, слово-компонент при такой трансформации выступает как заместитель фразеологизма, как своеобразный ярлык, указывающий на соответствующую идиому. (Такой случай трансформации в ФРР определяется как «1.7. Использование отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения» [ФРР, с.26].)

1.2. Указанный способ трансформирования фразеологической единицы может быть более сложным. Так, на основе фразеологической единицы **вагон и маленькая тележка** у слов **вагон** и **тележка** возникают новые значения, прямо связанные со значением фразеологической единицы, причем данное значение (см. 3 зн.) у слова **вагон** является общеупотребительным («**ВАГОН,** -а; м. [англ. wagon]. **1.** Транспортное самоходное и несамоходное средство для перевозки пассажиров и грузов по рельсовым путям. <...> **3.** *кого-чего.* Разг.-сниж. Очень много. *В. претензий, дел. Времени у нас еще в.* <...> [БТСРЯ, с. 109]), а употребление слова **тележка** для обозначения небольшого количества – авторским, ср.:

ВАГОН. ТЕЛЕЖКА. • ВАГО'Н И МА'ЛЕНЬКАЯ ТЕЛЕ'ЖКА *чего*, неопр.-колич., разг. Очень много, с избытком. О чем-либо. # *Времени у нас с тобой вагон и маленькая тележка.* # *Денег у него теперь вагон и маленькая тележка.* ▼ **ВАГО'Н. ТЕЛЕ'ЖКА.** # *Он думает, что у нас времени вагон. А у нас и тележки нет.* 📖 «**Вагон (воз) и маленькая тележка** *чего*, в функц. сказ. Шутл. Усил. к **ВАГОН**» [БСР, с. 66].

1.3. Отдельно следует сказать о словах-компонентах **горит** и **жилец** в составе фразеологизмов **не горит под хвостом у кота** и **не жилец на белом свете**. Некоторые компоненты у этих фразеологических единиц являются факультативными, поэтому они могут употребляться и в неполной форме: **не горит** и **не жилец**. Данные формы употребления, в свою очередь, так же могут быть сокращены до одного слова-компонента **горит** и **жилец**, причем в этом случае слова приобретают значения, антонимичные значению фразеологизма, ср.:

ГОРИТ. • **НЕ ГОРИ'Т ПОД ХВОСТО'М У КОТА'**, глаг.-пропоз., прост. Нет никаких причин спешить, торопиться; успеется. # *Я тебе когда говорил: «Геннадий, кончай ты это дело, пока не горит подхвостом у кота».* ◀ **НЕ ГОРИ'Т у кого**. # *У нас не горит. Что нам беситься?! Успеем ещё <всё сделать>.* ▶ **ГОРИ'Т ПОД ХВОСТО'М у кого**. Кто-либо хочет непременно и как можно быстрее сделать что-либо. # *Да вот Олег пристал: «Давай поедем, давай поедем...».* **Горит** у него *под хвостом*. ▼ **ГОРИ'Т у кого**. # *А что, горит у тебя, что ли? Успеешь ещё в свою Вичугу.* # *Давай, мать, собирай на стол. Горит у нас. Нам выпить хочется.* 📖 «**НЕ ГОРИТ** у кого. Разг. Экспрес. Не к спеху; нет необходимости спешить, торопиться» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 157]; «**НЕ ГОРИТ** у кого. Нет никаких причин спешить, торопиться; успеется» [ФСРЯ, с. 117];

ЖИЛЕЦ. • **НЕ ЖИЛЕ'Ц НА БЕ'ЛОМ СВЕ'ТЕ**, имен., разг. Человек, который должен скоро умереть. Обычно из-за слабого здоровья, болезни и т. п. # *Ну, как еще внушить ему, что без зеленого дерева, без чистой воды – не жилец он на белом свете.* Подходить к оценке строже. ◀ **НЕ ЖИЛЕ'Ц НА СВЕ'ТЕ**. # *Вот Андропова выбирали когда, знали, чай, что не жилец он на свете.* ◀ **НЕ ЖИЛЕ'Ц**. # *<При просмотре телепередачи:> А президент их, видно, не жилец уже.* # *<В разговоре с женой:> Жилец или не жилец твоя <коллега> Галина Валентиновна – это один бог знает.* ▶ **ЖИЛЕ'Ц**. # *<В разговоре с женой:> Жилец или не жилец твоя <коллега> Галина Валентиновна – это один бог знает.* 📖 «**НЕ ЖИЛЕЦ <НА БЕЛОМ СВЕТЕ>** кто-либо. Разг., Экспрес. Долго не проживёт из-за слабого здоровья, болезни» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 234]; «**НЕ ЖИЛЕЦ <НА БЕЛОМ СВЕТЕ>**. Долго не проживет, обычно из-за слабого здоровья, болезни и т. п.» [ФСРЯ, с. 158]; «*Еще он жилец на свете, не стар. Не жилица она, безнадежно больна*» [Даль, т. 1, с. 542]. – Ср. **БЕ-ЛЫЙ СВЕТ**.

1.4. Особо выделим случай, когда сокращение компонентного состава осложняется словообразовательными процессами, происходящими со словом, ср.:

РАЗВЯЗАТЬ (РАЗВЯЗАТЬСЯ). • **РАЗВЯЗА'ТЬ УЗЕЛО'К**, глаг., жарг. Возвратиться к прежнему (к прежним занятиям, прежнему образу жизни и т. п.). # *Вон Валька пьяный в дугу. А на днях только говорил мне, что завязал узелок. Видно, развязал сегодня.* # *А что Мишка. Он развязался, в субботу приходил к нам с бутылкой. Не узелок – узилище развязал.* ▶ **РАЗВЯЗАТЬ УЗИЛИЩЕ**. # *Вон Валька пьяный в дугу. А на днях только говорил мне, что завязал узелок. Видно, развязал сегодня.* # *А что Мишка. Он развязался, в субботу приходил к нам с бутылкой. Не узелок – узилище развязал.* ▼ **РАЗВЯЗАТЬСЯ**. # *Вон Валька пьяный в дугу. А на днях только говорил мне, что завязал узелок. Видно, развязал сегодня.* # *А что Мишка. Он развязался, в субботу приходил к нам с бутылкой. Не узелок – узилище развязал.* 📖 «**Развязать/развязывать узелок**. Угол. Возвращаться в воровскую компанию» [БСРЖ, с. 610]. – Ср. **ЗАВЯЗАТЬ УЗЕЛОК**.

(В скобках укажем, что некоторые случаи сокращения фразеологизма до одного слова-компонента в речи информанта не отмечены, но они являются общепотребительными, ср.:

ЗАВЯЗАТЬ. • **ЗАВЯЗАТЬ УЗЕЛОУ''К**, глаг., жарг. Отказаться от дурных привычек (употребления алкоголя, табака и т. п.). # *Вон Валька пьяный в дугу. А на днях только говорил мне, что завязал узелок. Видно, развязал сегодня.* # *А Мишка сказал, что он завязал узелок. Я его уже вином и не потчую. Играет с нами <в карты> без вина.* 📖 «**ЗАВЯЗАТЬ**, св. (нсв. завязывать), (с чем). Жарг. Решительно прекратить делать что-л. вредное, предосудительное, опасное (чаще о пьянстве, курении и т. п.); бросить навсегда, покончить с чем-л.» [БСР, с. 197]; «**Завязать узелок (узел)**. Угол. Прекратить воровать. <...> **Развязать / развязывать узелок**. Угол. Возвращаться в воровскую компанию» [БСРЖ, с. 610]. – Ср. **РАЗВЯЗАТЬ УЗЕЛОК**.)

Примеры 1.2, 1.3 и 1.4 показывают, что в результате данной трансформации в лексической системе появляются новые слова и значения, причем эти слова и значения не только занимают определенное место в лексико-семантической системе русского языка, но и включаются в системные связи, существующие между единицами в словарном составе русского языка в целом.

2. Другой случай рассматриваемой трансформации фразеологических единиц – образование слова на основе идиомы – является достаточно распространенным, как свидетельствует СОЛСРЯ (**баклушник, балясник, болтун, вертихвостка, волынщик, дармод, зубоскал, пенкосниматель, подкаблучник, пофигистка, халявщик, челобитчик, шкуродер** и др.). Такой способ трансформации представлен и в нашем материале, причем в нескольких разновидностях.

2.1. Создание слова на основе компонента фразеологической единицы. При этом могут возникать омонимы, если такие слова уже имеются в словарном составе русского языка, ср.:

АРАПНИК • **ЗАПРАВЛЯТЬ АРА''ПА**, глаг., прост. Врать, привирать, рассказывать небылицы. # *Это ведь ты первый арапник. Всем арапа заправляешь. Ни одному слову не поверю.* ▼ **АРА''ПНИК**. # *Это ведь ты первый арапник. Всем арапа заправляешь.* 📖 «**ЗАПРАВЛЯТЬ АРАПА**. Прост. Ирон. Рассказывать небылицы; врать» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 253]; «**ЗАПРАВЛЯТЬ АРАПА**. Прост. Врать, привирать, рассказывать небылицы» [ФСРЯ, с. 169]. («**АРАПНИК**, -а; м. Длинная охотничья плеть с короткой рукояткой» [БТСРЯ, с. 45].);

ЛАПШЕВНИК. • **ВЕ'ШАТЬ ЛАПШУ' НА'' УШИ'кому**, глаг., прост. Вводить в заблуждение, обманывать, придумывать небылицы. # *Да знаю я, что он мне лапшу на уши вешает.* # *Он мне лапшу на уши вешал, а я, конечно, слушал.* # *Он <президент> ведь ничего не делает, духа единого. Только лапшу вешает, а с коррупцией не борется.* ▼ **ЛАПШЕ'ВНИК**. # *Он <президент> ведь ничего не делает, духа единого. Только лапшу вешает, а с коррупцией не борется. Лапшевник он.* 📖 «**ВЕШАТЬ ЛАПШУ НА УШИ кому**. Прост. Предосуд. Нагло врать, рассказывать небылицы; намеренно вводить в заблуждение кого-либо» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 74]; «**Вешать (навесить, навешать, развешать / развешивать, повесить...)** лапшу [на уши] кому. Насмешл. жарг. Вводить в заблуж-

ждение, обманывать, придумывать небылицы» [БСР, с. 291]. («ЛАПШЕВНИК, -а (-у); м. Запеканка из лапши» [БТСРЯ, с. 487].)

2.2. Создание слов на основе всего компонентного состава фразеологической единицы, ср.:

ВЕКОВЕЧНЫЙ. • ВЕ'КИ ВЕ''ЧНЫЕ, адверб., разг. Всегда, во все времена. # *Это <о военных годах> мы будем помнить веки вечные.* # *На хорошее у нас память коротка, а плохое помним веки вечные.* ◀ НА ВЕ'КИ ВЕ''ЧНЫЕ. Навсегда, на все времена. # *Чему учишься, то надо запоминать на веки вечные.* # *Память о погибших на войне останется на веки вечные.* ▼ ВЕКОВЕ'ЧНЫЙ. # *Ты машину новую купил и думаешь, что она у тебя вековечная будет.* # *Ты думаешь, я вековечный.* # *Вековечного ничего нет на свете.* # *Столбы <для забора> надо из этих труб сделать. Вековечные будут.* 📖 «ВЕКИ ВЕЧНЫЕ. 1. Разг. Экспрес. Всегда, вечно. <...> 2. Прост. Экспрес. Никогда, ни при каких обстоятельствах» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 66]; «ВЕКИ ВЕЧНЫЕ. Всегда, вечно» [ФСРЯ, с. 59].

ПОДМАСТИТЬ. • ПОД МА''СТЬ, адъект., разг. Соответствующий разряду, на которые делится колода карт по цвету и форме очков. # *Все остальные карты будут под масть. Лучшие бы не идти так.* ▼ ПОДМАСТИТЬ. # *Вы бы не выиграли, если бы Лена Мишке не подмастила.* — Ср. В МАСТЬ кому что. ПОД МАСТЬ кому что.

СЕРДОБОЛЫЦЫ. • ДУША' БОЛИ''Т у когоза кого, за что и СЕ'РДЦЕ БОЛИ''Т у кого за кого, за что, глаг.-пропоз., разг. Кто-либо беспокоится, страдает, переживает за кого-либо, испытывает тревогу за что-либо. # *За картошку у меня душа болит. У нас и лопат путных нет копать. Как копать будем?* # *Ну, за Саньку теперь у меня душа не болит, она при деле теперь.* # *Да за вас всех у меня сердце болит. Как жить будете в такое время?* ▼ СЕРДОБО'ЛЫЦЫ. # *Рано ты репку запел. Ещё не все сердоболыцы собрались.* 📖 «ДУША БОЛИТ. 1. кого, чья, у кого. Разг. Кто-либо испытывает беспокойство, страдания, тревогу. <...> 2. за кого, за что. Кто-либо переживает за кого-либо; тревожится за что-нибудь» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 220], «СЕРДЦЕ БОЛИТ. Разг. Экспрес. 1. Кто-либо чувствует тревогу, беспокойство, испытывает душевное страдание. <...> 2. за кого, за что. Кто-либо испытывает волнение, переживает за кого-либо, испытывает тревогу за что-либо» [ФСРЛЯ, т. 2, с. 231]; «ДУША [сердце] БОЛИТ. 1. кого, чья, у кого. Кто-либо испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания. <...> 2. за кого, за что. Кто-либо беспокоится, страдает, переживает за кого-либо, испытывает тревогу за что-либо» [ФСРЯ, с. 149].

Эта разновидность рассматриваемого здесь способа трансформации так же, как и предыдущем случае, ведет к появлению новых слов (в том числе омонимов – арапник, лапшевник) в языке, то есть к пополнению лексической системы русского языка новыми единицами.

3. Как особую разновидность рассматриваемой трансформации может характеризоваться использование в речи информанта слова-компонента, являющегося элементом вариантной формы фразеологизма, ср.:

ОГУРЕЦ. # *Чишешь, кашлишь. Надо баню затопить. Попаришься, вина зеленого выпьешь и будешь завтра как огурчик.* # *Вчера бабушка была как огурец, а сегодня, видишь, давление подскочило у неё, лежит весь день.* # *Ну-ка, Андрюша, дай на тебя погляжу! Давно не виделись. Огурец!*

• КАК ОГУ''РЧИК, адъект., разг. Свежий, бодрый, полный сил, здоровья; восстановивший силы, здоровье (сном, отдыхом), вернувшийся к обычному, нормальному состоянию. # *Говорили, что болеешь ты, а ты как огурчик.* # *Ничего, что промок весь. Баня натоплена, иди сразу туда, одежду мокрую там оставь. Попаришься, выпьем по рюмочке, утрюм бу-*

дешь как огурчик. # Думал, запил Николай Иванович, а он как огурчик, трезвый. «КАК ОГУРЧИК кто. Разг. Экспрес. О человеке, бодром, имеющем свежий, здоровый вид» [ФСРЛЯ, т. 2, с. 53]. «Как огурчик, сравнит., в функц. сказ. Шутл. одобр. разг. О здоровом, крепком на вид человеке; о свежем, бодром состоянии организма» [БСР, с. 392].

Однако относительно этих примеров следует заметить, что использование слова-компонента из вариантных форм фразеологической единицы, по существу, мало отличается от использования слова-компонента из основной формы употребления фразеологизма (см. выше пункт 1). Поэтому и такие примеры следует рассматривать как разновидность тех случаев, которые описаны выше в разделе 1. Специфика их только в том, что они являются словами-компонентами, которые представляют фразеологическую единицу в одной из ее вариантных форм. (См. также пример ниже со словом-компонентом **кружиться**.)

Особо следует отметить случаи использования разных способов трансформирования фразеологических единиц у одной и той же единицы, ср. с указанными выше случаями:

БЕЛИЧИЙ • ВЕРТЕТЬСЯ КАК БЕ''ЛКА В КОЛЕСЕ' и **КРУЖИТЬСЯ КАК БЕ''ЛКА В КОЛЕСЕ'**, глаг., разг. Быть в беспрестанных хлопотах. # *У меня каждый день дел по горло. Я с утра до вечера верчусь как белка в колесе.* ▼ **БЕ'ЛИЧИЙ.** # *Беличий день сегодня какой-то. Весь день кружился, а чё сделал?* ◀ **КАК БЕ''ЛКА В КОЛЕСЕ'.** # *Мать с утра на кухне как белка в колесе. Семья-то вон какая.* ▼ **КРУЖИТЬСЯ.** # *Беличий день сегодня какой-то. Весь день кружился, а чё сделал?* «**ВЕРТЕТЬСЯ КАК БЕЛКА В КОЛЕСЕ.** Разг. экспрес. Быть в постоянных хлопотах» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 69]; «**ВЕРТЕТЬСЯ [кружиться] КАК БЕЛКА В КОЛЕСЕ.** Быть в беспрестанных хлопотах» [ФСРЯ, с. 60].

Наличие таких трансформаций фразеологических единиц в первую очередь определяется, как показала И. Ю. Третьякова, потенциальными возможностями самой фразеологической единицы: «Окказиональные преобразования фразеологизмов во многом обусловлены особенностями семантики и структуры ФЕ: в зависимости от количества компонентов, изоморфизма, мотивированности значения, образности, степени проявления в компонентах лексемных качеств, синтаксической и семантической валентности и др. – фразеологизмы проявляют себя как единицы с активным или неактивным преобразовательным потенциалом» [Третьякова 2011, с. 263]. Таким образом, в авторской речи, в том числе и в речи нашего информанта, с той или иной степенью индивидуальности реализуются заложенные во фразеологической единице возможности к преобразованиям.

В заключение нашего обзора укажем на необходимость отграничения рассмотренных здесь случаев трансформации фразеологической единицы от случаев таких преобразований, которые могут дать похожий внешне результат, в частности прием, который в ФРР определяется как «1.1.2. Замена компонента ФЕ словом или словосочетанием» [ФРР, с. 24], в результате которого от фра-

зеологизма остается только один компонент, сохраняющий, однако, непосредственную связь с исходным выражением, ср.:

ФИЛЬКИН. •**ФИ'ЛЬКИНА ГРА'МОТА**, имен., разг., пренебр. Пустая, ничего не значащая бумажка; не имеющий юридической силы документ. # *Я эту филькину грамоту подписывать не буду.* # *Таких филькиных грамот я тебе могу наделать сколько хочешь.* # *А он в папку свою лезет, достает какие-то документы. А я ему: «Что ты мне филькину грамоту суешь?».* ► **ФИ'ЛЬКИНЫ документы.** # *Все документы <на мотоцикл> я припас. Только ведь это филькины документы»* 📖 «**ФИЛЬКИНА ГРАМОТА.** Разг. Экспрес. Документ, не имеющий никакой силы; пустая бумажка» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 161]; «**ФИЛЬКИНА ГРАМОТА.** Пустая, ничего не значащая бумажка; не имеющий никакой силы документ» [ФСРЯ, с. 119].

Таким образом, вопрос о соотношении слова и фразеологизма (идиомы), важный сам по себе, связан с целым рядом проблем, решаемых фразеологической наукой. Не случайно и то, что языковой материал, который необходимо привлечь для решения данного вопроса, оказывается в разных источниках и описывается в словарях разных типов, причем как в тех, в которых описание направлено от слова к фразеологизму, так и в тех, в которых описание осуществляется в направлении от фразеологизма к слову (см., например, [ЛФСРЯ]). Этот материал, с соответствующим комментарием к нему, должен быть введен в научный обиход.

Литература

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1964.
2. Жуков В. П. Русская фразеология. – М. : Высшая школа, 1986.
3. Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. – М. : Просвещение, 1973.
4. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.
5. Мелерович А. М. Смысловая структура фразеологических единиц в русском языке : дис. ... д-ра филол.наук. – Кострома, 1980.
6. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций // Слово – сознание – культура : сб. науч. трудов . – М. : Флинта : Наука, 2006.
7. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л. : Наука, 1977.
8. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.
9. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1985.

Словари, справочники

10. БАС: Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред.: Л. И. Балахонова. – М. : Наука ; СПб. : Наука, 2004–2021. – Т. 10. – 2008.
11. БСРЖ: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб. : Норинт, 2000.
12. БСР: Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб. : Норинт, 2004.
13. БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка: А – Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998.
14. Даль: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М. : Русский язык, 1989.
15. ЛФСРЯ: Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. – М. : Астрель : АСТ, 2003.
16. СОЛСРЯ: Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. – М. : Азбуковник, 2003.
17. ФЛ: Золина Е. Н., Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области. Словарь. – Иваново : ИГХТУ, 2019.
18. ФРР: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русские словари, Астрель, 2001.
19. ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1995.
20. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1967.

ОБЩАЯ И СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ФРАЗЕОЛОГИЯ, ПАРЕМИОЛОГИЯ И КРЫЛАТОЛОГИЯ

УДК 81'373

Бакина Анна Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Орел, Россия

Heart-anna@yandex.ru

БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ УЗУАЛЬНОГО И ОККАЗИОНАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье обсуждается актуальная и активно разрабатываемая проблема фразеологической вариантности при внимании к исследованию окказиональных фразеологизмов русского языка, образованных в ходе различных трансформаций устойчивых лингвистических единиц, исследованных и описанных профессором А. М. Мелерович. На основе предложенных А. М. Мелерович типов индивидуально-авторских фразеологизмов выявляется специфика узуального и окказионального варьирования английских фразеологизмов библейского происхождения. Установлено, что библейским фразеологизмам свойственно простое и комплексное варьирование. Выделяются узуальные (лексические, грамматические, количественные и смешанные виды вариантов) и окказиональные варианты, получаемые в ходе преобразований. К видам трансформаций относим морфологические и словообразовательные изменения компонентов, расширение компонентного состава фразеологической единицы, редукцию, контаминацию, субституцию, фразеологический каламбур, дефразеологизацию, конвергенцию трансформационных приемов.*

***Ключевые слова:** Библия, фразеологические единицы, библейская фразеология, вариантность, фразеологические варианты, узуальные и окказиональные варианты.*

Bakina A. D.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Oryol State University named after I. S. Turgenev

BIBLICAL PHRASEOLOGY IN THE ASPECT OF USUAL AND OCCASIONAL VARIABILITY

***Abstract.** The article discusses the actual and actively developed problem of phraseological variability with a special attention to the study of occasional phraseological units of the Russian language, formed in the course of various transformations of stable linguistic units, studied and described by Professor A. M. Melerovich. On the basis of the types of individual-author phraseologi-*

cal units proposed by A. M. Melerovich the specifics of usual and occasional variability of English phraseological units of biblical origin are revealed. It is found that the biblical phraseological units are characterized by simple and complex variability. We distinguish usual (lexical, grammatical, quantitative and mixed types of variants) and occasional variants obtained in the course of transformations. The types of transformation include morphological and word-formation changes in the components, expansion of the component composition of a phraseological unit, reduction, contamination, substitution, phraseological pun, dephraseologization, and convergence of transformation techniques.

Keywords: *Bible, phraseological units, biblical phraseology, variability, phraseological variants, usual and occasional variants.*

Фразеологические единицы представляют собой уникальный лингвистический материал, способный заполнить множество лакун в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познаваемых человеком аспектов действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, характеристик, процессов, состояний, ситуаций и т. д. Фразеология – это величайшая сокровищница языка, ведь именно во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его мышления, индивидуальность культуры и быта. Именно поэтому фразеологическая наука, возникшая сравнительно недавно, так быстро и прочно «обосновалась», а исследованиям в области фразеологии посвящено огромное количество как классических, так и современных трудов. Сегодня в отечественном языкознании среди ярких представителей плеяды специалистов в области фразеологии русского языка непременно выделим З. К. Адамия, Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Беляевскую, В. И. Зими́на, А. М. Мелерович, И. А. Мельчука, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, М. Л. Ковшову, О. Б. Абакумову, М. Ю. Котову и др. Ряд лингвистов, занимаясь проблемами фразеологии германских, романских и пр. языков, так или иначе обращаются к русской фразеологии и фразеографии, сопоставляя и выявляя точки соприкосновения, как, например, Ж. Багана, А. Н. Баранов, А. П. Василенко, Д. О. Добровольский, Е. Р. Иоанесян, И. В. Зыкова, В. И. Карасик, Т. Н. Федуленкова.

В фокусе нашего научного интереса находятся фразеологические единицы библейской этимологии. Библия всегда играла серьезную роль в культурно-исторической и общественной жизни человека, став духовным памятником прошлого, которое нашло в ней свое отражение. Мудрость библейских текстов непреходяща, ее идеи, мысли, оценки и суждения стали основой повседневной жизни народов. Священное Писание формировало взгляды, мировоззрение и традиции, в том числе сохранившиеся до наших дней. Моральные ценности, отраженные в текстах Библии, стали основой личных, социальных, юридических и культурных отношений. Сегодня поднимается новая волна интереса к Библии; общество возвращается к духовности, нравственности, рассматривает Библию как важнейшее культурное наследие.

Содержащиеся в Библии или рожденные на основе ее сюжетов и ситуаций фразеологизмы мы вслед за профессором Т. Н. Федуленковой называем библейскими [Федуленкова 2016, с. 23]. Одним из активно разрабатываемых аспектов библейской фразеологии является ее вариативность. При сохранении общей структурно-семантической инвариантности библейские фразеологизмы в ходе своего неустанный развития и обновления легко «подстраиваются» под новые контекстуальные условия, образуя множество окказиональных или, как их еще называют, индивидуально-авторских вариантов.

Наши суждения в отношении фразеологической вариантности, конечно, не возникли на пустом месте, а были предопределены рядом исследований в области русской фразеологии и фразеографии профессором А. М. Мелерович [Мелерович, Мокиенко 2005, 2011], неоднократно обращающейся к вопросу индивидуально-авторского использования фразеологизмов [Мелерович, Мокиенко 2014, с. 234–252]. Исследуя окказиональное преобразование фразеологизмов, авторы выделили такие их виды, как, например, окказиональные слова, которые были образованы на базе фразеологизмов; окказиональные фразеологизмы, которые были вычленены из компонентного состава устойчивых выражений русского языка; окказионализмы, которые построены по структурно-семантическим моделям, синонимичным устоявшимся фразеологизмам; окказиональные фразеологические единицы, образованные в результате структурно-семантической аналогии по контрасту; окказионализмы, основанные на структурно-семантической инверсии, окказионализмы, образованные на основе частичного изменения значения и с частичным или полным изменением образной основы; окказиональные фразеологические единицы, основывающиеся на конверсии ситуации; окказионализмы, основывающиеся на преобразовании категориального значения фразеологической единицы, окказиональные фразеологизмы, построенные путем контаминации; авторские афоризмы (близки по сути к антипословицам) [АРН; Mieder 2002, 2018; Мелерович, Мокиенко 2014].

Исследование библейской фразеологии английского и немецкого языков показало, что варьирование фразеологизмов частотно в разных типах дискурса (массмедийном, художественном, политическом), что подтверждают корпусные данные, а именно контексты употребления (см. корпусы BNC, NOW, TextKorpora). На основании анализа материала, представленного во фразеографических изданиях [ЛБМ 2019; СБФ 2008], а также изучения контекстуальных употреблений различных вариаций библейских фразеологизмов нами была предложена модель вариативности. Согласно данной модели к видам узуального варьирования библейских фразеологических единиц мы отнесли:

- 1) лексическое варьирование, включающее изменения глагольных, субстантивных, адъективных и препозитивных компонентов;

2) грамматическое варьирование, за счет которого образуются морфологические и морфолого-синтаксические варианты;

3) варьирование компонентного состава за счет усечения или добавления компонентов фразеологизма (выделены квантитативные варианты: субстантивно-квантитативные, глагольно-квантитативные, атрибутивно-квантитативные, конъюнктивно-квантитативные, компаративные квантитативные);

4) комплексное узуальное (или смешанное) варьирование, сочетающее сразу несколько изменений в структуре фразеологической единицы.

Если узуальные варианты отражены в большинстве словарей, то есть являются официально признанными и неоднократно употребляемыми, то окказиональные фразеологизмы встречаются только непосредственно в устной и письменной речи носителей языка, «обслуживая» определенный контекст и не имеют статуса регулярной фразеологической единицы. Окказиональное варьирование представлено трансформациями и индивидуально-авторскими преобразованиями, затрагивающими структуру, компонентный состав фразеологизма, его семантику и образ. В этой связи выделяем такие трансформации, как морфологические и морфолого-синтаксические изменения компонентов; расширение компонентного состава фразеологической единицы (дистантное размещение компонентов, амплификацию и пролонгацию); редукцию; контаминацию; субституцию; фразеологический каламбур; дефразеологизация; конвергенцию трансформационных приемов. Таким образом, вышеуказанные приемы ведут к образованию окказиональных лексических, грамматических, квантитативных, простых и осложненных креативных вариантов библейских фразеологизмов.

Вариантность библейской фразеологии имеет устойчивую тенденцию к развитию, что неоднократно подчеркивалось в новейших исследовательских работах (см., например, работы [Бакина 2022; Федуленкова 2020]).

Наличие фразеологической вариативности библейской устойчивой лексики является неоспоримым доказательством того, что фразеологизмы библейского происхождения есть «живой» и подвижный материал, активно употребляемый в современной речи носителей национального языка. Креативность авторов, создающих новые окказиональные фразеологические единицы, мотивируется развитием лингвистической системы в целом, готовой к изменяющимся экстралингвистическим условиям и неустанному развитию человеческого общества и культуры.

Литература

1. Бакина А. Д. Исследование вариативности фразеологизмов библейского происхождения (на материале англо- и немецкоязычных корпусных дан-

ных) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2022.– Т. 15, вып. 12. – С. 3928–3937.

2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – Изд. 3-е. – М. : Русские словари : Астрель, 2005.

3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) : монография. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.

4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 8. – С. 234–252.

5. Федуленкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения : учеб. пособие. – М. : Издательский дом Академии естествознания, 2016.

6. Федуленкова Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 83–96

7. Mieder W. Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs: DeProverbio. 2002.

8. Mieder W. “It’s a Small World”: From Widespread Idioms to Widespread Proverbs // Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen / Т. Fedulenkova (ed.). – Arkhangelsk ; München, 2018. – P. 74–97.

Словари, справочники

9. ЛБМ: Адамия З. К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.] ; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019.

10. АРН: Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. – СПб. : Нева, 2005.

11. СБФ: Федуленкова Т. Н. и др. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Северодвинский филиал. – Архангельск : Поморский университет, 2008.

Электронные источники

12. BNC: British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 15.12.2022)

13. NOW: News on the Web. – URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 15.12.2022).

14. Textkorpora. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022).

УДК 71.82

Ковшова Мария Львовна

доктор филологических наук

Институт языкознания РАН

Россия, Москва

kovshova_maria@list.ru

РУССКИЕ ЗАГАДКИ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ: ВАРИАНТЫ, ВАРИАЦИИ ИЛИ АВТОНОМНЫЕ ЗАГАДКИ?

Аннотация. В статье разрабатывается новый подход в исследовании вариативности загадок с антропонимами, который объединяет положения фольклористики и паремиологии. Выделяются виды варьирования антропонимов в составе загадок; на широком материале разграничиваются варианты, вариации и автономные загадки.

Ключевые слова: загадка, оним, вариант, вариация, автономная загадка.

Kovshova M. L.

Doctor of Philological Sciences

Institute of linguistics Russian Academy of Sciences

RUSSIAN RIDDLES WITH PERSONAL NAMES AS CONSTITUENTS: VARIANTS, VARIATIONS, OR STANDALONE FIGURATIVE UNITS?

Abstract. The paper presents a new approach to studying variability of riddles with personal names as constituents, which merges concepts and principles of both folklore studies and paremiology. Exemplified by many cases, the paper distinguishes between several types of variability of personal names as constituents, subdividing variability into variants, variations, and standalone riddles.

Keywords: riddle, personal name, variant, variation, standalone riddle.

Благодарность

С Алиной Михайловной Мелерович я, к своему счастью, знакома давно; с самого начала погружения в мир фразеологии и паремиологии меня вдохновляют ее работы, ее стиль, ее голос, весь облик – замечательного Ученого и прекрасной Женщины. Как-то будучи на конференции у Ростислава Николаевича Попова в Орле, вечером, после заседания, мой учитель Вероника Николаевна Телия сказала, волнуясь: «Сегодня к нам на домашний семинар придет Алина, она самая умная и тонкая, что-то она скажет». Мы тогда готовили проект описания идиом в машинном словаре. Семинар окончился за полночь, Алина Михайловна всех внимательно выслушала и сделала ценные замечания насчет символической мотивации внутренней формы идиом и того, как это можно отметить в структуре словарной статьи. В. Н. потом часто ссылалась на нашу маленькую

«конференцию в конференции» и неизменно повторяла: «Читайте Мелерович, учитесь у нее». И я читаю и учусь, полная благодарности и восхищения!

I. Введение. Основные положения

Про необходимость объединить положения паремиологии и фольклористики в отношении вариативности паремий впервые было заявлено в «костромском» сборнике [Ковшова 2021]; данную тему уместно и важно продолжить в настоящем, юбилейном, издании. В паремиологии под вариативностью понимаются формальные и содержательные изменения, которые происходят в пределах одной единицы; так, в пословицах вариантами считаются единицы, сохраняющие при всех изменениях семантическое тождество, смысловой центр; чаще всего вариативность проявляется в лексических заменах при сохранении структурного типа, типовой модели. Основным видом вариантности считаются лексические замены, остальные изменения рассматриваются как варианты формы [Жуков 1986]. Вариативность паремий, которые включают в себя не только пословицы и поговорки, но также загадки, приметы и т. д., имеет свои особенности. По традиции, вариантами загадок считаются «тексты, отличающиеся незначительными разночтениями грамматического порядка или различием эпитетов; в тех же случаях, когда появляются изменения основного образа, когда отличия касаются содержания, можно говорить о новой загадке» [Митрофанова 1968, с. 9].

В фольклористике вариантами считаются тексты одного сюжетного типа, обладающие незначительными изменениями, которые вносят дополнительные штрихи в образы, но не влияют на основную сюжетную схему; такая вариативность проявляется на уровне фонетики, лексики, грамматики, а также на уровне текста – его объема, структуры и композиции. Существенным отклонением в фольклористике считается замена лексики (следовательно, и образов) и синтаксическое варьирование – прибавление или отсутствие строк (следовательно, изменение сюжета, к этому ведут количественные изменения, перестановка звеньев, полная перестройка текста). Если отклонения от исходного текста существенно влияют на систему образов, сюжетную схему, композицию, набор мотивов, то говорят о вариациях. Отклонения накапливаются, и вариации могут быть рассмотрены как автономные произведения [Добровольская 2018].

С опорой на базовую, ставшую классической в вопросах варьирования фразеологизмов и паремий, работу [Мелерович, Мокиенко 2001] и новый синкретичный подход, уже показавший себя в отношении пословиц [Ковшова 2021a], более подробно исследуем тему вариативности на материале русских традиционных загадок, в состав которых входят антропонимы, рассмотрим особенности варьирования данного компонента и его влияние на варьирование загадки в целом. Задачи исследования состоят: 1) в классификации всевозмож-

ных видов изменения компонента-антропонима в загадках; 2) в определении влияния изменений компонента-антропонима на семантическое тождество сопоставляемых текстов одного сюжетного типа, которые кодируют один и тот же денотат; 3) в квалификации текстов как вариантов, вариаций или автономных загадок. **Вариантами** следует считать загадки, изменение компонента-антропонима в которых не нарушает семантическое тождество текстов (понятийно-денотативный план), но может вызывать незначительные отклонения в понятийно-логическом плане при сохранении тождества смысловых видоизменений по объему выражаемого понятия; в текстах незначительно отличаются предметно-образный и структурно-композиционный «рисунок» загадки; имеются небольшие языковые отличия. **Вариациями** следует считать загадки, в которых варьирование компонента-антропонима не нарушает понятийно-денотативный план загадки, но воздействует на ее понятийно-логический план; меняется образно-сюжетный и структурно-композиционный «рисунок» загадки; в текстах имеются существенные языковые отличия. Следует признать **автономными** загадки, в которых варьирование компонента-антропонима приводит к существенной смене образов, перестраивает сюжет и композицию, изменяет понятийно-логический план загадки; в текстах имеются кардинальные языковые отличия. Загадки с антропонимами приводятся из словаря [Ковшова 2019]; другие тексты даются с отсылкой к отдельным источникам.

II. Анализ материала

Исследование позволяет выделить пять видов варьирования компонента-антропонима в составе загадок: 1) варьирование форм онима на фонетическом, морфемном, структурном, морфологическом уровнях, а также варьирование онима и его апеллятивной формы; 2) лексическое варьирование «оним/оним»; 3) лексическое варьирование «оним/апеллятив»; 4) синтаксическое варьирование количества онимов; 5) невозможность лексического варьирования онима. Исследуем все случаи в каждой группе подробнее.

1. Варьирование форм онима

Народным загадкам присуще фонетическое варьирование онима, что отражает вариативность общезыковой, диалектных и народных форм антропонимов. Фонетические изменения антропонимов не влияют на семантическое тождество, образы, сюжет и язык сопоставляемых текстов; ср.: «*Стоит Филат, на нём сто лат (капуста)*»; «*Стоит Хвилат, на нём сто лат (то же)*». «*Два кума Аввакума, две кумы Авдотьи, пять Фалеев, десять Андреев*» (сани или дровни и их части – полозья, оглобли, вязья, копылья); «*Два кума Обакума, две кумы Овдотьи, пять братьев Пантелеев, пять Андреев (то же)*». Морфемные и структурные изменения антропонимов также не нарушают семантическое тождество текстов, хотя и привносят небольшие эмоционально-оценочные «добавки» в язык загадки. Ср. вариант к предыдущему тексту: «*Два кума Обакума,*

две кумы **Овдочихи**, пять **Пантелеев**, десять **Андреев**». Ср. другую пару вариантов: «*Вышло чудо из печуры, спрашивает чудо у царя растопыря: «Где живёт **Марья Хохловна?**» (мышь, петух и кошка)*»; «*Вышла чура из печуры, спрашивает у карамуры: «Где **Машика-хохлашка?**» (то же)*». Морфологическая вариативность, а именно употребление онима в том или ином падеже, в единственном или множественном числе, вызывает незначительные отклонения в понятийно-логическом плане загадок, поскольку меняются количественные характеристики персонажей или они представлены в разных синтаксических «ракурсах»; ср.: «*На задворочке кудёрочками **Захарушка** трясёт (хмель)*»; «*На задворочке кудёрочки на **Захарушке** кудруются (хмель)*»; «*На задворочке у **Захарушки** кудёрушки трясутся (то же)*». Вариативность написания имени с прописной или строчной буквы также не нарушает семантическое тождество сопоставляемых текстов, которые предстают как варианты одной загадки; ср.: «*Велико поле **Романовско**, На поле скот Оверьяновский, Пасёт пастух Фараоновский (небо, звёзды, месяц)*» [Садовников, № 1944м]; «*Велико поле **романовское**. Много скотины фараоновския, Один пастух патриарховский (небо, звёзды, месяц)*» [Митрофанова 1968, с. 20]. В редких случаях оним может варьироваться с перифрастическим апеллятивом; ср.: «*Родился – не крестился, Умер – не спасся, А **Христа** носил (осёл)*»; «*Родился – не крестился, Умер не покался, А **христоносцем** был (осёл)*» [Садовников, № 2309б]; «*Родился – не крестился, Умер не покался, А был **богоносец** (осёл)*» [Митрофанова 1968, с. 154].

Тем самым, варьирование форм компонента-антропонима фонетическом, морфемном, структурном, морфологическом уровнях не приводит к существенным изменениям в текстах, которые остаются вариантами загадки одного сюжетного типа.

2. Лексическое варьирование «оним/оним»

Лексическое варьирование онимов не нарушает семантическое тождество текстов при условии, что онимы легко «встраиваются» в текст, не нарушая в нем размер, рифму, ритм (в текстах могут быть незначительные отличия, не связанные с заменой антропонима). Ср.: «*Лежит **Гася**, Простеглася; Как встанет, Небо достанет (дорога)*»; «*Лежит **Рася**, Растеняся; Яко станет – Небо достанет (то же)*». «*Шла **Чечёбра** Из-за пещеры, Навстречу ей князь Таратор. Чечёбра спрашивает князя Таратора: – Где живёт Марья Петровна? – Она живёт на деревянных столбах, В каменных стенах*» (мышь спрашивает у сверчка, где кот)»; «*Выходила **Точёбра** из-за печоры и спрашивает Торатора князя: «Где Марья Петровна?» – «Марья Петровна на каменных горах спит» (то же)*». На механический характер лексической субституции онимов указывает частое размещение варианта в скобках; ср.: «*Стоит **Антошка (Трошка, Тимошка)** на одной ножке; его ищут, а он нйшкнет (гриб; нйшкнет – исчезает, прячется)*». «*Падают лимоны – Подбирают **Харитоны (Филимоны)** (свиньи*

и жёлуди)». Русская загадка любит такое варьирование – это позволяет немного обновить текст и при этом сохранить устойчивость сюжетного типа загадки; ср. многочисленные варианты загадки про горшок на ухвате: «*Кто таков, как Егор Попов? Сел на конь Да поехал в огонь*»; «*Кто таков Иван Громко́в: Сел на конь и поехал в огонь*»; «*Кто таков, Иван Пятаков, сел на конь и поехал в огонь*»; «*Не всяк таков, как Иван Токмачёв: седиши на конь, да и поехал в огонь*»; «*Никто не таков, как Иван Будано́в: сел на конь и поехал в огонь*»; «*Никто не таков, как я, Иван Ермаков: Сел на конь да поехал в огонь*»; «*Никто таков, как Иван Колпаков (Токмачёв): сядет на конь да поедет в огонь*»; «*Ах, каков Иван Поляков, сел на конь и поехал в огонь*»; «*Никто не таков, как Иван Пятаков (Ермаков, Колпаков, Толмачёв, Дураков): Сядет на конь да поедет в огонь*» и т. д.

Лексико-морфологическое варьирование онимов по роду также не нарушает семантическое тождество загадки, хотя и вызывает небольшие изменения в образном «рисунке» сопоставляемых текстов. Ср.: «*Сидит Агафиха на грядке вся в заплатках, Кто ни взглянет, плаче и рыдае (лук)*»; «*Сидит Игнатка на грядке весь в заплатках, Кто его потрогает, тот и заплачет (лук)*». Данный вид варьирования эксплицируется в именах, мужских и женских, и в их морфемных показателях; ср.: «*Вышел Чур с-за печур, спросил Панадрана: «Где Марья Раповна живёт? (мышь спрашивает у петуха, где кот)*»; «*Выбежала Мурава из-под каменной пещеры, спрашивает Курякина: «Дома ли Полякин?» (мышь спрашивает у петуха, где кот)*». Замену «мужского» образа на «женский» в загадке нельзя признать существенной: пределом семантического варьирования считается противопоставление признаков, различающих значения, а признаки мужского/женского рода не выступают как различительные, поскольку референтами в семантической структуре загадки выступают не лица или существа, а качества загаданных денотатов.

Лексико-морфологическое варьирование онимов по числу создает изменения в образном «рисунке» текстов, но не нарушает их семантическое тождество как вариантов одной загадки. Ср.: «*Идёт Кикимора Из-под Климова; Говорит она, Кикимора, Колокольному царю: – Де это, Колокольный царь, Цари Курны живут? – Цари Курны живут На печах, на печорах (мышь спрашивает петуха, где кот)*»; «*Шла Кикимора из-за каменных гор, Навстречу ей идёт Звонкий царь. – Звонкий царь, не видал ли ты Курнопного царя? <...> (мышь спрашивает петуха, где кот)*».

Лексико-грамматическое варьирование онимов, отличающихся употреблением в том или ином падеже или занимающих разные синтаксические позиции, также не влияет на семантическое тождество текстов; ср.: «*У нашей Параше Сорок рубашек; Вышла на улицу, Ветер подул, И спина – гола. Сзади голо*

(курица)»; «Бежит **Наташка** В семидесяти рубаиках; Ветер дунет, и тело голо (курица)».

Только лексико-фонетическое варьирование разных антропонимов, не сходных по своим фонетическим характеристикам и при этом занимающих сильную позицию в стихотворной строке, ведет к существенным преобразованиям в загадке. Антропоним, стоящий в сильной позиции, «задает» рифму, под которую подбираются слова, тем самым лексико-фонетическое варьирование антропонима влечет за собой смену образов, влияет на развитие мини-сюжета загадки и ее язык. В таких случаях следует говорить о вариациях. Ср. пары текстов: «Вышла **Малашка** В семидесяти рубаиках; Ветер дунул – тельце знать»; «**Харитоновна** жена под тыном шла, семьсот рубах нашла; ветер пошёл, все рубахи раздул (курица)». «Лежит **Данило** – замазанное рыло, Как встанет, так и небо достанет (дорога)»; «Лежит **Дороня**, Никто его не хороня, А встанет – До неба достанет (дорога)».

От вариаций к автономным загадкам один шаг, и этот шаг сделан, если вместе с рифмой, размером, ритмом меняются образы, по-своему развивается мини-сюжет загадки, кардинально обновляется ее язык. Ср., например: «Стоит **Абросим**, ничего не просит, А чего дашь – не бросит (светец)». «Стоит **Трошка** На одной ножке, Крошитоогненны крошки (светец)». «Жил **Кругал**, сто душ питал, Умер – и помину нет (горшок)». «Пал **Ефимьян** с колокольни, Добрыи жёны завопили, большим полотном обвертили (горшок)».

Особо следует выделить роль прецедентных онимов, которые, в отличие от обычных антропонимов, привносят в семантику загадки связанные с ними устойчивые смыслы существенно влияют на образный ее «рисунок»; ср. тексты с обычным антропонимом и с прецедентными онимами: «Жил **Корнил**, всех людей кормил, А умер – под тын головою, Никто по нём не плачет (горшок)». «Помер **Адам** – ни богу, ни нам, Ни душа на небо, ни кости в землю (горшок)». «Свет **Кощей**, господин **Кощей**: сто людей кормил, гулять ходил, головку сломил; кости выкинули, псы не понюхали (горшок)». В двух последних текстах с образом «кости» соединены символные, по А. М. Мелерович, смыслы: *Адам* – первочеловек из костей, плоти и крови; *Кощей* – костяной старик, персонифицирующий смерть. И библейское, и мифологическое имена ведут к разным культурным сюжетам, обогащающим своими смыслами образную семантику загадок. Использование прецедентного онима ведет к автономной загадке.

3. Лексическое варьирование «оним / апеллятив»

Как правило, варьирование «оним / апеллятив» имеет механический характер, на это указывает помещение субститута в скобки в сборниках загадок; ср.: «Из году в год беззубая **баба** (или: **старушка Маврушка**) кости грызёт (мялка)» [Даль 1957, с. 961]. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что такие замены правильнее было бы считать вариациями. Апеллятив,

по сравнению с антропонимом, является экспрессивным субститутом, поскольку акцентирует устойчивые смыслы, закрепленные за тем или иным словом, идеалет образный «рисунок» загадки выразительнее; ср.: «*Антипка низок, на нём сто ризок (лук)*». «*Стоит **поп** низок, на нём сто ризок (лук; ризок – от ризы ‘облачение священника’)*» [Митрофанова 1968, с. 85].

Лексико-фонетико-морфологическая вариативность «оним одного рода/апеллятив другого рода» не нарушает семантическое тождество текстов, однако и здесь апеллятив выступает экспрессивным субститутом по отношению к обычному антропониму. Ср.: «*Стоит **Микола** среди поля, Пришёл Влас – тыкнул в глаз (ключ и замок)*». «*Стоит **корова** посреди дороги, Подошёл Влас и тыкнул корове в глаз (ключ и замок)*» [Митрофанова 1968, с. 101].

Встречаются редкие случаи варьирования «прецедентный оним / апеллятив». Надо признать, что и прецедентный оним, и апеллятив «приходят» в текст со своей «историей», со своими смысловыми «акцентами»; и тот, и другой привносят своеобразие в описание загаданного денотата; тем самым, такое варьирование создает вариации; ср.: «*На поле **Романовом** много всего и скота рогатого, один пастушок ровно жемчужок (небо, звёзды месяца)*». «*Около **города городчанского** Много скота литвянского, Один пастух, как ягодка (небо, звёзды месяца)*» [Садовников, № 1944м]. В загадках-шутках одного сюжетного типа, в которых загадывается один и тот же денотат, прецедентный оним, как правило, используется формально, однако и такое его использование ощутимо усиливает шуточную экспрессию загадки, в этих случаях также следует говорить не о вариантах, но о вариациях; ср.: «*Почему старинные люди ходили в сандалиях? – По земле*» [Митрофанова 1968, с. 162]. «*Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин в сапогах? – По земле*».

Тем самым лексическое варьирование «оним / апеллятив» приводит к образованию вариаций загадки.

4. Синтаксическое варьирование количества онимов

Синтаксическое варьирование связано с видоизменением количества онимов в текстах одного сюжетного типа, в которых, как правило, имеется несколько равноструктурных звеньев. Варьирование количества онимов влияет на количество звеньев, на детализацию эпизодов, это ведет к изменениям в объеме загадки, к структурно-композиционным и образно-сюжетным изменениям, существенно сказывается на языковом уровне. Тем самым, такие тексты следует признать вариациями. Ср. вариации про сани и полозья: «*Пять пятивашек, Пять загибашек, Две Марьи, Две Дарьи, Да Палагея*»; «*Два кума Аввакума, две кумы Авдотьи, пять Пантелеев да восемь Мокеев*»; «*Семь Симиевых, семь переборов, Гришка да Мишка, две Катьки*»; «*Две Пелагеи Две полозьи. Да Савка И сама Елисавка*». Ср. другой пример вариаций: «*На озере Ладожском, На море Мурманском Помутилась вода с песком, Поборолся **Илья с Петром** (хлебы*

замешивают)»; «Помутилася вода с песком, Побранилися Лука с Петром, А я без **Фёдора** и в суд нейду (хлебы замешивают)». Ср. также многочисленную «серию» вариаций про горшок: «Не родился и взят от земли, как Адам; принял крещение огненное на одоление вод: питал голодных; надселя, трудясь; под руками баушки-повитухи снова свет увидел; жил на покое до другой смерти, и кости его выкинули на распутье (горшок)»; «От земли взят, яко Адам; на колесе вознесен, яко Илия; ввержен был в пещь огненную, яко три отроки еврейские; вывезен на торжище, яко Иосиф. Пришла некая женщина и купила его на свою надобность; свалился он на землю, разбился. За огородом валяются его кости. Люди его не берут и собаки его не едят (горшок)»; «Взят от земли, яко же Адам; ввержен в пещь огненную, яко три отроки; взят от пещи и возложен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко же Иосиф; ставлен на лобное место и биен по главе, яко же Иисус; возопи велиим гласом, и на глас его прииде некая жена, яко же Мария Магдалина, и, купивши его за медницу, принесе домой; он расплакася по своей матери, умре, и доньне его кости лежат не погребены (горшок)» и т. д.

Синтаксическая вариативность может также выражаться в наличии / отсутствии онима (или апеллятива); загаданное никак не названо, его подлинное имя лежит в отгадке; ср.: «Сидит на ложке, Свесив ножки (лапша)» [Митрофанова 1968, с. 129]. «Сидит **Трошка** на ложке, свесив ножки (лапша)». Примеров таких «пар» текстов достаточно; ср.: «На **Антипке** семьдесят семь одёжек, и все без застёжек (кочан капусты)». «Семьдесят одёжек, А все без застёжек (кочан капусты)» [Садовников, № 789а]. «**Баба-Яга**, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна (соха)». «Мир кормит – сама не ест (соха)» [Митрофанова 1968, с. 93]. «Уж как наш **Тарас** без ушей, без глаз, сам не ходит, а людей водит (посох)». «Ни глаз, ни ушей, а слепцов водит (посох)» [Митрофанова 1968, с. 91].

Если количество отличий накапливается, можно говорить об автономных загадках; ср.: «Жил **Корнил** – Всех людей кормил, А умер – под тын головую, Никто по нём не плачет (горшок)». «Жил-был – Много душ кормил, Умер – ни погребенья, Ни поминовенья (горшок)» [Садовников, № 344к].

Итак, синтаксическая вариативность количества онимов приводит к изменениям, которые позволяют признать тексты вариациями. Накопление отличий делает тексты одного сюжетного типа автономными загадками.

5. Невозможность лексического варьирования онима

Не варьируется прецедентный оним, если связанные с ним смыслы лежат в основе мотивации загадки, являются ключом к ее отгадке. Ср.: «Какого животного в Ноевом ковчеге не было? (рыбы)». «Летели три ворона, кричали в три голоса; один кричит: «Я **Пётр**»; другой кричит: «Я **Филипп**»; третий кричит: «Я сам велик» (три поста)». «Кто прежде родился, баран или Адам? (баран)».

Не варьируются антропонимы (в том числе прецедентные онимы) в составе лингвистических загадок и загадок-шуток, если обыгрываются составляющие имя элементы; ср.: «*Что делал слон, когда пришёл Наполеон (на поле он)? (ел травку)*». «*Что у Адама спереди, а у Евы сзади? (буква «а»)*». В загадке про букву «б» встречается не варьирование, но параллелизм строф с онимами и апеллятивами; ср.: «*У Бориса спереди, У Глеба сзади, У девки нет до венца. У бабы есть и будет до конца (буква «б»)*». В данной загадке имена *Борис* и *Глеб* можно трактовать и как имена святых, и как обычные антропонимы.

Не варьируются антропонимы, если кодирование предмета мотивировано этимологией онима; ср.: *У нас в избешке Фетиньино имя (светильня); Фотинья* – от др.-гр. Φώτιος < φῶς – ‘свет’.

Не варьируется антропоним, если кодирование мотивировано графической формой онима, его инициала; ср.: *Стоит Ферт подбоченившись(самовар)*.

Невозможность лексического варьирования компонентов-антропонимов в загадках является основанием для признания таких загадок автономными.

III. Заключение

Исследование варьирования антропонимов в русских народных загадках на обширном материале позволило выделить следующие виды варьирования компонента-антропонима: варьирование форм онима; лексическое варьирование «оним / онима»; лексическое варьирование «оним / апеллятив»; синтаксическое варьирование; невозможность лексического варьирования онима. Определено влияние тех или иных видов изменений антропонимов на изменение текста в целом. Варьирование форм компонента-антропонима на фонетическом, морфемном, структурном, морфологическом уровнях не нарушает семантическое тождество загадки, не приводит к изменениям текстов; такие тексты следует считать вариантами. При лексическом варьировании антропонимов, если онимы обладают сходными фонетическими характеристиками, их замена носит механический характер. Несущественными являются изменения лексико-морфологического характера: варьирование онимов, имеющих показатели разного рода, числа, не нарушает понятийно-денотативный и понятийно-логический планы загадки, хотя и вносит изменения в ее образный и языковой «рисунок». Только лексико-фонетическая вариативность онимов существенно влияет на текст, в котором тот или другой антропоним «задает» свою рифму, размер, ритм, обуславливает выбор слов (а значит, образов), меняет развитие мини-сюжета; тем самым, можно говорить о вариациях, а при кардинальных отличиях в текстах – об автономных загадках. При варьировании «оним/апеллятив» последний выступает в качестве экспрессивного субститута, что позволяет говорить о вариациях загадки. Особая роль в смысловом и образном видоизменении загадки принадлежит прецедентным именам, которые привносят в семантику загадки культурные смыслы, увеличивают ее содержа-

тельно-информативный «вес». Синтаксическая вариативность количества онимов вызывает изменения, связанные с увеличением, уменьшением или детализацией эпизодов, существенно отражается на языковом уровне, тем самым, тексты следует признать вариациями, при накоплении отличий – автономными загадками. Отсутствие лексического варьирования является основанием для определения автономности загадки. Нельзя заменить оним, если он является стержневым элементом семантизации загадки; если элементы онима составляют предмет языковой игры; если загадка мотивирована этимологией или графическими особенностями онима. Такие загадки являются автономными.

Еще раз подчеркнем, что статус текста как варианта, вариации или автономной загадки определяется при соотношении текстоводного сюжетного типа, в которых загадан один и тот же денотат. Так, ср. **варианты** среди текстов про ружьё: «*Длинный Макар далеко плюёт*»; «*Слепой Мартын далеко плюётся*». Ср. **вариацию**: «*Тётушка Улита Сама горбалита; Плюнет – далеко летит*». Ср. тексты другого сюжетного типа, но про тот же денотат (ружьё). **Варианты**: «*Летит птица Сидодон, Несёт во рту огонь, На конце хвоста – Человечья смерть*»; «*Летит птица орёл, / Несёт в зубах огонь; / Поперёк хвоста/ Человечья смерть*». **Вариация**: «*Летит птица Гагана, несёт в роте осетра, посередь хвоста человечья смерть*». **Автономная загадка**: «*Огнём дышит, / По льем дышит*». Ср. тексты одного сюжетного типа про порог: **вариации** «*Маленький Макарчик под подол заглядчик*»; «*Толстый, зарубистый, под подол заглядистый, / Лежит да глядит, никому не говорит*»; **автономная загадка** «*Маленький мальчик всем под ноги смотрит*».

Представляется, что синкретичный подход в вопросах вариативности, основанный на объединении положений паремиологии и фольклористики, позволяет более глубоко исследовать изменения компонента-антропонима и его влияние на вариативность текста в целом, определить статус текста как варианта, вариации или автономной загадки.

Литература

1. Добровольская В. Е. «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» // Современные методы и подходы в изучении современной народной культуры. Из истории русской фольклористики. Вып. 10. – СПб., 2018. – С. 226–238.

2. Жуков В. П. Русская фразеология : учеб. пособие для вузов. – М. : Высшая школа, 1986.

3. Ковшова М. Л. Вариативность в фольклоре и паремиологии: в поиске синтезированного подхода // Наследие Петровской эпохи в современной русской паремиологии (в сопоставлении с европейской). – Кострома : Костромской государственный университет, 2021. – С. 86–98.

4. Ковшова М. Л. Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021а. – № 2. – С. 20–32.

5. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Введение // Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М. : Русские словари : Астрель, 2001. – С. 3–44.

Словари, сборники

6. Даль Вл. Пословицы русского народа. – М. : Гос. изд. худ. лит., 1957.

7. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. – М. : ЛЕНАНД, 2019.

8. Митрофанова В. В. Загадки. – Л. : Наука, 1968.

9. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – URL: <http://litlife.club/br/?b=251825&p=58> (дата обращения: 12.01.2023).

УДК 811.161.1'373.7

Кузнецова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Россия, Чебоксары

irinak47@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Аннотация. В статье рассмотрены причины появления тождественных паремиологических единиц у разных народов. Перевод тюркских примеров в основном приводится по источнику, из которого они взяты.

Ключевые слова: паремиологическая единица, межкультурная коммуникация, образность, эквивалентность.

Kuznetsova I. V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

ON THE QUESTION OF UNIVERSALITY PAREMIOLOGICAL UNITS OF DIFFERENT PEOPLES

Abstract. The article considers the reasons for the appearance of identical paremiological units in different peoples. The translation of Turkic examples is usually given according to the source from which they are taken.

Keywords: *paremiological unit, intercultural communication, metaphors, equivalence.*

В паремиологических фондах разных народов встречаются одинаковые или близкие по образности пословицы и поговорки; многие из них основаны на систематических наблюдениях за окружающим миром и констатируют непреклонность чего-либо: рус. *Дважды вЪ годЪ лѣто не бываетЪ* [Собрание, с. 49]; *По дважды вѣ годѣ лѣту не быть* [РМР, т. 1, с. 53]; *Краснолѣто два раза вѣ году не живетъ* (Мельников-Печерский 1857); *Дважды в год лета не бывает* [РНПП, с. 187]; укр. *літо два рази не буває; двічі (два рази) літо не буває* [УРФС, с. 99, 278]; болг. *Дваж лято не бива* [РНБП, с. 222]; туркм. *Tomus iki gezek bolup geçmeýär* /досл. Лета два раза не будет в году/ – ср. с нем. *Esist-nurein Sommerim Jahr.*

Часть межнациональных паремиологических единиц (далее ПЕ) восходит к общему источнику. Так, калькой афоризма Плутарха является рус. *Рыба начинает портиться с головы* [РНПП, с. 309] и ее варианты (вычленяются из текстов) *Рыба портится от головы; Рыба с головы гниет (тухнет, воняет); Рыба с гниет головы [а чистят ее с хвоста]*, а также ПЕ других языков: бел. *Рыба пачынае смярдзецъ з галавы; Рыба з галавы псуецца (загниваецца, пачынае гніць, гніе)* [СБП, с. 178]; макед. *Рибата смрди од главата* [МР]; болг. *Рибата се вмирисва от (откъм) главата* [БРФС, с. 501]; *Рибата от главата замирисва*; нем. *Der Fisch fängt beim Kopf an zu stinken; Der Fisch fängt am Kopf an zu faulen* [РНБП, с. 9; 69]; кумык. *Балыкъ башындан чирип* [КРСПП, с. 68]; турецк. *Balık baştan kokar* [Порхомовский 2014, с. 160] (укр., серб., зап.-слав. и англ. Примеры см. в: [РССП, с.133]).

ПЕ *Собака лает, [а] караван идет (Собака лает – караван идет)* известна русскому языку с XIX века: она зафиксирована М. И. Михельсоном в форме *Собака лаетъ, а караван проходитъ мимо с пометой турецк. посл.* [РМР, т. 2, с. 286]; в словарях и текстах встречаются варианты *Собаки лают, а караван идет дальше* [МРС, с. 208]; *Собака лает, а караван продолжает идти (свой путь)* (А. Беспалый. Теперь ялтинскую замлю...; Л. Карамышева. Век Шолохова); *Собака лает – ветер воет, а караван идет* (М. Горбачев. Не собираюсь на Украину...). В украинском языке ПЕ *Собака гавкає (бреше, лає), [а] караван [соби] їде* появилась недавно; язык-посредник – русский [Кузнецова, Савченко, Хмелевский 2020, с. 49]. Считается, что «турецкую лексему *it* следовало бы перевести как *пёс*: это важно в семантико-стилистическом плане, так как в турецком языке слово *it* имеет уничижительную коннотацию по сравнению с нейтральным *körek* “собака”» [Калюта 2008, с. 2].

В силу известных исторических событий – длительного нахождения под игом турок-османов – ПЕ ориентального происхождения была калькирована и некоторыми южнославянскими народами: макед. *Пците лајат, карванот си мине* /досл. псы лают, а караван проходит/ [МРС, с. 208]; *Карванот си врвит,*

кучињата лае; Кучето лае, карване си оди; Кучето си лаи, карвано си врви; Кучињата лае, карванот си врвит [МР]; болг. Кучетата [си] лаят, [а] керванът си върви [БРФС, с. 300; РБЕ]. Известный хорватский писатель Мирослав Крлежа данную ПЕ обыгрывает следующим образом: *O nasji sabore, ti laješ, a karavane idu* (цит. по: [РСХКЈ, т. 2, с. 663]).

Об ориентальных корнях ПЕ свидетельствует персизм *kārwān* в ее составе: турецк. *İt üürür kervan üürür* [Калюта 2008, с. 2]; туркм. *It üýrer – kerwen geçer* [Кузнецова, Юлдашова 2019, с. 106]; кумык. *Ит гьанлар, кериван гечер* [КРСПП, с. 147] и пр. ПЕ известна и другим языкам: англ. *The dogs bark, but the caravan goes on* [АРФС, с. 256]; финн. *Koirat haukkuvat, karavaani kulkee* [Соколова 2015, с. 163]. Авторы, вводя в текст эту ПЕ, могут делать акцент на ее происхождении («У туркмен, между прочим, есть хорошая пословица: “Собаки лают, караван идет вперед”» (Ю. Трифионов. Утоление жажды); «– Я, знаете ли, из Узбекистана. Там как говорят: “Собака лае, караван иде”» (Н. Морозов. Лев Чёрный); «К чести многих видных режиссеров и актеров Голливуда, они относились к шантажу фашистов по восточной пословице: “Собака лае, а караван иде”» (Г.Александров. Эпоха и кино); «Но мы не обращали внимания. Мы просто работали. И вспоминали древнюю восточную мудрость – собака лае, а караван иде. Наш караван – театр – спокойно, не спеша двигался вперед» (А. Журбин. Как это делалось в Америке); *Did you ever hear the Oriental proverb: «The dogs bark, but the caravan passes on»?* (M. Mitchell. *Gone with the Wind*).

У тюркских народов популярна ПЕ, предупреждающая о невозможности должного выполнения нескольких дел сразу или доведения их до конца: туркм. *Bir элде ики гарпыз тутдурмаз* /досл. Одной рукой два арбуза не схватишь/ [ТРС]; кумык. *Бир кьолгъа (кьолтукъгъа) эки харбуз сыймас* /досл. В одной руке (подмышке) два арбуза не поместятся/ [КРСПП, с.86]; табасаранск. *Саб хли кьуб хумурзаг мидисан* /В одну руку двух арбузов не бери/ [СТПП, с. 121]. ПЕ была известна османским туркам (турецк. *İki karpuz bir koltuğa sığmaz* /досл. Два арбуза в одну подмышку не влезут/ [Порхомовский 2014, с. 165]) и калькирована македонцами: *Два карпуза под една мишка не се носет* /досл. Два арбуза под мышкой не носят/ [МР]. В Македонии слово *карпуз* ‘арбуз’ (<осм.-тур. *karpuz, harbüz, harbüze* <перс. *harboze* ‘дыня’) варьируется в составе ПЕ с лексемой *лубеница* ‘арбуз’: *Две лубеници под една мишка не се носат* [МР], а в Болгарии – и с его синонимом *дыня* (бот. *Citrullus vulgaris* ‘арбуз обыкновенный’; значение ‘дыня’ слово имеет только в диалектах [РБЕ]): *Две дини (любеници) под една мишница са не носят* [БПП]; *Две дини под една мишница не можеш да носиш* [РНБП, с. 26] – ср. с разг. *Нося две дини под една мишница* – ‘делать несколько дел одновременно’; ‘выполнять два дела в двух разных областях, исполнять две разные обязанности’; *Хващам (улавям /улова) две дини под една мишница; Нося*

(*хващам*) *две любеница под една мишица (мишка)* – ‘хвататься (приниматься) за два дела в двух разных областях’ [РБЕ], а также с туркм. *Bir elde iki garpuz tutmak* – досл. В одной руке два арбуза держать. ПЕ в русских текстах представляет собой дословный перевод с родного языка автора («Выбрав между своей профессией и семьей в пользу семьи, понимая, что “в одной руке два арбуза не унесешь”, я знала, что рядом со мной – великий музыкант» (С. Спивакова. Не всё), используется русскоязычным писателем, живущим в регионе, где ПЕ понятна жителям («У меня дела в городе, может, – на танцы я еще успею. – *Два арбуза одной рукой не удержат*» (П. Карпов. Горький колодец), или употребляется героем произведения, имеющим тюркские корни: «Не будь всего этого, я, может быть, и остался бы в Ленинграде: ходил бы на Васильевский остров и учил хлопчиков навигации. Да нет, что я говорю! Не мог, не мог я остаться. “*Одной рукой два арбуза не схватишь...*”» (П. Сажин. Капитан Кирибеев) – ранее капитан Кирибеев сообщает автору, что его прапрадед «еще мальчиком попал в плен, когда донские казаки с турками дрались за Тамань. Двадцать пять лет пробыл он в неволе. И там турки окрестили его Кирибеем».

Образ другой бахчевой культуры из семейства тыквенных – дыню – мы видим в персидской и таджикской ПЕ (примеры см. в: [Бредис 2019, с. 168]).

Таким образом, тождество ПЕ разных народов объясняются одинаковым восприятием реальности или калькированием.

Литература

1. Бредис М. А. Национальные образы универсальной пословицы *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 166–169.

2. Калюта М. А. Русские и турецкие фразеологизмы с зоонимическим компонентом. – Минск : БГУ, 2008.

3. Кузнецова И. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С. Влияние русской фразеологии на современный разговорный украинский язык, суржик и жаргон // Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии : монография. – Greifswald : Universität Greifswald, 2020. – С. 46–52.

4. Кузнецова И. В., Юлдашова Н. Р. Анималистическая фразеология в русском, украинском и туркменском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – С. 104–111.

5. Порхомовский М. В. Турецкие пословицы в языке и речи. – М. : Языки славянской культуры, 2014.

6. Соколова М. В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Йошкар-Ола, 2015.

Словари, справочники

7. АРФС: Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Т. 1. – М. : Советская энциклопедия, 1967.

8. БПП: Български притчи или пословици и характерни думи. – URL: https://bg.wikisource.org/wiki/Български_притчи_или_пословици_и_характерни_думи/Д (дата обращения: 12.01.2023).

9. БРФС: Болгарско-русский фразеологический словарь / сост. А. К. Кошелев и М. А. Леонидова. – М. : Русский язык; София : Наука и искусство, 1974.

10. КРСПП: Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. – Махачкала : Изд-во ДагГУ, 2015.

11. МРС: Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М. Македонско-русский словарь. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963.

12. РБЕ: Речник на българския език. Т. 1–15. – URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 12.01.2023).

13. РМР: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. – М. : Терра, 1994.

14. РНПП: Русские народные пословицы и поговорки / сост. А. М. Жигулев. – Устинов : Удмуртия, 1986.

15. РНБП: Симеонова Р. Речник на немски и български пословици. – София : Просвета, 2005.

16. РССП: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. – СПб. : СПбГУ, 2000.

17. РСХКЈ: Речник српскохрватскога књижевног језика. Т. 1–6. [2. фототипско изд.]. – Нови Сад : Матица српска ; Загреб : Матица хрватска, 1990.

18. СБП: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Слоўнік беларускіх прыказак. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1996.

19. Собрание: Барсов А. А. Собрание 4291 древнихъ российскихъ пословицъ. Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1770 года.

20. СТПП: Гасанова М. А. Словарь табасаранских пословиц и поговорок. – Махачкала : Изд-во ИП Хайбуллина Ф. Ф. «Типография Вега», 2017.

21. ТРС: Туркменско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. – М. : Советская энциклопедия, 1968.

22. УРФС: Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / уклад. І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. – Київ : Радянська школа, 1978

23. МР: George Mitrevski. Macedonian Proverbs 2014. Auburn University. – URL: <https://www.macedoniantruth.org/forum/showthread.php?t=7660> (дата обращения: 12.01.2023)

Источники языковых материалов

24. Александров Г.В. Эпоха и кино. – М. : Политиздат, 1976.

25. Беспалый А. Теперь ялтинскую замлю раздает «оранжевый» зек-иностранец // Новый регион – Крым, 31.05.2005. – URL: <https://newdaynews.ru/crimea/27913.html> (дата обращения: 12.01.2023)

26. Горбачев М. Не собираюсь на Украину при нынешней власти // Vesti.ru, 2016.05. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1507931> (дата обращения: 12.01.2023)

27. Журбин А. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки. – М. : Захаров, 1999.

28. Карамышева Л. Век Шолохова // Труд. – 24.05.2005.

29. Карпов П. Я. Горький колодец. – Ашхабад : Туркмениздат, 1966.

30. Мельников-Печерский П. И. Старые годы. II. Прокофьичъ. – М., 1857.

31. Морозов Н. Лев Черной: У меня в учениках – почти половина бизнес-элиты страны // Комсомольская правда. – 15.11.2004.

32. Сажин П. А. Капитан Кирибеев. – М. : Советский писатель, 1956.

33. Спивакова Сати. Не всё. – М. : Вагриус, 2002.

34. Трифонов Ю. Утоление жажды // Роман-газета. – 1963. – № 20.

35. Mitchell M. Gone with the Wind. – Part 2. – London, 1936.

УДК 811.161.1

Лушникова Ирина Ивановна

Российский университет дружбы народов

Россия, Москва

i.i.lushnikova@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

***Аннотация.** В статье рассмотрен лингвокультурологический подход в исследовании фразеологизмов. Приводится пример лингвокультурного анализа русских фразеологизмов с целью выявления их национально-культурной специфики. Анализ фразеологизмов выстраивается на основе комплекса методов, включающего интроспективный анализ, обобщение дефиниций из словарных источников, уточнение семантики в национальных корпусах языка, метод сопоставления фразеологизмов на фоне других языков.*

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический подход, фразеологизм, национально-культурная специфика.

Lushnikova I. I.

Peoples' Friendship University of Russia

LINGUACULTURAL APPROACH IN THE RESEARCH OF NATIONAL CULTURE SPECIFICS IN PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract. *The article discusses the linguoculturological approach in the study of phraseologisms. An example of a linguocultural analysis of Russian phraseological units is given in order to identify national-cultural specifics. The analysis is built on the basis of a set of methods, including introspective analysis, generalization of definitions from dictionary sources, clarification of semantics by means of the national corpus, a method for comparing phraseological units against the background of other languages.*

Keywords: *linguoculturology, linguoculturological approach, phraseological units, national culture specifics.*

Содержание исследований современной лингвокультурологии затрагивает широкий комплекс вопросов о формировании, сохранении и отражении культурной семантики в языковых единицах. Основным предметом лингвокультурологического исследования являются единицы языка, обладающие образно-метафорическим значением, обобщающие опыт народа и «результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорки и пословицы) и т. д.» [Маслова 2010, с. 36]. Поскольку лингвокультурология рассматривает единицы языка, одновременно принадлежащие не только языку, но и культуре, и «ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [Телия 1996, с. 222], в центре внимания лингвокультурологического исследования непременно оказывается сам человек. Такой подход, глубоко антропоцентричный по своей сути, получил название лингвокультурологического.

Существует несколько наиболее важных характеристик лингвокультурологического подхода, к которым относятся:

1. Междисциплинарная основа исследования, обеспечивающая «возможность использования методов исследования лингвистического, культуроведческого, социологического циклов» [Томберг 2016, с. 144].

2. Отражение человека говорящего и его роли в познании окружающей действительности [СЛТ, с. 103].

3. Интегративный характер исследования, «исходящий из тесного взаимодействия языка и культуры» [Максимчук 2020, с. 27].

4. Взаимообусловленность проявлений человека и культуры [Телия 1996, с. 222].

5. Комплексный подход к выявлению, фиксации и описанию характеристик культурно значимых единиц [Баранов, Добровольский 2014, с. 257].

Таким образом, лингвокультурологический подход, основываясь на комплексной междисциплинарной основе, содержит постулат о неразрывности отношений языка и культуры, ведущая роль в которых принадлежит человеку.

В числе наиболее значимых предметов исследования лингвокультурологии находятся фразеологические единицы (ФЕ), которые в современной лингвокультурологии зачастую рассматриваются как лингвокультуремы. По определению Н. Ф. Алефиренко, «лингвокультурема – это абстрактная структура этносознания, репрезентантом которой служит фразеологизм или слово двухслойной смысловой структуры, включающей в себя не только языковое значение, но и связанные между собой культуроносные семы, выражающие определенные культурные коннотации» [Современная фразеология: тенденция и инновации 2016, с. 16].

Фразеологизмы как единицы с комплексной семантикой обладают обширным культурным фоном и включают широкий спектр культурологических, исторических, языковых и других знаний. В исследовании фразеологизмов к настоящему времени сложилось два основных подхода – широкий и узкий. В нашей работе представлен широкий взгляд на ФЕ, согласно которому, в число ФЕ входят паремии и крылатые выражения.

Лингвокультурологический подход в изучении фразеологии выстраивается с учетом того, что: 1) значительная часть фразеологизмов хранит «следы» национальной культуры; 2) внутренняя форма ФЕ как образное представление о мире сохраняет культурную информацию; 3) при выявлении культурной информации важно определить культурно-национальную коннотацию [Маслова 2010, с. 82]. Таким образом, ведущей задачей лингвокультурологического исследования фразеологии является выявление имплицитного содержания национальной культуры в ФЕ. Вместе с тем необходимо отметить, что не все фразеологизмы априори содержат национально-культурный компонент, что убедительно показано многими современными исследователями фразеологии (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, В. А. Маслова и др.). Следовательно, основываясь на лингвокультурологическом подходе к исследованию фразеологизмов, необходимо применение комплекса методов и средств, позволяющих определять наличие национально-культурной специфики фразеологической единицы.

Один из подходов к выявлению, уточнению и описанию культурно значимых фактов, хранящихся в ФЕ, предложен А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Анализ культурно значимого содержания фразеологизмов основывается на комплексе различных методов, позволяющих подтвердить наличие лингвокультурного содержания в нескольких кодах и на нескольких уровнях – ФЕ как единица языка, ФЕ как речевая единица, ФЕ на фоне ФЕ других языков и др. Так, первым шагом для установления культурно значимого содержания может использоваться метод интроспекции, который позволяет выявить представления носителей языка о национальной маркированности ФЕ (уместность/неуместность использования фразеологизмов в речи иностранцами, определение ассоциаций с ФЕ), вторым – сопоставительный подход, при котором национально-культурная специфика проявляется на фоне некоего другого языка.

Комплексный подход позволяет избегать редуцирования национально-культурно-специфических явлений в языке, поскольку расширяет рамки объектов, воспринимаемых носителями языка как национально маркированные [Баранов 2008, с. 258]. При этом исследователю необходимо проявлять определенную лингвистическую осторожность, дающую возможность выявлять, подтверждать и уточнять наличие национально-культурной специфики фразеологизмов.

Рассмотрим на примере исследования фразеологизмов русского языка возможные варианты этапов выявления и описания лингвокультурного содержания. Источниками исследования послужили следующие словари: «Большой фразеологический словарь русского языка» Л. В. Антоновой [БФСРЯ]; «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. проф. А. Н. Тихонова [ФССРЛЯ].

Для более точного описания сходства и различий фразеологизмов потребовалось уточнение их семантики, которое проводилось по данным Электронного корпуса немецкого языка [DWDS]. Фразеологизмы *von Adam und Eva abstammend, seit Adam Zeiten* на момент исследования (ноябрь 2022) не были представлены в корпусе. Фразеологизм *alt wie Methusalem* в различных контекстах имел следующие семантические характеристики: ‘слишком древний, старше Мафусаила в три раза’ – «mehr als dreimal so alt wie Methusalem» (Welt am Sonntag, 09.10.2016); иронично – ‘выглядеть старше, чем Мафусаил’ – «so alt wie Methusalem werden könnten» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11.06.2001); иронично – ‘что-то слишком устаревшее, отсталое’ – «Die Idee (Photovoltaik module in Form von Dachziegeln) ist so alt wie Methusalem» (Welt am Sonntag, 22.01.2017). Итак, приведенные примеры показывают, что фразеологизмы этого ряда имеют существенные отличия в семантике по сравнению с фразеологизмом *при царе Горохе*. Относительное семантическое сходство отмечено у ФЕ *alt wie Methusalem*, однако грамматические, стилистические и культурно мар-

кированные отличия не позволяют расценивать его как полный аналог фразеологизма *при царе Горохе*. Таким образом, ФЕ *при царе Горохе* может рассматриваться как уникальная лингвокультурема русского языка, отражающая культурно маркированные «следы» национально-культурного пласта русского языка. Семантика ФЕ связана с образом царя Гороха и с древними событиями, которые, вероятно, и не происходили; образ царя Гороха, запечатленный в фольклорных источниках, создает ироничный оттенок и связывает лингвокультурное содержание с оценкой вероятности событий.

Итак, обобщая вышесказанное, отметим, что фразеологизм как лингвокультурема представляет собой комплексную единицу, передающую правила, нормы, принципы этносознания, значимые для культуры народа. Исследование комплексной сущности фразеологизмовна основе лингвокультурологического подхода, базирующегося на междисциплинарной основе, интегративном характере, ведущей роли человека говорящего в отражении действительности окружающего мира, комплексном подходе к выявлению лингвокультурем, анализе и проверке полученных данных, в том числе с помощью сравнения одного языка на фоне другого, может способствовать выявлению имплицитных характеристик национальных культур.

Литература

1. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс) : учеб. пособие.– М. : ФЛИНТА, 2014. – 312 с.
3. Максимчук Н. А. Фразеологические средства русского языка в аспекте межкультурной коммуникации // Филологи земли Орловской: истоки и развитие направлений исследований : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Орёл, 23–24 октября 2020 года / под ред. Ж. А. Зубовой. – Орёл : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2020. – С. 27–32.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 2010. – 208 с.
5. Современная фразеология: тенденции и инновации : монография / Н. Ф. Алефиренко, В. И. Зимин, А. П. Василенко, Т. Н. Федуленкова, Д. О. Добровольский, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко ; отв. ред. А. П. Василенко. – М. ; СПб. ; Брянск : Новый проект, 2016. – 200 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

7. Томберг О. В. Методы и принципы исследований в рамках лингвокультурологического подхода // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2016. – № 5. – С. 143–151.

Словари, справочники

8. СЛТ: Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков ; отв. ред. М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2018. – 192 с.

9. БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка / сост. Л. В. Антонова. – М. : Дом Славянской книги, 2021. – 928 с.

10. ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка : справочное издание. В 2 т. / под ред. проф. А. Н. Тихонова ; сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

11. DWDS: Das Digitale Wörter buchder deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 20.11.2022).

Источники языковых материалов

12. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

УДК 811.13

Максимчук Нина Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Смоленский государственный университет
Россия, Смоленск
nmaximchuk@yandex.ru

ОБ ИНФОРМАТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СЛОВАРЯ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕЁ РАСШИРЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается фразеологическая составляющая Словаря смоленских говоров, насчитывающая около двух тысяч устойчивых оборотов. Характеризуются основные параметры словарного описания диалектных фразеологизмов. Обсуждаются некоторые возможности расширения информативной значимости фразеологического компонента в готовящемся переиздании Словаря. В ряду таких возможностей отмечается более широкое представление фразеологической вариативности, дополнение сведений о происхождении, этимологии, внутренней форме диалектных языковых единиц.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектная фразеология, Словарь смоленских говоров, устойчивое сочетание, фразеологический оборот, фразеологические варианты.

Maximchuk N. A.

Doctor of Philology, Professor

Smolensk State University

ABOUT THE PHRASEOLOGICAL COMPONENT OF THE DICTIONARY OF SMOLENSK DIALECTS

***Abstract.** The article deals with the phraseological component of the Dictionary of Smolensk Dialects, which has about two thousand stable phrases. The main parameters of the dictionary description of dialect phraseological units are characterized. Some possibilities of expanding the informative value of the phraseological component in the forthcoming reissue of the Dictionary are discussed. Among such possibilities, there is a broader presentation of phraseological variability, the addition of information about the origin, etymology, and the internal form of dialect language units. **Keywords:** dialectology, dialect phraseology, Dictionary of Smolensk dialects, stable combination, phraseological turn, phraseological variants.*

Активно развивающееся в последние десятилетия направление лингвистических исследований, использующих в качестве источника языкового материала данные словарей, охватывает лексикографические произведения самых разных типов и всё многообразие представленных в них характеристик языковых единиц – от фонетических до стилистических и лингвокультурологических. Расширяется круг словарей, используемых в качестве основы как теоретических, так и прикладных исследований. Примером эффективности последних можно назвать, в частности, юрислингвистику, лингвистическую экспертизу, доказательная база которых строится, по преимуществу, на данных самых разных словарей – от толковых словарей литературного языка до словарей жаргонов и инвективной лексики (Л. П. Крысин, Н. Д. Голев, И. А. Стернин, М. В. Горбаневский, А. Н. Баранов и мн. др.) [Кочергина 2019].

Особое место в исследовании русских народных говоров занимают диалектные словари, что особенно отчётливо проявляется сегодня, когда живая диалектная речь постепенно исчезает с уходом её последних носителей и остаётся только тот материал, что смогли и успели зафиксировать создатели диалектных словарей. С другой стороны, возрастает интерес к народным говорам как богатейшему источнику не только собственно лингвистической, но и лингвокультурологической, этнографической, социолингвистической и др. информации – зеркалу народного мировоззрения и мировосприятия, народной культуры и нравственности, что значительно расширяет круг задач, стоящих перед диалектологией. И сегодня исследователи отмечают, что «современная отечественная диалектология представляет собой полипарадигмальную научную область» [Гольдин, Крючкова 2010, с. 7].

Возможность выделения и обеспечения репрезентативным материалом конкретных исследовательских парадигм в сфере диалектологии, как, может

быть, ни в какой другой лингвистической области, заложена в содержании основного источника – диалектного словаря, что подтверждается современными исследователями. Так, Т. А. Демешкина и М. А. Толстова, обосновывая «выделение гендерной диалектологии как самостоятельной отрасли знания», характеризуют «источники её изучения, основываясь преимущественно на материале диалектных словарей» [Демешкина, Толстова 2017, с. 86].

К числу актуальных направлений современной диалектологии относится диалектная фразеология, обращение к которой находим в работах многих учёных (А. И. Фёдорова, Р. Н. Попова, А. М. Мелерович, А. Ф. Ивановой, В. М. Мокиенко, Л. А. Ивашко, Е. В. Брысиной, В. Б. Силиной, М. В. Бобровой, И. А. Кобелевой, В. Ю. Краёвой, И. В. Тимошенко, А. Ф. Калинина и др.). В последние десятилетия появилось немало количество словарей диалектной фразеологии различных российских регионов, основу большинства которых составляют материалы словарей соответствующих говоров («Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» Н. Т. Бухаревой и А. И. Фёдорова; «Фразеологический словарь пермских говоров» К. Н. Прокошевой; «Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми» И. А. Кобелевой; «Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья» С. С. Аксёновой, Н. Г. Бакановой, Н. А. Смоляковой; «Фразеологический словарь русских говоров Приамурья» и мн. др.).

Словарь смоленских говоров (ССГ), как и большинство существующих областных словарей, включает не только диалектную лексику, но и диалектную фразеологию, представленную, главным образом, устойчивыми сочетаниями (УС). Начало создания ССГ относится к концу 40-х гг. прошлого века. Выпуск одиннадцати томов Словаря осуществлялся с 1974 по 2005 гг. [ССГ 1974–2005]. Готовящееся под руководством проф. Л. З. Бояриновой переиздание Словаря предполагает внесение дополнений и уточнений в состав словника, в структуру словарной статьи, в содержание лексикографической интерпретации единиц Словаря и др. Рассматривая ССГ как источник материала для будущего словаря смоленской диалектной фразеологии, обратим внимание на некоторые возможности расширения и уточнения сведений о фразеологических единицах (что, безусловно, имеет значение для усиления информативной значимости самого Словаря смоленских говоров).

Фразеологическая составляющая Словаря насчитывает около двух тысяч устойчивых оборотов, имеющих разный статус в составе словника. Если в состав лексикографируемого устойчивого оборота входит элемент словника – заголовочное диалектное слово, то этот оборот включается в структуру данной словарной статьи и помещается в её заключительной части, отмеченной специальным знаком. Если диалектный компонент оборота не зафиксирован в само-

стоятельном употреблении, устойчивый оборот подаётся в самостоятельной словарной статье.

Объём информации, сопровождающий фразеологическую единицу, может различаться. К постоянным вербально выраженным параметрам структуры любой словарной статьи относятся: 1) семантизация устойчивого сочетания (с учётом многозначности и диалектного слова, и фразеологического оборота); 2) иллюстративные примеры – контексты употребления данного оборота в живой речи диалектоносителей; 3) указание территории распространения УС (района или конкретного населённого пункта района, где зафиксировано употребление данного оборота).

Кроме того, словарные статьи содержат информацию о фиксации данной фразеологической единицы в двух видах источников, хронологически принадлежащих к противоположным точкам охватываемой временной оси, поскольку словарь отражает состояние смоленских говоров во временной протяжённости с середины XIX до начала XX века.

Прежде всего, это отсылка к главному историческому источнику – наиболее полному собранию смоленского диалектного фразеологического материала в его живой записи – «Смоленскому областному словарю», «Смоленскому этнографическому сборнику» Д. Н. Добровольского (+ Д. 1914) [СОС] и некоторым другим источникам XIX – начала XX века (в том числе – рукописным), например: **ВЫСО́КО НЕСТЯ́СЬ. Гордо держаться, зазнаваться.** *Ета, брат, дедука высока нясеца. Пыднила гълаву и нох път сабой ня чуить.* ДОР. Савино; СМОЛ. Коробино. + Д. 1914 [ССГ 2, с. 106]. Особенностью этого параметра словарной статьи является двойственный способ его выражения. В одних случаях эта информация выражается вербально – в виде отсылки к конкретному источнику (см. приведённый выше пример), в других – невербально: в виде отсутствия такого рода отсылки, например: **РЕ́ПКУ ПЕТЬ. Бедовать.** *Ръспустила мальчика, пьдрастеть – будиш репку петь.* СМОЛ. Яново [ССГ9, с. 136]. Учёт данных этой группы источников позволяет характеризовать смоленскую диалектную фразеологию в динамическом аспекте на основе сопоставления её состояния на крайних точках временной оси протяжённостью около полутора столетий.

Другим источником, отсылка к материалам которого усиливает информативность фразеологического компонента ССГ и имеет важное значение для характеристики описываемого языкового материала, является Словарь русских народных говоров (+СРНГ), например: **ЗАТРУБИТЬ СВОЁ. Упорно настаивать на своем.** *Как затрубить свае, тьк ничим ни пириубядиш.* ДЕМ. Таковное. *Зьтрубилу сваё, ни пиряспориш тябе никак.* ЕЛЬН. Ст. Брыкино. *Зьтрубилу сваё! Ни пуцу: дож идеть.* ДОР. Михайловка; РОСЛ., УГР. + СРНГ, 11; +Д. 1914 [ССГ 4, с. 123]. Наличие или отсутствие отсылки к СРНГ даёт воз-

возможность выделить в составе смоленской диалектной фразеологии общерусское и собственно смоленское, обнаружить конкретные лингвогеографические параметры, характеризующие южнорусские и севернорусские черты в пограничных смоленских говорах.

Обширность и богатство представленного в Словаре фразеологического материала, многоплановость лексикографической интерпретации не означает исчерпанность раскрытия информационного потенциала смоленской диалектной фразеологии. Всесторонний анализ фразеологического компонента Словаря на общем фоне смоленских говоров, дополнение сведениями из имеющихся источников, картотеки ССГ, пополненной за годы, прошедшие с момента выхода его последнего тома, позволяют обозначить основные направления расширения информационной значимости фразеологической составляющей Словаря смоленских говоров, которые могут быть учтены в его готовящемся переиздании.

Фразеологический материал ССГ ограничивается почти исключительно устойчивыми сочетаниями. Между тем большое количество диалектных паремий, представленных в «Смоленском этнографическом сборнике» Д. Н. Добровольского, включает диалектизмы, входящие в словник ССГ, например: Душа, якъ крѣпка, такъ и кволa; Сжѣўся: сабаки нечимъ выгнать; Усякый къ сабѣ памекчи *горнитьмякушикъ*; Што бальнѣй: ти *кабата* ай кашуля? Да, кашуля бальнѣй. Такого рода иллюстративный фразеологический материал, даже если он не отмечен в современном живом употреблении, имеет выраженное лингвистическое и лингвокультурологическое значение и заслуживает включения в Словарь.

Поскольку большая часть устойчивых оборотов ССГ имеет в своём составе диалектные лексемы, то расширение информации о диалектизме будет уточнением и характеристики устойчивого оборота. Такая информация может касаться как плана выражения, так и плана содержания диалектной лексики.

В плане выражения следует обратить внимание на более полное отражение фонетических вариантов, характерных для диалектных слов на конкретных территориях в рамках единого ареала функционирования смоленских говоров. Приведём несколько примеров, зафиксированных на территории Шумячского района, относящегося к переходной зоне смоленско-белорусского пограничья. По причине переходного характера (в рамках исходной концепции ССГ) говоры этого района в меньшей степени отражены в первом издании Словаря.

Так, диалектное наименование крупной домашней птицы зафиксировано в Словаре в следующем виде: АНДЫК, а, м. Индюк. В иллюстративных контекстах, относящихся к Ельнинскому, Духовщинскому, Монастырщинскому, Велижскому районам, присутствуют как примеры свободного употребления лексики (*Нада идить на вулицу андыка выгнѣть*. ЕЛЬН. Андык, андык, пусти

кишку, *твъя кишка большъ мишка*. ЕЛЬН., Моисеев; ЕЛЬН., ДУХ.), так и устойчивые обороты: ● СМЕНЯТЬ (ПРОМЕНЯТЬ, МЕНЯТЬ) БЫ́КА НА АНДЫ́КА. Ошибиться в расчетах. *Узила Вулька Ивана (с первым мужем развелась), думыла, што усё делить будить, а ён пьетъ, шубуянить. Пръминяла быка нь андыка*. МОН.; ВЕЛ. [ССГ 1, с. 78]. Однако этот диалектизм существует и в другом фонетическом оформлении: ИНДЫ́К, а устойчивый оборот (МЕНЯТЬ) БЫ́КА НА ИНДЫ́КА относится к числу актуальных в речи жителей Шумяцкого района. Указание этого варианта в ССГ имеет значение и потому, что он документально закреплён в достаточно распространённой на территории района фамилии ИНДЫКО́В (с. Хоронёво, п. Шумячи и др.).

Такие же уточнения касаются и особенностей ударения в диалектных словах и формах. Приводимая в Словаре фонетическая характеристика диалектизма в отдельных случаях может быть дополнена указанием акцентологических вариантов. Например, в ССГ устойчивый оборот В (НА) ГРУ́ДКИ (ПОЙТИ́, ЛЕЗТЬ) (в значении **Вступать в ссору, драку**) иллюстрируется следующими контекстами: *Во, ня слухъить бабу и у грутки с ей. Во ета унук растеть*. ВЕЛ. Колотовщина. *Как напьюцца, так и паили у грутки, гътавы убить*. ПОЧ. Хицовка. *Што ты на угрутки лезиш к яму? Што ён табе зделъу?* СМОЛ. Сумароково; ВЯЗ., ГАГ., ДУХ., ЕЛЬН., КРАСН., МОН., ПОЧ., СМОЛ., СЫЧ., ХИСЛ., ЯРЦ [ССГ 3, с. 79–80]. Однако в уже упоминавшемся Шумяцком районе этот распространённый оборот произносится с ударением на окончании: НА ГРУДКІ́.

Требует уточнения вопрос подачи информации об устойчивом обороте и его компонентах, если оборот полностью состоит из диалектных слов, например: ВОЛОЧИ́ТЬ ВО́ЛНУ (чесать шерсть). В данном случае одно слово представлено в отдельной словарной статье: ВО́ЛНА, ы, ж. **Непряденая овечья шерсть**. *Авец пастрыгли, дък пада тяперъ схадить волиу пычисать*. ДЕМ. Сакки. *Ну што мы раньшы дельили: волну пряли, ткали йие дъ рубахи шыли*. ДОР. Слояково. *Нада волну несъ чисать, дъ деду валинки зъказывать пъра*. ДУХ. – Елисеевичи; повсем. + Добров. 1914. Вар. Вовна [ССГ 2, с. 70]. Даётся фонетический вариант диалектизма (*вовна*), однако устойчивый оборот с его участием отсутствует. Этот оборот приводится в составе следующей словарной статьи: ВОЛОЧИ́ТЬ; ВОЛОЧИ́ТЬ КОЛО́ДКУ (КОЛО́ДУ). Участвовать в шуточном обряде на масленице. *Нъ маслиницу мы гуляли, хадили вытагыи и привязывыли первыму устречиыму нижынатыму парню палку с красыым кушаком к наге, каму привязывыли – аткупался. Ета иъзъвальсь: вылачить калотку*. ЕЛЬН. Клоково; ПОЧ. Белая, УГР. Коротыново. + Добров. 1914. ВОЛОЧИ́ТЬ ВО́ЛНУ. *Чесать шерсть. Ездили у горыт волну вылачить*. РОСЛ. Цыгановка. *Пайдёмка волну вылачить, у мяне свыяк там*. ШУМ. Чернатка [ССГ 2, с. 74]). Отсутствие семантизации заголовочного слова делает затруднительным понимание

сходства семантических вариантов, реализуемых в составе двух приводимых устойчивых оборотов, и, следовательно, правомерность их объединения в рамках одной словарной статьи. Отсутствует указание на наличие фонетического варианта второго компонента.

Таким образом, максимально полное выявление и детальное отражение всех видов связей как между устойчивыми оборотами в целом, так и между их диалектными компонентами можно считать одним из продуктивных направлений расширения информативной значимости Словаря.

Важным способом представления лингвокультурной ценности устойчивых оборотов является обращение к их происхождению, внутренней форме. Такого рода сведениями может быть дополнен довольно широкий круг фразеологических единиц Словаря. Кроме того, иногда именно обращение к истории фразеологизма позволяет уточнить его значение, если приводимый контекст не является в полной мере семантизирующим. Проиллюстрируем это следующим примером. Значение выражения **ВАРИТЬ В КАПУСТЕ** объясняется в Словаре так: **Ждать пока вырастет. Батька ни хатеу мене так рана замуж адъвать. А я яму и гыварю: «Што ж мяне теперь дъ старъсти у капусти варить?!»**. ЕЛЬН. [ССГ 2]. Обозначенная семантика этого оборота может быть уточнена и расширена при обращении к его происхождению. *Капуста* в смоленских говорах – не только распространённый овощ, но и главное первое блюдо крестьянской кухни (щи): **КАПУСТА**, ы, ж. **Щи. Уваллю табе капусты, пъхлибай трошку гЪрячий**. КРАСН. Любаничи. *Што палить табе – капусту ай суп?* КРАСН. 1 Мая; повсем. СРНГ, 13 [ССГ 5, с. 15]. Кислая (квашеная) капуста в разных видах была на крестьянском столе большую часть года. Каждая хозяйка знает, что, если варить щи на огне, квашеную капусту нужно класть в кастрюлю, когда мясо и другие овощи уже сварились, иначе варить их придётся долго или они останутся твёрдыми. В русской печи капуста варилась целый день: утром хозяйка закладывала в горшок одновременно мясо, кислую капусту и все овощи, к вечеру щи были готовы. Таким образом, значение оборота *Варить в капусте* может быть уточнено: *намеренно затягивать какое-то действие, процесс*.

Названные направления усиления информативной значимости фразеологического компонента Словаря смоленских говоров иллюстрируют лишь часть возможностей более полного раскрытия информационного потенциала ССГ. Реализация этих возможностей в новом издании Словаря будет новым заметным шагом в решении задачи комплексного исследования системы смоленских народных говоров на всех уровнях. В рамках этой задачи ближайшие перспективы связаны с созданием словаря смоленской диалектной фразеологии.

Литература

1. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология: Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты : учеб. пособие для студ. гуманитар. специальностей. – Саратов : Наука, 2010. – 120 с.

2. Демешкина Т. А., Толстова М. А. Гендерная диалектология и словари как её источник // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 12. – С. 83–105.

3. Кочергина К. С. Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 15. – С. 154–173.

Словари, справочники

4. СОС: Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914 (2016). – 1022 с.

5. ССГ: Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / под. ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. – Смоленск, 1974–2005. – Вып. 1 – 1974, вып. 2 – 1980, вып. 3 – 1982, вып. 4 – 1985, вып. 5 – 1988, вып. 9 – 2000.

УДК 811.16.1

Савченко Александр Викторович

кандидат филологических наук, ассистент-профессор

Государственный университет Чжэнчжи

Тайвань, Тайбэй

savchenko75@mail.ru

Хмелевский Михаил Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург

chmelevskij@mail.ru

О МЕЖДОМЕТНЫХ ПРИВЕТСТВИЯХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье анализируются традиционные славянские приветствия: рус. *Здравствуйте!*, представляющее собой кальку из греческого языка, *Привет!*, смысл которого проясняет украинский язык, пол. *Cześć!*, образованное от *szczęść bić* (бить челом перед шляхтичем) и *szczęstować* – ‘угощать’, чешск., словац. *Ahoj!* – традиционное приветствие моряков, использование которого в данных языках отражает тоску по морю, которого нет ни у чехов, ни словаков, хорв. *Vok!*, возводимое к немецкому *mein Büßken* – ‘мой поклон’, босн. *Selat!* – арабского происхождения, пришедшее через турецкий и др.

Ключевые слова: славянские языки, формы приветствия, формулы речевого этикета, славянские приветствия, межкультурная коммуникация, кальки, заимствования.

Savchenko A. V.

Candidate of Philological Sciences, Assistant-Professor
National Chengchi University

Khmelevsky M. S.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
St.-Petersburg State University

THE INTERJECTION OF GREETING IN THE SLAVIC LANGUAGES

Abstract. *The article analyzes traditional Slavic greetings: Rus. *Здравствуйте!*, which is a Greek calque, *Привет!*, the meaning of which clarifies the Ukrainian language; Polish *Cześć!*, formed from *czolem bić* (to bow respectfully) and *częstować* – ‘to treat’; Czech, Slovak *Ahoj!*, which is a traditional greeting of sailors. The use of it in these languages reflects a longing for the sea, which neither Czechs nor Slovaks have. Croatian *Bok!*, which goes back to the German *mein Bücken* – ‘my bow’, Bosnian *Selam!* is of Arabic origin, which has come through Turkish, etc.*

Keywords: *Slavic languages, greeting forms, speech etiquette formulas, Slavic greetings, intercultural communication, calques, borrowings.*

История возникновения категории междометных приветствий у славян до сих пор остается на уровне догадок, многочисленных неподтвержденных гипотез и предположений. Так, даже уже при первом приближении к рассмотрению данной темы возникают многочисленные вопросы, например, почему самое распространенное русское приветствие *здравствуй(-те)!* и украинское *здра-стуй(-те)!* закрепились в нехарактерном для восточнославянских языков неполногласном варианте (вместо: рус. *здорово!*, укр. *здоровеньки були!*)? Из этого логически следует, что оно было заимствовано из южнославянских языков, то есть с приходом христианства попало через посредство старославянского языка, вытеснив более древнее восточнославянское приветствие *гой еси!* (позднее искаженное до *госы!*) – букв. ‘*будь жив*’, этимологически возводимое к праславянскому **gojъ, gojiti* – ‘*живить*’ [Гребенщикова 2007, с. 90]. Эта одно-коренная со словом *жизнь* лексема встречается и в других славянских языках: укр. *гоїти*, серб. *gojiti* в значении ‘*лечить, заживлять*’ [ЭССР]; в словаре В. Даля находим глагол *гоить*, который трактуется как ‘*говеть, жить, здравствовать*’ [ТСЖВР].

Остановимся подробнее на выражении *здравствуй(-те)!* (разг. *здрасьте!*) как на распространенном русском приветствии в форме пожелания здоровья; это выражение, помимо восточнославянских языков, мы также встречаем, например, в сербском и македонском *zdravo!* / *здраво!*, болг. *здравей(-те)!* Любопытным остается малоисследованный в славистике факт: почему именно пожелание здоровья у народов мира *Slavia Orthodoxa* приобретает междометное значение приветствия и не встречается в других славянских языках? Объяснение этому следует искать в эпохе распространения византийского христианства,

в результате чего славяне зачастую калькировали не только греческие слова, но и целые фразы, выражавшие новые понятия, появившиеся с распространением православия (как, например, русск. *благодарю*, болг. *благодаря*, макед. *благодарам* являются калькой из греч. *ευχαριστώ*) [Скомаровская, Шаклеин 2019, с. 52]. Именно в греческом, в отличие от большинства других европейских языков (где форма приветствия этимологически восходит к значению ‘поклон, почтение’ – ср. нем. *grüß!*, лат. *servus!* – букв. ‘служение: я твой слуга, преклоняюсь, отдаю поклон’), пожелание здоровья было и является до сих пор основной этикетной формой приветствия: *γεια σου/σας!* – букв. ‘здоровья тебе/вам’. Наличие европейских приветствий, этимологически восходящих к пожеланию здоровья (напр. фр. *salut!* от лат. *salus, salutis* – ‘здоровье’), вряд ли можно было бы логически объяснить появление данной модели только у исповедующих православие славянских народов, где несомненным остается факт калькирования из греческого не только самого выражения, но и непосредственно формы этикета.

В качестве еще одного широко распространенного выражения дружелюбия, расположения, личной приязни и добрых пожеланий кому-либо используется русская лексема *привет!* с совершенно утраченной для носителя современного русского языка мотивировкой (др.-рус. *приветити* от прасл. **vētiti* – ‘говорить’, однокоренное с *совет, ответ, обет, вече* и др. [ЭСРЯ]). Однако данные современного украинского языка помогают пролить свет на сохранившийся в этом приветствии изначальный глубинный смысл этого слова, по сути, утраченного в обычном (не приветственном) словоупотреблении и не получившего в русском языке такой палитры метафорических оттенков семантического значения. Так, в частности, украинское слово *привіт* имеет следующие значения: 1) ‘выражение дружелюбного отношения к кому-л.’: укр. *вона ставилася до мене з добрим словом і привітом*, 2) ‘в знак доброго отношения’: укр. *зробити щось на знак привіту* (соответственно, проясняется значение русского фразеологизма *ни ответа, ни привета* – рус. ‘о молчании, отсутствии какой-л. реакции’, укр. *ні отвіту, ні привіту* – ‘отсутствие доброжелательности’), 3) ‘как символ серьезного или дружеского отношения’: укр. *зустріч / отвіт / прийом із привітом*, 4) ‘словесное выражение доброго отношения’: укр. *він шукав слова привіту*, 5) ‘гостеприимство, обретенный покой’: укр. *знайшов привіту у сестри* – ‘сестра хорошо приняла’, *знайти привіту у чужому краю* – ‘обрести покой, умиротворение’ [СУМ]. Последнее приведенное значение раскрывает смысл ставшего концептуальным для носителя русской культуры известного стихотворения украинского поэта М. Н. Петренко, положенного на музыку и ставшего песней «Дивлюсь я на небо, та й думку гадаю», в котором есть такие строки: *Я б землю покинув і в небо злітав, Далеко за хмари, подальше від світу, Шукать собі долі, на горі привіту*. Стихотворение не переводилось на русский язык профессиональными переводчиками в силу родственности

двух славянских языков и кажущейся понятности слов, а также из-за частой исполняемости и цитируемости, общей его прецедентности в русской культуре. Однако любые попытки перевода оказались не слишком успешными из-за недопонимания глубины семантики и объема значения украинского слова *привіт* и идиоматизированного словосочетания *шукати привіту* – ‘искать уюта, вдохновения, покоя, успокоения’. Так, мы находим большое количество любительских переводов, где данное выражение в силу затемненной мотивировки русской лексемы *привет* либо остается абсолютно непонятным читателю: *Искать себе судьбу, на горе привету* (версия перевода 1841 г.); *Искать себе долю – у солнца привета; Искать горю привета...*, или же толкуется с совершенно искаженным смыслом, отличным от того, который изначально в него вкладывал украинский автор: *искать себе счастья; залечить свои раны* и т. п. Подчеркнем, что в оригинале стихотворения эта строка повторяется и обыгрывается: *Кохуюся з лихом, привіту не знаю*, при этом в русском переводе она также «деформируется» по смыслу вследствие семантической лакунарности фонетически схожего слова: *Любясь бедствием и счастья не знаю; В обнимкою с лихом, привета не знаю; Занимаюсь любовью с бедствием* и т. п. (пер. В. Косов).

Таким образом, анализируя вышеприведенный материал, можно сделать вывод о том, что украинская лексема *привіт* наполнена более глубоким внутренним содержанием, чем аналогичная русская, благодаря своей прозрачной мотивировке в современном украинском языке, живой речи и, помимо этого, поддерживаемая глагольным дериватом *вітати/привітати*. Причем, в отличие от русского глагола *приветствовать*, в украинском языке *вітати/привітати* обладает более широкой контекстуально обусловленной семантикой: 1. ‘добро пожаловать, рад видеть’, 2. ‘приветствовать’, 3. ‘поздравлять’ (*вітаю з Різдом, з днем народження* и т. д., а также *привітати* – ‘доброжелательно, гостеприимно принять, встретить кого-л.’ (*Гарно гостей привітати; Київ привітав нас дощом із сонцем; Хто їх старість привітає*), или *завітати* – ‘зайти в гости’ (*Прошу в хату завітати!; Нещодавно друзі мої до мене завітали*), *вітатися* – 1. ‘здороваться’, 2. ‘дружить, иметь хорошие отношения с кем-л.’ (*Ми вже декілька років вітаємося як рідні*), 3. ‘угощать’ (*Чим гостей будеш привітати?*) [СУМ].

В других славянских языках категория междометных приветствий, как и у славян мира *Slavia Orthodoxa*, отчасти также формировалась под иноязычным и инокультурным влиянием, а отчасти – внутри оригинального, самобытного и свойственного только данному национальному этикету лингвокультурного дискурса. Рассмотрим основные, наиболее употребительные в живой разговорной речи славян формы приветствий.

Так, в польском языке наиболее частотным является междометие *cześć!* – ‘привет’, мотивированное глаголами *czcić* – ‘уважать’ и *częstować* – ‘пригла-

шать, угощать' (устар. пол. *zaprosić na cześć* – 'пригласить на обед', ср. укр. *privіtати* – 'угостить'). В XVI веке происходит семантическое смешение данных лексем и их производных, что в совокупности мотивировало семантическое наполнение этого распространенного польского приветствия [SEJP]. Наряду с современным *cześć!* в польском языке также употреблялось устаревшее, но вполне узнаваемое и стилистически обыгрываемое современным носителем языка междометие *czotem!* Оно представляет собой усеченный фразеологизм в значении выражения приветствия: *czotem biję za cześć* – 'челом бью из уважения' (исконно – приветствие холопом шляхтича), *czotem biję ziemię przed wami* – 'челом бью до земли, преклоняюсь', *chylę czoła* – 'чело склоняю' (ср. рус. *бить челом*) [WSJP]. Таким образом, современное польское *cześć!* включает в себе не только этимологический смысл, но и метафорическое соединение фонетически близких лексем, а также культурологического фона, запечатленного в вышеприведенных фразеологизмах, которые в своей совокупности отразили представления об этикете приветствия в польском историческом менталитете.

Примечательно, как в языке могут эксплицитно или имплицитно отражаться отдельные национальные особенности определенного народа, в том числе связанные с так называемыми «национальными комплексами». Один из таких чешских «комплексов» связан с отсутствием в Чехии и Словакии выхода к морю. С этим символично «перекликается» распространенная чешская и словацкая (сравнительно поздняя по времени своего возникновения) форма приветствия *ahoj!*, имеющая неформальный (полуформальный) характер и используемая как при встрече, так и при прощании. По данным этимологических словарей слово восходит к нижненемецкому *ahoi*, которое использовалось в качестве традиционного морского приветствия [ESJČS]. По другой версии это приветствие первоначально было связано с английским выражением *a hoy* – 'лодка, баржа', а также с омонимичным междометием *hoy* – 'эй!', при этом в качестве приветствия в чешском языке стало использоваться благодаря нижненемецкому [ČES]. Английские словари отмечают, что лексема *ahoy* восходит к *a-hoy*, где *hoy* – среднеанглийское приветствие, восходящее к четырнадцатому веку. По-русски английскому морскому приветствию *ship ahoy!* – букв. 'на корабле!, на судне!, на палубе!' – может также соответствовать *Эй, на борту!*. В современном чешском и словацком языках эта форма приветствия является не только наиболее распространенной и употребительной, но также имеет и дериваты – разговорные формы *ahojky!*, *ahojček!*, *ahojko!* *ahojda!*, *ahojte!*, которые свойственны языку молодежи и примерно соответствуют аналогичному функционально-стилевому русскому *приветки!*

Таковыми же употребительными в разговорных чешском и словацком языках, особенно в молодежном узусе, являются ставшие фактически интернациональными формы приветствия и прощания *čao!*, *čau!* и их дериваты – *čauko!*,

čauky!, *čauec!*, *čaute!*, восходящие к соответствующему итальянскому междометию *ciao!* (а также серб., хорв. *ćao!*).

В отличие от чешского, где данная форма приветствия фактически не употребительна, в словацком достаточно частотно приветствие *servus!*, имеющее дружеский, фамильярный характер. Его этимология отсылает нас к латыни, где оно имело значение ‘слуга, раб’ [ČES].

К другим употребительным формам неофициального (полуофициального) приветствия в чешском языке относятся выражения *Nazdar!* и его разговорный вариант *nazdárek!* Приветствие *Nazdar!* образовано от уже устаревшей этикетной формулы приветствия *Nazdařbůh!*, смысл которого заключается в пожелании удачи, которая полностью зависит от воли бога [ESJČS, с. 392; ČES, с. 405].

Не менее пристального внимания заслуживает рассматриваемая лексико-семантическая группа у южнославянских народов. Тесная близость их языков не отразилась на этикетных формах приветствия вследствие различных лингвокультурологических причин, речь о которых шла выше. Так, уже упоминавшемуся сербскому *zdravo!* – ‘привет’, в хорватском соответствует междометие *bog!*, или вариант с оглушением *bok!* [Zečević et al. 1998, с. 62]. Оно этимологизируется как результат калькирования и фонетического усечения немецкого устойчивого сочетания *mein Bücken!* (или хорватизированный вариант *majn bokn!*), которое широко использовалось в среде торговцев и ремесленников Австро-Венгрии в XIX веке, куда в тот период входила и современная территория Хорватии [ERHSJ]. Данное фразеологизированное междометие можно перевести буквально как ‘мой поклон’; раньше оно обычно сопровождалось снятием шляпы или соответствующим жестом, вследствие чего в городском койне жителей Загреба у старшего поколения в качестве уже устаревшего приветствия можно встретить калькированную форму немецкого устойчивого выражения – *moj naklon!* [RHJ]. В этой связи сравним влияние византийского, то есть греческого, этикета приветствия на мир *Slavia Orthodoxa*, где в основе заключено пожелание здоровья, и влияние европейского способа выражения дружелюбного, почтительного отношения при встрече – на мир *Slavia Latina* (ср. нем. *grüß!*, лат. *servus!* – ‘служу, преклоняюсь’, а также примеры, о которых говорилось выше в чешском, словацком и польском языках. А в результате тесных исторических, культурных и иных экстралингвистических контактов России и Польши рассмотренный нами ранее польский фразеологизм *bić czołem* как форма приветствия с XVII века калькируется и проникает в русский язык – *бить челом*).

В словенском языке распространено междометие *pozdrav!* – ‘привет’, которое активно вошло в употребление во времена бывшей Югославии и закрепилось в нем до настоящего времени наряду с наиболее распространенным *živijo!* Последнее было заимствовано словенцами из хорватского языка в XIX века, в который оно пришло под влиянием и как калька латинского приветствия

vivat! (в современном хорватском эта лексема употребляется исключительно в качестве тоста, тогда как в современном словенском языке она используется как форма дружелюбного пожелания при встрече) [SIS].

Мусульманские анклавные современные Боснии и Герцеговины представляют собой уникальный феномен в общеславянском мире, где многовековое проникновение исламской культуры, традиций, обычаев и уклада жизни, включая нормы и этикет языкового поведения, сформировало особый славянский этнос – боснийские мусульмане. Наряду с устоявшимися в славистике понятиями *Slavia Orthodoxa* ('православная Славия') и *Slavia Latina* ('католическая Славия'), на Балканах с XV века начал формироваться третий мир – *Slavia Muslim* ('мусульманская Славия') со своим особым своеобразным и локально ограниченным менталитетом, религией и языком [Савченко, Хмелевский 2020, с. 546]. Это также отразилось и на этикете приветствий, заимствованных из арабского и персидского языков через посредство турецкого как следствие распространения исламской культуры и быта среди славян Балканского полуострова [Кузнецова 2019, с. 433]. В частности, нельзя не упомянуть о такой распространенной среди боснийских мусульман междоментной форме выражения дружелюбного отношения при встрече, как *selam!* и *merhaba!* – 'привет', восходящей корнями к арабскому языку [Šehović, Haverić 2021, с. 37]. Самобытность славян на Балканах, исповедующих ислам, отражают такие устойчивые единицы, используемые в качестве утреннего приветствия, как *sabah hajrullah, dragi prijatelji!* (или славянизированная форма *sabah hajrola!*), то есть до утреннего намаза, и приветствия после захода солнца, то есть после вечерней молитвы – *akšam hajrulah, brate moj!* (*akšam hajrola!*) [Хмелевский 2015, с. 81]. Здесь также подчеркнем, что у боснийских мусульман мы вновь имеем дело с влиянием историко-культурологического фактора на форму языкового выражения приветствий, как в случае православных славян (греческо-византийская модель), так и в случае славян-католиков (латинско-европейская модель).

Подводя итоги, отметим, что формулы языкового этикета можно считать ярким культурно-историческим и лингвокультурологическим маркером, указывающим на принадлежность к определенной этноязыковой общности славян: *Slavia Orthodoxa* ('православная Славия'), *Slavia Latina* ('католическая Славия'), а также *Slavia Muslim* ('мусульманская Славия'). Непосредственно в самих приветствиях отражаются семантические, культурно-исторические, ментальные и прочие особенности, свойственные той или иной нации и заключенные в соответствующем национальном языке. Будучи, как правило, неаутентичными в своей основе (то есть преимущественно являясь кальками – с греческого, латыни, немецкого, арабского или тюркских языков), рассмотренные формулы приветствий на сегодняшний день прочно закрепились в сознании носителей соответствующих славянских языков как национально-специфические,

маркированные уже своими собственными культурно-историческими и функционально стилистическими коннотациями и семантическими значениями. Дальнейшее более глубокое изучение устойчивых формул речевого этикета (в том числе приветствий) в различных аспектах – и с точки зрения этимологии и семантики, и в вопросах их лексико-стилистического своеобразия, функционально-прагматического употребления – все это может дать интересные сведения и актуальную информацию как об общих чертах, так и о принципиальных отличиях единого и общего, но и разного по менталитету, образу жизни и мышлению славянского мира.

Литература

1. Гребенщикова Н. С. Оборот *гой еси* в ряду восточнославянских приветственных вопросов о здоровье // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – М. : Знак, 2007.

2. Кузнецова И. В. Ориентализмы-названия титулов и должностей в устойчивых сравнениях южных славян (на фоне других языков) // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. – Vol. 88/4. – Praha, 2019. – S. 236–240.

3. Савченко А. В., Хмелевский М. С. Босния и Герцеговина – исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. – Вып. 11/3.– С. 545–559.

4. Скомаровская А. А., Шаклеин В. М. Особенности калькирования с греческого языка в переводных текстах древнерусских памятников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – № 4. – С. 51–53.

5. Хмелевский М. С. Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 2015. – Vol. 60/1, № 1(21). – S. 79–86.

6. Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2021.

7. Zečević V., M. Lončarević, A. Šojat, I. Kliniski, V. Barac-Ghrum. Zagrebački kaj – govor grada i prigradskih naselja. – Zagreb: Institut za hrvatski jezik I jezikoslovlje, 1998.

Словари, справочники

8. СУМ: Словник української мови. Т. 7. – Київ : Наукова думка, 1976.

9. ТСЖВР: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М. : Русский язык, 1978.

10. ЭСРЯ: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. – М. : Прогресс, 1986.

11. ЭССР: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 6. – М., 1979.
12. ČES: J. Rejzek. Český etymologický slovník. – Praha, 2001.
13. ERHSJ: P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 1. – Zagreb, 1971–1974.
14. ESJČS: V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. – Praha, 1957.
15. RHJ: Anić . Rječnik hrvatskoga jezika. – Zagreb, 1994.
16. SEJP: Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa, 1957.
17. SIS: Snoj M. Slovenski etimološki slovar. – Ljubljana, 2016.
18. WSJP: Wielki słownik języka polskiego PWN. T. 1. – Warszawa, 2018.

Источники языковых материалов

19. Косов В. и др. – URL: <https://stihi.ru/2018/10/05/654> (дата обращения: 11.01.2023).

ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОГРАФИЯ. ПАРЕМИОГРАФИЯ. КРЫЛАТОГРАФИЯ

УДК 811.161.1

Зыкова Елена Игоревна

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ezykova@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КРЫЛАТЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (из опыта составления «Большого школьного словаря крылатых слов русского языка»)

Аннотация. Статья представляет собой полное описание основных принципов «Школьного словаря крылатых слов русского языка», входящего в серию фразеологических словарей для школьников, которая составляется на филологическом факультете СПбГУ. Одним из главных принципов формирования словника и определения структуры словаря стала его ориентированность на адресата: учащихся русских школ, колледжей, учителей среднего образования. Для отбора крылатых слов авторы ориентировались на результаты экспериментального анкетирования школьников старших классов и студентов из разных регионов России.

Ключевые слова: русистика, фразеология, крылатика, фразеология языка писателей, крылатые слова.

Zykova E. I.

Candidate of Philology, Associate Professor

Saint Petersburg State University

THE SPECIFICITY OF THE LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION OF THE RUSSIAN WINGED WORDS (from the experience of compiling the “Great School Dictionary of the Russian winged words”)

Abstract. The article is a complete description of the basic principles of the “School Dictionary of the winged words of the Russian language”, which is part of a series of phraseological dictionaries for schoolchildren, which is compiled at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University. One of the main principles of forming the vocabulary and determining the structure of the vocabulary has become its focus on the addressee: students of Russian schools, colleges, teachers of sec-

ondary education. To select winged words, the authors relied on the results of an experimental survey of senior schoolchildren and students from different regions of Russia.

Keywords: Russian studies, phraseology, winged words, phraseology of the language of writers, winged words.

История лексикографической обработки крылатых слов (далее КС) достаточно хорошо известна. Жанр словарей крылатых слов уже более ста лет популярен в России. Достаточно вспомнить словарь М. И. Михельсона [РМР], справочник «Крылатые слова» С. В. Максимова [КС], словари Н. С. и М. Г. Ашукиных [КСЛЦ], В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой [БСКС], С. Г. Шулежковой [СКВИ].

В русской лексикографической практике описания крылатых слов прочно закрепился алфавитный принцип расположения материала, начиная со «Словаря крылатых слов» Ашукиных [КСЛЦ]. Такой же принцип положен в основу «Большого словаря крылатых слов» [БСКС], «Словаря крылатых выражений из области искусства» [СКВИ], «Словаря живых крылатых выражений русского языка» Ю. П. Князева [СЖКВ], а также и в структуру двуязычных словарей: украинско-русского словаря крылатых слов [НРУР] и польско-русского [RPS].

Во фразеологическом семинаре под руководством профессора В. М. Мокиенко Санкт-Петербургского государственного университета был разработан принцип лексикографического описания крылатых слов по стержневому слову. Стержневой подход позволяет более компактно описывать ассоциативные гнезда крылатых слов, что позволяет не дублировать лексические и историко-этимологические комментарии в разных местах словаря. Данный структурный метод был апробирован в Больших словарях пословиц, поговорок и устойчивых сравнений [БСРПос; БСРПог.], а также в кратком словаре-справочнике крылатых слов, который вышел в серии «Давайте говорить правильно» [КССРЯ].

Представляемый проект «Школьного словаря крылатых слов русского языка», с одной стороны, продолжает традиции лексикографирования крылатых слов, а с другой – серию фразеологических словарей для школьников, которая составляется фразеологической группой В. М. Мокиенко. Так, например, уже два издания выдержал «Школьный словарь живых русских пословиц» [ШСЖРП].

С другой стороны, авторы представляемого проекта В. М. Мокиенко, Е. И. Зыкова и О. В. Ломакина положили в основу структуры «Школьного словаря» принцип расположения материала по источнику крылатых слов, что позволило сформировать 4 больших раздела: античные КС, библеизмы, фольклоризмы и крылатые слова и выражения, источниками которых стала художественная литература.

При отборе материала мы под крылатыми словами и выражениями понимали образно-экспрессивные лексические, фразеологические и афористические единицы разного структурного типа, вошедшие в язык из определенных литературных, исторических, культурологических источников [ШСЖРП, с. 15].

Как и в словаре серии «Давайте говорить правильно!», в данном проекте представлены все основные разновидности КС:

- собственно КС (*Отелло, Обломов, Кащей, Квзимодо, Нарцисс*);
- КС-идиомы (*камень преткновения, авгиевы конюшни*);
- КС-пословицы (*Кто не с нами, тот против нас*);
- КС афористического характера (*Привычка – вторая натура. Природа не терпит пустоты*);
- КС-цитаты, литературные сентенции (*Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь*).

Главным принципом формирования словника и определения структуры словаря стала его ориентированность на адресата: учащихся русских школ, колледжей, учителей среднего образования. Этим обстоятельством объясняется и тот факт, что последний раздел – КС из художественной литературы – является самым многочисленным, так как словник включает в себя крылатые слова из произведений, входящих в программу общеобразовательной средней школы РФ и прежде всего в курс русской литературы.

По этой причине раздел литературных цитат подразделен на 5 подразделов: КВ из древнерусской литературы, из русской литературы XVIII века, XIX и XX веков, а также КС из произведений зарубежной литературы.

Статистика распределения крылатых слов по разделам и подразделам выглядит следующим образом:

1. Литературные цитаты:

- из древнерусской литературы – 4 единицы;
- из русской литературы XVIII века – 28 единиц;
- из русской литературы XIX века – 644 единицы;
- из русской литературы XX века – 293 единицы;
- из зарубежной литературы – 198 единиц.

2. Античные крылатые слова – 217 единиц.

3. Библейзмы – 213 единиц.

4. Фольклорные крылатые слова – 62 единицы.

Таким образом, в настоящее время корпус словаря насчитывает более 1600 единиц.

Внутри каждого из подразделов выделены гнезда авторов литературных произведений, ставших источниками КС, а библейские, фольклорные и античные КС расположены одним списком, но по стержневому принципу.

Данный принцип структуры словаря предполагается разумным, учитывая его конкретного адресата – школьников. Он должен облегчить школьникам поиск нужного выражения, сконцентрированно предоставить информацию о культурном наследии изучаемого писателя, коими, несомненно, являются крылатые слова и выражения, а также расширить знания молодого поколения в области изучения языка писателя, с творчеством которого они знакомятся на уроках литературы.

В связи с этим список авторов – источников КС определялся строго в соответствии с Государственным стандартом по русской литературе для среднего образования РФ. В результате в словарь включены 93 автора.

Самым цитируемым в России автором является А. С. Пушкин, поэтому в нашем словаре он занимает первое место по количеству включенных в него цитат – 217 единиц. Это лишь малая толика по сравнению с 3000 пушкинскими цитатами, входящими в «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина».

Второе место по количеству представленных КВ в ряду писателей занимают А. С. Грибоедов – 75 выражений и В. В. Маяковский – 73 выражения, затем Н. В. Гоголь – 67 единиц, И. Ильф и Е. Петров – 47, И. А. Крылов – 46, В. Шекспир – 32 КВ.

Еще одним принципом формирования словника был принцип частотности, то есть в словарь включены не только единицы, которые восходят к произведениям, изучаемым в средней школе, но и наиболее активно употребляющиеся крылатые слова и выражения. Поэтому одним из важных критериев отбора КС в словник было количество их употреблений как в языке художественной литературы, так и в языке СМИ, о чем наглядно свидетельствуют контекстные иллюстрации, включенные в словарную статью.

Структура словарной статьи данного проекта такова: в вокабулу выведено стержневое слово, далее само крылатое слово, затем стилистическая помета, потом дефиниция и этимологический комментарий. Кроме того, в статью включены 5 контекстов из художественной литературы и современной публицистики, что продолжает серию Школьных словарей [ШСЖРП]

Отдельным знаком ** отмечены контексты с использованием КС в трансформированном виде.

Аналогично с предыдущими словарями указывается грамматическая характеристика КС, например, управление.

Для крылатых выражений, структура которых представляет собой словосочетание, в круглых скобках указаны лексические варианты. Например: *Благими (добрыми) намерениями ад вымощен, ни [одного] дня без строчки (черты, линии).*

Кроме того, выделяются и факультативные компоненты или части цитат, которые нередко опускаются при употреблении данного КВ, условно обозна-

ченные в квадратных скобках. Например: *Блажен, кто смолоду был молод* [блажен, кто вовремя созрел] или *Ешь ананасы, рябчиков жуй!* [день твой последний приходит, буржуй!].

В словаре используются два типа помет, которые уже были апробированы в вышеуказанных словарях крылатых слов. Это пометы из сферы функционирования данного выражения (*разг., прост., книжн., фольк., устар.*) и пометы эмоционально-экспрессивной окраски (*шутл., ирон., одобр., высок.*).

Вопрос о дефиниции КС достаточно сложен, что объясняется прежде всего их широким структурно-синтаксическим диапазоном: от отдельного слова до развернутой цитаты-афоризма. Типология дефиниций крылатых слов и выражений, представленная в данном проекте, была описана в предисловии к краткому словарю-справочнику крылатых слов из серии «Давайте говорить правильно» [КССРЯ, с. 16–18]. Она такова:

1. Толкование крылатых слов-лексем соотносится с толкованием лексики.

Например:

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК. Пренебр. О наивном, непрактичном, крайне доверчивом, но справедливом и сообразительном в случае необходимости человеке.

ЕХИДНА. Злой, язвительный и коварный человек.

ОБЛОМОВ. Неодобр. О ленивом, праздном и апатичном человеке.

2. Дефиниции крылатых выражений-словосочетаний фразеологического типа сопоставимы с толкованием разного рода фразеологизмов, например:

КРАСНОКОЖАЯ ПАСПОРТИНА. Публ. прост. О советском паспорте.

МОЛОТКАСТЫЙ, СЕРПАСТЫЙ СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ. Публ. Употребляется как образное описание паспорта гражданина СССР.

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ чего. Книжн. Большая и лучшая часть чего-л.

3. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз с афористическим обобщением и без него соизмеримы с толкованиями коммуникативных сочетаний, например:

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? Шутл. А было ли что-л., о чем говорят, что обсуждают? или с толкованиями афоризма, или *ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ... Одобр. или шутл. Употребляется как характеристика необыкновенности русских женщин.* или *МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ «ШИНЕЛИ».* Книжн. или публ. Употребляется как образное описание влияния Н. В. Гоголя на развитие русской литературы и преемственность этой традиции; расширительно – о преемственности литературной традиции вообще.

4. Дефиниции синтаксически законченных крылатых выражений с обобщенно паремиологическим значением соотносимы с толкованием пословиц, например: *КОГО БОГ (ЮПИТЕР) ХОЧЕТ ПОГУБИТЬ (НАКАЗАТЬ, ПОКАРАТЬ), ТОГО ОН ЛИШАЕТ РАЗУМА. Посл. книжн. Потеря рассудка – самое страшное наказание для человека;* или *НЕЛЬЗЯ ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ*

И ТУ ЖЕ РЕКУ (ВОДУ). Посл. книжн. Невозможно абсолютно точное и полное повторение чего-л.

5. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз вопросительного или восклицательного типа соотносятся с толкованием соответствующих фразеологических коммуникантов, например: *БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА! Обычно шутл.1. Выражение удивления при неожиданной встрече с людьми, которых не рассчитывал встретить. 2. Выражение удивления в случаях, когда обнаруживают, что работа, теория, идеи, аргументы и т. п., выдаваемые за новые, оказываются на самом деле старыми и хорошо известными.*

Основной частью словарной статьи является историко-этимологический комментарий об исходном источнике крылатого слова или выражения, их авторе. При этом для авторской цитаты указывается точно произведение и дата его написания, а в некоторых случаях, особенно для поэтических цитат, приводится авторский контекст-источник данного КВ, например: *КЛЯЧА ИСТОРИИ. Выражение из первой строфы стихотворения В. В. Маяковского «Левый марш» (1918):*

*Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой! Левой! Левой!*

Для некоторых единиц дается указание на исходную языковую принадлежность, при заимствовании – на языковой источник.

Например: *ИСТИНА В ВИНЕ. Книжн., часто шутл.-ирон. Цитируется также по-латыни: In vino veritas. Слова Плиния Старшего (Естественная история, 14, 28, 22).*

В некоторых случаях приводится развернутый комментарий с указанием всех вариантов вторичного цитирования КВ, например: *И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН. Посл. книжн., иногда ирон. Восходит к латинской пословице Et fumus patriae dulcis; Dulcis fumus patriae (букв. И дым отечества сладок; Дым отечества сладок). Аналогичные изречения встречаются в античной литературе – напр., в “Одиссее” Гомера: «...Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий...» (1, 56–58) или у Овидия (“Понтийские послания” (1, 3, 33): «...чтоб мог увидеть дым отечественного очага». В русском языке пословица появляется, видимо, в 70-е гг. XVIII в., когда в России увеличивается интерес к античности. Она приводится в разных вариациях Державиным (стихотворение “Арфа” – 1798), Вяземским, Батюшковым. Крылатой она стала в русском литературном языке благодаря употреблению в комедии “Горе от ума” А. С. Грибоедова (д. 1, явл. 7 – 1824).*

Одним из основных отличий данного словаря, кроме его явной ориентированности на адресата – школьников, является наличие контекстных иллюстраций, что позволяет создать достаточно полную картину реального функцио-

нирования крылатых слов и выражений в современном русском языке, показать их культурологический и коннотативный потенциал.

В словарную статью включены пять контекстов. Отдельным знаком ** отмечены контексты с использованием КС в трансформированном виде.

Источниками контекстов послужили произведения современной художественной литературы, материалы СМИ, в том числе и интернет-ресурсы.

Для расширения диапазона использования словаря в конце приводится список всех крылатых слов и выражений в алфавитном порядке, а также список авторов данных КВ.

Авторы надеются, что это поможет и учителю, и школьнику легче ориентироваться в «Школьном словаре крылатых слов».

Словари, справочники

1. КСЛЦ: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. – 4-е изд., доп. – М. : Худож. лит-ра, 1987. – 527 с.

2. БСКС: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов. – М. : Русские словари, 2000. – 624 с.

3. НРУР: Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи. Крылатые слова (материалы для словаря). В 4 т. – Киев : Компьютерпрес, 2001.

4. ШСЖРП: Ермолаева Ю. А., Зайнульдинов А. А., Кормилицына Т. В., Мокиенко В. М., Селиверстова Е. И., Якименко Н. Е. Школьный словарь живых русских пословиц / под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 352 с.

5. КССРЯ: Зыкова Е. И., Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке : краткий словарь-справочник. – СПб. : Филологич. фак-т СПбГУ, 2005. – 356 с

6. СЖКВ: Князев Ю. П. Словарь живых крылатых выражений русского языка. – М. : АСТ, 2010.

7. КС: Максимов С. В. Крылатые слова. – М. : Терра, 1995.

8. РМР: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. А – О. – СПб., 1902; т. 2. П – V. – СПб., 1903.

9. БСРПог.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : ОлмаМедиаГрупп, 2008. – 784 с.

10. БСРПос.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских пословиц. – М. : ОлмаМедиаГрупп, 2010. – 1024 с.

11. СКВИ: Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. – М. : Азбуковник, 2003. – 385 с.

12. RPS: Chlebda W., Mokienko V. M., Szuleżkowa S. G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych stów. – Łask, 2003. – 459 p.

УДК 811.161.1'373

Никитина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор
Псковский государственный университет
Россия, Псков

cambala2007@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна

доктор филологических наук, профессор
Псковский государственный университет
Россия, Псков

cambala2010@list.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА: ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ДЕТСКОМ СЛОВАРЕ

Аннотация. В статье рассмотрены приемы репрезентации этимологической версии и особенностей современного функционирования фразеологизма в адресованных дошкольнику и младшему школьнику словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета. Представлены возможности реализации принципа научной достоверности в занимательном фразеологическом тексте, разработанном с учетом особенностей детского мировосприятия. В качестве теоретико-методологической базы исследования представлена концепция семантического анализа фразеологизмов, метод историко-этимологического анализа и структурно-семантического моделирования. Приводятся образцы словарных статей.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, фразеологическая семантика, фразеомообразование, лексикография, детский фразеологический словарь, словарная статья, этимологическая парафраза, структурно-семантическая модель.

Nikitina T. G.

Doctor of Philological Sciences, Professor
Pskov State University

Rogaleva E. I.

Doctor of Philological Sciences, Professor
Pskov State University

THE ORIGIN AND FUNCTIONING OF PHRASEOLOGY: AN ENTERTAINING REPRESENTATION IN A CHILDREN'S DICTIONARY

Abstract. The article considers the methods of representation of the etymological version and the features of the modern functioning of phraseology in the dictionaries of the Experimental Laboratory of Educational Lexicography of Pskov State University addressed to preschoolers and younger schoolchildren. The possibilities of implementing the principle of scientific reliability in an enter-

taining phraseographic text developed taking into account the peculiarities of children's worldview are presented. The concept of semantic analysis of phraseological units, the method of historical and etymological analysis and structural and semantic modeling are presented as the theoretical and methodological basis of the study. Examples of dictionary entries are given.

Keywords: *phraseology, phraseological unit, phraseological semantics, formation of phraseological units, lexicography, children's phraseological dictionary, dictionary entry, etymological paraphrase, structural and semantic model.*

Теоретические положения функционально-семантической фразеологической концепции Алины Михайловны Мелерович и ее фразеографические идеи стали основополагающими при разработке учебных словарей лексикографами Псковского университета.

Фразеологические словари Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ адресованы разным категориям дошкольников, школьников и студентов, в том числе инофонам, и строятся с учетом фактора адресата на принципах доступности и в то же время – научной достоверности. Адаптируя для читателя научную этимологическую версию по специально разработанным моделям парафразирования [Рогалёва 2014, с. 132–214], мы, вслед за Алиной Михайловной Мелерович и Валерием Михайловичем Мокиенко, выбираем ту этимологическую историю, которая базируется на результатах структурно-семантического анализа материала и необоснованно не привязывает фразеологические единицы (ФЕ) к культурологически ценному фольклорному источнику. Так, фразеологами доказана несостоятельность этимологических версий, авторы которых возводят оборот *кот наплакал* к общеславянской легенде о хлебном колосе или песенному фольклору. В данном случае языковые факты обеспечивают этимологическую реконструкцию механизма оксюморона, который весьма продуктивен при фразеолообразовании в народной речи [Мелерович, Мокиенко 2008, с. 142–145]. В подтверждение интерпретации ФЕ *кот наплакал* как продукта народно-языковой фантазии приведем субстантивные реализации образного мотива плача животного (*кошкины слезы (слезки), куречьи слезы* [БСРП, с. 618]), используемые диалектоносителями для обозначения малого количества через признак невозможности или отсутствия чего-л. у определенного объекта (в рамках этой семантической модели О. В. Белова объединяет оборот *кот наплакал* и ФЕ *курачье вымя, свиные рожки*) [Мелерович, Мокиенко 2008, с. 144]. Расширяя «доказательную базу» оксюморонного происхождения оборота, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко рассматривают структурно-семантическую модель фразеологизмов, внутренняя логика которых отражает представление о незначительности или невозможности не только плача, но и некоторых других физиологических проявлений животных: *не баран (не кот) начихал, не коздушка начихала* [Мелерович, Мокиенко 2008, с. 144]. Ср. в псковских говорах: **Кот [больше] наплевал. Пск. Шутл.-ирон. Шутл.-ирон.**

То же, что **кот наплакал** [БСРП, с. 322]. Таким образом, делается вывод о вторичности фольклорного мотива в эволюции фразеологизма *кот наплакал*, «рожденного языковым народным юмором» [Мелерович, Мокиенко 2008, с. 146]. И если в историко-этимологическом справочнике, рассчитанном на взрослую аудиторию [СРФИЭС], может быть представлен обзор всех опубликованных этимологических версий ФЕ как информация к размышлению и материал для дальнейших исследований, то в словаре, адресованном детям, мы выбираем наиболее достоверную, научно обоснованную историю.

В случае с оборотом *кот наплакал* особенно важно показать связь образа ФЕ с реалиями окружающего мира, а не фольклорными героями.

Психологи и исследователи детской речи говорят о ребенке как об особом типе языковой личности с особым взглядом на мир и на свое место в нем, специфику языковой картины мира детей объясняют свойствами их мышления, своеобразием мироощущения и мировосприятия [Алимурадов, Блинова, Раздубев 2010, с. 6–7; Чеботарева 2019, с. 7–9]. В частности, отмечается «очеловеченность и одушевленность» восприятия мира ребенком от года до семи с половиной лет, что во многом определяется влиянием фольклора и детской литературы, где героями выступают неодушевленные предметы и персонифицированные животные [Попова 2018, с. 184].

В наглядно-образном типе мышления дошкольников и младших школьников кроется причина ошибочной буквализации фразеологизмов, столь частотной в детской речи [Рогалёва 2014, с. 40], например, в данном случае: «*А куда котик наплакал?*»; «*Котик плакал, котика обидели?*» (Записи 2021 г.). Буквальная приводит к ошибочной интерпретации фразеологического образа и некорректной самостоятельной семантизации ФЕ ребенком: *Денег – кот наплакал: котик плачет, слёзки капают на денежки* (Запись 2021 г.).

Тем не менее специфика детского мышления и мировосприятия позволяет использовать различные игровые приемы словарной репрезентации процесса фразеомобразования и функционирования ФЕ, которые мы представим на материале статьи «Кот наплакал» из детского словаря «Сами с усами» [СУС, с. 91–93].

Этимологическая парафраза, в занимательной форме представляющая здесь научную версию происхождения ФЕ, состоит из трех модулей. Первый из них перемещает ребенка из очеловеченной сказочно-фантастической действительности в реальный мир:

<...> *Слышишь, у нас тут кто-то плачет. Может, это кот из нашего фразеологизма? А вот и слёзы* (Рисунок падающих капель). *А это глаза, из которых катятся слёзы* (Рисунок глаз с капающими слезами). *Вроде, не похожи на кошачьи. А вот и те, кто плачет* (Фотографии плачущих детей). *Котов*

среди них нет, да и не может быть, потому что коты никогда не плачут <...>
[СУС, с. 92].

Следующий модуль в доступной для детей форме вводит естественнонаучную информацию о слезной жидкости, которую у животных, в том числе у кошек, вырабатывают специальные железы для смачивания глаз. Ребенок делает вывод, что плакать по-настоящему может только человек. И после такого восстановления реальной картины мира в заключительном модуле этимологической парафразы раскрывается механизм развития фразеологического значения: *Вот все и выяснилось: коты не плачут, как люди, а жидкости, которая похожа на слезы, но всего лишь смачивает и очищает их глаза, – совсем немного. Поэтому, о том, чего очень мало, в шутку говорят: кот наплакал* [СУС, с. 92].

Контексты употребления фразеологизма в следующей рубрике словарной статьи возвращают читателя-ребенка в его фантастический мир, и, овладевший этимологическим знанием, он безошибочно распознает фразеологизм, в ситуациях, участниками которых становятся его любимые герои: царевна Несмеяна выбирает самого смешного жениха – волос у него на голове – кот наплакал, но окрашены они в клубные цвета «Зенита»; дядька Черномор опечален: воинов у него осталось – кот наплакал – два человека, остальных богатырей-подводников перевели в десант и учат прыгать с парашютом. А Кот в сапогах, переквалифицировавшийся в бухгалтеры, оценивает ситуацию на фирме и употребляет фразеологизм во внутрифразовом конкретизирующем стихотворном контексте:

Сколько в миске молока? – Кот наплакал – два глотка.

Сколько кофе выпил шеф? – Кот наплакал – меньше всех.

Сколько выпил валерьянки? – Кот заметил – четверть банки. —

Значит, прибыль с февраля – кот наплакал – три рубля.< ... >

[СУС, с. 92–93].

Здесь на элементарных, прозрачных примерах ребенок видит реализацию инвариантного значения ФЕ применительно к системе речи, что в словарях для следующей возрастной категории [РНА; ППР] иллюстрируется и материалом фразеологических трансформаций, широко обсуждаемых фразеологами в связи с определением диалектики соотношения значения и речевого смысла ФЕ [Мелерович, Мокиенко 2008, с. 200–212].

При разработке дефиниций фразеологических единиц в детских словарях мы руководствуемся методикой А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [Мелерович, Мокиенко 2006] и, учитывая наличие или отсутствие изоморфизма значения и формы ФЕ, строим семантические определения, структурно изоморфные фразеологизмам или моделирующие их функции [Рогалёва 2014, с. 107–111]. А при этимологизации оборотов с изоморфизмом значения и формы использу-

ем прием членения фразеологического значения, опираясь на положения теории А. М. Мелерович об экспликации элементов семантики фразеологизма его компонентами [Мелерович 2004].

Так, в статье «Нести околесицу» (детский фразеологический словарь «Ума палата» [УП, с. 95–97]) ребенку, прочитавшему в справочной зоне словарной статьи заголовочный фразеологизм и его значение (‘говорить глупости, чепуху’), предлагается стать регулировщиком движения на дороге, ведущей к разгадке происхождения фразеологизма. Первым делом здесь устанавливаются знаки «Идут работы» и «Круговое движение» (даются рисунки), так что всем, кто хочет знать историю происхождения оборота, придется добираться вкруговую, но, как выясняется, это очень кстати: посылая машины в объезд, «регулировщики» узнают этимологию и основное, но уже устаревшее значение слова *околесица* – ‘окольная дорога’, а затем и переносное значение, которое сейчас тоже утратило актуальность, – ‘непрямой ответ на вопрос, разговор, уводящий от темы’. *Околесица* в современном значении (‘вздор, бессмыслица’) осмысляется в составе фразеологизма, как и компонент *нести* – экспрессивный глагол речи, когда на «этимологической дороге» в пробке скапливается большое количество одноструктурных синонимичных выражений: *говорить вздор, болтать ерунду, болтать чепуху, нести околесицу, нести чушь*. Выстраивая их в один ряд («разгружая дорогу»), читатель-«регулировщик» делает вывод: значение фразеологизма *нести околесицу* передается каждым из его компонентов и только усиливается в их объединении: *нести* – в разговорной речи – ‘говорить глупости, что-л. пустое’; *околесица* – также разговорное – ‘вздор, бессмыслица’.

Веселая игра «В околесицу», предлагаемая затем читателям, предполагает создание ими мотивирующего контекста, объясняющего название игры. Отвечая на вопрос ведущего заранее загаданным словом, ведущего дети невольно продуцируют шуточные речевые иллюстрации речевого действия, обозначаемого фразеологизмом *нести околесицу*: – *На чем ты сидишь?* – *На цветке* [СУС, с. 98].

Таким образом, осваивая русскую фразеологию по материалам занимательных словарей, дети не только получают культурно-исторические знания, связанные с происхождением ФЕ и знакомятся с ситуациями их употребления в современной речи. Материалы, разработанные с учетом достижений семантического анализа и структурно-семантического моделирования ФЕ, формируют у ребенка первичные представления о разных типах фразеологизмов по «семантической слитности компонентов», о варьировании фразеологизмов, о соотношении фразеологического значения и речевого смысла ФЕ.

Литература

1. Алимуратов О. А., Блинова Д. Е., Раздубов А. В. Фреймовое моделирование языковой картины мира, репрезентируемой в англоязычном детском дис-

курсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 6–13.

2. Мелерович А. М. О языковом статусе фразеологизмов, эксплицирующих элементы фразеологического значения // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. – Иваново : ИвГУ, 2004. – С. 103–107.

3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций // Слово – сознание – культура : сб. науч. тр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 211–228.

4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.

5. Попова А. Р. Метафорическая образность в речи ребенка дошкольного возраста // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2018. – № 189. – С. 178–188.

6. Рогалёва Е. И. Современная учебная фразеология: теория и практика. – Псков : Логос Плюс, 2014. – 344 с.

7. Чеботарева И. М. О соотношении персонификации и грамматической категории залога в детской речи // International Journal Of Professional Science: international scientific journal. – 2019. – № 1. – С. 6–10.

Словари, справочники

8. СРФИЭС: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

9. БСРП: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : Олма Медиа Групп, 2013. – 784 с.

10. ППР: Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками / сост. Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Русский язык : Курсы, 2021. – 136 с.

11. ФНР: Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г., Ая У. Фразеологизмы в нашей речи : учебный словарь с комментариями на эстонском языке. – Псков : Логос, 2013. – 178 с.

12. СУС: Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г. Сами с усами: веселый фразеологический словарь. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2017. – 192 с.

13. УП: Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г. Ума палата. Детский фразеологический словарь. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2020. – 160 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Рязановский Лев Михайлович

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург

РЕЦЕНЗИЯ

В. М. МОКИЕНКО, К. П. СИДОРЕНКО

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА ДИЛОГИИ ИЛЬИ ИЛЬФА И ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА

(«ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЁНОК»)

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

Санкт-Петербург

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена

2021

Ryazanovsky L. M.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

St. Petersburg State University

REVIEW

V. M. MOKIENKO, K. P. SIDORENKO

WINGED WORDS OF THE DILOGY OF ILYA ILF AND EVGENY PETROV

(“TWELVE CHAIRS” AND “GOLDEN CALF”)

DICTIONARY-REFERENCE.

Saint-Petersburg

Publishing House of A. I. Herzen

Russian State Pedagogical University

2021

Рецензируемый словарь-справочник представляет собой полное описание всего «крылатого», что разлетелось на цитаты из дилогии Ильфа и Петрова. Эти цитаты в виде слов и словосочетаний различной степени устойчивости нашли место в текстах самых разных жанров: публицистических, художественных, научных, научно-популярных, эпистолярных, мемуарных, а также в текстах периодической печати и интернета и не в последнюю очередь, в устной речи на радио и телевидении. «Текст дилогии реагирует на огромное количество обсу-

ждаемых вопросов, ситуаций, тем» (с. 3). Реакция читателей на текст и отражение её в словаре-справочнике с комментариями авторов сделали возможным увидеть в диалогии более тысячи крылатых выражений, подавляющее большинство которых не были зафиксированы в словарях крылатых слов и условно отнесены авторами к малоизвестным.

Но и «общеизвестные» крылатые цитаты часто обрастают вариантами. Возьмём словарную статью **ДЕЛО ПОМОЩИ УТОПАЮЩИМ – ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ**:¹ «Двенадцать стульев», гл. XXXIV. ...Гроссмейстера встретили рукоплесканиями. Небольшой клубный зал был увешан разноцветными флажками. Неделю назад состоялся вечер «Общества спасания на водах», о чём свидетельствовал также лозунг на стене: «**ДЕЛО ПОМОЩИ УТОПАЮЩИМ – ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ**». Лозунгу васюкинских шахматистов предшествует ряд параллельных высказываний К. Маркса, В. И. Ленина, Н. А. Семашко, В. В. Маяковского и др.» (с. 71).

Помимо наиболее известного варианта **СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ – ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ**, в статье мы видим следующие газетные заголовки: ***СПАСЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ – ДЕЛО РУК САМИХ БЕЖЕНЦЕВ** (1994 г.); ***ПОХОРОНЫ – ДЕЛО РУК САМИХ УМИРАЮЩИХ** (1994 г.); ***СПАСЕНИЕ ЗАМЕРЗАЮЩИХ – ДЕЛО РУК САМИХ ЗАМЕРЗАЮЩИХ** (1996 г.); ***СПАСЕНИЕ ВЗРЫВАЕМЫХ – ДЕЛО РУК САМИХ ВЗРЫВАЕМЫХ** (2003 г.). (Звёздочка перед цитатой обозначает в словаре изменение исходного выражения.) Есть более ранние варианты, например, **СПАСЕНИЕ ОЖИДАЮЩИХ...**» (1989 г.) – об очереди на покупку автомобиля (с. 72). Отметим, что образовавшаяся в результате частого употребления формула активно употребляется в устной речи, например, о **ЗАМЕРЗАЮЩИХ** в телевизионном ток-шоу 28 августа 2022 г. (тема – поставки газа в Европу).

Часто заголовочное крылатое выражение обобщает сразу несколько тем, ставших популярными. Рассмотрим описание в такого сборного сюжета в статье **ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА**:

«Золотой телёнок, гл. I–II. См. также СУХАРЕВСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

- Проходимцы, мошенники, самозванцы, выдающие себя родственниками известных людей.

Далее мы видим современные примеры подобных «детей» самых известных людей;

«Это ещё одна популярная тема. “АиФ” утверждает, что некто Кузаков является внебрачным сыном Сталина, так сказать, плодом его сожителства во время одной из сибирских ссылок с крестьянкой Марией Кузаковой. Мы не поленились и нашли домовую книгу Марии. Определили, что Сталин впервые по-

¹ Жирный крупный шрифт – заголовочное слово словарной статьи, крупный шрифт – крылатое выражение, курсив – цитата или пересказ сюжета из диалогии.

пал в место этой ссылки не раньше 1908 года, а Кузаков родился в 1907-м. И таких «ДЕТЕЙ ЛЕЙТЕАНТА ШМИДТА» немало. (И. Барамидзе. А для Евгения Джугашвили Сталин больше вождь, чем дедушка)» (Комсомольская правда. 9 декабря 1997) (с. 73–74).

О происхождении выражения даётся исчерпывающая информация: «Лейтенант Пётр Петрович Шмидт возглавил в 1905 году команду мятежного крейсера “Очаков”, был арестован и казнён. Его сын Евгений <...> во время восстания уже был пятнадцатилетним юношей. На него впоследствии пал отблеск революционной славы отца, хотя он и был никому не известен. Взять точных сведений о нём было неоткуда... чаще всего о нём писали именно как о «сыне лейтенанта Шмидта». Уже после казни лейтенанта на митингах различных партий стали появляться молодые люди, которые, назвавшись «сыном лейтенанта Шмидта», от имени погибшего за свободу отца призывали мстить... или оказывать посильную помощь революционерам <...>. Под сына лейтенанта Шмидта делались хорошие сборы... число «сыновей» и даже «дочерей Шмидта» всё увеличивалось» (с. 73).

Другие темы сюжета: **СУХАРЕВСКАЯ КОНВЕНЦИЯ:** «<...> “Сыновья” и “дочери” лейтенанта Шмидта подписали “сухаревскую конвенцию”» («в московском трактире у Сухаревой башни») ...В современном употреблении: «В практике политтехнологов есть такой приём – кандидат предлагает конкурентам заключить некое соглашение и неукоснительно его придерживаться. С лёгкой руки авторов “Золотого телёнка” я давно обозвал это дело “СУХАРЕВСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ”» (с. 231–232).

СЫН ЛЕЙТЕАНТА ШМИДТА: <...> «[Загол.] Я СЫН ЛЕЙТЕАНТА ШМИДТА! МОЙ ПАПА – ТУРЕЦКО-ПОДДАННЫЙ». Далее в тексте о мошеннике, выдававшем себя за сына вице-губернатора (с. 232).

ДОЧЬ ЛЕЙТЕАНТА ШМИДТА: «Золотой телёнок», гл. II. «Так или иначе, дело было упорядочено, после чего тридцать сыновей и четыре дочери лейтенанта Шмидта выехали в свои районы на работу». И современная цитата (2012 г.): «<...> И время от времени почти гомерически хохочет: “Иди скорей, ты посмотри на эту физиономию – “ДОЧЬ ЛЕЙТЕАНТА ШМИДТА”, вернее, претендентка на царственное родство”» (с. 78).

У ЛЕЙТЕАНТА БЫЛО ТРИ СЫНА, ДВА УМНЫХ, А ТРЕТИЙ ДУРАК: «Золотой телёнок, гл. 1. Бендер о пересечении в арбатском исполкоме «трёх сыновей лейтенанта Шмидта». Цитата даётся в комментарии исследователя романов Ильфа и Петрова, который соотносит фразу со сказочной формулой.

Тему «ДЕТЕЙ» поддерживают дети других ещё более известных людей: «В своих похождениях “ДЕТИ” ЛЕЙТЕАНТА ШМИДТА были далеко не одиноки... Выгоднее и безопаснее было выдавать себя за ВНУКОВ КАРЛА

МАРКСА, ПЛЕМЯННИКОВ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА, КУЗИН КЛАРЫ ЦЕТКИН» (с. 38–39). В романе ещё есть *братья Луначарского и на худой конец потомки знаменитого анархиста князя Кропоткина* (с. 39).

Среди очень разных по структуре и по статусу единиц мы видим пословицы и поговорки. Ср.:

КАК ПОЖЕЛАЕМ ТАК И СДЕЛАЕМ: «*Золотой телёнок*», гл. XXI. «*Митрич застраховал от огня всё своё движимое имущество ... На другой день застраховалась вся квартира <...> Пряхин принёс домой страховой полис <...> Это выходит, значит, государство навстречу идёт? – сказал он мрачно. – Оказывает жильцам помощь? Ну, спасибо! Теперь, значит, КАК ПОЖЕЛАЕМ, ТАК И СДЕЛАЕМ. <...> Дом был обречён. Он не мог не сгореть. И действительно в двенадцать часов ночи он запылал, подождённый сразу с шести концов*» (с. 104–105).

Далее приводятся четыре современных употребления. Вот одно из них: «[Загол.] Уроки «Вороньей слободки». [В тексте] Ильф-Петров – наша классика, а классика, как известно, имеет свойство сообщать нам ценную информацию о настоящем времени <...> Таков он, современный «кризис по-русски». Все говорят о кризисе – но реально, конкретно на себе его почти никто не чувствует; наоборот – большинство тайно или явно ожидает от кризиса неких личных дивидендов... Основная особенность момента – что большинство нынче так или иначе ощущают себя застрахованными от неприятностей. Как Никита Пряхин удовлетворённо бормочут про себя: «КАК ПОЖЕЛАЕМ, ТАК И СДЕЛАЕМ» (с. 104–105). Все примеры словарь объединяет сюжетом «В осмыслении “профилактического” поступка (опережение грозящей опасности и извлечение из этого пользы)» (с. 105).

К выражению даётся историко-этимологический комментарий: «Ещё один пример стилизованной фразеологии интонации, на этот раз простолюдина. <...> «КАК ПОЖЕЛАЕМ, ТАК И СДЕЛАЕМ» – фразеология, подслушанная в современной простонародно-мещанской речи, но, по-видимому, достаточно древняя по происхождению, ср.: «Сътворимъ ему, якоже хоцем [Повесть временных лет]; «Якоже помысли, такоже и сотвори» [Житие Феодосия Печерского] (с. 105).

Такой комментарий представлен и в других статьях, где фигурируют пословицы и поговорки. Ср.: **ИНОГДА ЯЙЦАМ ПРИХОДИТСЯ УЧИТЬ ЗАРВАВШУЮСЯ КУРИЦУ**

В тексте романа – о конфликте между Колей Калачовым и Воробьяниновым, в современном примере – «шутливая оценка победы молодого спортсмена над старшим по возрасту соперником» (с. 100). Комментарий: «Индивидуально-авторская трансформация старой русской пословицы **Яйца курицу не учат**. Переделки её также имеют старую историю – например, в языке XVIII века:

«И тако ныне яйце хочет быть мудрее кокоши» (с. 100–101). Ср. также статью **ЗОЛОТОЙ ТЕЛЁНОК**:

Сферы современного употребления: 1. Объяснение истоков названия: «это прямая ссылка на Ветхий Завет». 2. «О власти денег, корыстных интересах»: «Сегодняшняя Москва – огромный денежный мешок, здесь самые богатые лохи. Найти ЗОЛОТОГО ТЕЛЁНКА легче, чем на периферии, они самородками валяются под ногами». 3. «В обыгрывании: <...> но вот куда Макар с удовольствием гонял ТЕЛЯТ, и не простых, а ЗОЛОТЫХ, так это на юг. В Одессу <...> город из саги Ильфа и Петрова (тот, что у них в романе зовётся ЧЕРНОМОРСКОМ)» (с. 95).

Комментарий к выражению: «Выражение **золотой (златой) телец** во многих языках стало олицетворением денег, богатства, денег, золота. Оно восходит к библейскому рассказу о тельце из золота, которому евреи, странствуя в пустыне, поклонялись как Богу (Исход, 32). Замена старославянского, книжного слова **телец** на разговорное **телёнок** в названии романа И. Ильфа и Е. Петрова придаёт этому выражению ироническую двуплановость» (с. 95).

В словаре зафиксированы как крылатые также фразы на иностранных языках. Так, лозунг **ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКАЯ РУМЫНИЯ** Остап Бендер произнёс, «приветствуя румынских пограничников на румынском языке: **ТРАЯСКУ РОМАНИЯ МАРЕ!** и далее **ПОВТОРИЛ ПО-РУССКИ: ДА ЗДРАВСТВУЕ ВЕЛИКАЯ РУМЫНИЯ!**» (с. 242).

В современном употреблении встречаются следующие сюжеты: «как реакция на упоминание Румынии» (с. 66) или «в обыгрывании лозунга-приветствия». Здесь приведём два примера: «Белорус на самодельной лодке пытался уплыть из Украины в Южную Америку. В Румынии его задержали... **ТРАЯСКУ РОМАНИЯ МАРЕ**, почти Остап Бендер, тоже в Рио и тоже через Румынию (Наша Ніва. Першая беларуская газета, 7 июля 2016)». Или:

«28 июня и. о. президента Молдавии Михай Гимп, исполняя собственный указ от 24 июня, отметил День советской оккупации <...> Намного уместнее в данном контексте смотрелся бы лозунг, воспроизводящий восклицание Остапа Бендера «**ТРАЯСКУ РОМАНИЯ МАРЕ!**» ...Химерой «**ВЕЛИКОЙ РУМЫНИИ**» одержим Траян Бесеску, президент нынешней Румынии... (Новости СМІ2. **ТРАЯНСКИЙ конь**)» (с. 242).

Необходимо отметить также известные, в том числе благодаря фильмам, фразы, произнесённые просящим подавание Воробьяниновым, – французскую **ЖЕ НЕ МАНЖ ПА СИС ЖУР** и немецкую **ГЕБЕН ЗИ МИР БИТТЕ ЭТВАС КОПЕК АУФ ДЕМ ШТЮК БРОТ**, предполагаемый смысл которых – «я не ел шесть дней» (фр.) и «подайте мне, пожалуйста, немного копеек на кусок хлеба» (нем.). На самом деле получилось «я не ем шесть дней» и «дайте мне, пожалуйста, немного копеек на куске хлеба». В комментарии к словарной статье даются

правильные варианты: Je n ai pas mange six jours (вместо Je ne mange pas...) и Geben Sie mir bitte ein Paar Kopeken (вм. Etwas Kopek) zu (вм. auf) dem Stück Brot). Сейчас обе фразы употребляются в политическом контексте, например, о постоянных просьбах финансовой помощи (ирон.): «Как здорово научились произносить “ЖЕ НЕ МАНЖ ПА СИС ЖУР” и “ГЕБЕН ЗИ МИР БИТТЕ” на саммитах украинские властители! Наряду с “ДЕНГИ ДАВАЙ”, на пыльной кавказской дороге где-то недалеко от Сочи» (с. 54).

Другой пример о кандидате в депутаты, собирающем подписи: «[Загол.]: Как блогер-претендент Петрухин собирал подписи в очереди на границе. ...Здравствуйте... я баллотируюсь в депутаты парламента и собираю подписи... Сергей протягивает подписной листок. Реакция читателя сайта: “ГЕБЕН ЗИ МИР БИТТЕ ЭТВАС КОПЕК АУФ ДЕМ ШТЮК БРОТ”» (с. 54).

Имя главного героя дилогии формирует сразу несколько словарных статей:

ОСТАП БЕНДЕР; ОСТАПА ПОНЕСЛО; ОСТАПБЕНДЕРСТВО; ОСТАП ИБРГИМОВИЧ БЕНДЕР; ОСТАП-СУЛЕЙМАН-БЕРТА-МАРИЯ БЕНДЕРБЕЙ; БЕНДЕР-ЗАДУНАЙСКИЙ; ТУРЕЦКО-ПОДДАННЫЙ и др.

При этом в каждой статье даётся несколько современных цитат последних лет. Приведём одну из них. Это слова электронщика Анатолия Котова, создателя музея Остапа Бендера в Санкт-Петербурге: «“Создавать музей мне помогал дух ОСТАПА-СУЛЕЙМАНА-БЕРТА-МАРИЯ БЕНДЕРБЕЯ, – говорит удивительный человек Котов. – Теперь не я ищу вещи, вещи ищут меня!”. Узнав о музее, к нему потянулись с предметами быта 20–30-х годов граждане со всей Ленинградской области. Разросшийся музей стал называться Народным» (Московский комсомолец, 25 мая 2002 г.) (с. 167).

Авторы словаря объясняют происхождение имени и фамилии героя ассоциативной символикой (Остап – букв. перевод с греческого: «цветущий, плодородный» или «твердостоящий; твёрдый, стойкий, неизменный»). Следовательно, этимологически тот, кого так называли, должен быть уверен в своих силах, поступками его управляют мужество и внутренняя сила духа. Такие мужчины отличаются высокой самооценкой <...> Наиболее вероятное происхождение фамилии Остапа Бендера – от названия ближайшего к родине писателей города Бендеры, который по-румынски так и называется – Bender. Это предположение историка В. В. Худякова подкрепляется и тем, что у города Бендеры турецкое прошлое <...> Финал романа «Золотой телёнок» также подтверждает эту версию: Остап выбирает для перехода Румынию, реку Днестр, возле Тирасполя – а на другом берегу, с бывшей тогда румынской стороны, как раз и находятся Бендеры» (с. 165).

Помимо комментария к имени и фамилии Остапа Бендера (в сносках мелким шрифтом), внутри статей мы видим толкование его поступков. Например, в рассказе об Осипе Шоре, прототипе Остапа Бендера (статья **ПОЗВОЛЬТЕ**,

ТОВАРИЩ, У МЕНЯ ВСЕ ХОДЫ ЗАПИСАНЫ): «<...> Осип подрабатывает, где придётся, выдаёт себя за художника («ХОЧУ СПРОСИТЬ ВАС КАК ХУДОЖНИК ХУДОЖНИКА: ВЫ РИСОВАТЬ УМЕЕТЕ?»), гроссмейстера («ПОЗВОЛЬТЕ, ТОВАРИЩ, У МЕНЯ ВСЕ ХОДЫ ЗАПИСАНЫ»), женится на вдове из провинции («ЗНОЙНАЯ ЖЕНЩИНА, МЕЧТА ПОЭТА»). Все эти эпизоды, талантливо пересказанные, вошли в книги Ильфа и Петрова» (с. 187).

Необходимо также подчеркнуть, что высказывания главного героя без преувеличения составляют львиную долю всей крылатики дилогии. Ещё несколько примеров: **ЖИВИТЕ, ГРАЖДАНЕ! ТОЛЬКО, РАДИ СОЗДАТЕЛЯ, НЕ ИГРАЙТЕ В ШАХМАТЫ!** (с. 87). (В романе: «прощальные слова, которые Бендер произносит васюкинским шахматистам», сейчас: «в саркастической оценке бесплодных начинаний»); **ЖИВУ КАК БОГ ИЛИ КАК ПОЛУБОГ, ЧТО В КОНЦЕ КОНЦОВ ОДНО И ТО ЖЕ** (с. 87). (В дилогии: «Бендер в поезде похваляется перед студентами-попутчиками своим богатством», сейчас: «Шутл. Высказывание о разбогатевшем человеке»); **ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА, НЕВЗИРАЯ НА НЕДОЧЁТЫ** (с. 88). (В романе: «Ободряющие слова Бендера после гибели «Антилопы-Гну», сейчас: «как шутл. призыв любить жизнь»); **ЖИТЬ ТЕЛОМ НА ЗЕМЛЕ, А ДУШОЙ НА НЕБЕСАХ НЕВОЗМОЖНО** (с. 88). (В романе: «В рассказе Бендера о “гусаре-схимнике”», сейчас: «как один из «законов» Бендера»); **ЗА КАЖДЫЙ ВИТАМИН, КОТОРЫЙ Я ВАМ СКОРМЛЮ, Я ПОТРЕБУЮ ОТ ВАС МНОЖЕСТВО МЕЛКИХ УСЛУГ** (с. 89). (В романе: Бендер Балаганову, сейчас: «как требование соблюдать обязательства»); **ЖИТЬ В ПОШЛОЙ РОСКОШИ** (с. 88). (В романе: «“Предводитель команчей жил, однако, в пошлой роскоши”, – думал Остап (о бывшем особняке Воробьянинова)», сейчас: Ирон., в значении «получил по заслугам, оказался в заключении»).

Речь других героев также занимает значительное место в словарных статьях. См., например, выше высказывания Кисы Воробьянинова по-французски и по-немецки. Характерен интернет-вопрос в словарной статье **ЗАГРАНИЦА НАМ ПОМОЖЕТ?: БЕНДЕР или КИСА?** (с. 91). Прямой речи в романах довольно много, и естественным образом она попала во все фильмы, снятые по романам дилогии, и фильмы способствовали популяризации и распространению цитат из романов. Однако прямая речь – это только одна, хоть и существенная, часть крылатых слов, представленных в словаре. Очень точно о писательском мастерстве Ильфа и Петрова сказано в цитате из статьи **ЗАМОК, ПОКРЫТЫЙ НЕ ТО РЖАВЧИНОЙ, НЕ ТО ГРЕЧНЕВОЙ КАШЕЙ**: «“Двенадцать стульев” – было два по-своему изумительных фильма. Что, теперь не надо читать первоисточник? Тогда как переделать фразу НА ДВЕРЯХ СТОЛОВОЙ “БЫВШИЙ ДРУГ ЖЕЛУДКА” ВИСЕЛ БОЛЬШОЙ ЗАМОК, ПОКРЫТЫЙ НЕ ТО РЖАВЧИНОЙ, НЕ ТО ГРЕЧНЕВОЙ КАШЕЙ» (с. 91–92).

Ещё одна цитата: «ЭТАЖИ БЫЛИ УКРАШЕНЫ ПОБИТЫМИ ЛЬВИНЫМИ МОРДАМИ, НЕОБЫКНОВЕННО ПОХОЖИМИ НА ПИСАТЕЛЯ АРЦЫБАШЕВА, АРЦЫБАШЕВСКИХ ЛИКОВ БЫЛО РОВНО ВОСЕМЬ, ПО ЧИСЛУ ОКОН, ВЫХОДЯЩИХ В ПЕРЕУЛОК, И ПОМЕЩАЛИСЬ ЭТИ ЛЬВИНЫЕ ХАРИ В ОКОННЫХ КЛЮЧАХ». В реакции читателей: «Не знаю, как выглядел Арцыбашев, а ЛЬВИНЫЕ МОРДЫ и доселе удивляют современников» (с. 182).

Среди интертекстовых единиц Ильфа и Петрова есть редкие и уникальные. К таким, видимо, можно отнести слова дворника в адрес слесаря-интеллекта Полесова («Двенадцать стульев», гл. X): **ГАДЮКА СЕМИБАТЮШНАЯ! СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕЕТ.** В этой словарной статье, как и в ряде других, есть два вида комментария к выражению **ГАДЮКА СЕМИБАТЮШНАЯ** – авторов словаря по компонентам (ругательства **гадюка**, **гадина**, **гад** и **семибатеchnый** – пригульный, незаконный, небрачный сын) и читателей – например, «**ГАДЮКА СЕМИБАТЮШНАЯ**», «гадючье кубло», «клубок шипящих гадюк» – эти и другие похожие народные эпитеты берут своё начало от процесса спаривания змей. Но только не гадюк, а ужей. Одна мама, а кандидатов в папы много» (с. 51–52).

Мы привели лишь несколько примеров кодификации материала в словаре-справочнике крылатых слов Ильфа и Петрова, собранных, кстати, тоже двумя авторами, уже создавшими словари русских классиков А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова. 1040 словарных статей – это результат обработки огромного материала, который и обеспечил «крылатость» приводимых текстов. Несмотря на структурно-семантическое разнообразие словарных единиц, авторы с помощью малого количества средств приводят их к общему знаменателю. Содержание книги выходит далеко за рамки словаря-справочника. Эта книга пронизана энергетикой не только оригинала – самих крылатых выражений, но и современных текстов внутри словарных статей, содержащих и юмор, и неравнодушие, и массу эмоций.

Полнота количества единиц, отмеченная выше, является относительной, особенно то, что связано со средствами массовой информации. Приведём потенциальную единицу, которая не вошла в словарь: «Ну о чём говорить...**Сноуден это голова!** ...Что вы скажете насчёт Сноудена? <...> Я скажу вам откровенно <...>: “**Сноудену пальца в рот не клади. Я лично свой палец не положил бы**” <...> Нимало не смущаясь тем, что Сноуден ни за что на свете не позволил бы лезть пальцем в свой рот» (Золотой телёнок, гл. XXIII). В то же время мы видим словарные статьи **ГАНДИ – ЭТО ГОЛОВА** (с. 108); **ПИКЕЙНЫЕ ЖИЛЕТЫ** (с. 178); **ЧЕМБЕРЛЕН – ЭТО ГОЛОВА** (с. 264).

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что книга будет неотъемлемой частью диалогии, а в последующих изданиях количество крылатых выражений будет ещё больше.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, Abakumova-ob@mail.ru

Абрамова Вероника Игоревна – кандидат филологических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, istinijobraz@mail.ru

Аль-Идриси Мохаммед Салех Абдуллах Халед – аспирант Кубанского государственного технологического университета, mohammed734488@mail.ru

Архангельская Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, archangelju@yandex.ru

Бакина Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, Heartanna@yandex.ru

Богатырева Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, katyabogatyreva@mail.ru

Богданова Александра Арсеновна – Санкт-Петербург, 89106953070@mail.ru

Варнаева Анна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент Смоленского государственного университета, anna6772@mail.ru

Васильева Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, barcarola@list.ru

Воронцова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, vorontsova73@mail.ru

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, elena-generalova@yandex.ru

Гордиенко Ольга Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета, gordienko-olga@yandex.ru

Гришанова Валентина Никитична – кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, grishanowav@yandex.ru

Декатова Кристина Ивановна – доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, dekatovaki@mail.ru

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, dehtiaryova@rambler.ru

Дубова Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета, dubova.m2018@yandex.ru

Золотых Лидия Глебовна – доктор филологических наук, профессор Сычуаньского университета (Китай, Чэнду), zolotyhlg@yandex.ru

Зыкова Елена Игоревна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, ezykova@mail.ru

Карташкова Фаина Иосифовна – доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета, kartashkova@rambler.ru

Ковшова Мария Львовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, kovshova_maria@list.ru

Колобова Екатерина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета, katrink44@mail.ru

Контанистова Анна Игоревна – старший преподаватель Московского государственного университета им. О. Е. Кутафина, a-kontanistova@yandex.ru

Королькова Анжелика Викторовна – доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, lika.korolkova@bk.ru

Космачева Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева, olga_ast@list.ru

Кочкина Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент Смоленского государственного университета, kochkinayl@gmail.com

Кудрявцева Елена Владимировна – старший преподаватель Костромского государственного университета, lengoreva@yandex.ru

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, irinak47@yandex.ru

Лушникова Ирина Ивановна – преподаватель Российского университета дружбы народов, i.i.lushnikova@mail.ru

Лызлов Алексей Игоревич – доктор филологических наук, старший преподаватель Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Смоленск), aleksej-lyzlov@yandex.ru

Максимчук Нина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор Смоленского государственного университета, nmaximchuk@yandex.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, mokienko40@mail.ru

Недельчо Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета, elenanelcho@mail.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Псковского государственного университета, cambala2007@yandex.ru

Огольцева Екатерина Васильевна – доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, tertiumcomp@mail.ru

Павлова Алла Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета, alla0826@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор Псковского государственного университета, cambala2010@list.ru

Рябцева Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, преподаватель Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ekaterinakogan@yandex.ru

Рязановский Лев Михайлович – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, rjasanowski@mail.ru

Савченко Александр Викторович – кандидат филологических наук, ассистент-профессор Государственного университета Чжэнчжи (Тайвань, Тайбэй), savchenko75@mail.ru

Синельникова Лара Николаевна – доктор филологических наук, профессор Луганского государственного педагогического университета, Prof.sinelnikova@gmail.com

Токарев Григорий Валериевич – доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, grig72@mail.ru

Третьякова Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета, trirfr@mail.ru

Урманчеева Ирина Серафимовна – кандидат филологических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, isurman@rambler.ru

Учайкина Елена Викторовна – преподаватель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, elenauchaykina@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор Владимирского государственного университета, fedulenkova@list.ru

Фокина Мадина Александровна – доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета, madi.fokina@mail.ru

Хабарова Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, maria.khabarova21@mail.ru

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, chmelevskij@mail.ru

Хуснутдинов Арсен Александрович – доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета, arsen1418@mail.ru

Юсупова Юлия Шерзодовна – аспирант Кубанского государственного технологического университета, yusupova.kubstu@mail.ru

Шохра Мохаммед – аспирант Костромского государственного университета, med.chohra02@gmail.com

Якимов Александр Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета, aleyakim@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о юбиляре	5
Якимов А. Е.	
О научном наследии профессора Алины Михайловны Мелерович	5
Мокиенко В. М.	
<i>Излияние души</i> : библеизм, ставший смыслом художественного текста	13
Поздравления и благодарности	25
Лексика и фразеология в аспектах когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, социолингвистики, этнолингвистики	31
Варнаева А. Е.	
Фразеологизмы как самобытное средство формирования языковой картины мира	31
Карташкова Ф. И.	
Фразеологизмы английского языка, концептуализирующие эмоции человека (на материале пьес Шекспира)	37
Колобова Е. А.	
Особенности функционирования фразеологизма <i>боевое крещение</i>	43
Кудрявцева Е. В.	
Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом <i>лошадь</i> в русском и английском языках	50
Лызлов А. И.	
Концепт «Волк» в английской и немецкой паремической сферах: черты сходства	54
Павлова А. Э.	
Фразеологизм <i>земной шар</i> как средство репрезентации концепта «Пространство» в поэтическом дискурсе XX–XXI веков (на материале русской рок-поэзии)	60
Токарев Г. В.	
Ключевые знаки региональной культуры, образованные на базе урбанонимов	66
Третьякова И. Ю.	
Трансформационная активность фразеологизмов с компонентом-соматизмом <i>язык</i>	70
Учайкина Е. В.	
Образная парадигма <i>университет – гнездо</i> и её частные семантические реализации в текстах воспоминаний	82

Семантическая и грамматическая структура, образность, внутренняя форма фразеологических единиц в синхронии и диахронии.....	88
<i>Абакумова О. Б.</i>	
Логико-структурные, семантические и прагматические особенности русских и английских пословиц о счастье.....	88
<i>Богатырева Е. Н.</i>	
Семантическая структура фразеологических единиц с компонентом <i>give</i> в английском языке	97
<i>Генералова Е. В.</i>	
Устойчивые сочетания со словом «имя» в истории русского языка: семантический анализ.....	102
<i>Декатова К. И.</i>	
Устаревшие фразеологизмы русской политической фраземики.....	108
<i>Дубова М. Е.</i>	
Роль межъязыковых фразеологических коррелятов в репрезентации языковой картины мира.....	117
<i>Контанистова А. И.</i>	
О внутренней форме фразеологических единиц – терминов современного делового английского языка	120
<i>Огольцева Е. В.</i>	
Худоба человека в русской компаративной фразеологии: к проблеме синонимии устойчивых сравнений	125
<i>Урманчеева И. С.</i>	
Компонентный состав и этимологический образ вариантных фразеологических единиц в говорах Низовой Печоры.....	136
<i>Федуленкова Т. Н., Контанистова А. И.</i>	
Прилагательное в деловой фразеологии: к постановке проблемы (на материале современного английского языка).....	144
Лексика и фразеология, паремии и крылатые единицы в художественном, публицистическом, научном, народно-разговорном дискурсах	149
<i>Абрамова В. И., Архангельская Ю. В.</i>	
Китай и китайцы в фольклоре и устойчивых единицах Рунета	149
<i>Васильева О. В.</i>	
Общерусская и диалектная фразеология в псковских говорах	159
<i>Воронцова Ю. А.</i>	
Фразеологические единицы в интернет-комментарии.....	165

Гордиенко О. А., Юсупова Ю. Ш., Аль-Идриси Мохаммед Салех Абдуллах Халед	
Общенаучная лексика как контент лингводидактического дискурса в формате хакатона.....	175
Гришанова В. Н.	
Фразеологизмы с компонентом-антропонимом в говоре одного села	183
Дехтярева Е. В.	
О некоторых функциях диалектных фразеологизмов в художественных текстах.....	188
Золотых Л. Г., Космачёва О. Ю.	
Соматическая энергетика фразеологических единиц в поэтическом тексте Серебряного века	194
Королькова А. В.	
Афористика Бориса Пастернака	203
Кочкина Ю. Л.	
Изучение названий религиозных праздников и праздничных дней в смоленском диалекте	211
Недельчо Е. В.	
Фразеологические средства создания комического в одностишиях Н. Резник.....	216
Рябцева Е. С.	
Дискурс диалектоносителей как источник информации о фразеологии	222
Синельникова Л. Н.	
Дискурсивная мотивированность мифологических фразеологизмов в стихотворных текстах	231
Фокина М. А., Шохра Мохаммед	
Фразеологический состав семантического поля «Власть» в повествовательном дискурсе Владимира Максимова	238
Хабарова М. С.	
Лексика и фразеология научного стиля речи на занятиях по русскому языку как иностранному	244
Хуснутдинов А. А., Богданова А. А.	
Из наблюдений над соотношением лексических и фразеологических единиц, связанных деривационными отношениями.....	248
Общая и славянская лексикология, фразеология, паремиология и крылатология	260
Бакина А. Д.	
Библейская фразеология в аспекте узувального и окказионального варьирования	260

Ковшова М. Л.			
Русские загадки с компонентом-антропонимом: варианты, вариации или автономные загадки?			265
Кузнецова И. В.			
К вопросу об универсальности паремиологических единиц разных народов			275
Лушниковая И. И.			
Лингвокультурологический подход в исследовании национально-культурной специфики фразеологизмов.....			280
Максимчук Н. А.			
Об информативности фразеологического компонента Словаря смоленских говоров и возможностях её расширения			285
Савченко А. В., Хмелевский М. С.			
О междометных приветствиях в славянских языках.....			292
Лексикография. Фразеография. Паремнография. Крылатография			301
Зыкова Е. И.			
Специфика лексикографического описания крылатых слов русского языка (из опыта составления «Большого школьного словаря крылатых слов русского языка»).....			301
Никитина Т. Г., Роголёва Е. И.			
Происхождение и функционирование фразеологизма: занимательная репрезентация в детском словаре			308
Лингвистические обзоры			314
Рязановский Л. М.			
Рецензия. В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» Словарь-справочник.....			314
Сведения об авторах			322

Научное издание

**СЛОВО – ФРАЗЕОЛОГИЗМ – ДИСКУРС:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

Сборник статей, посвящённый 85-летию со дня рождения
заслуженного работника высшей школы, доктора филологических наук,
профессора Костромского государственного университета
Алины Михайловны Мелерович

Составители:

Третьякова Ирина Юрьевна
Фокина Мадина Александровна

Под редакцией И. Ю. Третьяковой, М. А. Фокиной

16+

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 17.05.2023. 2,91 МБ. [П. л. 20,75].
Заказ 104. Электронное издание. Тираж 500.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел. 49-80-84, e-mail: ipo@ksu.edu.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание